

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Ю.А. СЯКОВ

Сражения на внешнем фронте
блокады Ленинграда

Ю.А. СЯКОВ

**ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Посвящается
60-летию победы
в Великой Отечественной войне*

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ,
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Ю.А. СЯКОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Сражения на внешнем фронте
блокады Ленинграда

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

ББК 63.3+66.3
С99

Рецензенты
доктор исторических наук, профессор
Е. П. Алексеев;
доктор исторических наук, профессор
Н. В. Таростенков

ISBN 5-7320-0784-9

© Ю.А. Сяков, 2004
© ИВЭСЭП, 2004

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Самые яркие впечатления детства, которые остались в моей памяти, это рассказы бывших фронтовиков. Часто в большой коммунальной квартире нашего старенького двухэтажного дома собирались друзья отца. Все работали на железной дороге и хорошо знали друг друга. По поводу или просто так они приходили к нам, чтобы, позванивая гранеными стаканами, отдохнуть за столом в задухавшем мужском разговоре, выпить, как говорили, наркомовскую норму, вспомнить былое, поговорить о будущем. Ржаной хлеб, квашеная капуста и соленые огурцы, картошка в «мундире» с постным маслом – вот и все разносолы. Жили тогда, в начале шестидесятых, бедно, день Победы, как сегодня, официально широко не праздновали, но войну помнили в каждой семье. Она моровым поветрием прокатила по судьбам, оставив глубокие раны в сердцах и душах людей военного поколения.

Во время товарищеских застолий я осторожно пробирался на кухню, чтобы не выгнали, устраивался в уголке за старым буфетом и слушал, слушал, слушал... Рядом с отцом сидели настоящие герои, отважные воины, которые победили фашистов, подняли красное знамя Победы над поверженным Берлином. У каждого было с десяток боевых наград, несколько ранений и много ярких впечатлений о военных годах, проведенных в окопах, атаках, жесткой обороне и госпиталях. Они любили петь «Волховскую застольную», которую считали настоящей фронтовой песней, и пили за тех, «кто командовал ротами, кто умирал на снегу, кто в Ленинград пробирался болотами, горло ломая врагу». У Николая Ивановича Кузнецова, дяди Коли, были прострелены обе щеки. Когда поднимались в атаку, чтобы побороть страх перед «пулеметной пургой», бойцы кричали «Ура-а-а!». Увидев, что некоторые из его товарищей не могут поднять головы под огнем немцев, сержант Кузнецов устремился вперед, призывая их за собой. Пуля попала ему в щеку, опалила раскрытый в крике рот и вышла через другую щеку. Дальше к немецким окопам он бежал молча, глотая кровь. Ротный фельдшер дал ему

спирта прополоскать рот и успокоить душу. На этом все лечение и закончилось. А памятка о том бое осталась – две небольшие ямочки, которые совершенно не портили доброе лицо дяди Коли.

Другой друг отца, Георгий Кириллович Осипов, воевал в знаменитом гвардейском корпусе генерала Симоняка. В январе 1944 г. на Пулковских высотах, перед атакой на укрепленные позиции немцев, стрелка Осипова ранило в ногу. Осколок снаряда порвал валенок и впился в голень. Георгий Кириллович выковырял его ножом, наскоро перевязал рану и, прихрамывая, побежал вместе со всеми вперед. Боялся отстать. Взводный обещал лично надавать по шее каждому, кто замешкается во время броска к укрепленным немецким позициям. От порыва зависел успех боя. За спиной был Ленинград, и отставание в бою расценивалась товарищами как трусость. Позор был хуже вражеской пули. В этом бою Георгий Осипов гранатами подавил две огневые точки, в рукопашной схватке убил немецкого офицера. Уже вечером он свалился без сил, не чувствуя ноги. В госпитале рядовому стрелку Осипову вручили орден Славы третьей степени. А взводный погиб в начале боя, когда атакующие цепи ворвались в первую вражескую траншею.

Часто присоединялся к отцовской компании и Павел Павлович Патрикеев. На войне он был связистом. Однажды во время боя дядя Паша заснул в воронке, выполняя очередное задание командира. До этого он не смыкал глаз несколько суток, обеспечивая связь роты с командиром батальона. Связист соединил разорванные провода и решил переждать артналет противника. Под разрывы снарядов и заснул. Немцы пошли в контратаку и потеснили советскую часть с занимаемых позиций. Короче говоря, рядовой Патрикеев проснулся в тылу у врага. Немцы подумали, что он убит, поэтому не стали выяснять, кто там валяется на дне воронки. Двое суток пролежал связист рядом с немецкой пулеметной точкой, не зная как пробраться к своим. Потом пришлось долго оправдываться перед командиром, что не сдавался в плен к немцам. Спасло то, что в нужный момент он бросил гранату в немецкий пулемет и тем самым спас жизни многих своих товарищей. Но строгий особист из «Смерша» упорно «шил» ему дело, пытаясь доказать, что рядовой Патрикеев добровольно остался в тылу врага. Только когда дядя Паша в составе штурмовой группы одним из первых ворвался на хорошо укрепленную немцами высоту и вместе с другими отбил восемь контратак противника, от него отвязались. Вместо обещанного ордена Патрикеев получил медаль «За отвагу».

Моему отцу, как он считал, не повезло – на фронт не попал. Весной 1943 г. в семнадцать лет он вместе со своими сверстниками пришел в военкомат и попросился в армию добровольцем. Товарищи

в составе маршевой роты были отправлены на Курскую дугу и все погибли в первый же месяц. А отца, как закончившего семилетку, послали учиться на ускоренные артиллерийские курсы. Так он стал сержантом и зенитчиком. Вместо фронта оказался на границе с Турцией, откуда снимали кадровые части и отправляли в действующую армию. Вместо них южные рубежи Родины ставили прикрывать вновь сформированные полки и батареи, в которых в основном служили не нюхавшие пороха мальчишки. Среди них оказался и мой отец. Он прослужил до 1953 г., потом демобилизовался и приехал на родину в город Волхов Ленинградской области.

Среди своих друзей-фронтовиков он был младшим по возрасту и армейскому опыту, поэтому во время застолий чаще слушал, чем говорил. Думаю, что втайне он завидовал своим старшим товарищам, что не удалось хлебнуть окопной жизни, прошагать дорогами войны до Германии, что у него нет боевых наград. Такие настроения отца в корне пресекал дед, которому хватило впечатлений о войне на всю оставшуюся жизнь от нескольких месяцев, проведенных в тылу врага в составе партизанского отряда железнодорожников. Этот отряд, выполнив задание, в районе Любани вышел навстречу наступающим частям 2-й ударной армии. Как говорят, попал из огня да в полымя. За плечами у деда осталась Долина смерти под Мясным Бором. И этим все сказано. Отряд железнодорожников успел проскочить узкую горловину, по которой снабжалась 2-я ударная армия. Вскоре немцы ее захлопнули и принялись методично уничтожать советские войска в любанских болотах. В окружении погибли десятки тысяч бойцов. Железнодорожникам приказали вернуться на свои рабочие места. Они должны были обеспечивать бесперебойную работу транспорта, чтобы фронт вовремя получал новые дивизии, оружие и боеприпасы. Работали под бомбами и постоянными артиллерийскими обстрелами. И это тоже был фронт.

С войны не вернулся мамин брат Константин. Его убили в Румынии. Маму в четырнадцать лет угнали в Германию, где она сначала попала в концлагерь, потом за одиннадцать марок была продана старому фермеру в Австрию и до конца войны ухаживала за его скотиной на ферме. По воскресеньям ей и другим русским девушкам разрешалось ходить в церковь. На рваной кофточке у каждой висела рабская нашивка с буквами «OST», значит – восточные, русские. Когда Восточный фронт немцев затрещал по швам и они стали откатываться к границам рейха, нашивку носили с гордостью, так как расшифровку латинских букв сделали свою – Остерегайтесь Советских Танков. После войны на маме много лет висело клеймо человека, который находился на оккупированной фашистами территории. В советское время до конца шестидесятых годов их считали людьми второго сорта, которым запрещалось работать на

оборонных заводах и стратегических объектах, в госучреждениях, жить в закрытых городах с научными центрами. Перечень запретов был достаточно большим. До сих пор в отделах кадров можно встретить старые анкеты с вопросом: «Находились ли на оккупированной территории во время войны?» Странно, но и мне, родившемуся после войны, не раз приходилось заполнять эту графу бюрократического вопросника.

Идут годы, но память о войне живет в каждой семье, в каждом из нас. В школах после некоторого перерыва вновь воссоздают небольшие музеи боевой славы, собирают документы и записывают рассказы ветеранов. Недавно мне в руки попало школьное сочинение. Дети, которые родились спустя сорок лет после Великой Отечественной войны, проникновенно, с большим чувством рассказывают о тех, кто из родных не вернулся с фронта. В их сердце тоже живет память, которую они сохранили, слушая рассказы бабушек и дедушек, разглядывая старые семейные фотографии. Вот небольшой отрывок из школьного сочинения: «Этот старенький цветастый сундучок бабушка Лида хранит до сих пор. Когда ей нездоровится и она не может хлопотать по дому, бабушка достает дорожную ей вещь и начинает вспоминать...

Коленка ушел на фронт в неполные восемнадцать лет. В сороковые годы жители деревень не имели паспортов и единственным документом, удостоверяющим их личность, было свидетельство о рождении. Эти затрепанные зелененькие книжечки на брата и сестру хранились в «деловом» сундучке бабушки Лиды наряду с другими важными документами. В июле 1941 г. свидетельство о рождении Пудычева Николая Петровича вдруг пропало. На двое суток пропал и сам Николай. Каким счастливым он вернулся из районного центра: комиссия райвоенкомата признала его годным к службе в армии. Он стал добровольцем. Врачи поверили, что парню уже исполнилось 18 лет и документ, подтверждающий возраст, утерян. На фронт из деревни ушли почти все мужчины. С фронта приходили коротенькие письма-треугольнички. Немцы все наступали и наступали. Русские солдаты оставляли наши города. В письмах, написанных в короткие часы между боями, Коля вспоминал родную деревню, березовый лес, богатый летом грибами и ягодами, красивую Ласточку – лошадь, на которой он работал в период сенокоса. Осень 1943 г. Давно от Коленки нет писем. Материнское сердце ждет беды. Лида видит слезы на глазах мамы, старается помочь ей по дому. Сама она работает на лесозаготовках. Девчонке, моей бабушке, в ту пору было всего четырнадцать лет. Она каждый день встречает почтальона и уже издалека видит, как тот разводит руками – опять ничего нет. Но вот оно – счастье! Долгожданный

треугольник в руках. «Родная моя! Не волнуйся. Я был легко ранен, находился на лечении в прифронтовом госпитале. Госпиталь много раз бомбили, написать не было возможности. Но теперь буду писать часто, так как направляюсь на дальнейшее лечение в тыл. Везут в Сибирь. Ты не волнуйся, мама, ничего страшного. Рана нагноилась, но врачи говорят – заживет. Береги себя. Привет отцу и Лиде!» К письму был приложен рисунок, на котором нарисована нога и отмечено место, куда попал осколок от снаряда. Первое время письма из Красноярска действительно приходили часто, а потом все реже и реже. А однажды пришло письмо, написанное незнакомой рукой. Писала медицинская сестра госпиталя: «Коля в тяжелом состоянии. Ранение осложнилось газовой гангреной, инфекцию не остановить, несмотря на ампутацию ноги». Это письмо было последним. Поздней осенью 1943 г. Коли не стало.

... Закончив рассказ о своем брате, бабушка молча плачет. Тихо плачу и я. Низкий поклон тебе, мой милый дедушка Коля». На военном мемориале в Красноярске, где упомянуты фамилии воинов, павших на полях сражений и умерших в госпиталях, Николай Петрович Пудычев не значится. Он остался в памяти девчущки, которая написала лучшее в своей жизни сочинение.

Каждое лето десятки поисковых отрядов в составе студентов, молодых рабочих, школьников отправляются на места боев, чтобы выполнить свой человеческий и гражданский долг – найти останки павших советских воинов и предать их земле с заслуженными почестями. Тысячи безымянных героев возвращаются из небытия и находят последнее пристанище в братских могилах на мемориалах в Мясном Бору и Спасской Полисти, на Синявинских высотах и Невском «пяточке». Мы знаем об этих героях еще так мало!

В моем архиве бережно сохраняется открытка, написанная 15 сентября 1941 г. на станции Волховстрой в эшелоне 23258 НЭШ. «Добрый день, мое милое семейство. Сообщаю, что я жив и здоров. До места назначения добрались благополучно. Подогнали вплотную туда, куда надо. Это недалеко от Ленинграда. Не представляется возможности дать вам мой адрес, так как мы все время в ходу. Скоро напишу. Ждите. Ваш Е. Торопов». Открытка была направлена в город Каменск-Уральский, где жила семья бойца. Больше от него не было вестей. Он погиб во время первой Синявинской наступательной операции по прорыву блокады Ленинграда 17 сентября 1941 г.

В тяжелой и кровавой битве за Ленинград, которая продолжалась 900 дней и ночей, на внешнем кольце блокады советские воины ежедневно совершали подвиги, пытались взломать оборону противника и сбросить вражеские оковы с колыбели революции. Коммунисты, уроженцы Кузбасса сержант Иван Герасименко, рядовые

Александр Красилов и Леонид Черемнов из 225-й стрелковой дивизии Волховского фронта задолго до Александра Матросова в одном бою все трое грудью закрыли амбразуры вражеских дзотов и спасли от верной гибели своих товарищей. Им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сотни тысяч советских воинов полегли в лесах и болотах, на торфяных полях южного Приладожья, по берегам реки Волхов, когда в едином порыве стремились к Ленинграду, чтобы освободить его от блокады. Многие из них значатся в официальных документах как пропавшие без вести. А тех, кто остался в живых, всю жизнь волновали вопросы: как могло случиться и кто виноват, что страна, армия в 1941 г. оказались не готовы к отражению вражеской агрессии? Спасая Родину, наш народ заплатил большой кровью за Победу. По мнению бывших воинов, фронтовиков, с которыми мне не раз приходилось встречаться, написанная в советское время история Великой Отечественной войны должна быть другой – более честной и правдивой, без идеологических подтасовок и редакторских купюр. Рассекреченные архивы, опубликованные документы военной поры, последние исследования историков дают основания другими глазами посмотреть на события того грозного времени. Лишь силой духа, воли и самопожертвования народа, его героизма удалось преодолеть смертельную опасность, нависшую над страной, отразить и разбить врага. За это было заплачено миллионами жизней. Помня завещание солдат Великой Отечественной, я старался на основании многочисленных документов, найденных в архивах, опубликованных в сборниках воспоминаний ветеранов, написать правду о малоизвестных страницах битвы за Ленинград, которая велась на внешнем фронте блокады с сентября 1941 по январь 1944 гг.

Говорят, что время – лучший лекарь. Боль притупляется и уже не воспринимается так остро, как в самом начале. Официальная советская пропаганда все сделала для того, чтобы стереть из памяти народа боль 1941 г., заретушировать трагедию блокадного Ленинграда, скрыть истину о причинах разгрома советских войск в Прибалтике, под Киевом и Вязьмой. Во всем обвинили командиров Красной Армии, которые не смогли организовать достойный отпор врагу, предателей и шпионов, избежавших показательных чисток в армейской среде. Многих из них в ходе боев «выявили» и расстреляли. Но положение на фронте от этого лучше не стало. Советские войска отступали повсюду. За шесть месяцев и девять дней 1941 г. безвозвратные и санитарные потери Красной Армии составили 4 млн 473 тыс. 820 человек¹. Из них 802 тыс. 200 человек были убиты, умерли от ран и болезней, погибли в результате происшествий. Пропали без вести и попали в плен 2 млн 335 тыс. 500 человек². К концу 1941 г. от кадровой армии, расположенной в западных приграничных районах, осталось не более 8 процентов. Надо понять горечь и недоумение сотен тысяч безымянных героев, которые бросались под немецкие танки с последней гранатой или бутылкой, наполненной «коктейлем Молотова», поднимались в штыковые атаки с неисправными отечественными винтовками выпуска 1917 г. и зарубежными «американен»³, из-за нехватки снарядов к орудиям закрывали своими телами амбразуры вражеских дзотов⁴.

Ушло из жизни целое поколение фронтовиков, участников войны, так и не узнав правды о самом драматическом и страшном периоде Великой Отечественной войны, когда страна реально оказалась на грани катастрофы.

Простые советские люди, став в один ряд защитников Родины, спасли страну от «коричневой чумы», отстаивали честь и независимость Родины, которая оказалась на краю гибели.

Сразу после начала агрессии И.В. Сталин объяснил все случившееся внезапностью нападения. Из речи вождя по радио 3 июля 1941 г. советские люди поняли, что Германия начала войну против СССР при выгодных условиях для немецких и невыгодных для советских войск. Красной Армии еще только предстояло провести мобилизацию и развернуть войска на пути движения агрессора⁵. Официальная коммунистическая пропаганда во время войны и после ее окончания, даже после смерти вождя безмерно восхваляла руководство партии, государства за мудрую политику накануне войны, прозорливость и трезвость оценок, особенно накануне войны. В результате многолетней обработки общественного сознания сложилось устойчивое мнение, что германская армия обладала численным превосходством в живой силе, бронетанковой технике, авиации, что и дало ей преимущество на начальном этапе войны. Однако сравнительный анализ показывает, что 22 июня 1941 г. Красная Армия превосходила противника не только в живой силе, но и по количеству танков и самолетов⁶. С первых дней войны кроме регулярных боевых частей в отражении врага участвовали пограничники, внутренние войска, моряки Северного, Краснознаменного Балтийского и Черноморского флотов. Это большая сила, которая, как правило, не учитывается при соотношении сил на советско-германском фронте.

Накануне войны в ставке Гитлера состоялось совещание, на котором обсуждался план операции «Барбаросса». Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер докладывал: «Собственные силы примерно равны, но качественно значительно превосходят противника. В отношении механизированных дивизий у нас превосходство в танках, стрелках, артиллерии. Количественное превосходство у русских, качественное – у нас. Артиллерией русские вооружены нормально, но техника неполноценная. Командование артиллерией неудовлетворительное. Намерения русского командования нераспознаваемы»⁷.

Поражения на начальном этапе войны, отступление Красной Армии, оставленные врагу города и села, гибель миллионов людей, потери огромных материальных ресурсов – все это стало следствием ошибочных представлений И.В. Сталина и его окружения о перспективах войны с Германией, неподготовленности Вооруженных Сил СССР для отпора врагу. В результате неправильной оценки руководством страны военно-политической обстановки накануне войны, противодействия

партийного руководства усилиям Наркомата обороны и Генерального штаба в подготовке к надвигающейся войне Красная Армия не была своевременно развернута и приведена в боевую готовность. Это помешало принять необходимые меры, чтобы исключить внезапность нападения немецко-фашистских вооруженных сил на нашу страну. Данных для принятия таких мер было вполне достаточно⁸. За просчеты пришлось заплатить большой кровью.

Десятилетиями в сознание советских людей насаждался миф о внезапности нападения. Он до сих пор кочует по современным научным изданиям, прочно обосновался в школьных и вузовских учебниках. Если раньше его оберегали идеологические надсмотрщики коммунистической партии, то теперь – яростные «ревнители» российской истории, которые готовы поступиться правдой ради «сохранения памяти о героическом прошлом нашей Родины в деле патриотического воспитания молодежи». Весьма уязвимый тезис, который дает дорогу реанимации в общественном сознании сталинских формулировок в оценке истории Великой Отечественной войны. А они порождают новую мифологию о гениальности вождя, его выдающихся полководческих талантах, и как результат – обилие литературы на книжных развалах, восхваляющей вождя, который спас Родину от вражеского нашествия.

5 мая 1941 г., выступая в Кремле перед выпускниками военных академий РККА, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин сказал: «Чтобы готовиться хорошо к войне, не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически. Что значит политически подготовить войну? Политически подготовить войну – это значит иметь в достаточном количестве надежных союзников из нейтральных стран... Любой политик, любой деятель, допускающий чувство самодовольства, может оказаться перед неожиданностью, как оказалась Франция перед катастрофой»⁹.

Этой неожиданностью для вождя стало 22 июня. Красная Армия оказалась не готовой к войне, хотя руководство страны и товарищ Сталин считали иначе. На той же встрече с выпускниками академий вождь поправил начальника академии имени Фрунзе генерала М.С. Хозина, который произнес тост за мирную сталинскую внешнюю политику: «Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой

для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению»¹⁰. В духе сталинского выступления, как говорится, по «горячим следам», в недрах военного ведомства не ранее 15 мая 1941 г. была подготовлена «Записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии председателю СНК СССР И.В. Сталину с соображениями по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Ее авторы – народный комиссар обороны СССР маршал С.К. Тимошенко и начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков реально оценивали обстановку на западной границе, и Германия рассматривалась как основной противник в предстоящей войне. Планом развертывания войск Красной Армии на западной границе предлагался вариант нанесения силами первого стратегического эшелона упреждающего удара по германской группировке, сконцентрированной на границах СССР в Польше и Восточной Пруссии, и ее разгрома¹¹. Это соответствовало сталинской доктрине «воевать малой кровью на чужой территории». Однако вождь положил записку под сукно. Как раз в это время И.В. Сталина ежедневно информировали о донесениях разведчиков, в которых сообщалось о приготовлениях Германии войны с СССР, наращивании ее вооруженных сил на границах Советского государства. К 20 мая, учитывая сложившуюся обстановку, нарком обороны и начальник Генерального штаба Красной Армии направили директиву командующему Западным особым военным округом Д.Г. Павлову. В ней говорилось: «С целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 20 мая 1941 г. лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать: а) детальный план обороны государственной границы... б) детальный план противовоздушной обороны»¹². Перед командованием округа ставилась задача не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на советскую территорию. В случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника для борьбы массированно предполагалось использовать механизированные корпуса, противотанковые артиллерийские бригады и авиацию. Все было подробно расписано, учтены возможные варианты, указаны базы снабжения и запасы горючего.

В тот же день директива подобного содержания была направлена командующему войсками Одесского военного округа¹³. К 30 мая директива наркома и начальника Генштаба

поступила командующему войсками Прибалтийского особого военного округа¹⁴. Красная Армия готовилась к отражению агрессии со стороны фашистской Германии. И документы это подтверждают. Штабы работали днем и ночью, дивизии и корпуса сосредотачивались в новых местах дислокации. 31 мая штаб Киевского особого военного округа направил в войска директиву по связи, в которой подробно изложил схему связи штаба КОВО с армиями, корпусами и авиадивизиями на случай войны¹⁵. Кажется, что начало неминуемой войны Красная Армия и Советское государство встретят в полной боевой готовности, отразят удар противника и добьют врага на его территории. Войска получили по половине боевого комплекта боеприпасов, а танкисты по две заправки горючего. Так сказать, на всякий случай, чтобы при начале конфликта не бегать на склад за патронами и снарядами.

Однако как бегун, который споткнулся на старте, так и боевой запал высших партийных руководителей государства в начале июня пошел на убыль. Политбюро приняло постановление оборонительного характера. Это свидетельствовало о растущей неуверенности руководства страны в возможности нанести агрессору мощный ответный удар и перенести боевые действия на его территорию. В сообщении ТАСС от 13 июня 1941 г. делается неуклюжая попытка призвать Германию к мирному диалогу, звучит заявление, что «слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными»¹⁶. Накануне войны Красная Армия оказалась дезориентированной реверансами вождя по отношению к потенциальному противнику. В неопубликованных воспоминаниях Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал: «Советское правительство в лице Сталина и Молотова вновь допустило ошибку, объявив 14 июня в печати и по радио заявление ТАСС о том, что нам нет никаких оснований опасаться вооруженного нападения Германии, с которой у нас есть пакт о ненападении. Такое безапелляционное заявление Советского правительства успокоило войска приграничных округов, и все пошло по обычаям и порядкам мирного времени»¹⁷. Командиры боевых частей отправились в отпуск, а войска без боеприпасов и тяжелого вооружения – в летние лагеря.

Что же повлияло на перемену настроений в верхних эшелонах Советского государства? Можно сказать, случай. На И.В. Сталина большое впечатление произвел полет из Германии в Англию на истребителе одного из ближайших сподвижников Гитлера Рудольфа Гесса. В справке внешней разведки

НКГБ СССР от 22 мая 1941 г. говорилось: «Во время бесед офицеров английской разведки с Гессом Гесс утверждал, что он прибыл в Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих сторон и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи как стабилизирующей силы... что англо-германский союз против СССР был бы приемлемым для Гесса»¹⁸. В Советском Союзе полет Гесса вызвал сильное опасение о возможности англо-германского сговора. По поручению В.М. Молотова наркоматом иностранных дел была срочно отправлена И.В. Сталину копия письма полпреда СССР в Германии В.Г. Деканозова «Предварительные данные «о случае с Гессом» от 21 мая с. г.». Немцы могли договориться с англичанами. Направленный против СССР возможный союз Германии с Англией, во главе правительства которой стоял последовательный борец с большевизмом Уинстон Черчилль, мог бы кардинально изменить расстановку сил в Европе. Это грозило Советскому государству уничтожением. А в интересах Сталина было продолжение войны Германии с Англией до полного истощения сил, чтобы потом прибрать Европу к рукам. За спиной Англии маячил мощный союзник – заокеанский монстр США с его огромным военным потенциалом. И.В. Сталин остро почувствовал, что при сговоре немцев с англичанами противники могут переиграть его в большой дипломатической игре, которую он вел, и накануне реального военного конфликта Советское государство может остаться один на один с объединенными силами Западной Европы. Тогда-то и началась демонстрация показного миролюбия по отношению к Германии с надеждой на такие же ответные шаги. Но Гитлер и правительство Германии хранили гробовое молчание. И.В. Сталин, не будучи уже в состоянии отрицать реальные факты сосредоточения немецких войск на советской границе, до самого последнего часа сохранял надежду на то, что ему удастся перехитрить Гитлера и, заигрывая с немецкой стороной, оттянуть надвигающуюся войну на середину 1942 г. Политбюро принимает решение о поставке в Германию 6000 тонн меди, 1500 тонн никеля, сотни тонн олова, молибдена, вольфрама для немецкой военной промышленности¹⁹. Выполняя условия договора, Советский Союз до начала войны отправлял в Германию отборное зерно, продовольствие. На пограничные заставы поступил приказ: «не поддаваться на провокации». Донесения разведчиков о военных приготовлениях Германии раздражали Сталина. Некоторые из них поплатились за это

жизнью. Они, выполняя свой долг, не понимали, что стали жертвами большой политической аферы, которую затеял вождь на международной арене. Все это делалось в ущерб стране, которой он руководил.

Немецкий агент «Петер», который работал в советском полпредстве в Берлине, в конце мая доносил: «В германо-русском вопросе налицо значительная разрядка, поскольку (...) СССР обнаруживает стремление избежать возникновения новых конфликтных ситуаций с Германией в политической области»²⁰. В те дни в Берлине оживленно обсуждали возможность аренды Германией плодородных земель Украины и нефтяных промыслов Баку. Распускались слухи о готовности СССР пропустить германские войска через свою территорию для завоевания Ирана и Индии. Во время визита А.И. Микояна в Германию руководителю министерства иностранных дел третьего рейха Риббентропу на основе агентурных донесений подготовили справку. В ней говорилось: «...по слухам: в Кремле якобы уступили немецкому давлению, поскольку Сталин, являющийся реалистом и, несомненно, самым информированным человеком Советского Союза, знает, насколько слаба “непобедимая Красная Армия”»²¹. Может быть, вождь действительно понял, что Красная Армия ни морально, ни материально еще не готова с открытому военному столкновению с Германией? В это трудно поверить. Тогда вся ответственность ложилась бы на политическое руководство страны и лично товарища Сталина. Вождь был уверен в непобедимости Красной Армии, в неисчерпаемых людских и материальных ресурсах страны. И он, по большому счету, оказался прав. Однако стремление перехитрить противников, столкнуть их лбами в смертельной схватке, чтобы они в борьбе истощили свои силы, а затем стать полновластным хозяином Европы, привело СССР к катастрофе 1941 г. В конечном итоге он переиграл себя, потому что дипломатия показной «дружбы» по отношению к Германии только укрепила уверенность Гитлера в слабости Советского государства. При обсуждении плана «Барбаросса» он сказал: «Если «Барбаросса» удастся, весь мир затаит дыхание»²². Тогда, в феврале 1941 г., фюрер не был полностью уверен в успешной реализации плана «Барбаросса». Этой уверенности ему добавили руководители Советского государства, которые накануне войны продолжали репрессии против командного состава Вооруженных Сил СССР, не смогли в полном объеме мобилизовать оборонный потенциал страны для отражения агрессии, не учитывали новые направления

в военной науке, надеясь на верных сталинских кавалеристов. Из поучительных уроков советско-финляндского конфликта, так называемой «зимней войны», не было сделано выводов. Это с удовлетворением отмечали в донесениях для фюрера германские штабисты.

В целом оценка состояния Красной Армии немецкими военными была объективной. В 1941 г. она не была готовой к схватке с сильным противником. Красноармейцы были плохо вооружены, кое-как одеты и обуты, не имели в достатке боеприпасов. Снабжение армии продовольствием оставляло желать лучшего. Все это сказалось в первые месяцы войны. Ошибки, допущенные руководителями большевистской партии и Советского государства, беспечность и непомерное самомнение привели к трагедии, которая разыгралась на полях сражений в 1941 г.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. вошла в историю как свидетельство высочайшего героизма и самопожертвования, проявленных советскими людьми в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Ярким примером тому может служить битва за Ленинград, которая продолжалась 900 дней и ночей. Уже на начальном этапе сражений Красная Армия при решительной поддержке ленинградцев помешала врагу в короткие сроки реализовать его стратегические замыслы и победоносно завершить войну. «Ленинградская эпопея вошла в историю как явление уникальное и давно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Она настолько разнообразна, многогранна, масштабна и многопланова, что многие ее стороны, сюжеты, аспекты остаются «белыми пятнами» и до настоящего времени нет полной и ясной картины пережитого участниками этих грандиозных по трагедии и подвигу событий»²³, – считает участник Великой Отечественной войны, исследователь героической обороны Ленинграда, доктор исторических наук, профессор М.И. Фролов. Это мнение разделяют многие историки²⁴. При всем многообразии научных работ, посвященных блокаде Ленинграда²⁵, менее исследована тема борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на внешнем кольце окружения города на Неве. В течение многих месяцев армии Ленинградского и Волховского фронтов не прекращали попытки прорыва блокады, проводили оборонительные и наступательные операции, сковывая значительные силы противника группы армий «Север», уничтожая его солдат и офицеров, бронетанковую технику и вооружение. Генерал армии С.М. Штеменко,

который в годы войны работал в оперативном управлении Генерального штаба Красной Армии, писал в воспоминаниях: «Задача освобождения Ленинграда от блокады оставалась для советских войск одной из основных»²⁶. Бои на внешнем кольце окружения Ленинграда были серьезным испытанием для бойцов и командиров Красной Армии. По далеко не полным официальным данным, в оборонительных и наступательных операциях на внешнем кольце блокады Ленинграда безвозвратные и санитарные потери советских войск составили более миллиона человек²⁷. В начале сентября 1941 г. была предпринята первая попытка прорвать блокаду на шлиссельбургско-синявинском выступе и восстановить связь Ленинграда с Большой землей. Она закончилась неудачей. Не получила продолжение и 2-я Синявинская наступательная операция, которая началась 20 октября. В это время немецко-фашистские войска успешно форсировали реку Волхов и развивали наступление в сторону Тихвина на соединение с финскими войсками, с которыми в районе реки Свирь вела упорные бои 7-я армия. Советское командование перебросило часть войск под Тихвин, чтобы сорвать замыслы врага. Тихвинские оборонительная и наступательные операции, оборона Волхова, разгром волховско-войбокальской группировки противника в конце 1941 г. не дали германскому командованию реализовать гитлеровский план создания «мертвой петли» вокруг Ленинграда. Много человеческих жертв было положено на алтарь Отечества во время Любанской наступательной операции советских войск 1942 г. Эта неудавшаяся попытка прорыва блокады Ленинграда войсками Волховского фронта и 54-й армией Ленинградского фронта была связана с одним из самых трагических эпизодов в Великой Отечественной войне, когда в результате ошибок советского командования в руководстве войсками 2-я ударная армия оказалась в окружении, а заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант А.А. Власов, который заменил на посту неожиданно заболевшего командарма генерала Н.К. Клыкова, сдался в плен врагу.

Не нашла отражения в советской историографии трагедия, которая разыгралась в августе–сентябре 1942 г. на синявинском направлении. Немцы называли эту кровопролитную битву «сражением южнее Ладожского озера»²⁸. По оценкам генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна, «со стороны противника в этом сражении участвовала 2-я ударная армия,

состоявшая не менее чем из 16 стрелковых дивизий, 9 стрелковых бригад и 5 танковых бригад. Из них в котле было уничтожено 7 стрелковых дивизий, 6 стрелковых бригад и 4 танковые бригады. Другие соединения понесли огромные потери во время безуспешных атак с целью деблокаживания окруженных сил. Нами было захвачено 12 000 пленных, противник потерял свыше 300 орудий, 500 минометов и 224 танка. Потери противника убитыми во много раз превышали число захваченных в плен»²⁹. В сентябрьских боях на шлиссельбургско-синявинском выступе повторились те же ошибки, которые были допущены советским командованием во время проведения Любанской наступательной операции. Итог оказался таким же. Но именно в этом сражении воины Волховского фронта спасли Ленинград от полного разрушения.

Много вопросов оставила и операция «Искра», в результате которой удалось прорвать блокаду Ленинграда в январе 1943 г. Победные реляции не затмили трезвой оценки действия советских войск, которая была дана в директиве Ставки ВГК от 27 февраля. В ней говорилось: «Проведенные операции Ленинградского и Волховского фронтов не дали ожидаемых результатов. Основным недочетом наступательных операций Ленинградского и Волховского фронтов явилось то, что 67-я и 2-я Ударная армия действовали порознь, и каждая на своем участке обязывалась прорывать сильно укрепленную полосу противника, что привело к распылению сил и средств, к бесцельным большим жертвам в живой силе и технике. С этими недочетами необходимо покончить»³⁰.

Не решила задачи полного снятия блокады Ленинграда и Мгинская наступательная операция Ленинградского и Волховского фронтов, которая проводилась с 22 июля по 22 августа 1943 г. В ходе ее безвозвратные потери советских войск составили 20 890 человек, почти 60 000 человек были ранены³¹. В дивизиях, которые участвовали в проведении Мгинской наступательной операции, считали ее одной из самых тяжелых по потерям и условиям ведения боев.

Только в январе 1944 г. блокада была снята полностью. Битва за Ленинград завершилась победой советских войск. Однако и она не решила задачу полного и окончательного разгрома немецких войск группы армий «Север». По приказу Ставки ВГК 1 марта 1944 г. наступление на фронте было приостановлено. Противник сумел организованно отвести войска из шлиссельбургско-синявинского выступа, из-под Любани

и Чудова. За полтора месяца боев Ленинградский фронт потерял 227 440 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести³². Потери Волховского фронта составили 50 300 человек³³.

С сентября 1941 г. и по март 1944 г. на ограниченной территории Ленинградской области и по берегам реки Волхов, где проходила линия фронта внешнего кольца блокады, днем и ночью шла упорная борьба, от которой зависела не только судьба Ленинграда, но и в немалой степени итоги войны, судьба страны. Стратегические операции сменялись не менее жесточеными боями местного значения. Сражения южнее Ладожского озера оцениваются отечественными и немецкими историками, как тяжелые и кровопролитные.

Ссылки

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 141.

² Там же.

³ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 34.

⁴ *Иванов В.* Грудью на амбразуры. Сб.: На берегах Волхова. Л., 1966. С. 112.

⁵ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 12.

⁶ *Кульков Е., Мязгов М., Ражешевский О.* Война 1941–1945: Документы и факты. М., 2004. С. 50–53.

⁷ 1941 год. Книга первая: Документы. М., 1998. С. 591.

⁸ Битва за Ленинград // *И.П. Барбашин, А.И. Кузнецов, В.П. Морозов.* М.: Воениздат, 1964. С. 21.

⁹ 1941 год. Книга вторая: Документы. М., 1998. С. 160–161.

¹⁰ Там же. С. 162.

¹¹ Там же. С. 215–220.

¹² ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 65–81.

¹³ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2951, д. 258, л. 1–11.

¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 33–47.

¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2961, д. 262, л. 413–417.

¹⁶ 1941 год. Книга вторая. М., 1998. С. 361.

¹⁷ РГВА, ф. 41107, оп. 1, д. 48, л. 41.

¹⁸ Там же. С. 248–249.

¹⁹ Там же. С. 308.

²⁰ Там же. С. 268.

²¹ Там же. С. 171.

²² 1941 год. Книга первая. М., 1998. С. 592.

²³ *Фролов М.И.* Салют и реквием: героизм и трагедия ленинградцев 1941–1944 гг. СПб., 2003. С. 3.

²⁴ Ленинградская эпопея – феномен мировой истории. СПб., 1998.

²⁵ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995; Блокада рассекреченная. СПб., 1995; *Дзенискевич А.Р.* Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998; *Муравьев А.А.* Пожар на Бадаевских складах. СПб., 2000; *Ломакин Н.А.* В тисках голода. СПб., 2000; Домыслы и факты: война и блокада. СПб., 2001; *Барышников Н.И.* Начало боевых действий в 1941 году к северу от Ленинграда. Политический и военный аспект. Ленинград в блокаде: события, факты, люди. СПб., 2002 и др.

²⁶ *Штеменко С.М.* Славная победа // Тихвин, год 1941-й. Л., 1974. С. 6.

²⁷ Гриф секретности снят. С. 172–227.

²⁸ *Манштейн Э.* Утраченные победы. М., Ростов н/Д: Феникс. 1999. С. 302.

²⁹ Там же. С. 303.

³⁰ Русский архив. Т. 16. М.: Терра, 1996.

³¹ Гриф секретности снят. С. 227.

³² Там же. С. 199.

³³ Там же.

ВТОРЖЕНИЕ

В июне 1941 г. немецкие летчики чувствовали себя на границе с СССР хозяевами неба. Их «рамы» постоянно висели над советскими аэродромами, высматривая объекты для будущих бомбовых ударов. Приказ для сталинских соколов был один: «Не взлетать. Не поддаваться на провокации». 18 июня летчик-истребитель Николай Белогуб заступил на боевое дежурство. Рация штаба молчала. Увидев немецкий самолет, Николай Белогуб самовольно взлетел и решил посадить нарушителя границы на свой аэродром. Маневр удался: на глазах изумленных товарищей немец начал приземляться, но у самой земли дал газ и на бреющем полете стал уходить к границе. Догнал его Белогуб не сразу, но когда догнал, в упор свалил первой же очередью. Упал немецкий самолет в сотне метров от границы. Да так, что хорошо виден был со всех сторон: и с нашей, и с немецкой.

Николая Белогуба арестовали на аэродроме прямо у самолета сразу после приземления. Трибунал заседал 20 июня. Приговор – расстрел за провокацию к войне. 48 часов Белогубу дали на просьбу о помиловании, но он прошение подавать отказался. Летчики полка послали в Москву телеграмму с просьбой сохранить жизнь Белогубу. «Утром в субботу, 21 июня в камеру к смертнику вдруг пришло высокое начальство, а с ним – штатский человек в шляпе. Его все внимательно слушали – «командовал парадом» он. Спросил: «Вы товарищу Сталину о самолетах писали?» – «Писал...» – «А вот о ваших подвигах товарищ Сталин еще не знает. Придется доложить! А теперь отправляйтесь домой, приведите себя в порядок, а в пonedельник мы подумаем, расстреливать вас или нет...»¹.

Второй немецкий самолет летчик-истребитель Николай Белогуб сбил на следующий день, в воскресенье. Он так и воевал до конца Великой Отечественной с неотмененным приговором военного трибунала.

Поздно вечером 21 июня ефрейтор 221-го саперного полка 15-й пехотной дивизии Альфред Лисков переплыл реку Буг и сдался советским пограничникам. На допросе он сообщил, что его командир роты лейтенант Шульц заявил, что сегодня ночью после артиллерийской подготовки их часть начнет переправу пограничной реки Буг на плотках, лодках и понтонах. Начальник штаба Киевского особого военного округа доложил Г.К. Жукову, что, по сведениям перебежчика, наступление немецких войск начнется 22 июня. Об этом сразу же известили Сталина, который немедленно вызвал в Кремль Тимошенко и Жукова.

В полночь 21 июня командующий Киевским особым военным округом генерал-полковник М.П. Кирпонов вышел на связь с Москвой и сообщил о появлении еще одного перебежчика – немецкого солдата 222-го полка 74-й пехотной дивизии, который подтвердил, что немецкие войска перейдут в наступление в 4 часа 22 июня. Другие командующие приграничных округов докладывали в Генштаб о шуме танковых моторов у наших границ.

Этой же ночью после разведки боем на северной границе был ранен и захвачен в плен немецкий солдат Йоганн Касек, который на допросе показал, что 9-я моторизованная дивизия вермахта утром 22 июня начнет боевые действия в Заполярье против СССР. В Москву поступала и другая информация о готовности немецких войск атаковать границы Советского государства.

И.В. Сталину был представлен проект директивы о приведении западных приграничных округов в полную боевую готовность. Однако Иосиф Виссарионович круто пресек боевой запал наркома и начальника Генштаба. Он посчитал, что подобные меры могут спровоцировать военные действия гитлеровским руководством. Г.К. Жуков и Н.Ф. Ватутин подготовили проект новой директивы №1. В ней говорилось:

«1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

Приказываю:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить²».

Этот документ Сталин тоже не подписал, но одобрил как руководство к действию. Первыми под ним поставили подписи нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Генштаба Г.К. Жуков, а за ними Павлов, Фоминых и Климовских. Директива была направлена в военные округа в 2 часа 35 минут.

В 3 часа 15 минут утром 22 июня для немецких дивизий на западном участке границы прозвучал условный сигнал вторжения «Дормунд», и они начали боевые действия, нанося бомбовые и артиллерийские удары по намеченным целям. О них советское командование было извещено заранее. Еще в апреле 1941 г. берлинский резидент НКГБ СССР «Старшина» сообщил: «Штаб германской авиации на случай войны с СССР наметил к бомбардировке первой очереди ряд пунктов на советской территории с целью дезорганизации подвоза резервов с востока на запад и нарушения путей снабжения, идущих с юга на север. В этот план включены следующие железнодорожные узлы: Киев, Харьков, Валуйки, Лиски, Львов, Курск, Касторное, Воронеж, Брянск, Елец, Грязи, Мичуринск, Тула, Вязьма, Сухиничи, Гомель. Военные действия против СССР предполагают начать с бомбардировки этих пунктов при активном участии пикирующих бомбардировщиков. Кроме того, бомбардировке в первую очередь должны подвергнуться советские аэродромы, расположенные на западной границе СССР. Немцы считают слабым местом обороны СССР наземную службу авиации и поэтому надеются путем интенсивной бомбардировки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действия. Вторым несовершенным звеном обороны считается служба связи авиации Красной Армии, которая в силу своей тяжеловесности, излишнего радирования и сложности ключей затрудняет оперативное руководство боевыми действиями»³.

Бомбы сыпались на советские города. Артиллерийские снаряды вспахали полосу оборонительных заграждений на границе от Балтийского до Черного моря. Для советского народа началась Великая Отечественная война, которая продолжалась почти четыре года. Это было время великих испытаний.

С первых дней войны советских людей не покидала уверенность, что враг будет разбит. Заместитель председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, выступая по радио в день начала войны, сказал: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»⁴. Эта уверенность жила в каждом советском человеке на протяжении всей войны даже в те тяжелые дни, когда немецко-фашистские войска рвались к Москве и Ленинграду. Только ценой величайших жертв, напряжения всех материальных и духовных сил народа, героизма и самопожертвования война завершилась победой над сильным и кровавым врагом – гитлеровским фашизмом.

Фашистская Германия, вероломно нарушив договоры 1939 г. о ненападении, границе и дружбе, совершила акт вооруженной агрессии против СССР. 22 июня 1941 г. Адольф Гитлер обратился к немецкому народу с декларацией, в которой он объяснял причины начала войны. В ней говорилось: «...Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего пакта о дружбе. Делая все это, правительство Кремля притворялось до последней минуты, симулируя позицию мира и дружбы, так же, как это было в отношении Финляндии и Румынии. Они сочинили опровержение, производившее впечатление невинности. В то время как до сих пор обстоятельства заставляли меня хранить молчание, теперь наступил момент, когда выжидательная политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы. Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы и в Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий. Ночью 18 июня русские патрули вновь проникли на германскую территорию и были отеснены лишь после продолжительной перестрелки. Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-

англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра. Осуществляется концентрация войск, которая по своим масштабам и по своему территориальному охвату является величайшей, какая когда-либо имела место в мире. Сотрудничая со своими финскими товарищами, соратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана. Германские дивизии под командованием победителя Норвегии охраняют финляндскую землю вместе с героями финляндских битв за освобождение, действующими под руководством своего маршала. От Восточной Пруссии до Карпат располагаются формирования германского восточного фронта. На берегах Прута, на нижнем течении Дуная до берегов Черного моря находятся германские и румынские солдаты под командованием генерала Антонеску, главы румынского государства: в задачу этого фронта входит уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и, следовательно, защита всех стран Европейского континента. Таким образом, я решил сегодня передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе!»⁵

Вражеская армия на советско-германском фронте насчитывала 3,3 млн человек⁶. С началом боевых действий Ленинград оказался в числе главных целей, по которым наносились удары гитлеровского вермахта. В директиве № 21 (план «Барбаросса»), подписанной Гитлером 18 декабря 1940 г., перед сухопутными силами Германии четко ставились задачи на предстоящую кампанию: «Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом, будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных соединений на север, с тем чтобы во взаимодействии с Северной группой армий, наступающих из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника в Прибалтике. Лишь после этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы – важного центра коммуникаций и военной промышленности»⁷. Далее в плане «Барбаросса» говорилось:

«И только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно»⁸. Этого не случилось. Советские войска выдержали таранный удар немецкой машины, сорвали планы молниеносной войны и сумели победить. Основная цель операции «Барбаросса» состояла в том, чтобы оккупировать территорию России от Архангельска до Астрахани, сломить ее как военную силу и поставить советские территориальные, сырьевые и сельскохозяйственные ресурсы на службу германской военной машине.

Немецкий историк Пауль Карель в фундаментальном труде «Восточный фронт» пишет: «Планом операции «Барбаросса» четко оговаривалось: «После разгрома советских войск в районе Минска – Смоленска танковые войска группы армий «Центр» поворачивают на север, где во взаимодействии с группой армий «Север» они будут уничтожать советские силы в районе Балтики и затем возьмут Ленинград». В приказе ясно значилось: «Наступление на Москву должно быть продолжено только после захвата Ленинграда». Данный план со стратегической точки зрения являлся совершенно правильным и логичным, особенно в определении центра тяжести кампании и стремлении как можно скорее превратить Прибалтику в транзитную территорию для доставки снабженческих грузов и наибыстрейшим образом соединиться с финнами»⁹.

Овладение городом на Неве, колыбелью Великой Октябрьской социалистической революции, по мнению вождей третьего рейха, могло быть крупным военно-политическим поражением СССР. Гитлер не раз подчеркивал, что с захватом Ленинграда будет уничтожен один из символов большевизма¹⁰. Он считал его городом, где родилась и окрепла революционная ленинская идеология, враждебная национал-социализму. Другим источником, питавшим чувства немецкого фюрера, была некая мистическая сила, которая издревле влекла германцев к Прибалтике. На протяжении многих веков они считали Балтийское море и земли вокруг него своими. Некогда немцы вольно чувствовали себя на Балтике, используя воинственность тевтонских рыцарей и хитрость купцов Ганзейского союза. Для Гитлера Ленинград был не только местом рождения революционного коммунизма, но и Санкт-Петербургом, столицей-крепостью, которую Петр I заложил как основу российского могущества на берегах Балтики. Сокрушить эту крепость – значит надломить силу русского народа, лишить его

воли к сопротивлению. Так считал Гитлер. С захватом Прибалтики и Ленинграда решалась и военная задача. Советский Союз терял базы Балтийского флота, корабли, утрачивал контроль над побережьем. Это давало возможность снабжать немецкие войска более безопасным морским путем. Господство над Балтикой, которую Гитлер считал внутренним немецким морем, открывало широкие перспективы для экономического развития Германии, укрепления ее военного положения.

Действия немецких войск на северо-западном направлении должны были не только обеспечить безопасность левого крыла группы армий «Центр», наносящих главный удар на Москву, но и позволить осуществить обходной маневр для удара на столицу СССР с севера. Поэтому с первых дней войны северо-западное стратегическое направление стало одним из основных в битве с немецко-фашистскими захватчиками. В течение 1941–1944 гг. на ограниченной территории Ленинградской области шла упорная борьба, от которой зависела не только судьба Ленинграда, но и в немалой степени итоги войны в целом. Северо-западное направление включало в себя территорию, на которой перед войной дислоцировались силы Ленинградского и Прибалтийского особого военных округов, а также Краснознаменного Балтийского и Северного флотов. Они были призваны обеспечить оборону стратегических и экономических районов – Ленинграда, Прибалтики и Карелии до Кольского полуострова включительно, а также прикрывать коммуникации, связывающие морской порт Мурманск с центром страны. Накануне войны Ленинградский военный округ имел 7750 исправных орудий и минометов, в его состав входило два механизированных корпуса (1-й и 10-й). Бронетанковые войска к июню насчитывали 1563 исправных боевых машины. Кроме того, на северо-западном направлении находились 656 самолетов ВВС Балтийского флота и 115 самолетов ВВС Северного флота. Шесть артиллерийских полков 2-го корпуса ПВО, прикрывавшие Ленинград, имели на вооружении около 600 новых 85-мм зенитных орудий. Две истребительные дивизии, выделенные для ПВО города (3-я и 54-я), насчитывали 200 самолетов¹¹.

За оборону западных подступов к Ленинграду Ленинградский военный округ не отвечал. С июля 1940 г. задачу прикрытия границы с Восточной Пруссией решал Прибалтийский военный округ со штабом в Риге, который с августа этого же года стал особым. Для обороны подступов к Ленинграду командующий округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов имел

две основные армии. 8-я под командованием генерал-майора П.П. Собенникова обороняла прибрежный сектор, который подвергся атаке 18-й армии немцев. 11-я армия под командованием генерал-лейтенанта В.И. Морозова приняла на себя главный удар 16-й гитлеровской армии. Третья некомплектованная 27-я армия под командованием генерал-майора А.Е. Берзанина была расположена восточнее и севернее Западной Двины. Это была резервная армия второго эшелона, которая находилась в стадии формирования. В составе округа было девятнадцать стрелковых, четыре танковые и две механизированные дивизии¹², а также воздушно-десантный корпус, шесть укрепленных районов, укомплектованных личным составом, и одна стрелковая бригада. Вместе с частями артиллерии и авиации, подразделениями пограничных и внутренних войск группировка насчитывала более 440 тысяч человек. На правом фланге со штабом в Таллине находились силы Краснознаменного Балтийского флота общей численностью 58 тыс. человек, который с началом войны отправил несколько тысяч моряков на сухопутный фронт. Советские войска в Прибалтике имели 5600 орудий и минометов, 1200 самолетов, 1500 танков и десятки боевых кораблей. Это соответствовало «Основам стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе». Документ был подписан Народным комиссаром обороны маршалом С. Тимошенко и начальником Генерального штаба Красной Армии генералом армии К. Мерецковым и положен на стол И.В. Сталину 18 сентября 1940 г.¹³ В главе V «Основы нашего стратегического развертывания на Западе» в качестве возможного противника рассматривалась Германия: «Главные силы Красной Армии на западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска, с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней. Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны, в условиях мирного же времени считаю необходимым иметь оба варианта»¹⁴. На основании многих других документов, которые стали известны общественности за последнее время, можно сделать

вывод, что войска Красной Армии готовились к отражению агрессии со стороны Германии, рассматривали ее как потенциального противника, отрабатывали тактику ведения наступательных боев во время маневров 1940–1941 гг. Это еще раз подтверждает, что миф о внезапности нападения был создан для того, чтобы как-то оправдать причины трагедии 1941 г. Политический эгоизм, болезненное самолюбие и вера «вождя народов» в свою непогрешимость привели к крупным политическим и военным ошибкам, которые были совершены накануне войны.

Планы верховного командования вермахта предписывали: группа армий «Север», «независимо от оставшихся на востоке русских, прежде всего, выполняет свою задачу. Она наносит (благоприятная исходная база) удар в тыл русским без фронтального наступления. Задача: уничтожить крупные части противника, а не заставить его бежать. Это будет достигнуто, если мы самыми крупными силами овладеем флангами, при этом, приостановив атаку в центре, а затем, следуя с флангов, заставим противника отдать нам и центр»¹⁵.

Группа армий «Север», наносившая удар из Восточной Пруссии в направлении Ленинграда, включала в себя 4-ю танковую группу генерал-полковника Гепнера, считавшуюся лучшей в германском вермахте. 16-ю армию генерал-полковника Буша, 18-ю армию генерал-полковника Кюхлера и 1-й воздушный флот под командованием генерал-полковника Келлера.

На 27 июня 1941 г. группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Лееба состояла из 16 пехотных дивизий, трех танковых и трех моторизованных дивизий. Кроме того, в состав этой группировки входил 101-й тыловой корпус, состоящий из трех охранных дивизий: 207, 281 и 285-й, которые принимали активное участие в боевых операциях¹⁶. Общая численность войск, включая тыловые службы, а также части двух армейских корпусов 9-й полевой армии и 3-й танковой группы армейской группы «Центр», которые дислоцировались в Восточной Пруссии, насчитывала, по одним данным, 650 тыс. человек, а по другим – 725 тыс. человек¹⁷. У них было 12 000 тяжелых орудий, 1500 танков и 1070 самолетов. Фон Лееб имел в своем распоряжении около 30 процентов всех сил, выделенных верховным командованием сухопутных сил Германии для проведения операции «Барбаросса»¹⁸. Основной костяк офицерского и рядового состава имел опыт боевых действий в Польше и Франции. Как отмечали немецкие историки, «сухопутные силы в рамках

предоставленных им возможностей начали операции, имея целесообразную организацию и оснащение. Точно так же уровень боевой подготовки личного состава, уверенность в своих силах и боевой дух войск и командования находились на недостижимой высоте. Принципы оперативного руководства полностью оправдали себя в предшествующих кампаниях, были опробованы и приводились в жизнь в штабах всех степеней»¹⁹.

К северу от Ленинграда были развернуты две финские полевые армии: Карельская и Юго-Восточная. После форсирования немецкой группой армий «Север» Западной Двины должна была начать наступление Юго-Восточная армия финнов, в задачу которой входили разгром советских войск на Карельском перешейке и выход к Ленинграду с севера. Перед Карельской армией ставилась задача наступать на Онежско-Ладожском перешейке, чтобы с выходом на реку Свирь совместно с группой армий «Север» сломить сопротивление советских войск восточнее Ленинграда. Всего в Финляндии было развернуто более 20 дивизий, в которых насчитывалось 325 тысяч человек, свыше 3000 орудий и минометов, 900 самолетов²⁰.

Перед группой армий «Север» ставилась задача захватить Ленинград к 21 июля, то есть через месяц после начала войны. 18-я армия начала наступление от побережья Балтийского моря. Ее основные силы располагались на фронте от Клайпеды (Мемеля) на севере до Тильзита на юге. Она должна была нанести удар вдоль шоссе Тильзит – Рига, а затем направиться прямо на северо-восток к Пскову и Острову.

16-я армия была дислоцирована южнее. Ее позиции тянулись почти до Немана. Задача армии заключалась в том, чтобы прорваться широким фронтом к Каунасу, затем направиться на северо-восток к Западной Двине и обеспечить переправу у Двинска (Даугавпилса). Этим маневром группа армий «Север» нацеливалась обойти центр обороны советских войск в Прибалтике и начать операцию по окружению Ленинграда с юго-запада и юга.

На острие ударного клина находилась 4-я танковая группа. Она состояла из двух корпусов. 56-й корпус под командованием генерала Эриха фон Манштейна включал 8-ю танковую дивизию, 3-ю моторизованную дивизию, моторизованную дивизию СС «Мертвая голова» и 290-ю пехотную дивизию.

41-й моторизованный армейский корпус под командованием генерала Георга-Ганса Рейнхардта состоял из 1-й и 6-й танковых дивизий, 36-й моторизованной дивизии и 269-й

пехотной дивизии²¹. 4-я танковая группа Эриха Гепнера нанесла удар в стык между 8-й и 11-й советскими армиями. Схема блицкрига – молниеносной войны, впервые продемонстрированная в Польше, а затем усовершенствованная в Норвегии, Нидерландах и Франции, в первые дни войны с блеском повторилась в России. Надежды на то, что под ударами танков и люфтваффе Россия в течение нескольких недель просто развалится на части, казалось, вот-вот сбудутся. «Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана границы была в общем слабой. Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа)»²², – писал в дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер 22 июня 1941 г.

Войска Прибалтийского особого военного округа с началом войны, 23 июня, образовали Северо-Западный фронт, который вступил в сражение с германской армией в Прибалтике.

В период первых трех недель оборонительных боев Северо-Западный фронт непрерывно получал подкрепления в виде кадровых формирований, подтянутых из глубины страны. Это было девять стрелковых, три танковые, две механизированные дивизии и одна горнострелковая бригада. Из глубины страны к фронту передислоцировались артиллерийские и авиационные подразделения. Они насчитывали до 150 тыс. человек, около 1000 танков, несколько тысяч орудийных и минометных стволов. Однако на 10 июля 1941 г., когда началась Ленинградская стратегическая оборонительная операция, в соединениях фронта имелось всего 272 тыс. человек²³. Часть войск была переподчинена Северному (Ленинградскому) фронту, так как они с боями отходили к Ленинграду. Войска Красной Армии за период боев в Прибалтике, по официальным данным, потеряли 88486 человек²⁴. Однако реальные цифры потерь значительно больше, так как потери войск Прибалтийского особого военного округа за первые недели боев составили 50–70 процентов. В полосе Северо-Западного фронта немецкие генералы отмечали ожесточенные бои,

небольшое количество пленных, которых не включали в общие сводки, настолько их было мало. С 9 июля по 20 августа в немецких отчетах о пленниках на этом участке фронта не сообщается совсем²⁵. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер в своем знаменитом дневнике 24 июня записал: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». На седьмой день войны, 28 июня, он вновь отметил: «На всех участках фронта характерно небольшое число пленных, наряду с очень большим количеством трофейного имущества (в том числе горючего)».

Запись от 4 июля: «Бои с русскими носят исключительно упорный характер. Захвачено лишь незначительное количество пленных»²⁶. Это говорит о том, что в первых приграничных сражениях стрелковые дивизии Красной Армии предпочитали умирать, но не сдаваться в плен.

Немецкий историк Пауль Карель о первых днях войны писал: «126-я пехотная дивизия из земли Рейн-Вестфалия, сражаясь бок о бок с солдатами из Шлезвиг-Гольштейна, также на собственном горьком опыте познала силу и стойкость советских войск»²⁷.

Красная Армия сражалась за каждый метр родной земли с первых часов нападения Германии на Советский Союз. Этот очевидный факт вынуждены были отмечать немцы, встретив яростный отпор советских войск в приграничных сражениях. Красноармейцы верили, что вот-вот к ним на помощь подойдут основные силы Красной Армии, и они вместе погонят врага до самого Берлина.

Потери были большие. И статистика этого не скрывает. Но только не все они учитывались в кровопролитных боях, когда не было времени вести подсчет потерям. Многие донесения в ходе боев были утеряны, документы разбитых дивизий и корпусов безвозвратно пропали. Немало было убитых и раненых во время разгрузки дивизий из эшелонов в зоне боев, когда они выдвигались к фронту из мест постоянного пребывания. «Из числа дивизий противника, действовавших перед фронтом группы армий «Север», 12–15 дивизий следует считать полностью уничтоженными»²⁸ – записал в дневнике Ф. Гальдер. Научные комментаторы военного дневника начальника генерального штаба сухопутных сил Германии не согласны с этим утверждением. Они считают, что в Прибалтике не попала в окружение ни одна из дивизий, хотя они и понесли

большие потери. После кровопролитных сражений в Прибалтике многие советские дивизии числились только в боевых сводках. На самом деле в большинстве своем они представляли плохо организованные, разрозненные группы бойцов, над которыми потеряли управление немногочисленные оставшиеся в живых командиры. Спустя годы после войны, когда в мемуарной литературе 60-х – начала 80-х гг. XX в. многие видные военачальники пытались как-то сгладить в общественном сознании воспоминания о поражениях первых месяцев войны, на страницах книг преувеличивались возможности немецких войск и правдиво показывался героизм отдельных воинов и подразделений. Но и в этих мемуарах четко просматривалась трагедия дивизий и армий, которые приняли на себя первый удар немцев²⁹. Воевать не числом, а умением наши кадровые войска еще не могли. В Прибалтике общее количество войск немцев на главных направлениях превосходило советские дивизии, но не настолько, чтобы уже 9 июля сдать Псков.

Южнее и западнее Ленинграда Ленинградский военный округ не имел никаких войск, кроме нескольких артиллерийских частей, которые были отправлены в летние лагеря. В районе Струг Красных дислоцировалась 1-я танковая дивизия, которую в начале войны перебросили в леса и болота Карелии³⁰. Основные силы округа находились на границе с Финляндией от Финского залива до Баренцева моря. Поэтому с началом войны, 24 июня, Ленинградский военный округ был преобразован в Северный фронт. Его командующим был назначен генерал-лейтенант М.М. Попов. Название фронта соответствовало его задачам – прикрывать Ленинград с севера.

Северо-Западный и Северный фронты насчитывали шесть общевойсковых армий, два механизированных корпуса и тринадцать авиационных дивизий³¹. Рядовой состав в своем большинстве включал солдат, призванных на службу в 1940 г. Участники советско-финляндской (зимней) войны были в основном уволены в запас. Только часть командиров Северного фронта имела боевой опыт, к началу войны их число составляло менее пяти процентов.

С началом войны в Прибалтике удары немецкой авиации были нанесены по 11 аэродромам. Потери самолетов на земле только в 7-й и 8-й авиадивизиях составили 303 машины. В донесении заместителя начальника 3-го Управления НКО СССР Ф.Я. Тутушкина И.В. Сталину о потерях ВВС Северо-Западного фронта в первые дни войны говорится: «Такие потери нашей авиации объясняются тем, что в течение нескольких

часов после нападения вражеской авиации командование округа запрещало вылетать и уничтожать противника. Части ВВС округа вступили в бой поздно, когда значительная часть самолетов была уже уничтожена противником на земле. Перебазировка на другие аэродромы проходила неорганизованно, каждый командир дивизии действовал самостоятельно, без указаний ВВС округа, посадку совершали, кому где вздумается, в результате чего на некоторых аэродромах скапливалось по 150 машин. Так, на аэродроме Пильзино противник, обнаружив такое скопление самолетов, налетом одного бомбардировщика 25 июня с. г. уничтожил 30 самолетов»³².

Утром 22 июня немецкая авиация нанесла удары не только по аэродромам, но и по районам сосредоточения и выдвижения колонн советских войск. При этом до окончания артиллерийской подготовки границу перешли ударные штурмовые группы противника. Под прикрытием огня они атаковали пограничные посты, захватывали мосты и переправы. Вслед за ними двинулись передовые подразделения и части, прежде всего танковые. Моторизованная пехота получила задачу использовать и закрепить успех танков и стремительно продвигаться в глубь советской обороны, чтобы не дать возможности организовать сопротивление, создать рубежи для отражения атак. Советские солдаты были застигнуты врасплох. Многие подразделения не успели занять места на вновь возведенных и частично не завершенных укреплениях. Там, где русские успевали занять оборону, немцы встречали упорное сопротивление. Немецкие солдаты начинали осознавать, что с таким противником нельзя не считаться. Эти люди демонстрировали нападавшим не только храбрость, но и изрядное коварство. Они в совершенстве владели техникой маскировки и устройства засад и были превосходными стрелками. Русская пехота всегда славилась умением наносить удары из засад. Бойцы передовых застав, смятые, израненные, дожидались, когда первая волна немецкого наступления прокатится дальше, а потом вновь начинали сражаться. Вооруженные превосходными самозарядными винтовками с оптическими прицелами, снайперы, сидя в окопах, терпеливо поджидали свои жертвы. Они «снимали» водителей снабженческих грузовиков, офицеров и связных на мотоциклах»³³.

На правом фланге 8-й армии оборонялись части 10-й стрелковой дивизии. Эта дивизия фактически противостояла всей клайпедской группировке 18-й армии противника. На этом участке особенно самоотверженно сражались воины 62-го

стрелкового полка майора Н.Г. Сутурина. В ночь на 22 июня они успели занять полевые укрепления и отразили первый удар двух полков немцев, которые перешли в наступление на Кретингу и Палангу. Однако после мощного артиллерийского налета 291-я пехотная дивизия вермахта вновь атаковала южную окраину Кретинги и овладела ею. Упорные бои развернулись и за Палангу, которую защищал 1-й батальон 62-го полка под командованием старшего лейтенанта Хабиба Сафиуллина и артиллерийский дивизион 30-го артиллерийского полка капитана Стояновского. Батальон отразил несколько вражеских атак, чем обеспечил эвакуацию из города семей военнослужащих и части жителей. К 12 часам дня батальон был окружен противником, потерял до половины личного состава. Живые вырвались из окружения и присоединились к остальным частям дивизии. В окружении вели бои и другие подразделения и части. Понеся большие потери, 10-я стрелковая дивизия начала отходить. В результате 291-я пехотная дивизия немцев атаковала во фланг соседнюю 67-ю стрелковую дивизию, входившую в состав 27-й армии и оборонявшую побережье в районе Лиепая.

На шяуляйском направлении в первый день войны особенно ожесточенные бои развернулись в полосе 125-й и на левом фланге 90-й стрелковых дивизий, против которых развернули наступление главные силы 4-й танковой группы противника. Опасность усугублялась еще тем, что левее 125-й стрелковой дивизии на значительном участке войск прикрытия на границе вообще не было. Сюда еще только выдвигалась 48-я стрелковая дивизия генерал-майора П.В. Богданова. Двигаясь в походном порядке из Риги, дивизия в первый же день войны попала под сильный удар вражеской авиации, а затем в районе Эржвилкаса была атакована танками противника, где потеряла до 70 процентов своего состава и вынуждена была отойти и занять оборону в районе Расейняя.

В трудных условиях части 125-й стрелковой дивизии уже в 7 часов 22 июня мужественно отбивали многочисленные атаки танков и пехоты врага, поддерживаемые авиацией и артиллерией. Дивизионный легкий и гаубичный артиллерийские полки были приданы стрелковым полкам первого эшелона и составляли группы поддержки пехоты. Две батареи противотанкового дивизиона использовали полками первого эшелона для организации обороны вдоль шоссе на Шяуляй. Зенитный же дивизион не мог обеспечитькрытие боевого порядка дивизии от вражеской авиации, оборонявшейся на

широком фронте. Тем не менее части дивизии мужественно сражались с врагом. Бойцы 466-го полка вместе с артиллеристами 459-го артполка отражали вражеские удары западнее Таураге. Командир 657-го стрелкового полка майор С.К. Георгиевский умело организовал бой своих подразделений южнее Таураге, благодаря чему они не только вырвались из вражеского окружения, но и нанесли противнику большие потери. Однако в середине дня, когда вражеские танки прорвались через мост на реке Юра, части дивизии вынуждены были оставить Таураге. Охватываемая с двух сторон, под угрозой окружения дивизия отошла в леса между Таураге и Скаудвиле. На этом участке противник за первый день наступления вклинился в советскую оборону на 12 км.

В целом к исходу первого дня войны на стыке 8-й и 11-й армий немецкие войска продвинулись в глубину на 15–20 км. Штабу 8-й армии пришлось осуществлять управление войсками в необычно трудных условиях. Заброшенные на советскую территорию диверсионные группы противника выводили из строя воздушные и кабельные линии, на которых базировалась связь с войсками. Примерно в 10 часов прервалась проводная связь с корпусами. Потребовалось использовать радиосвязь, которой по-настоящему пользоваться не умели, посылать в дивизии и полки делегатов связи, которых нередко убивали литовские националисты.

К вечеру 22 июня по приказу И.В. Сталина за подписью наркома обороны С.К. Тимошенко в войска была направлена директива № 3, предусматривающая переход советских войск в контрнаступление с задачей разгрома противника на главных направлениях. Армиям Северо-Западного фронта предписывалось «прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунаса во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»³⁴. Это свидетельствовало о том, что ни Генеральный штаб Красной Армии, ни нарком обороны, да и И.В. Сталин не знали реального положения дел на фронтах начавшейся войны, утратили связь с действительностью. «Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало обстановки и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего

нельзя было делать в ответственные моменты вооруженной борьбы»³⁵, – писал Г.К. Жуков

В Прибалтике немецкие части с боями преодолели сопротивление частей прикрытия границы. Приказ о контрнаступлении, отданный командующим Северо-Западным фронтом Ф.И. Кузнецовым, на самом деле не учитывал реальной обстановки, в которой находились его армии. Под ударами танков и авиации противника они понесли большие потери. Перед атакой в боевых частях почти не было боеприпасов.

Однако войска пошли в наступление. 8-я армия в результате встречных с немцами боев потеряла почти всю бронетехнику и тяжелую артиллерию. Только в течение 25 июня в бою и от ударов вражеской авиации в 28-й танковой дивизии полковника И.Д. Черняховского было выведено из строя более 80 танков. В бою погибли командир полка майор С.Ф. Онищук, командиры батальонов майор Н.К. Александров и капитан И.В. Иволгин. Не вернулись с поля боя многие другие танкисты. В сообщении Совинформбюро 24 июня о боях юго-западнее Шяуляя было сказано: «Все атаки противника на шяуляйском направлении были отбиты с большими для него потерями. Контрударами наших механизированных соединений на этом направлении разгромлены танковые части противника и полностью уничтожен мотополк».

11-я армия неудачно попыталась отбить захваченный немцами город Каунас. Части 16-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор М.М. Иванов, были разбиты. В бою погибли командир 23-й стрелковой дивизии генерал-майор Павлов и заместитель командира 33-й стрелковой дивизии Силантьев. Тысячи бойцов и командиров армии в этих боях были убиты или ранены. На левом фланге Северо-Западного фронта генерал-полковник Кузнецов поставил литовские национальные части – две дивизии, которые воевать не хотели. После первого нажима немцев на левое крыло фронта литовцы перестреляли своих командиров и комиссаров. Часть из них сразу ушла к немцам, а остальные разбежались. Это дало возможность танковым частям противника из группы армий «Центр» крупными силами нанести удар со стороны Вильнюса во фланг и тыл Западному фронту³⁶. В Каунасе в руки немецких войск попали в полной сохранности большие продовольственные склады и частные перерабатывающие предприятия пищевой промышленности. До прихода частей вермахта они находились под охраной литовских отрядов самообороны, которые действовали повсеместно. Они не только выполняли

охранные функции, но и захватывали узлы связи, убивали представителей советской власти, бойцов и командиров Красной Армии. Пятая колонна в Прибалтике играла немаловажную роль в тылу советских войск. Многие бойцы литовских и латвийских отрядов самообороны вступили добровольцами в немецкую армию. В первые дни войны их было несколько тысяч.

Задача 56-го корпуса Манштейна состояла в том, чтобы, преодолевая сопротивление советских войск, прорваться от границы к Двинску (Даугавпилсу), который находился более чем в 300 километрах. Первой его целью были мосты через реку Дубисса в районе Эйроголы. 22 июня, разгромив несколько советских частей и преодолев систему дотов, 8-я танковая дивизия генерала Бранденбергера к 20 часам вышла в район города Эйрогола и захватила мосты через Дубиссу. За первый день войны передовые немецкие части на этом участке фронта преодолели 80 километров. Уже 26 июня танки корпуса Манштейна вошли в западную часть Двинска (Даугавпилса) и захватили мосты через Западную Двину. Охрана мостов была застигнута врасплох и не смогла организовать серьезного сопротивления. Передовой отряд немцев, переодетый в форму бойцов Красной Армии, проехал на грузовиках через город и атаковал предмостовые укрепления, занимаемые небольшой группой бойцов. Никто не ожидал появления немцев в районе города. И это сыграло решающую роль в захвате Двинска (Даугавпилса). Командир советского подразделения, охранявшего мост, не успел привести основные детонаторы в действие. Посты были обезврежены. Шоссейный большой мост достался танкистам Манштейна неповрежденным. Небольшой взрыв лишь немного повредил настил железнодорожного моста. Он остался пригодным для прохода боевой техники.

В это время наступающие колонны немцев подверглись атаке 21-го механизированного и 5-го воздушно-десантного советских корпусов. 28 июня они отбросили немцев с передовых позиций и ворвались в Двинск (Даугавпилс). «Бой принял ожесточенный характер. Кварталы города и даже отдельные дома переходили из рук в руки. Наши танкисты расстреливали врага в упор, давили гусеницами и броней, применяли таранные удары»³⁷, – писал в воспоминаниях после войны командир 21-го механизированного корпуса генерал Д.Д. Лелюшенко.

В боях под Двинском (Даугавпилсом) 21-й механизированный корпус в тесном взаимодействии с авиацией и десантниками нанес серьезный урон частям 56-го моторизованного корпуса врага. Много танков, орудий и минометов было подбито и уничтожено. Более тысячи вражеских солдат и офицеров остались на поле боя. 285 солдат, в том числе 10 офицеров, вермахта сдались в плен³⁸. Это был успех советских войск в первые дни войны, которые убедительно показали, что при умелом командовании, организованности и дисциплине сильного и наглого врага можно бить. 21-му механизированному корпусу, как и многим другим соединениям, которые приняли на себя первые удары врага, пришлось вести тяжелые оборонительные бои методом подвижной обороны, не имея соседей, с открытыми флангами. В мирных условиях танкисты практически не учились этому. Не был он проработан и в армейских уставах.

В сложной обстановке войска Северо-Западного фронта сумели на несколько дней остановить стремительное наступление германских войск на Ленинград.

Движение 41-го моторизованного корпуса немцев также было задержано сильным сопротивлением советских войск в районе Шяуляя.

«Как можно было предвидеть, противник подтянул свежие силы, и не только от Пскова, но и от Минска и Москвы. Вскоре нам пришлось на северном берегу Двины обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участках дело принимало серьезный оборот», — писал в мемуарах генерал-фельдмаршал Манштейн³⁹.

Используя преимущество внезапного нападения, за первые месяцы войны противник нанес тяжелое поражение 100 советским дивизиям. За это время наши войска потеряли 6 000 танков, 3 500 самолетов, более 20 000 орудий и минометов. Почти четвертая часть этих потерь пришлась на долю войск Северо-Западного фронта, действовавших в Прибалтике против группы армий «Север». На оккупированной противником территории размещалось 200 складов, что составляло 52 процента окружных складов и складов Наркомата обороны, находившихся в приграничных округах. Все они были либо уничтожены, либо захвачены противником⁴⁰.

Войска вермахта несли немалые потери. Как отмечал немецкий исследователь Б. Мюллер-Гиллебранд, «до войны с Советским Союзом немецкая армия несла удивительно малые потери. Во всех прошедших военных кампаниях с начала

войны немецкие сухопутные силы потеряли убитыми и пропавшими без вести в общей сложности менее 100 тыс. человек. Столько же только убитыми потеряли уже в первые восемь недель войны против Советского Союза»⁴¹. Немалая часть этих потерь пришлась на группу армий «Север».

Преимущество немцев над войсками генерал-полковника Ф.И. Кузнецова на отдельных участках фронта за счет умелого маневрирования силами составляло приблизительно два к одному в пехоте и артиллерии. Советские соединения были рассредоточены по всей Прибалтике – от 100 до 350 км от границы. Непосредственно в приграничных районах дислоцировалось только семь дивизий прикрытия. Их раздавили немецкие танки в первые дни наступления. Остальные советские соединения вводились в бой по мере приближения противника, иногда им приходилось вступать в сражение прямо с марша, не успев создать линию обороны. Танки в дивизиях Ф.И. Кузнецова были в основном устаревшего образца со слабой броней. Только мужество и героизм советских солдат спасли фронт от разгрома. Они смело бросались под немецкие танки с последней гранатой, шли в штыковую атаку на немецкие пулеметы, дрались до последней возможности в полном окружении. Штаб генерал-полковника Ф.И. Кузнецова не имел подробного плана действий на случай немецкого блицкрига, не занимался разработкой оборонительной тактики для отражения немецкого наступления. Сталинская доктрина «война будет вестись на вражеской территории малой кровью», недооценка сил противника и переоценка своих создали те условия, в которых оказалась Красная Армия в первые недели Великой Отечественной войны. Накануне войны многие дивизии Прибалтийского особого военного округа имели недокомплект в личном составе и «лишь ничтожную долю по штатному расписанию оружия и боеприпасов»⁴². В первых боях наглядно проявились все те недостатки, о которых дальновидные советские генералы говорили на совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. в Москве. В докладе начальника Генерального штаба Красной Армии К.А. Мерецкова «Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего начсостава» говорилось: «В результате осенних смотровых учений, проведенных наркомом и его заместителями, а также командующими войсками, установлено, что высший командный состав, увлеченный решениями текущих вопросов, забыл задачи боевого порядка – (повседневную) работу дивизий,

корпусов и армий сочетать с боевой подготовкой отделений, взводов...»⁴³. Начальник штаба Ленинградского военного округа генерал П.Г. Понеделин, выступая на этом совещании, сказал: «...максимум внимания мы должны уделять выработке в себе умения организовать оборону минимальными силами»⁴⁴. Как раз этого умения не хватало в первые недели войны. Не всем понравилось выступление П.Г. Понеделина, который говорил об обороне, когда товарищ Сталин требовал думать только о наступлении. В марте 1941 г. генерала назначили командовать 12-й армией, а в августе этого же года в ходе ожесточенных сражений за Украину он попал в плен к немцам. После войны по возвращении из плена генерал П.Г. Понеделин был арестован и в 1950 году расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Никаких выводов из совещания в декабре 1940 г. не было сделано, как остались без внимания все те недостатки, которые выявились в ходе «зимней войны» с Финляндией.

В первых боях сказывались просчеты в подготовке не только высшего командного состава армий и дивизий, которые не всегда оперативно реагировали на изменяющуюся боевую обстановку, но и неумение организовать эффективную оборону подразделений низшего армейского звена – рот, взводов, отделений. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в воспоминаниях писал: «Неблагоприятно на ходе сражений в первые дни сказалось еще одно обстоятельство. Некоторые командармы, вместо того чтобы организовать твердое управление со своих командных пунктов и поддерживать связь с соседями и штабом фронта, бросились в части и отдавали указания, не зная об обстановке на других участках армии. Тем самым командиры частей и соединений ставились в трудные условия. Не имея устойчивой связи с вышестоящим командованием, они были вынуждены действовать по своему разумению, как им казалось целесообразным, и довольно часто в ущерб соседям»⁴⁵.

Начало войны с фашистской Германией трагическим образом сказались не только на состоянии Красной Армии, которая в первых сражениях понесла большие потери. В растерянности находились партийные и советские органы. 29 июня 1941 г. Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) направили директиву партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой говорилось: «Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием

и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма»⁴⁶. Руководство страны требовало в беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственную народу. В документе ставилась задача укреплять тыл Красной Армии, организовывать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, вести беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла. При вынужденном отходе частей Красной Армии требовалось угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза и вагона, ни килограмма хлеба, ни литра горючего.

Колхозники должны были угонять скот, хлеб сдавать государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе и цветные металлы, хлеб и горючее, которое не могло быть вывезено, подлежало безусловному уничтожению. Этот документ подписали председатель Совнаркома СССР и секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин и заместитель председателя Совнаркома СССР В. Молотов.

5 июля Ставка отдала приказ формировать специальные команды истребителей танков, вооруженных гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Они создавались из наиболее смелых, инициативных, самоотверженных бойцов. Патриоты-смертники ценой собственной жизни останавливали немецкие танки, имея в руках лишь одну бутылку с зажигательной смесью.

Обстановка на северо-западном направлении для советских войск складывалась крайне неблагоприятно. Враг в первые недели боев добился значительных успехов. Войскам Северо-Западного фронта не хватало сил, воинского умения, чтобы отразить удары наступавшего противника и закрепиться на рубеже Западной Двины. С тяжелыми боями они отступали из Прибалтики по расходящимся направлениям: 8-я армия – в Эстонию, 27-я – на восток, к реке Великая, 11-я армия – в район Невеля. За первые 18 дней войны Северо-Западный фронт потерял Литву, Латвию, часть территории Эстонии и РСФСР, открыв дорогу на Ленинград. Красная Армия уступала противнику не в количестве техники и вооружения, как привыкли объяснять трагедию начала войны, а качественно. Главные ее беды были в неумении организации войск, слабом командовании, хроническом недостатке хороших командиров,

выкошенных предвоенными репрессиями, ошибочном представлении о противнике и преувеличении собственных возможностей. В итоге многие кадровые советские дивизии растаяли в проигранных приграничных боях. Немецкие танки пришлось останавливать на Пулковских высотах бутылками с зажигательной смесью необученным ополченцам, наспех вооруженным чем попало⁴⁷.

После тяжелых боев отступающие войска 8-й армии к 10 июля закрепились на рубеже Пярну–Мустла–Тарту–Йыти, готовясь к обороне на самостоятельном оперативном направлении – эстонском участке фронта. Части 10-го и 11-го стрелковых корпусов держали фронт протяженностью 180 километров. Они были измотаны и ослаблены в предыдущих боях. Так, 10-я стрелковая дивизия имела в своем составе 2577 человек, 27 орудий и минометов, орудие ПТО и 89 пулеметов⁴⁸. Авиационное прикрытие было очень слабым, так как в это время остатки авиации фронта действовали на лужском и новгородском направлениях.

На псковском направлении образовалась брешь, в которую устремились подвижные танковые соединения немцев. Выдвинутые сюда из резерва Ставки 1-й механизированный, 41-й и 22-й стрелковые корпуса не успели занять позиции и подготовить оборону в Псковском и Островском укрепленных районах. 6 июля передовые немецкие части заняли Остров, а 9 июля – важный стратегический пункт город Псков, который в то время являлся частью Ленинградской области.

Принимая меры к ликвидации прорыва в районе Пскова и Острова, вступивший в командование Северо-Западным фронтом вместо раненого Ф.И. Кузнецова генерал П.П. Собенников 9 июля возложил руководство оборонявшимися здесь войсками на управление 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова. Однако слабо организованная оборона на реке Великой не выдержала ударов немецких танков. Соединение 4-й танковой группы прорвалось к Порхову, устремилось к станции Дно и поселку Струги Красные. Враг повел наступление на Ленинград с юга, где в спешном порядке возводилась Лужская оборонительная линия.

В конце июня перешли в наступление севернее Ленинграда и финские войска. Над колыбелью революции нависла угроза захвата. Северо-Западный фронт в результате приграничных боев оказался сильно ослабленным. Из 33 дивизий трех армий (8, 11 и 27-й) в середине июля полностью укомплектованными (по 11–13 тыс. человек) были только семь⁴⁹.

Поэтому еще 9 июля Ставка передала в состав Северо-Западного фронта 70-ю и 177-ю стрелковые дивизии, 21-ю танковую дивизию 10-го механизированного корпуса из района Луги, а также истребительный противотанковый артиллерийский полк из Ленинграда. Фронту была поставлена задача: не допустить прорыва противника в направлении Старая Русса, Новгород, Луга⁵⁰.

Войска группы армий «Север» 9 июля 1941 г. получили следующие задачи: 16-й армии во взаимодействии с войсками левого крыла группы армий «Центр» предстояло наступать с рубежа Пушкинские Горы, Опочка, Идрица в восточном направлении и разгромить войска 27-й советской армии, выйти на рубеж Великие Луки, Холм, Старая Русса. 4-я танковая группа своим правым крылом должна была наступать в направлении Порхов, Новгород, Чудово, чтобы перерезать Октябрьскую железную дорогу и обойти Ленинград с юго-востока. Левофланговые соединения группы получили приказ наступать через Лугу и с ходу захватить Ленинград. Основные силы 18-й армии, находившиеся во втором эшелоне, получили задачу развернуться в районе севернее Пскова и наступать вдоль восточного берега Псковского и Чудского озер и овладеть Нарвой. Войскам левого фланга этой армии приказывалось захватить Эстонскую ССР, порт Таллин и по южному побережью Финского залива выйти в район Нарвы⁵¹.

Финским вооруженным силам предстояло разгромить войска Северного фронта на Карельском и Онежско-Ладожском перешейках, содействовать немецко-фашистским войскам в овладении Ленинградом и выйти на реку Свирь.

Сложная обстановка требовала объединенных и согласованных усилий Северо-Западного и Северного фронтов, а также Краснознаменного Балтийского флота. В этих целях постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 10 июля было создано Главное командование Северо-Западного направления. Главкомом был назначен Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, членом Военного совета – член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов⁵².

Руководство военными действиями Северного, Северо-Западного фронтов, Балтийским и Северным флотами стал осуществлять главком Северо-Западного направления Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Это был неудачный выбор И.В. Сталина. К.Е. Ворошилов не обладал опытом ведения современной войны, придерживался старых принципов управления войсками. Он был храбрым человеком, но ему не

хватало воли, твердости для принятия ответственных решений. Он постоянно проводил ненужные совещания с армейскими командирами, когда обстановка на фронте требовала быстрых ответных действий на стремление врага диктовать свои условия в боевой ситуации.

В условиях непосредственной угрозы прорыва противника к Ленинграду Ставка решила привлечь для обороны юго-западных и южных подступов к городу часть войск Северного фронта. Командующий Северным фронтом генерал М.М. Попов получил приказ организовать оборону по правому берегу реки Луга от Финского залива до озера Ильмень⁵³. Для этих целей на Лужский рубеж, который в срочном порядке возводили мобилизованные на оборонные работы ленинградцы, были выдвинуты семь стрелковых дивизий, в том числе три дивизии народного ополчения, стрелковая бригада, ленинградские военные училища, артиллерийские части. Они составили Лужскую оперативную группу во главе с заместителем командующего фронтом генералом К.П. Пядышевым⁵⁴. Были приняты меры авиационного прикрытия наземных частей. Для согласованного отражения ударов противника на ленинградском направлении и централизации руководства боевой деятельностью военно-воздушные силы Северного и Северо-Западного фронтов, Краснознаменного Балтийского флота и 7-го истребительного авиационного корпуса ПВО были подчинены единому командованию во главе с генералом А.А. Никитовым.

На подходах к Луге советские войска оказали упорное сопротивление 41-му моторизованному корпусу генерала Г. Рейнгардта. Его наступательные возможности стали ослабевать. «Танковая группа Гепнера, – заметил 12 июля Ф. Гальдер, – авангарды которой ослаблены и устали, лишь незначительно продвинулась в направлении Ленинграда»⁵⁵. Генерал Э. Гепнер решил отказаться от прямого прорыва на Лугу и повернул соединения Г. Рейнгардта на северо-запад, на Кингисепп, чтобы, как он доносил командующему группой армий «Север», быстрее и неожиданнее прорвать оборону советских войск и нанести удар на Ленинград. 14 июля танковые части противника по лесным дорогам скрытно вышли к реке Луге, форсировали ее и захватили на правом берегу два плацдарма. Однако развить наступление с этих плацдармов им не удалось. Упорной обороной выдвигавшихся из Ленинграда войск продвижение противника на рубеже реки Луги к 19 июля было остановлено⁵⁶. Немецкое командование группы армий «Север»

приказало прекратить наступление на Ленинград и возобновить его «лишь в том случае, если 18-я армия соединится с 4-й танковой группой, а ее наиболее продвинувшийся восточный фланг будет надежно прикрыт силами 16-й армии»⁵⁷.

Выполняя директиву Ставки по созданию прочной обороны на Лужском рубеже, Военный совет Северного фронта совместно с Ленинградским обкомом ВКП(б) и горкомом партии сформировал пять ополченческих дивизий, укомплектованных исключительно добровольцами, и направил их занимать оборону на подступах к Ленинграду⁵⁸. Всего в течение июля – сентября 1941 г. в составе дивизий народного ополчения, истребительных полков и пулеметно-артиллерийских батальонов город на Неве отправил на фронт 135 тысяч человек⁵⁹. Принятыми мерами продвижение немецко-фашистских войск было остановлено на три недели. Это побудило Гитлера лично выехать в группу армий «Север». 30 июля он приказал возобновить наступление на Ленинград, нанося главный удар между озером Ильмень и Нарвой, окружить город и установить связь с финскими войсками, которые тоже должны были активизировать свои действия в направлении Ленинграда. Группа армий «Север» и войска финнов усилились дополнительными резервами⁶⁰. Противник намеревался взять Ленинград за счет широкого флангового охвата с юго-востока. По мнению верховного командования вермахта, русские дивизии, потоком откатывающиеся из Прибалтики, должны были как в сеть угодить в огромную дугу, защищенную с востока болотистыми берегами реки Волхов.

Советские войска, оборонявшиеся на новгородском направлении, оказали стойкое сопротивление наступающим частям вермахта. Натолкнувшись на упорную оборону 182-й стрелковой дивизии, части 56-го корпуса Манштейна не смогли прорваться к городу Дно. С 12 по 14 июля за этот город продолжались ожесточенные бои. 17 июля здесь совершил подвиг заместитель политрука эстонец А. Мери. Он возглавил группу бойцов численностью не более 20 человек, отразившую прорыв превосходящих сил гитлеровцев к штабу 22-го стрелкового корпуса в районе станции Дно. Трижды раненный, А. Мери разил противника из пулемета, поддерживал бойцов, помогал им отражать атаки врага. Только после того, как немцы отступили, отважный воин был отправлен в медсанбат. За проявленное мужество он был удостоен звания Героя Советского Союза. Оставив дивизию СС «Мертвая голова» в Порхове,

немецкое командование отдало приказ 3-й моторизованной и 8-й танковой дивизиям наступать вдоль левого берега реки Шелони на Сольцы. 14 июля 8-я танковая дивизия заняла Сольцы, а на следующий день танки, входившие в ее передовой отряд, появились на реке Мшаге в районе Шимска. Продвинулись вперед и части 3-й моторизованной дивизии, которым удалось выйти в район населенного пункта Батецкий, перерезав железную дорогу от Новгорода на Лугу и от станции Дно на Ленинград. Возникла реальная угроза захвата Новгорода немецкими войсками. Гитлеровские генералы не сомневались, что могут с ходу захватить Новгород.

Видя опасность, которая угрожала Ленинграду с юго-запада, советское командование за счет снятия дивизий с других участков фронта бросило в район южнее озера Ильмень крупную группировку с целью нанесения удара по открытому флангу главных сил группы армий «Север», наступавших в северо-восточном направлении. Чтобы не допустить противника к Новгороду, командующий Северо-Западным фронтом приказал войскам 11-й армии нанести в районе города Сольцы контрудар по противнику. Армия усиливалась 21-й танковой дивизией 1-го механизированного корпуса, сосредоточенной еще 12 июля в районе Городище, 70-й стрелковой дивизией из состава Лужской оперативной группы и 237-й стрелковой дивизией, переброшенной из Красногвардейска (Гатчины). Для проведения контрудара были созданы две оперативные группы. Северная – в составе 21-й танковой, 70-й и 237-й стрелковых дивизий – наносила удар с рубежа Городище, Уторгош в юго-западном направлении. Южной группе – 183-й стрелковой дивизии – предстояло наступать с рубежа Строкино, Горушка в северном направлении на Сытню и там соединиться с частями северной группы. Контрудар, осуществленный с 14 по 18 июля, явился неожиданным для врага. Советские войска отбросили противника на 40 километров. 8-я танковая дивизия немцев оказалась отрезанной от основных сил. Только авиация вывела из строя 30 немецких танков и большое количество автомашин⁶¹. Попали в окружение и понесли большие потери некоторые другие части 56-го корпуса Манштейна. Им пришлось с боями прорываться к основным силам группы армий «Север». 8-я танковая дивизия лишилась более половины своих танков.

Командование группы армий «Север» подтянуло к реке Шелонь в районе севернее города Дно 1-й армейский корпус и 19 июля возобновило наступление на новгородском направ-

лении. Против двух ослабленных советских дивизий, прикрывавших направление на Сольцы, действовали три пехотные и две моторизованные дивизии противника. Они в четыре раза превосходили советские войска по численности. Кроме того, немцы обладали превосходством в авиации, артиллерии и особенно в автоматическом стрелковом оружии.

Одна из причин отхода 11-й армии с рубежа реки Великой к реке Луга состояла в том, что некоторые командиры частей и соединений плохо знали тактику наступательных действий противника, заключающуюся в организации ударных группировок для прорыва на узком фронте и глубокого вклинивания в тыл советских войск преимущественно вдоль хороших дорог. Именно на узком участке фронта создавалось численное превосходство в живой силе и танках, которые ломали оборону ослабленных в боях полков и дивизий. Не поняв этой тактики врага, советские командиры не использовали благоприятно сказывающуюся обстановку при прорыве вражеских частей и соединений советской обороны для нанесения решительных контрударов по флангам и тылам. Неумение маневрировать собственными силами, создавать ударные группы, прикрывать танкоопасные направления за счет артиллерийских и танковых засад приводило к прорыву фронта, поражению и, как правило, неорганизованному отступлению. Во время битвы за Москву именно тактика артиллерийских и танковых засад, фланговых ударов позволила вести успешную борьбу с танковыми частями вермахта.

В штабе группы армий «Центр» 4 августа Гитлер заявил, что, по его расчетам, задача по овладению Ленинградом будет выполнена к 20 августа⁶².

В соответствии с директивой Ставки ВГК от 4 августа 1941 г., за счет войск левого фланга Лужской оборонительной линии была 7 августа сформирована 48-я армия, подчиненная Северо-Западному фронту. В нее вошли: 1-я отдельная горнострелковая бригада, 70, 128, 327-я стрелковые дивизии и 1-я дивизия народного ополчения, а также 21-я танковая дивизия⁶³. Командующим армией назначили генерал-лейтенанта С.Д. Акимова. В течение 10–12 августа они вели оборонительные бои на новгородском направлении. 70-я стрелковая дивизия и 1-я отдельная горнострелковая бригада, которые оборонялись на направлении главного удара немцев, подверглись атаке трех пехотных дивизий, поддержанных 8-м авиакорпусом пикирующих бомбардировщиков. Не выдержав такого удара, неся огромные потери, советские части начали отступать.

В середине августа 38-я советская армия в составе восьми дивизий атаковала 10-й армейский корпус немцев. Это создало угрозу глубокого охвата противника и выход в тыл лужской группировки гитлеровцев, которые готовились к наступлению на Ленинград с этого рубежа. Командование группы армий «Север» в спешном порядке сняло часть сил 4-й танковой группы Гепнера и бросило во фланг советской ударной группировке. Во взаимодействии с 10-м армейским корпусом эти танковые части нанесли поражение советским войскам южнее озера Ильмень и отбросили их к Валдайской возвышенности, где они были почти полностью уничтожены во взаимодействии с танковыми силами группы армий «Центр». «Корпус за эти дни захватил 12 000 пленных, 141 танк, 246 орудий, а также сотни пулеметов, автомашин и другие транспортные средства. Среди трофеев находились две интересные вещи. Одна из них – новенькая батарея немецких 88-мм зенитных орудий образца 1941 г.! Вторая – это первое советское реактивное орудие, захваченное немецкими войсками», – писал об этих боях Эрих фон Манштейн в книге «Утерянные победы»⁶¹. В результате немецкие войска, действовавшие по прямому флангу группы армий «Север», смогли продвинуться до рубежа Осташков, Демянск и установить прочную связь с войсками группы армий «Центр».

Но в дальнейшем группа армий «Север» не добилась желаемых оперативных успехов. Противостоящие группе армий советские войска почти всегда умело избегали окружения и, сохраняя целостность фронта, отходили на подступы к Ленинграду⁶⁵.

По предложению Военного совета направления 8-я армия и 41-й стрелковый корпус, оборонявшие северную часть Эстонии, 14 июля были переданы в состав Северного фронта, чтобы их активными действиями оттянуть часть сил противника с псковско-ленинградского направления. Из Кандалякши под Ленинград в срочном порядке перебрасывалась танковая дивизия⁶⁶. Это была та самая 1-я танковая дивизия, которую командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М.М. Попов в начале войны отправил из района Струги Красные в Карелию. Там в лесах и болотах она потеряла большую часть танков и вернулась под Ленинград сильно ослабленной боевой единицей. Неумение командования использовать в боях крупные танковые соединения приводило к тому, что их применяли не как ударную силу для разгрома врага, а как средства поддержки пехоты. Все это приводило к распылению средств,

большим неоправданным потерям. Проанализировав ситуацию, Ставка ВГК уже в начале войны приказала расформировать танковые корпуса и дивизии и создать на их базе танковые бригады.

Проведенные Ставкой и командованием фронтов мероприятия затормозили наступление немецко-фашистских войск. Если в первые дни войны они продвигались в среднем по 26 километров в сутки, то в июле темп наступления не превышал 5–6 километров⁶⁷. Этому способствовали также активные действия войск Западного фронта на реках Березине, Днепре и под Смоленском. Они не позволили противнику использовать 3-ю танковую группу армий «Центр» для наступления на Ленинград, как это было предусмотрено планом «Барбаросса». К концу июля стало очевидным, что ни о каком захвате Ленинграда 21 июля не может быть и речи.

В свою очередь, возрастающее сопротивление советских войск на северо-западном направлении осложняло действия противника на главном – западном стратегическом направлении. Не случайным является тот факт, что вражеское командование захват Москвы ставило в зависимость от событий на северо-западном направлении. Таким образом, Ленинград являлся важнейшим объектом на направлении главного стратегического удара немецко-фашистской армии. От устойчивости его обороны в значительной мере зависел ход войны и возможность нашей победы над врагом⁶⁸. Находясь в группе армий «Центр», Гитлер 4 августа 1941 г. подчеркнул, что первая цель – захват Ленинграда – может быть достигнута войсками группы армий «Север» к 20 августа. После этого все находящиеся там авиационные силы и значительная часть войск группы армий «Север» будут переданы в распоряжение группы армий «Центр» для наступления на Москву⁶⁹. На правый фланг наступления группы армий «Север» с целью охвата Ленинграда с востока были переброшены свежие дивизии. И в дальнейшем усиление войск этого направления происходило за счет привлечения новых сил с других участков советско-германского фронта и резервов вермахта. Так, в начале октября количество немецких дивизий под Ленинградом возросло до 33, из них – две танковые и три моторизованные⁷⁰. Миф о том, что Гитлер спас Ленинград, когда 6 сентября приказал фон Леебу отвести танки от Ленинграда, не выдерживает серьезной критики. Согласно директиве верховного командования сухопутных войск, в ночь на 17 сентября 1-я танковая дивизия немцев приступила к погрузке уцелевших танков на железнодоро-

рожные платформы в Красногвардейске (Гатчине), а 36-я моторизованная дивизия своим ходом направилась к Пскову. Понесшая потери 6-я танковая дивизия задержалась на несколько дней, чтобы сдать свои позиции пехотным частям. Это была обычная в условиях военного времени перегруппировка сил. Немецкое командование стремилось использовать подвижные танковые силы там, где они могли принести наибольшую пользу. При штурме хорошо укрепленного города, каким был Ленинград, в уличных боях они обрекались на уничтожение. И это понимали в немецких штабах, поэтому и делали ставку на пехотные и саперные части, привлекая их к предстоящему штурму. Последующий опыт войны показал, что использование танковых соединений в условиях городских улиц малоэффективно и ведет к неоправданно высоким потерям.

8 августа немецко-фашистские войска перешли в наступление с плацдарма на реке Луге в сторону Красногвардейска (Гатчины), а через день нанесли удары на лужско-ленинградском и новгородско-чудовском направлениях. Оборонительные операции войск Лужского участка Северного фронта и 48-й армии Северо-Западного фронта на южных подступах к Ленинграду начались 10 августа. Ожесточенные бои шли к югу и юго-востоку от Ленинграда, на Карельском перешейке, а также между Онежским и Ладожским озерами. 15 августа противник прорвался на левом фланге Лужской оборонительной линии в районе Шимска. Советские войска начали отход на ближайшие подступы к Ленинграду.

16 августа 1941 г. И. Сталин как председатель Государственного Комитета Оборона, вместе с заместителем председателя ГКО В. Молотовым, маршалами С. Буденным, К. Ворошиловым, С. Тимошенко и генералом армии Г. Жуковым подписал знаменитый приказ № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В нем говорилось о беспощадном расстреле трусов и дезертиров, аресте семей воинов, нарушивших присягу, и лишения государственных пособий семей сдавшихся в плен красноармейцев. Этот приказ произвел сильное впечатление на бойцов и командиров Красной Армии.

Дополнение к директиве ОКВ (объединенное командование вермахта) № 34, сделанное 12 августа, явилось следствием новой оценки обстановки на советско-германском фронте в результате успеха, достигнутого немецко-фашистскими войсками в Правобережной Украине южнее Киева. В ней были

поставлены далеко идущие задачи. Согласно этому дополнению, группа армий «Центр» может (на свое усмотрение) предпринять наступление на Москву. Но эта свобода действий предоставляется командованию группы армий только на определенных условиях, а именно: окончание операции по захвату Ленинграда и т. д.⁷¹

В директиве Гитлера от 21 августа, которая имела решающее значение для всей восточной кампании, говорилось: «1. Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русской нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками»⁷².

В августе развернулись оборонительные операции войск Северного (Ленинградского) и Северо-Западного фронтов на ближайших подступах к Ленинграду. Упорные бои не прекращались ни на один день. Важнейшими сражениями в этот период стали оборона Красногвардейского (Гатчинского) укрепленного района, защита Лигова–Пулкова–Колпина. Пользуясь численным перевесом в танках и авиации, противник нанес серьезное поражение советским войскам. Из-за плохого управления войсками, запоздалого принятия решений, растерянности командования и отсутствия связи советские части оказывались оторванными друг от друга, нередко были вынуждены драться в окружении, как это случилось с оборонявшими Лугу дивизиями 41-го стрелкового корпуса. Их настойчивые попытки соединиться с главными силами фронта севернее Вырицы не увенчались успехом. Окруженные сражались до последней возможности, оттягивая на себя крупные силы противника. Тысячи рядовых бойцов и командиров пали смертью храбрых, части воинов не удалось избежать плена, но они задержали врага.

Советское командование Северо-Западного направления силами 34-й армии генерал-майора К.М. Качанова и 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова осуществило контрудар под Старой Руссой. Сначала наступление умело успех. За 12–14 августа 34-я армия продвинулась на 50 км и совместно с 11-й армией стала угрожать тылу всей новгородской группировки противника. Немецкое командование перебросило на опасный участок с новгородского направления и из-под Луги две моторизованные дивизии и нацелило усилия 8-го авиационного корпуса. Одновременно со смоленского направления на старорусское прибыл 39-й моторизованный корпус (танковая

и две моторизованные дивизии) из состава 3-й танковой группы Центрального фронта⁷³.

«Контрудар 34-й армии хотя и не получил глубокого развития, но все-таки оказал влияние на ход дальнейших событий. В момент своего наибольшего успеха южная ударная группировка противника лишилась подвижных войск, столь необходимых ей для продолжения наступления. Темп наступления соединений 18-й немецкой армии и 4-й танковой группы резко снизился»⁷⁴, – сообщает «История второй мировой войны 1939–1945 гг.».

15 августа немецкие войска вышли к Новгороду.

Разведке противника удалось перехватить приказ комдива И.Т. Коровникова: «Город Новгород защищать до последнего человека!» Штурмовала старинный русский город на Волхове 21-я пехотная дивизия немцев. Она была усилена штурмовыми ротами 424-го полка 126-й пехотной дивизии⁷⁵. 16 августа немцы водрузили флаг со свастикой над Новгородским кремлем в западной части города. Но бои в Новгороде продолжались целую неделю. В них особенно отличилась 28-я танковая дивизия, которой командовал полковник И.Д. Черняховский, ставший в годы войны генералом армии, командующим 3-м Белорусским фронтом и погибший на подступах к Кенигсбергу. Дивизия находилась на реформировании. В предыдущих боях она потеряла почти всю технику и понесла большие потери в людях. Артиллерийский полк и саперно-понтонный батальон дивизии были приданы частям, действовавшим на других участках фронта. Утром 16 августа дивизия прибыла в район Новгорода и западнее пригородного селения Новая Мельница с ходу вступила в бой. «Самолеты противника, – вспоминал бывший комиссар 28-й танковой дивизии А.Л. Банквигер, – непрерывно бомбили расположение наших частей. Бомбы потоком низвергались на людей, укрывшихся за метровыми стенами домов, воздвигнутых еще в елизаветинские времена. Все громыhalo, рушилось в щебень, поыхало пламенем; вокруг смердило горелым человеческим мясом, бензином, подожженных немецких танков и еще чем-то донельзя противным. По воздуху, словно черный снег, носились хлопья сажи. И в этом море пламени и тошнотворного смрада советские воины дрались за каждый квартал, каждый дом, этаж, каждую наспех сооруженную баррикаду»⁷⁶.

В эти дни политрук танковой роты Александр Панкратов в момент атаки на укрепленную позицию в районе бывшего Кириллова монастыря грудью закрыл пулеметную точку про-

тивника, обеспечив ценю своей жизни выполнение боевой задачи. Указом Президиума Верховного Совета СССР 12 марта 1942 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Рядом с 28-й танковой дивизией героически сражались бойцы 3-й танковой дивизии, которой командовал полковник К.Ю. Андреев. Она почти не имела танков. Сражаясь в пешем строю, танкисты отважно бросались в штыковые атаки. «Проклятой черной пехотой» называли гитлеровские солдаты одетых в промасленные комбинезоны танкистов.

Только 24 августа защитники Новгорода получили письменный приказ оставить город и закрепиться на восточном берегу реки Волхов и ее притоков – Лешовни и Малого Волховца. На этом участке фронта немцы дальше не прошли.

Приказом Главкома Северо-Западного направления 19 августа 48-я армия была передана из состава Северо-Западного фронта Северному фронту. На нее возлагалась задача не допустить прорыва противника к Ленинграду с юго-востока, вдоль Октябрьской железной дороги⁷⁷.

Отразив контрудар советских войск под Старой Руссой, противник захватил город Демянск, который тоже входил в состав Ленинградской области. Из-за неумело организованного отхода и слабого руководства штаба 34-й армии в плен попало более 25 тысяч человек. Тем не менее враг не смог пробиться к Бологому и перерезать Октябрьскую железную дорогу.

В целях лучшей организации управления и сосредоточения усилий войск левого крыла Северного фронта, прежде всего на обороне Ленинграда, 23 августа 1941 г. фронт был разделен на два: Карельский и Ленинградский. В состав Карельского фронта под командованием генерал-лейтенанта В.А. Фролова включались 14-я и 7-я армии, ему же подчинялся и Северный флот. В Ленинградский фронт под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова вошли 23-я, 8-я и 48-я армии⁷⁸.

21 августа неприятельские части заняли станцию Чудово, перерезав Октябрьскую железную дорогу.

В конце августа обстановка под Ленинградом резко осложнилась. В связи с этим принимались срочные меры по усилению группировки войск на ленинградском направлении. Слуцко-колпинский сектор Красногвардейского укрепрайона с 31 августа стал самостоятельным укрепрайоном; действовавшие здесь войска были объединены в 55-ю армию, а остальные соединения Красногвардейского укрепрайона – в 42-ю армию⁷⁹.

На линии Тихвин, Малая Вишера, Валдай, Осташков в спешном порядке развертывалась 52-я отдельная армия, прибывшая из резерва Ставки и находившаяся в непосредственном ее подчинении. 28 августа ослабленные части 48-й армии оставили Московское шоссе на участке Чудово, Любань и отошли на север. Части 70-й стрелковой дивизии пытались задержать противника в направлении на Любань, но сил для активного противодействия у них не было. 292-я стрелковая дивизия 52-й армии была срочно переведена на западный берег реки Волхов для обороны по реке Тигода с целью прикрытия направления на Кириши. Через восемь дней противник овладел Тосно и наступал на станцию Мга, район Ям-Ижора и Ивановское. Советское командование осознало необходимость создания крупной группировки сил в восточных районах Ленинградской области с целью фланговых ударов по наступающим частям 16-й армии вермахта, которые наносили удар на Мгу и Шлиссельбург. В этом направлении наступал 39-й механизированный корпус генерала Рудольфа Шмидта. В ее состав в первые дни войны входили 7-я и 20-я танковые дивизии, 14-я и 20-я моторизованные дивизии⁸⁰. Подвижные соединения Шмидта действовали в районе Старой Руссы. По приказу верховного командования сухопутных сил Германии корпус Шмидта был передан в группу армий «Север», с тем чтобы нанести удар на север и окружить Ленинград с востока. На этом этапе сражения произошла перегруппировка подвижных соединений, и в состав корпуса вошли 8-я и 12-я танковые дивизии, 18-я и 20-я моторизованные дивизии. Командир 20-й моторизованной дивизии генерал-майор Цорн получил приказ захватить Мгу, выйти к Шлиссельбургу и отрезать пути отступления советских войск, которые обороняли Ленинград. Своего противника Цорн оценивал как «группировку», состоящую из «скорооборванных сил, сопротивление которых до сих пор проявлялось недостаточно»⁸¹. Оборонять Мгу – маленькую железнодорожную станцию на востоке от Ленинграда – было некому. Разбитые части 48-й армии на 24 августа в целом насчитывали меньше дивизии – 6235 человек, отступали на широком фронте, где пытались организовать очаги сопротивления наступающим немецко-фашистским войскам. В небольшом поселке железнодорожников в конце августа находилась рота саперов под командованием подполковника С.И. Лисовского из инженерного управления штаба фронта и небольшой сводный отряд майора Лещева. Этот отряд с боями отходил из Новгорода, потеряв артиллерию, минометы,

станковые пулеметы. Не у всех бойцов были патроны к винтовкам. 30 августа приказом штаба Ленинградского фронта майор Лещев назначался начальником гарнизона Мги. В его распоряжение передавался полк 1-й дивизии народного ополчения, саперная рота 106-го инженерного батальона, 1031-й маршевый батальон, 1-я горнострелковая бригада, рота бронемашин, рота танков КВ, два дивизиона противовоздушной обороны, бронепоезд – всего около двух тысяч человек⁸². Но эти силы числились только на бумаге. Собрать их вместе не удалось. Командующий фронтом генерал М.М. Попов отдал боевой приказ №007, которым в район Мги с Карельского участка фронта направлялась 1-я дивизия войск НКВД, сформированная из пограничников, с задачей «отбросить противника от Мги и выйти в район Войтолово, Сологубовка, Турышкино, Вороново, озеро Синявинское, где занять прочную оборону». Дивизия НКВД под командованием С.И. Донскова насчитывала 6 тысяч человек. «1-я пограничная дивизия была поднята по тревоге, посажена в железнодорожные эшелоны и к вечеру 28 августа разгружена на левом берегу Невы в районе Петрушино – Отрадное, станция Пелла. Железнодорожный мост через реку Нева, что в районе деревни Отрадное, через который проходили эшелоны с частями дивизии, обстреливался артогнем противника⁸³. Пограничники выгрузились из эшелонов и заняли исходные позиции. У них не было минометов, артиллерии, не хватало боеприпасов. Стрелковые полки были сформированы пять дней назад, большая часть личного состава – новички. Они не успели привыкнуть друг к другу, сплотиться в единое боевое соединение. Но все хорошо знали, что за их спиной Ленинград, поэтому рвались в бой.

Для артиллерийской поддержки войск в Неву были введены эсминцы «Строгий» и «Стройный», четыре канонерки, посыльное судно и несколько мелких судов. Они заняли позиции у Ивановских порогов. 30 августа утром в штаб фронта поступила информация о выходе противника к Неве в районе Ивановского, юго-западнее Отрадного. Командующий фронтом М.М. Попов посчитал это выдумкой, но решил на всякий случай проверить это сообщение. На разведку вышли два катера из Шлиссельбурга и один из Ленинграда. Когда катера-разведчики достигли устья реки Тосны, то были обстреляны и подожжены. Руководство Ленинграда осознало всю степень опасности, которая нависла над колыбелью революции с востока. Саперы в спешном порядке взорвали мост через Неву в районе Островки – Кузьминки, чтобы не допустить перепра-

вы немецких войск на правый берег реки⁸⁴. У немцев не было понтонов для переправы. Они двинулись вдоль берега Невы по направлению к Шлиссельбургу.

Во второй половине дня 30 августа в районе Пухолово и Мги появились мотоциклисты. В результате скоротечного боя немцы выбили советские части со станции и оттеснили их на рубеж севернее поселка.

В связи с директивой ГКО 30 августа Военный совет обороны Ленинграда упразднился, а все его функции были переданы Военному совету Ленфронта. К.Е. Ворошилов перестал исполнять обязанности командующего Северо-Западным направлением и был назначен командующим Ленинградским фронтом. Бывший командующий М.М. Попов стал начальником штаба фронта. Реорганизация управления и смена командующих началась в самый неподходящий момент для обороны Ленинграда. Ситуация на фронте была чрезвычайно сложной.

Новый командующий Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилов подписал приказ №009, из которого следовало, что противник, овладев Любанью, «продолжал развивать наступление в направлении Мга и Колпино и к исходу 30.8 занял Мгу...» 1-й дивизии НКВД приказывалось к исходу 31 августа овладеть станцией Мга и обеспечить бесперебойную работу железнодорожной дороги. Но этот приказ не был исполнен.

Дату взятия Мги подтверждает только приказ К.Е. Ворошилова №009. В то же время боевое донесение №016 штаба 48-й армии от 1 сентября 1941 г. и журнал боевых действий войск Ленинградского фронта говорит о взятии немецко-фашистскими войсками Мги 31 августа 1941 г.⁸⁵. Такое расхождение в дате оставления Мги, учитывая обстановку того времени, вполне могло быть. У штабных командиров 31 августа еще была надежда, что Мга может быть отбита у врага, а значит, и сам вопрос в принципе мог быть снят с повестки дня. Немецкие источники подтверждают факт взятия Мги 30 августа.

Батальоны дивизии Цорна с бронемашинами атаковали западную и восточную окраины Мги и нанесли удар на Лобаново. Одновременно пехотный полк 122-й дивизии, переведенный из второго эшелона 28-го армейского корпуса, выступил на Отрадное и Петрушино из района Пеллы.

Мгинский гарнизон, выбитый противником из населенного пункта, был окружен, но продолжал оказывать упорное сопротивление. Генерал Цорн ввел в бой танки и до полка пехоты. Вечером горнострелковой бригаде удалось прорвать

кольцо окружения и отойти на Келколово. Мга осталась в руках противника.

На рассвете 31 августа подразделения дивизии С.И. Донскова пошли в атаку. Штаб разработал план наступления в направлении Мги. 1-й полк майора А.И. Тарашкевича должен был наступать по левому берегу реки на Отрадное. 2-й полк майора В.В. Жеребцова наносил удар по Мге и Погарелушке. 3-му полку подполковника В.Т. Андрияненко приказывалось отбить у противника станцию Горы. Штаб фронта передал в распоряжение полковника С.И. Донскова девять легких танков Т-26, три танка Т-50 и семь КВ.

Наступление полков дивизии НКВД поддерживала корабельная артиллерия эсминцев «Строгий» и «Стройный». Артиллерийский налет начался в 5 утра 1 сентября. По врагу стреляла только артиллерия, приданная дивизии, так как с моряками никак не могли связаться. Затем в наступление пошла пехота. К 9 часам пограничники сумели продвинуться на 2–3 километра. Второй батальон 1-го полка ворвался в Отрадное, в центре которого разгорелся жестокий бой. Батальон капитана Легкоступа из 2-го полка пробился во Мгу и в течение двух часов вел бой за вокзал. 3-й полк с большими потерями подошел к северной окраине разъезда Горы. Немцы бросили против дивизии НКВД большие силы пехоты и танки. В первый день боев 2-й и 3-й полки потеряли до 25 процентов личного состава.

Штаб 1-й горнострелковой бригады получил приказ оказать помощь дивизии НКВД. В ее составе было 800 человек, шесть станковых пулеметов и четыре броневика. Утром 2 сентября один батальон бригады двумя группами от Келколово и поселка Михайловский перешел в наступление на Мгу. Одновременно Мгу атаковал и батальон полка майора Жеребцова. Но эти усилия не дали результата. Противник отбил все атаки. К концу дня батальон горнострелковой бригады захватил северо-западную и восточную окраины Мги и закрепился на новых позициях.

На следующий день дивизия НКВД и горнострелковая бригада вновь перешли в наступление. Однако наступающие советские части подверглись жестокой бомбардировке авиации противника. Немцы подтянули свежие части и ударили по дивизии НКВД и горнострелковой бригаде. В боях за Мгу был убит командир полка Жеребцов, из строя выбыло до 80 процентов личного состава. Советские части начали отходить по направлению к Неве. Ударами моторизованных частей

противника дивизия была разрезана надвое. До 600 бойцов отходили по направлению к Новой Ладогге, откуда их под огнем врага доставили к месту сбора на правом берегу реки корабли Ладожской флотилии. 1-й стрелковый полк переправился на правый берег по железнодорожному мосту, который был сразу же взорван.

7 сентября из Шлиссельбурга был выведен штаб Ладожской военной флотилии. Ранним утром 8 сентября от угольной пристани Шлиссельбурга отошла последняя баржа с шестьюдесятью бойцами. Сил защищать Шлиссельбург больше не было. В дневнике начальника штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдера появилась запись: «...На фронте группы армий «Север», в общем, спокойный день. Корпус Шмидта занял Шлиссельбург...»⁸⁶. О том, что немцы захватили Шлиссельбург, Сталин узнал на следующий день не от командующего Ленинградским фронтом маршала К.Е. Ворошилова и верного ленинградского партийца А.А. Жданова, а из передачи иностранного радио. Верховный потребовал объяснений у руководителей обороны города на Неве, а потом, когда узнал подробности, разгневался. Последовала отставка Ворошилова. На его место командующим фронтом был назначен Г.К. Жуков, который хорошо себя показал во время разгрома немцев под Ельней.

«10 сентября я вступил в командование Ленинградским фронтом. К.Е. Ворошилов 11 сентября по заданию И.В. Сталина вылетел в 54-ю армию маршала Г.И. Кулика», – писал в «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жуков. Однако он ошибся в дате. Документы свидетельствуют, что К.Г. Жуков вступил в командование фронтом 13 сентября. Указание Ставки Верховного Главнокомандования о назначении Г.К. Жукова командующим Ленинградским фронтом было подписано 11 сентября в 19 часов 10 минут⁸⁷. Подтверждением этому служат и воспоминания генерал-майора И.И. Федюнинского: «Утром 13 сентября самолет Ли-2 поднялся с Внуковского аэродрома и под охраной звена истребителей взял курс на Ленинград. В самолете находились генерал армии Г.К. Жуков, назначенный командующим Ленинградским фронтом, генералы М.С. Хозин, П.И. Кокорев и я»⁸⁸.

К этому времени ожесточенные бои вокруг Ленинграда приобрели непреодолимый драматический характер. Противник 11 и 12 сентября, прорвав укрепления Красногвардейского укрепрайона у Красного Села, отеснил советские войска к Ропше и Пушкину. Немцы атаковали вдоль Таллинского

шоссе и подошли к Урицку. Начались бои на линии Гореловских и Пулковских высот.

Командиры основательно потрепанных частей в боях за Мгу и во время отступления к Шлиссельбургу, где находился штаб Ладужской флотилии, были озабочены одним: успеть бы закрепиться на правом берегу Невы, не допустить переправы противника. Это был последний рубеж, дальше – Ленинград. За шестнадцать часов был собран сводный отряд под командованием полковника Лоскутова, вооружен и отправлен занимать позиции по правому берегу Невы. Измотанным непрерывными боями, голодным бойцам в очередной раз был дан приказ: «Ни шагу назад!». Пока красноармейцы в спешном порядке рыли окопы, оборудовали огневые точки, им подвезли боеприпасы и продовольствие. В ротках прошли собрания коммунистов и комсомольцев: дальше отступать некуда, умрем, но Ленинград не сдадим! Они отбили несколько попыток немцев переправиться через Неву.

Несколькими днями раньше события на этом участке фронта развивались стремительно.

«Тот, кому принадлежит Шлиссельбург, – не случайно же это название означает «ключ-город», – мог захлопнуть восточную дверь Ленинграда, заблокировать водный путь между Балтикой и Ладужским озером, а также систему каналов, связавших город с Белым морем и Северным Ледовитым океаном»⁸⁹, – писал немецкий историк Пауль Карель. Для захвата главного пункта в битве за Ленинград разрабатывалась специальная операция. Человеком, кому выпала честь провести ее, стал полковник Гарри Гоппе, командир 424-го пехотного полка 126-й пехотной дивизии. В немецкой армии его звали просто Гарри, поскольку полковник неизменно решал любые задачи просто и понятно для окружающих, поэтому солдаты верили ему и знали: если с ними Гарри, то успех операции обеспечен.

Под прикрытием фланговой операции боевые группы полковников графа Шверина и Гарри Гоппе, состоявшие из усиленных 76-го и 424-го пехотных полков, должны были выйти на исходные позиции для штурма Шлиссельбурга к 8 сентября 1941 г., дню, на который намечалось широкомасштабное наступление на Ленинград. Боевая группа Гоппе на правом фланге, а графа Шверина – на левом вступили в бой 6 сентября. На первых порах все шло в соответствии с планом. Танки 12-й танковой дивизии поддерживали наступление. Главный удар наносился на участке группы Гоппе. С воздуха наступление поддерживали пикирующие бомбардировщики из состава

1-го и 8-го авиакорпусов. Солдаты шли в атаку через знаменитую железнодорожную насыпь в районе Мги. «Но тут их поджидали русские на хорошо оборудованных и замаскированных пулеметных и противотанковых позициях. Атака увязла. Пехотные и противотанковые орудия, а также минометы не давали желаемого результата»⁹⁰, – рассказывал Пауль Карель. Запыхавшийся связной из 3-го батальона полка Гарри Гоппе, прибежавший с переднего края, сказал: «Батальон несет тяжелые потери. Трое офицеров убито. Нужна помощь». Просил поддержки и 2-й батальон.

Немцы собирались перенести направление главного удара, чтобы прорваться к Шлиссельбургу. Генерал-майор Цорн уже не рассчитывал на успех полка Гоппе. Началась переброска ударных подразделений на участок полка графа Шверина. Но, как говорится, генерал предполагает, а лейтенант располагает. Не успели танки уйти с передовой, как лейтенант Леливельд со своей 11-й ротой нашел брешь в обороне русских. «Он устремился туда, ударил вправо и влево и пробил широкий проход во вражеских порядках», – так описывал эти события один из их участников. Знаменитый треугольник, сформированный из железнодорожных веток из Городка во Мгу и в Шлиссельбург, находился в руках немцев. Поселок № 6 был взят штурмом. В 16.00 батальон овладел поселком Синявино с расположенными там огромными складами боеприпасов и прочей армейской амуниции.

8 сентября в 7.30 батальоны Гарри Гоппе прорвали слабую оборону советских заслонов на восточной окраине Шлиссельбурга. В 7.40 унтер-офицер Венд водрузил немецкий флаг над колокольной церкви. В 10.00 батальоны боевой группы графа Шверина вошли в Шлиссельбург с южной стороны. Захват немцами «ключ-города» означал, что Ленинград заперт с востока. Город, таким образом, превратился в остров, окруженный водой и войсками. Началась блокада.

9 сентября враг крупными силами пехоты и танков при поддержке авиации нанес удар из района западнее Красногвардейска (Гатчины) на Краснос Село и Урицк. Отчаянные попытки отбить у противника Шлиссельбург ни к чему не привели. Немцы выдержали удар и сохранили позиции. В это время на внешнем кольце блокады не затихали упорные бои. Разрозненные части 48-й армии были сбиты немцами с Синявинских высот и отстреливались в болотах от наседавшего противника, который не жалел боеприпасов.

Логика сражения, очевидность нацеленности противника заставили Ставку ВГК принимать решения по формированию новых армий и сосредоточению их в районе реки Волхов. Они требовались для того, чтобы не позволить противнику выйти в район реки Свирь и соединиться с финскими войсками. Оставалась надежда в результате фланговых контрударов окружить и разгромить группировку немецко-фашистских войск, которая атаковала Ленинград с юго-востока.

Начинался новый этап драматической битвы за Ленинград, битвы за спасение города трех революций от вражеской блокады.

Ссылки к главе 1

¹ Военно-исторический журнал. 2002. № 5. С. 36.

² ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 69.

³ 1941 год. Книга вторая. Документы. М., 1998. С. 131.

⁴ Ленинградская правда. 1941. 23 июня.

⁵ 1941 год. Книга вторая. С. 437.

⁶ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Справочник. М.: Изографус, ЭКСМО. 2003. С. 263.

⁷ Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 31.

⁸ Там же.

⁹ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1: Гитлер идет на восток. М.: ЭКСМО, 2003. С. 233.

¹⁰ История второй мировой войны 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 64–65.

¹¹ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М.: Воениздат, 1988. С. 159–161.

¹² *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 231.

¹³ 1941 год. Книга первая. Документы. С. 242.

¹⁴ Там же. С. 242–243.

¹⁵ Там же. С. 591–592.

¹⁶ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 781.

¹⁷ Битва за Ленинград / И.П. Барбашин, А.И. Кузнецов, В.П. Морозов и др. М.: Воениздат, 1964. С. 19; *Солсбери Г.* 900 дней // Звезда. № 2. 1992. С. 159; *Островский В.* 14 января 1944. М., 1984. С. 7; История Прибалтийского военного округа. Рига: Штаб и Политическое управление ПрибВО, 1967. С. 154.

¹⁸ *Солсбери Г.* Указ. соч. С. 159.

¹⁹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 283.

²⁰ Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 27.

²¹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 781.

²² *Гальдер Ф.* Военный дневник. Смоленск: Русич, 2001. С. 6.

²³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. II. Кн. 2. Начало. М.: Русь, 2003. С. 83.

²⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 165.

²⁵ 1941 год. Книга первая. Документы. С. 487.

- ²⁶ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 20.
- ²⁷ *Карель П.* Указ. соч. С. 21.
- ²⁸ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 47.
- ²⁹ *Бычевский Б.* Город-фронт. Л., 1967; *Одинцов Г.Ф.* Повелители огня. Л., 1980; *Кошевой П.К.* В годы военные. М.: Воениздат, 1978; *Петров М.И.* В дни войны и мира. М.: Воениздат, 1982; *Лелюшенко Д.Д.* Москва–Сталинград–Берлин. Записки командарма. М.: Наука, 1985; *Катышкин И.С.* Служили мы в штабе армейском. М.: Воениздат, 1979 и т.д.
- ³⁰ *Бычевский Б.* Указ. соч. С. 8.
- ³¹ *Островский В.* 27 января 1944. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 8.
- ³² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 221.
- ³³ *Карель П.* Указ. соч. С. 21.
- ³⁴ 1941 год. Книга первая. Документы. С. 440.
- ³⁵ *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 252.
- ³⁶ 1941 год. Книга первая. Документы. С. 467.
- ³⁷ *Лелюшенко Д.* Указ. соч. С. 17.
- ³⁸ Там же. С. 19.
- ³⁹ *Манштейн Э.* Утерянные победы. М., Ростов н/Д. Феникс, 1999. С. 192.
- ⁴⁰ *Крюковских А.* Беспрецедентный народный подвиг // Диалог. 1990. № 13.
- ⁴¹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 284.
- ⁴² Оборона Прибалтики и Ленинграда. 1941–1944. М.: Наука, 1990. С. 35.
- ⁴³ Великая Отечественная. Русский архив. Т. 1. М., 1993. С. 15.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 252–253.
- ⁴⁶ Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. М.: Наука, 1998.
- ⁴⁷ Ленинград в осаде. СПб., 1993. С. 34–36, 47–48.
- ⁴⁸ Оборона Прибалтики и Ленинграда. 1941–1944. С. 36.
- ⁴⁹ История второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М.: Воениздат. 1975. Т. 4. С. 65.
- ⁵⁰ ЦАМО РФ, ф. 96а, оп. 1711, д. 3, л. 13–15.
- ⁵¹ Битва за Ленинград. 1941–1944. С. 27.
- ⁵² Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 17.
- ⁵³ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 45.
- ⁵⁴ Ленинградская битва. Л., 1973.
- ⁵⁵ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 83.
- ⁵⁶ *Петров Б.Н.* «...пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным» // Военно-исторический журнал. 2002. № 9.
- ⁵⁷ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 66.
- ⁵⁸ Ленинград в осаде: Сб. документов. СПб., 1995. С. 30–31.
- ⁵⁹ *Крюковских А.* Ленинградская битва 1941–1944. Л., 1995. С. 8.
- ⁶⁰ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 66.
- ⁶¹ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1260, д. 928, л. 262.
- ⁶² *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. М.: Наука, 1973. Т. 1. С. 207.
- ⁶³ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, д. 220, л. 257.
- ⁶⁴ *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.: Феникс, 1999. С. 208.
- ⁶⁵ Мировая война 1939–1945. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. С. 225.

- ⁶⁶ ЦАМО РФ, ф. 96а, оп. 1711, д. 1, л. 30.
- ⁶⁷ Битва за Ленинград. Указ. соч. С. 30.
- ⁶⁸ *Фролов М.И.* Салют и реквием: героизм и трагедия ленинградцев 1941–1944 гг. СПб., 2003. С. 11.
- ⁶⁹ *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 225.
- ⁷⁰ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 111; *Мерецков К.А.* На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1970. С. 229.
- ⁷¹ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 243.
- ⁷² Там же. С. 274.
- ⁷³ История второй мировой войны 1939–1945. С. 67.
- ⁷⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. С. 88.
- ⁷⁵ *Карель П.* Указ. соч. С. 211.
- ⁷⁶ На берегах Волхова. Л., 1967. С. 9.
- ⁷⁷ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1227, д. 24, л. 230.
- ⁷⁸ ЦАМО РФ, ф. 132а, оп. 2642, д. 29, л. 63–64.
- ⁷⁹ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 68.
- ⁸⁰ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 781.
- ⁸¹ *Суходымцев О.* Десять дней до блокады // Ленинградская битва 1941–1944. СПб., 1995. С. 57.
- ⁸² Там же. С. 58.
- ⁸³ Пограничники. М., 1974. С. 137.
- ⁸⁴ *Бычевский Б.В.* Город-фронт. Л., 1967.
- ⁸⁵ *Суходымцев О.* Указ. соч. С. 58.
- ⁸⁶ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 319.
- ⁸⁷ Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7. С. 17.
- ⁸⁸ *Федюнинский И.И.* Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1968.
- ⁸⁹ *Карель П.* Указ. соч. С. 227.
- ⁹⁰ Там же. С. 228.

ПРИКАЗАНО НАСТУПАТЬ

В начале сентября 1941 г. боевая обстановка на левом фланге битвы за Ленинград складывалась не лучшим образом. Немцы, захватив Шлиссельбург, вышли на южный берег Ладожского озера в районе Липок, образовав знаменитое «бутылочное горло», которое в советских штабных документах называли шлиссельбургско-синявинским выступом. Фронт на внешнем кольце блокады в первой половине сентября 1941 г. проходил по линии от Ладожского озера восточнее Липок на юг через болото Малуксинский Мох, Кириши и далее по восточному берегу реки Волхов до рубежа восточнее Новгорода и озера Ильмень.

Самый короткий путь для бойцов Красной Армии к Ленинграду был через «бутылочное горло». Его предстояло преодолеть советским войскам, чтобы освободить Ленинград от блокады вражеских войск. 23 августа на фланге наступающих в направлении Ленинграда немецких войск на линии Тихвин, Малая Вишера, Валдай, Осташков директивой Ставки ВГК №001200 приступила к развертыванию 52-я отдельная армия генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова. В ее состав было включено шесть стрелковых дивизий.

2 сентября директивой Ставки ВГК № 001563 на базе 44-го стрелкового корпуса под Москвой началось формирование 54-й отдельной армии. В директиве говорилось: «1. В связи с создавшейся на Ленинградском фронте обстановкой в районе Новая Ладога, Волховстрой, Городище, Тихвин сосредоточить вновь формируемую 54-ю армию.

2. Командование возложить на маршала Советского Союза т. Кулика.

3. В состав войск 54-й армии включить: а) из 52-й армии – 285 сд в районе Волховстроя; один ее полк сосредоточить в районе Иссад, Сельцо, Кобылкино; 310 сд сосредоточить в районе Вельцы, Панево, Славково; 286 сд сосредоточить

в районе Вячково, раз. Куколь, Конец; 314 сд – в районе Селище, Веретье, Лынна, Усадище; все дивизии сосредотачиваются распоряжением командующего 52-й армией; б) 27 кд – в районе Городище, Пчева, Рысино; в) 122 тбр – в районе Волховстрой, Вячково; г) 119 тбат в тот же район.

4. Сосредоточение армии закончить 5 сентября.

5. Действиями авиации армии прочно прикрыть подход и сосредоточение войск армии.

6. Задачи армии: 6 сентября перейти в наступление и, нанося удар, развить его одной стрелковой дивизией и 122-й тбр вдоль железной дороги Волховстрой – ст. Мга, остальными силами армии – на фронте Турышкино, раз. Погостье, ст. Сальцы».

Однако обстановка на фронте внесла свои коррективы в планы Верховного Главнокомандования. Быстрое наступление немецких войск не оставляло времени на то, чтобы сосредоточить войска в местах дислокации, подтянуть тылы, подготовиться к наступлению или обороне. К тому же в течение короткого времени Москва меняла подчиненность частей и соединений армейским штабам, перед ними ставилась то одна, то другая задача даже в то время, когда дивизии находились в эшелонах на пути к фронту. Это вносило элемент нервозности, неорганизованности в действия командиров, которые в большинстве своем только недавно заняли высокие командные посты. 54-й отдельной армии предстояло играть одну из главных ролей в судьбе Ленинграда.

Как начинались бои на внешнем кольце блокады в районе «бутылочного горла», рассказал их участник, рядовой стрелок 286-й стрелковой дивизии Константин Дмитриевич Григорьев: «Выгрузили нас с эшелонов на станции Войбокало. В сентябре это было. Политрук сказал: немецкие гады окружили Ленинград, надо освободить колыбель революции от вражеских оков. Пошли в атаку в полный рост со штыками наперевес. По болоту... вода выше колен, деревья стоят чахлые – не спрячешься. Немцы на высотах засели, по нам из минометов шпартят, из пулеметов поливают, а мы идем... И они пошли на нас. Идем навстречу, стреляем друг в друга. Только мы из винтовок, а они из автоматов и ручных пулеметов. Раненые падали, даже кричать не могли. Тут же захлебывались в болотной жиже. Моему товарищу миной голову оторвало. Оборачиваюсь, а он стоит, но без головы. Шинель зацепилась за срубленный осколком ствол березки и держит... Потом написали, что пропал без вести. Такими пропавшими без вести все болота от

Войбокало до Синявинских высот выложены... Но я отомстил за него. У немецкого пулеметчика патроны кончились. Он стоит, орет на своего помощника, который за ним тащил цинковый ящик с пулеметной лентой. Вот я сначала подносчика патронов застрелил, а потом и пулеметчика успокоил. Он на меня с ножом бросился, а я его штыком достал... Из нашей роты в том бою семеро в живых осталось. Если об этом книгу писать, то каждую страницу надо слезами омывать».

Попавшего в беду на Ленинградском фронте К.Е. Ворошилова Сталин послал выручать верного соратника, которого хорошо знал еще по гражданской войне, маршала Г.И. Кулика. Это был единственный случай в истории Великой Отечественной войны, когда по указанию Ставки Верховного Главнокомандования на должность командующего в спешке сосредотачиваемой в южном Приладожье под городом Волхов 54-й отдельной армии послали маршала. Назначение свидетельствовало о важности той задачи, которую ставил Верховный Главнокомандующий перед 54-й отдельной армией – разгромить врага на восточном крыле битвы за Ленинград.

За тот короткий срок, который определила Москва, армия не могла решить поставленные задачи: с одной стороны, ударить во фланг наступающей на Мгу и Шлиссельбург сильной группировке противника, а с другой – отразить немецкое наступление юго-западнее реки Волхов. Маршал Г.И. Кулик прибыл со штабом армии в город Волхов только 5 сентября¹. 310-я стрелковая дивизия смогла собрать полки в районе Тихвина в последних числах августа. Первые эшелоны 286-й стрелковой дивизии отправились на фронт в район станции Волховстрой из Череповца, где она формировалась, 1 сентября. Сосредоточение было завершено к 9 сентября. Не успевали выйти в указанные пункты и другие части. Это позволило противнику укрепить позиции на линии Шлиссельбург – Синявино – Вороново – Малуксинский Мох.

Ф. Гальдер 10 сентября отметил в дневнике: «Группа армий “Север”»: отмеченное интенсивное движение железнодорожных составов к волховскому участку фронта позволяет сделать вывод, что противник перебрасывает сюда новые дивизии, кроме уже установленной здесь вчера 286-й, сразу по двум железным дорогам. Пока не ясно, попытается ли противник изменить судьбу Ленинграда, или он намерен только обороняться»².

В журнале боевых действий 286-й дивизии указано, что ее эшелоны разгружались на станциях Жихарево и Назия –

в 35 километрах от города Волхов. Дальше – пешком до линии фронта. 9 сентября к вечеру усталая и голодная дивизия вышла на исходный рубеж для наступления – озеро Синявинское, поселок Михайловский, Сиголово, Карбусель, чтобы с утра начать наступление. Прямо с колес необстрелянная, необученная, не зная местности, без артподготовки и прикрытия с воздуха, не имея ни танков, ни бронемашин по приказу командующего 54-й армией Г.И. Кулика 286-я пошла в наступление в направлении на Мгу. Немцы отбились. На следующий день противник контратаковал крупными силами пехоты при поддержке танков. Немцы прорвались на командный пункт дивизии у деревни Поречье. В этом бою погибли комиссар дивизии Леонид Данилов, который возглавил контратаку. Командир дивизии полковник Геннадий Соколов, собрав отступавших через лес бойцов и командиров, повел их в атаку на врага и тоже погиб. В результате, потеряв общее управление и в связи с гибелью командира и комиссара дивизии, полки 286-й оказались отброшенными на десять километров, оставив врагу деревни Вороново и Поречье. Но они все же сумели удержать фронт по реке Назия. Потери за два дня боев составили более половины штатного состава дивизии.

На этом же участке фронта начался боевой путь и 310-й стрелковой дивизии. При попытке отбить деревню Поручье, любой ценой остановить продвижение противника в сторону Волхова 1084-й полк майора Юртова оказался в окружении и с трудом пробился к своим. Большие потери понесли бойцы 310-й дивизии от вражеской авиации, которая господствовала в воздухе³.

В сентябре 1941 г. дивизии бросались в бой без подготовки, не успев собрать силы в кулак. Командирам любой ценой требовалось добиться успеха, в результате они терпели одно поражение за другим. Маршал Г.И. Кулик с первых дней своего командования армией совершал те же ошибки, что и другие командармы начала войны. Армия, не закончив формирования, вводилась в бой, по мере прибытия на фронт дивизий, от которых требовалось одно – наступать прямо с колес. В результате каждая дивизия действовала в отрыве от других частей, решая свою задачу. Все это приводило к неоправданным потерям, нередко к разгрому, гибели командного состава, потере управления полками и батальонами, окружению.

На шлиссельбургско-синявинском выступе, где расстояние между внутренним и внешним кольцом блокады составляло не более 20 километров, сосредоточились крупные силы

18-й армии группы «Север» – около 54 тысяч солдат и офицеров, 450 орудий всех калибров, значительное количество танков и штурмовых орудий⁴. Они не теряли надежду форсировать Неву и соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке. Немецкие дивизии, которые имели в своем составе 12–14 тысяч человек, оборонялись в среднем на фронте 12–15 км⁵. Они за короткое время для прикрытия флангов создали прочную эшелонированную полосу деревянно-земляных оборонительных сооружений с отлаженной системой артиллерийского и пулеметного огня. Передний край противника был прикрыт разветвленной сетью минно-взрывных и проволочных заграждений. Эта система обороны в течение полутора лет успешно отражала атаки советских войск.

54-й отдельной армии под командованием маршала Г.И. Кулика ставилась задача прорвать оборону противника и восстановить связь по суше с Ленинградом. Она уступала по численности и вооружению немецким частям.

Оборона состояла в каждой дивизии из одной линии отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления, оборудованных, как правило, лишь стрелковыми окопами на отделение, площадками для пулеметов, противотанковых ружей и огневых позиций для минометов и артиллерии. В этих условиях создать глубокую и прочную оборону было невозможно. Недостаток сил и средств, слабая обеспеченность в материально-техническом отношении, лесисто-болотистая местность, почти полное бездорожье крайне осложняли положение советских войск, лишали их возможности маневра.

Ставка требовала наступать, восстановить связь блокированного города с Большой землей. Однако маршал Г.И. Кулик проявлял нерешительность, что постоянно вызывало нарекания со стороны Верховного Главнокомандующего и Генерального штаба Красной Армии⁶. Обстановка требовала оперативных действий 54-й армии. За короткое время после взятия Шлиссельбурга немецкие войска не могли создать прочную оборону. На это и рассчитывали в Москве, требуя от маршала как можно быстрее начать наступление на противника. Запоздалое и плохо подготовленное наступление в первой половине сентября закончилось неудачей. Однако армия сковывала значительные силы противника, не давала ему возможности использовать дивизии при наступлении на Ленинград, но задачу Ставки деблокировать Ленинград она не выполнила. 10 сентября части 54-й пошли в наступление, а 11 сентября командующий Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилов направил

Кулику письмо, в котором были такие строки: «Почему Вы ничего не сообщаете о действиях и намерениях 54-й армии, ведь она должна работать в тесном взаимодействии с армиями Ленинградского фронта? Почему не посылаете сводок? Всего этого не понимаю. Так могут вести себя только зарпортованные люди»⁷. 12 сентября К.Е. Ворошилов и А.А. Жданов обратились к начальнику Генерального штаба Красной Армии Б.М. Шапошникову с телеграммой: «Командующим Ленфронтом приказано частям стрелковой дивизии НКВД форсировать Неву для захвата Шлиссельбурга во взаимодействии с подходящими с востока частями 54-й армии. Последние же продолжают оставаться на линии Липки – отметка 23,4 и восточнее на два километра озера Синявинское, что исключает возможность начала переправы. Просим срочного приказа Кулику развить удар для отрезания и захвата Шлиссельбурга, учитывая, что одновременно будет организован удар с правого берега Невы, с переправой на участке Шлиссельбург – Марьино, при поддержке Ладожской флотилии».

По мнению представителя Ставки в Ленинграде Н.Н. Воронова, причин, почему командование 54-й армии не выполнило поставленной задачи, было много. Но главная заключалась в том, что мы еще не научились воевать⁸.

Г.И. Кулика можно было понять. Войска армии еще не были готовы к наступлению, не располагали необходимыми силами для той задачи, которая перед ними ставилась – прорвать блокаду Ленинграда. В боях 10 сентября и в последующие дни его войска понесли большие потери, не улучшили свои позиции, а в ряде случаев вынуждены были отступить. Однако эти аргументы не брались в расчет в Москве. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин требовал наступать.

Началась первая Синявинская наступательная операция.

Остается открытым вопрос: когда началась первая Синявинская наступательная операция? Участник Ленинградской битвы, полковник в отставке Д. Жеребов считает, что 10 сентября⁹. Именно в этот день начала наступать 286-я стрелковая дивизия и некоторые другие части 54-й армии. В энциклопедии «Великая Отечественная война» время проведения первой Синявинской операции указано с 10 по 26 сентября¹⁰. Доктор военных наук Н. Сорокин, однако, придерживается другой точки зрения: «Возникает вопрос: можно ли считать началом первой Синявинской операции выход стрелковой дивизии и одного стрелкового батальона на исходный рубеж и попытку перейти в наступление с последующим отходом

к Назии? Ответ может быть один – это были частные боевые действия тактического значения. Они не могут рассматриваться как начало операции. Об этом свидетельствует телефонный разговор Г.К. Жукова с Г.И. Куликом в ночь на 15 сентября, в ходе которого командующий Ленинградским фронтом не мог добиться согласия на развертывание наступления войск 54-й армии в ближайшие дни»¹¹. По мнению Н. Сорокина, правильнее считать, что первая Синявинская операция началась в ночь на 20 сентября, когда советские войска форсировали Неву и захватили плацдарм на левом берегу в районе Невской Дубровки. Если следовать логике, с ним трудно не согласиться. Не могла стратегическая наступательная операция по деблокаде Ленинграда пройти незамеченной для германского командования. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер, который в своем военном дневнике отмечал не только любые изменения на участках советско-германского фронта, но и передвижение отдельных советских дивизий, не мог не отметить решительного наступления советских войск по прорыву блокады Ленинграда. Однако до 24 сентября у него нет никаких записей, свидетельствующих о намерениях русских пробить брешь в обороне германских войск южнее Ладожского озера в районе шлиссельбургско-синявинского выступа. Однако бои по прорыву блокады велись и до 20 сентября. Об этом свидетельствует запись телефонного разговора И.В. Сталина с маршалом Г.И. Куликом, который состоялся 16 сентября:

«Сталин: Мы очень рады, что у Вас имеются успехи. Но имейте в виду, что если Вы завтра ударите как следует на Мгу, то получите от нас две хорошие кадровые дивизии и, может быть, новую танковую бригаду. Но если отложите завтрашний удар, даю Вам слово, что Вы не получите ни двух дивизий, ни танковой бригады.

Кулик: Здравствуйте. Главный удар наношу тремя дивизиями и горнострелковой бригадой в направлении Мги, прикрываясь справа в направлении Шлиссельбурга, обеспечиваю себя слева в направлении Турышкино... противник имеет вдоль железной дороги и в районе Славянка, Вороново компактно 21 пд. и 12 тд. Эти две дивизии противник держит сосредоточенно, оседлав дорогу Славянка–Вороново. Главной задачей ставлю: разбить эти две дивизии, только тогда можно захватить станцию Мга. Завтра в 10.00 перехожу в наступление. Постараемся выполнить Ваши указания и обязательно получить Вами обещанное...»

Значит, первая Синявинская операция должна была начаться 17 сентября. Она и началась боями местного значения, которые гитлеровское командование восприняло как попытку русских улучшить свои позиции.

20 сентября Сталин вновь приглашает к прямому проводу Кулика, он все больше разочаровывается в способностях маршала добиться серьезного успеха.

«Сталин: Вы очень опоздали. Надо наверстывать потерянное время. В противном случае, если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и Вам никогда не придется соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно.

Кулик: Только что вернулся из боя. Целый день шел сильный бой за взятие Синявино и за взятие Вороново. На фронте противник заменил свои части, то есть 20-ю и 21-ю пехотные дивизии, новыми 126-й и 122-й дивизиями. Докладываю, что наличными силами, без ввода новых частей станцию Мга не взять. За четыре дня боев у нас убыло 10 тысяч человек убитыми и ранеными. Противник переходил несколько раз в контратаки, несмотря на губительный огонь с нашей стороны (я применял сегодня оба РС, ввел все резервы), но успеха не имел. Поэтому я сегодня приказал закрепиться на существующих позициях.

Сталин: Новые дивизии и бригады даются Вам не для взятия станции Мга, а для развития успеха после взятия станции Мга. Наличных сил вполне достаточно, чтобы станцию Мга взять не один раз, а дважды.

Кулик: Докладываю, что наличными силами без ввода новых частей станции Мга не взять...»

10 тысяч убитых и раненых – это свидетельство о серьезных намерениях советских войск прорвать оборону противника.

Если посмотреть на оперативную карту того времени, то по расположению войск противника можно увидеть, что на фронте сложилась очень неблагоприятная ситуация для 54-й отдельной армии. Маршал Г.И. Кулик был человеком недалековидным, но и он прекрасно понимал, что со своими дивизиями в любой момент может оказаться в «котле». Левый фланг был прикрыт очень слабо. Достаточно было нанести по ним удар, и немцы выходили на оперативный простор, который давал им возможность замкнуть второе кольцо блокады не только на Свири, соединившись с финнами, но и значительно ближе – с выходом к городам Волхов и Новая Ладога. Попытка

такого удара была предпринята спустя полтора месяца – в конце октября.

Маршал Г.И. Кулик медлил. Это беспокоило Верховного Главнокомандующего и Генеральный штаб Красной Армии¹². Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г.К. Жуков в ночь с 19 на 20 сентября начал операцию по деблокаде. Части 115-й стрелковой дивизии переправились через Неву в районе Московской Дубровки и захватили плацдарм. Их поддержали моряки 4-й отдельной бригады морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота. В тот же день, 20 сентября, в район деревни Марьино пытался высадиться на левый берег Невы один стрелковый батальон 1-й дивизии НКВД. В самом начале эта десантная группа потерпела неудачу¹³. Четыре дня немцы крупными силами атаковали клочок земли, получивший впоследствии название Невский «пятачок». Его утюжили танками, громили артиллерией и минометами, не жалели авиабомб, но бойцы 115-й дивизии и моряки выстояли.

Только 24 сентября маршал Кулик вновь отдал приказ частям 54-й армии перейти в наступление и пробиваться навстречу 115-й дивизии. Пошла в наступление и 310-я стрелковая дивизия, которой в скором времени предстояло сыграть решающую роль при защите города Волхова. Командир 1084-го полка этой дивизии Н.Е. Еськов писал в воспоминаниях: «Наступательные действия развивались успешно. Сказывалась хорошая подготовка личного состава, горячее стремление воинов разгромить врага, освободить временно захваченные им советские земли. Напряженные бои начались уже на окраинах поселка Синявино. И чтобы прорвать блокаду осажденного города, требовалось пройти с боями 8–9 километров. Несмотря на яростное сопротивление врага, бойцы были полны решимости сделать этот рывок»¹⁴.

В эти дни Совинформбюро передало сообщение об успехах 310-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник Н.М. Замировский: «Части полковника Замировского, ведя успешные боевые действия на Ленинградском фронте, продвинулись вперед на 15 км и овладели населенными пунктами: Апраксин Городок, Тортолово, Гайтолово, поселками Первый, Михайловский, разездом Апраксин...»¹⁵

Но, как не раз случалось в первые месяцы войны, часто желаемое выдавалось за действительное. Информационные сообщения о мнимых боевых успехах в большей степени давались для поднятия морального духа в войсках. Атаки свежей,

полностью укомплектованной по штату военного времени и хорошо вооруженной дивизии на начальном этапе действительно имели некоторый успех. Немцы, удивленные напором красных полков, отошли на несколько километров.

122-я танковая бригада полковника Л.А. Давыдова при поддержке 310-й стрелковой дивизии выбила немцев из Гайтолово и вышла на рубеж речки Черной. Малочисленная 1-я отдельная горнострелковая бригада при поддержке танкистов из 16-й бригады под командованием полковника И.Г. Цыбина с ходу нанесла удар по правому флангу противника в районе поселка Михайловский. 16-я танковая бригада только что прибыла на фронт. При разгрузке пятого эшелона на станции Войбокало она подверглась бомбардировке с воздуха. В результате прямо на станции сгорело несколько колесных бронемашин и были раненые. 23 сентября, едва успев разгрузиться, 1-й танковый батальон получил приказ: через два часа сосредоточиться на исходных позициях и совместно с частями 4-й гвардейской дивизии нанести удар по врагу, прорвавшемуся в районы Гонтовой Липки и поселка Синявино¹⁶. Основу бригады составлял танковый полк, имевший три батальона тяжелых, средних и легких танков. На вооружении полка были 46 боевых машин, в том числе КВ – 7, Т-34 – 22, остальные – легкие танки Т-26 с бензиновыми двигателями, которые легко загорались от попадания снарядов¹⁷.

Вскоре танковый батальон вместе с мотострелковым батальоном вступил в бой. Танкистам впервые пришлось воевать в условиях лесисто-болотистой местности. Части бригады были распределены по пехотным подразделениям и использовались в качестве боевой поддержки, что значительно снижало эффективность применения бронетехники в бою.

Успешные действия правого и левого соседей были использованы 286-й стрелковой дивизией. Она ударила вдоль железной дороги на Мгу и тоже вышла на рубеж речки Черной, Мышкино, Поречье, Вороново, а затем была вынуждена перейти к обороне, отражая контратаки немецких войск. В общей сложности войска 54-й армии продвинулись на Мгинском и Синявинском направлениях на 6–10 километров.

Положением на этом участке фронта было обеспокоено высшее немецкое командование.

«День 24.9 был для ОКВ в высшей степени критическим днем. Тому причиной – неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия

была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу Невы»¹⁸. Безусловно, Ф. Гальдер имел в виду южный берег реки Нева, по которому проходила линия фронта от окраин Ленинграда до Шлиссельбурга и далее по берегу Ладожского озера до района Липки включительно.

Гитлер, чтобы не допустить прорыва блокады, перебросил на самолетах из группы армии «Центр», которая наступала на Москву, пехотный и специальный полк парашютистов. Они нанесли сильный ответный удар и восстановили линию фронта.

Вот что вспоминал об этих боях бывший танкист 16-й танковой бригады Николай Черненко: «Наш танковый батальон формировался в Старой Ладоге. Рядом был фронт, над Волховом постоянно кружили вражеские самолеты. На западе, особенно ночью, мы видели орудийные зарницы, отчетливо слышалась канонада. В темную сентябрьскую ночь роту подняли по тревоге. Она оказалась не учебной, а боевой. Рота была придана стрелковому полку, который занимал оборону на нескольких возвышенностях среди болот. Где-то впереди были деревни Тортолово и Гайтолово. Не доехав до передовой, рота понесла потери в живой силе и технике. Два танка были подбиты немецкой артиллерией. Погиб стрелок Трофимов, двое были ранены. Немцы предприняли на нашем участке контратаку. Массированный артиллерийский и минометный огонь, постоянные бомбежки перепахали нашу высотку несколько раз. На ней не осталось ни деревца, ни кустика – вокруг один песок. Рота катастрофически таяла. Контуженный командир повел остатки роты в атаку. Немцы бросили против нас восемь танков. У нас в бой вступил только один наш танк, остальные двигаться не могли. Мы отбили и эту атаку. Утром следующего дня от прямого попадания в танк погибли мой друг Толя Заборский, стрелок Дорофеев, связной Юрасов.

На пятый день враг отчаянно пытался сбросить нас с высоток в болото. Автоматные пули, словно горох, стучали по броне. Наш командир отправлен в медсанбат. Остались на машине мы вдвоем с механиком-сибиряком Николаем Киткиным. В середине дня в наш танк угодил еще один снаряд. На этот раз машина вспыхнула как свечка. Меня обгоревшего вытащил из танка Киткин. У него самого были обожжены руки. Нас с ним разлучили в Сясьстрое, где определили в разные госпитали»¹⁹.

Но не только советские войска несли потери. Немцы тоже испытывали силу ударов авиации и артиллерии 54-й отдельной армии. Во второй декаде сентября в штаб армии доложили,

что в результате налета наших бомбардировщиков на три полевых аэродрома немцев уничтожено 50 самолетов²⁰.

24 сентября подразделения армии атаковали и захватили населенный пункт, в котором им достались трофеи: 10 противотанковых орудий, 10 минометов, 6 пулеметов, три штабные машины²¹.

Красноармеец Иван Самокруткин во время боя уничтожил три огневые точки противника и тем самым обеспечил продвижение роты. Об этих боевых успехах писала в сентябре армейская газета «В решающий бой».

В эти дни через станцию Волховстрой в сторону Войбокала прошли эшелоны прославленной 153-й стреловой дивизии генерал-майора Н.А. Гагена, которая за бои под Ельней приказом народного комиссара обороны СССР № 303 была переименована в 3-ю гвардейскую. Она воевала в Белоруссии, затем громила врага на Смоленщине. Теперь предстояла новая боевая задача – прорвать блокаду Ленинграда. На позициях она сменила потерявшую до 70 процентов личного состава 310-ю дивизию.

28 сентября силами одного 435-го полка под командованием майора Юлдашева 3-я гвардейская дивизия пошла в наступление на отбитое немцами Гайтолово. Бойцам пришлось впервые столкнуться с новыми для себя условиями, когда линия фронта проходила через болота и торфяные топи. Окопы и землянки рыть было бесполезно – их сразу заливало коричневой водой. Приходилось под огнем врага строить валы из чахлах деревьев и земли, за ними укрываться. Ни прилечь, ни согреться у огня, спать приходилось сидя на корточках. Промокшие, голодные и злые пошли в атаку. Девять атак отбили немцы. Затем отошли за речку Черная. С огромными потерями дивизия овладела Эстонским поселком. Дальше пробиться не удалось.

За пять дней боев силы дивизии иссякли. И она была отведена с переднего края. Части получили пополнение – людьми и вооружением, а бойцы – добротное зимнее обмундирование.

После короткой передышки дивизию снова направили под Синявино²².

Ветеран 16-й танковой бригады полковник запаса М. Казачинский вспоминал: «Атаки в направлении Гонтовой Липки, роши Круглая, рабочего поселка № 7... Фашисты сосредоточили немалую наземную и воздушную мощь против свежих советских сил. Все танкодоступные направления были под многослойным перекрестным огнем. Леса и болота затрудняли

маневрирование. Горели лесные массивы, торфяники. Горело железо танков. Казалось, вода кипела в речках Назия и Черная. Но наши танкисты сквозь удушливое пламя, через непролазные топи рвались на выручку города Ленина. Тридцатьчетверки старшего лейтенанта Хазарова и лейтенанта Данилова вместе с мотострелками лейтенанта Вирьяшина первыми ворвались в Тортолово и Гонтовую Липку. За героизм и самоотверженность бойцов, командиров и политработников в первых боях под Волховом к правительственным наградам были представлены 49 танкистов. Многие посмертно»²³.

Во время атаки на Гонтовую Липку танки старшины Н.Я. Чепелева и старшего сержанта Ситникова, глубоко вклинившись в оборону противника, вышли из строя. Первый был подбит из противотанковой пушки, а второй подорвался на минах. Под сильным огнем врага экипаж Н.Я. Чепелева отремонтировал танк и буксиром эвакуировал танк Ситникова в расположение своих войск. В этом бою экипаж Чепелева уничтожил два противотанковых орудия противника. В боях по прорыву блокады в 1941 г. отличились командир роты лейтенант В.В. Антонюк, комиссар батальона старший политрук А.В. Почепаев и экипаж братьев Каганец: Александр – старший лейтенант, командир танка; Алексей – старший сержант, механик-водитель; Иван – рядовой, командир орудия. Все они были награждены правительственными наградами²⁴.

Настойчивые действия войск 54-й армии и Невской оперативной группы успеха не имели. Дивизии, наступающие с востока в направлении Синявино, продвинулись на 6–10 км, а на мгинском направлении вынуждены были отойти от железной дороги Мга–Кириши к реке Назия. Однако наступление 54-й армии не позволило немецкому командованию снять с рубежа Шлиссельбург, Синявино, Мга 39-й моторизованный корпус и направить его на усиление своих ударных группировок, наступающих на Ленинград. Более того, противник во второй декаде сентября вынужден был перебросить на этот участок фронта 8-ю танковую дивизию, ранее предназначенную для усиления группировки в районе Колпино, и часть сил 96-й пехотной дивизии. Активные действия 54-й армии сковывали значительные силы врага, главным образом танковые и моторизованные, способствовали срыву немецкого наступления в районах Колпино и Урицка и облегчили, таким образом, положение наших войск, обороняющихся па южных подступах к Ленинграду.

К завершению первой Синявинской операции 26 сентября на этом же участке фронта началось формирование 4-й отдельной армии. В директиве Ставки № 002339 командующим войсками 52-й и 54-й отдельных армий приказывалось: «1. 183 и 311 сд. 37 кд., отд. танковый батальон и отд. понтонный батальон выделить из состава 54-й армии и передать в состав формируемой 4-й армии. В состав этой же 4-й армии включить 292 сд. и 32 сд. и одну танковую бригаду из резерва ВГ. В качестве управления 4-й армии использовать управление 52-й армии, переведя его к вечеру 29.09 в Глажево...»²⁵.

В директиве Ставки № 002346 командующим 4-й и 52-й армиями ставилась задача: «1. 4-й армии пока оборонять занимаемый рубеж по линии деревень Малукса, Ларионов Остров, Мерятино, Новые Кириши, а также линию Званка, Новые Кириши по обе стороны р. Волхов, имея в виду в ближайшем будущем наступление на фронт Любань – Чудово»²⁶.

4-я отдельная армия занимала позиции между 52-й и 54-й армиями и прикрывала левый фланг последней. Но передав две дивизии соседней армии, танковый и понтонный батальоны, 54-я оказалась ослабленной на острие главного удара.

Первая Синявинская операция закончилась неудачей для советских войск. Главная стратегическая задача – прорыв блокады Ленинграда не была решена. Войскам 54-й армии не удалось прорваться к ленинградцам, которые отбивали яростные атаки немецких дивизий на Невском «пяточке». 29 сентября Ставка освободила Г.И. Кулика от командования 54-й армией и подчинила ее Ленинградскому фронту. В книге «Ленинград в блокаде» Д.В. Павлов, уполномоченный Государственного Комитета Обороны по обеспечению Ленинграда и войск фронта продовольствием, писал: «Эта мера, как показали последующие события, способствовала успешной обороне Ленинграда и нанесению врагу чувствительных ударов»²⁷.

На начальном этапе войны враг не решил ни одной стратегической задачи: Ленинград в блокаде продолжал сражаться, немецкие войска не соединились с финскими, группа армий «Север» оказалась скованной непрерывными боями и не смогла участвовать в наступлении на Москву с севера. Противник, понеся большие потери в сражениях летом 1941 г., не располагал в тот период необходимыми резервами, чтобы решить задачи, поставленные высшим политическим руководством Германии в плане «Барбаросса».

В директиве № 35 от 6 сентября 1941 г. немецкое верховное командование требовало от группы армий «Север» совместно

с финскими соединениями окружить войска Красной Армии в районе Ленинграда и не позднее 15 сентября высвободить значительную часть подвижных войск и авиации для переброски их в группу армий «Центр». Командование вермахта даже назначило сроки парадов на Красной площади в Москве и Дворцовой площади в Ленинграде²⁸.

На внешнем кольце блокады Ленинграда линия фронта к концу сентября стабилизировалась. Она проходила восточнее Шлиссельбурга от южного берега Ладожского озера на юго-восток через Вороново, болото Малуксинский Мох до реки Волхов и далее по восточному ее берегу до позиций Новгородской армейской группы.

К концу сентября 1941 г. немецко-фашистским войскам удалось выйти с юго-запада к Неве на участке Шлиссельбург – Ивановское и к Ладожскому озеру восточнее Шлиссельбурга до района Липки включительно и этим еще более усилить блокаду Ленинграда с суши. Значительный успех имели финские войска на фронте севернее Ленинграда. Противник с боями вышел к реке Свирь и в некоторых местах форсировал ее. Войска 7-й армии с трудом сумели остановить наступление врага²⁹.

В кровопролитных боях захватчики несли большие потери. Карельская армия финнов, усиленная немецкими частями, была обескровлена и измотана в сражении. Немецкий генерал К. Типпельскирх в «Истории второй мировой войны» писал: «...немецкое командование обратилось к финнам с настоятельной просьбой оказать в районе реки Свирь как можно более сильное давление на русские войска, чтобы облегчить положение корпуса, ведущего ожесточенные бои в районе южнее Ладожского озера. Но финская армия, северный фланг которой под Петрозаводском сам должен был сдерживать сильный натиск противника, была не в состоянии это сделать»³⁰.

Советским войскам на внешнем кольце блокады противостояли 38-й и 39-й моторизованные, 1-й и 28-й армейские корпуса 16-й армии генерал-полковника Эрнста Буша из группы армий «Север».

К концу сентября 54-я армия Ленинградского фронта занимала рубеж от Липок до болота Малуксинский Мох по фронту 35 километров. В ее состав входили 3-я и 4-я гвардейские дивизии, 128, 310, 294 и 286-я стрелковые дивизии, 21-я танковая дивизия без танков, 1-я горнострелковая бригада, 16-я и 122-я танковые бригады, два корпусных артиллерийских полка³¹. В полосе обороны 54-й армии в среднем на

дивизию приходилось 4,7 км фронта. Но укомплектованность дивизий личным составом была невысокой. На 1 октября в 128-й стрелковой дивизии насчитывалось 2145 человек, в 3-й гвардейской – 5594 человека, в 286-й – 6016 человек, в 310-й – 3735 человек. Они были плохо вооружены автоматическим стрелковым оружием, артиллерией и минометами. Так, в 128-й дивизии станковых и ручных пулеметов имелось всего 12, 82 и 120-мм минометов – 8, а орудий не было совсем. В 310-й пулеметов было 36, минометов – 7 и два орудия. Лучше всех была вооружена 3-я гвардейская дивизия. Станковых и ручных пулеметов в ней насчитывалось 177, минометов – 54, орудий калибра 76 мм и выше – 32. В 286-й дивизии пулеметов было в наличии 102, минометов – 5, орудий калибра 76 мм и выше – 27. В среднем в дивизиях армии было 5,5 тысячи человек, 115 пулеметов, 24 миномета и 26 орудий³². В первой половине октября 54-я армия пополнений не получала. На 13 октября 16-я и 122-я танковые бригады имели 52 исправных танка, в том числе КВ и Т-34 только 20 штук³³.

Южнее на фронте свыше 50 км рубеж болота Малуксинский Мох через Кириши и далее по правому берегу реки Волхов до устья реки Пчевжа обороняла 4-я отдельная армия под командованием генерал-лейтенанта В.Ф. Яковлева. В ее состав входили 27-я кавалерийская дивизия, 285, 311, 292-я стрелковые дивизии, 119-й отдельный танковый батальон, один корпусный артиллерийский полк и один инженерно-понтонный батальон. В армии в среднем на каждую дивизию приходилось 12–13 километров фронта. В резерве командующего армией в районе Находы находился один стрелковый полк.

Южнее 4-й армии 8-километровый рубеж по правому берегу реки Волхов от устья Пчевжи до населенного пункта Дубовики обороняли войска 52-й армии. После того как 5 октября 312-я и 316-я стрелковые дивизии армии по железной дороге были срочно отправлены на защиту Москвы, в боевом составе осталось две дивизии. 288-я стрелковая дивизия обороняла фронт протяженностью 46 км, а 267-я – участок фронта 34 км.

При низкой укомплектованности стрелковым дивизиям приходилось обороняться на широком фронте. Поэтому все советские армии на внешнем кольце окружения Ленинграда имели одноэшелонное построение, в резерв выделялись минимальные силы и средства, что сказалось во время октябрьского наступления противника.

Рубеж от Дубовиков до озера Ильмень обороняла Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта. В состав группы входили 305-я и 180-я стрелковые дивизии и 3-я танковая дивизия без танков, вскоре преобразованная в 225-ю стрелковую дивизию. Оперативное построение группы также было одноэшелонным. Таким образом, 70 процентов всех сил, находившихся южнее Ладожского озера, были сосредоточены в полосе 54-й армии.

Советское командование стремилось не только укрепить оборону своих войск, но и развернуть активные наступательные действия с целью прорыва вражеского кольца окружения Ленинграда. Население многомиллионного города начало испытывать результаты блокады. 10 сентября было принято Постановление Военного совета Ленинградского фронта об экономии продовольствия³⁴. К середине октября стало совершенно очевидным, что имеющегося продовольствия даже при жестком нормировании хватит на месяц-полтора. Уполномоченный ГКО СССР по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда Д.В. Павлов предложил сократить нормы расхода хлеба по войскам Ленинградского фронта и КБФ с 20 октября³⁵. Спасти положение могло решительное наступление советских войск в районе шлиссельбургско-синявинского выступа и прорыв блокады. Ставка 14 октября 1941 г. приказала Ленинградскому фронту подготовить и провести во второй половине октября наступательную операцию на синявинском направлении³⁶. Войска фронта должны были нанести удар силами 54-й армии с востока, Невской оперативной группы и 55-й армии – с запада, окружить и уничтожить синявинско-шлиссельбургскую группировку немецко-фашистских войск, деблокировать Ленинград и восстановить его сухопутную связь со страной. К решению этой задачи было приказано привлечь до восьми стрелковых дивизий, не менее 100 танков КВ, основную массу артиллерии и для поддержки наступления всю бомбардировочную и штурмовую авиацию³⁷.

Выполняя указание Ставки, командующий Ленинградским фронтом И.И. Федюнинский решил силами специально созданной оперативной группы так называемого восточного сектора обороны фронта (55-я армия) в составе пяти стрелковых дивизий, двух танковых бригад и одного танкового батальона 20 октября нанести удар на пятикилометровом участке (Пески, Невская Дубровка), форсировать реку Нева и, наступая в направлении Синявино, во взаимодействии с войсками

54-й армии и Невской оперативной группы, сформированной из частей, которые оборонялись по правому берегу Невы, к исходу второго дня операции окружить и уничтожить шлиссельбургскую группировку противника, восстановив таким путем связь Ленинграда со страной по суше. Невская оперативная группа, продолжая занимать оборону на правом берегу Невы частями 1-й стрелковой дивизии и 11-й стрелковой бригады, должна была силами 115-й стрелковой дивизии и 4-й бригады морской пехоты наступать из района 1-й Городок также на Синявино и содействовать оперативной группе восточного сектора обороны фронта и 54-й армии в разгроме противника и деблокаде Ленинграда.

По этому же решению командующего Ленинградским фронтом 54-я армия должна была силами 3-й и 4-й гвардейских и 310-й стрелковых дивизий, 16-й и 122-й танковых бригад при поддержке двух корпусных артиллерийских полков, двух дивизионов реактивной артиллерии (М-8) и всей авиацией прорвать оборону немецко-фашистских войск в районе Тортолово и, нанеся удар на Синявино, во взаимодействии с войсками оперативной группы восточного сектора обороны фронта и Невской оперативной группы окружить и уничтожить шлиссельбургскую группировку противника.

Немецко-фашистские войска на синявинском направлении располагали группировкой, в которой были около 54 тыс. солдат и офицеров, 450 орудий все калибров, значительное количество танков и штурмовых орудий.

Советские войска имели 63 тыс. человек, 475 орудий всех калибров (без учета артиллерии усиления и Краснознаменного Балтийского флота) и 97 танков, из них тяжелых лишь 59³⁸.

Операция, как и планировалась, началась 20 октября. Одновременно по вражеским войскам на шлиссельбургско-синявинском выступе нанесли удары с востока 54-я армия и с запада, через Неву, Невская оперативная группа.

Противник на этом участке фронта за короткий срок успел создать мощную оборону с большим количеством всевозможных инженерных сооружений. Рубеж Липка – Вороново представлял собой почти сплошную полосу деревоземляных укреплений. Перед передним краем обороны и в глубине находились многочисленные противотанковые и противопехотные минные поля.

За два дня ожесточенных боев нашим частям на отдельных участках удалось несколько потеснить противника, вклиниться в его расположение. Один из полков 286-й стрелковой

дивизии полковника Е.В. Козика после артиллерийской подготовки, умело организованной начальником артиллерии полковником В.С. Коробченко, успешно преодолел нейтральную полосу и захватил первую траншею противника. Дальнейшее продвижение полка остановил массивный артиллерийский и минометный огонь немцев.

«20 октября, обойдя Поречье с севера, бойцы 998-го полка овладели первой траншеей противника. Однако сильный огонь из дзотов и вражеские контратаки, поддержанные артиллерией, вынудили батальон отойти на исходные позиции. Первую вражескую траншею перед Вороново захватили бойцы 994-го полка. Но развить наступление они также не смогли»³⁹,– писал в воспоминаниях о тех днях бывший командир 286-й стрелковой дивизии полковник Е.В. Козик.

Полки 4-й гвардейской дивизии генерал-майора А.И. Андреева в районе Гонтовой Липки разгромили вражеский узел сопротивления, взяли в плен 15 немецких солдат, несколько орудий и минометов. По подходившим из глубины вражеским резервам был нанесен точный удар гвардейских минометов. Немецкие солдаты в панике разбежались. Шестеро совершенно потерявших рассудок от страха солдат противника прибежали в расположение гвардейской дивизии.

Первая Синявинская наступательная операция закончилась неудачно. Вторую через восемь дней пришлось прекратить, так как противник 16 октября перешел в наступление на Тихвин. На участке шлиссельбургско-синявинского выступа бои продолжались и после 28 октября. Но они не были столь интенсивными, как в первые дни, а больше напоминали отвлекающий маневр, чтобы немецкое командование не перебросило на тихвинское направление боевые части из района «бутылочного горла». В результате сентябрьских и октябрьских боев 1941 г. 54-я отдельная армия, которая с 26 сентября была подчинена Ленинградскому фронту, и Невская оперативная группа, по неполным данным, потеряли в боях 54 979 человек, из них безвозвратные потери составили 22 111 человек.

Ссылки к главе 2

¹ Самсоненко Г.Г., Сяков Ю.А. Сражение за Волхов. СПб., 2003. С. 38.

² Гальдер Ф. Военный дневник. Смоленск: Русич, 2001. С. 322.

³ Звенигородский И. Дорогами войны // Волховские огни. 1974. 13 декабря.

⁴ Битва за Ленинград / И.П. Барбашин, А.И. Кузнецов, В.П. Морозов и др.. С. 107.

⁵ Там же. С. 104.

- ⁶ *Крюковских А.* Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 9.
- ⁷ Выдержки из письма К.Е. Ворошилова и телеграммы Военного совета фронта приведены в книге Д.В. Павлова «Ленинград в блокаде» по записям генерал-майора Л.А. Щербакова, в то время помощника К.Е. Ворошилова.
- ⁸ *Воронов Н.Н.* На службе военной. М.: Воениздат, 1968. С. 215.
- ⁹ *Жеребов Д.* Ленинградская битва // Диалог, 1988. № 36.
- ¹⁰ Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., Советская энциклопедия. 1985. С. 653.
- ¹¹ *Сорокин Н.* Упущенная возможность // Ленинградская панорама, 1988. № 7.
- ¹² *Крюковских А.* Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 9.
- ¹³ *Коньков В.Ф.* Боевая задача – наступать // Невский пятачок. Л., 1977. С. 43.
- ¹⁴ *Еськов Н.* В боях за Родину // Волховские огни. 1974. 20 апреля.
- ¹⁵ Архив музея истории города Волхова, ф. 310-й сд.
- ¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 3076, оп. 1, д. 3, л. 3.
- ¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 3076, оп. 1, д. 1, д. 14.
- ¹⁸ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 371.
- ¹⁹ *Черненко Н.* Боевое крещение // Волховские огни. 1975. 18 апреля.
- ²⁰ В решающий бой. 1941. 20 сентября.
- ²¹ Там же. 26 сентября.
- ²² *Стебунов В.* Под знаменем, овеянным славой // Волховские огни. 1988. 23 февраля.
- ²³ *Казачинский М.* Почти три тысячи километров с боями // Волховские огни. 1973. 8 сентября.
- ²⁴ ЦАМО РФ Ф.3091. Оп.1 Д.1.Л.18.
- ²⁵ *Самсоненко Г.Г., Сяков Ю.А.* Указ. соч. С. 44.
- ²⁶ Там же. С. 44.
- ²⁷ *Павлов Д.В.* Ленинград в блокаде. Л., 1985. С. 36.
- ²⁸ *Бунаков С.Я.* Рейды в стан врага. Л., 1986. С. 68–69.
- ²⁹ *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1988. С. 218.
- ³⁰ *Титтельскирх К.* История второй мировой войны. Т. 1. СПб., 1994. С. 197.
- ³¹ *Барбашин И.П., Харитонов А.Д.* Боевые действия Советской армии под Тихвином в 1941 году. М.: Воениздат, 1958. С. 17.
- ³² Там же. С.18.
- ³³ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 3052, д. 43, л. 190.
- ³⁴ Ленинград в осаде. СПб., 1995. С. 187–188.
- ³⁵ Там же. С. 193.
- ³⁶ Битва за Ленинград. С. 103.
- ³⁷ ЦАМО РФ, ф. 132а, оп. 2642, д. 30, л.71.
- ³⁸ Битва за Ленинград. С. 104.
- ³⁹ Тихвин, год 41-й. Сборник воспоминаний. Л., 1974. С. 67.

НАПРЯЖЕНИЕ СИЛ

Мужественно сражающиеся советские войска внесли серьезные поправки в планы немецкого командования на северо-западном направлении. На начальном этапе войны враг не решил ни одной стратегической задачи: Ленинград в блокаде продолжал сражаться, немецкие войска не соединились с финскими на Карельском перешейке, группа армий «Север» оказалась скованной непрерывными боями и не смогла участвовать в наступлении на Москву с севера. Противник, понеся большие потери в сражениях летом 1941 г., не располагал в тот период необходимыми резервами, чтобы решить задачи, поставленные высшим политическим руководством Германии в плане «Барбаросса». На внешнем кольце блокады Ленинграда линия фронта к середине октября не претерпела изменений. Она по-прежнему проходила восточнее Шлиссельбурга от южного берега Ладожского озера на юго-восток через Вороново, болото Малуксинский Мох до реки Волхов и далее по восточному берегу этой реки до позиций Новгородской армейской группы, которая занимала позиции восточнее озера Ильмень.

Современный немецкий исследователь Кристофер фон Алльмайер-Бек в книге «История 21-й пехотной дивизии» пишет: «После того, как не удалась первая попытка отбросить противника перед 39-м механизированным корпусом на восток через р. Волхов и таким образом затруднить связь с Ленинградом через Ладожское озеро, Гитлер вернулся к своему первоначальному намерению окружить вражеские силы южнее этого озера и таким образом их уничтожить. При обсуждении с верховным главнокомандованием 1 октября Гитлер предложил «окончательно урегулировать положение в районе Ладоги быстрым наступлением войск на Тихвин и оттуда ударить в тыл врага через р. Волхов». Начальник генерального штаба армии генерал-полковник Ф. Гальдер назвал эту идею

«фантазией». Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб, который уже на следующий день был поставлен в известность об этом намерении, не был в восторге. Вызванный, чтобы высказать свое мнение 3 октября, он вместе с командующим 16-й армией возражал против проведения операции, так как было недостаточно имеющихся сил. Предполагаемое наступление требовало длительную по времени перегруппировку войск и, с другой стороны, из-за наступающих холодов могло быть рискованным. Готовясь к новой наступательной операции, группа войск приняла меры: 6 октября вместе с 39-м механизированным корпусом атаковала противника на восточном фланге «бутылочного горла» (шлиссельбургско-синявинского выступа). Генерал-фельдмаршал фон Лееб оценил эти действия как обнадеживающие, которые укрепили непрочное положение на северном фланге 16-й армии. Фон Лееб пытался отложить наступательную операцию на Тихвин и Волхов, добиться разрешения на «тщательно подготовленное и оснащенное наступление или, по крайней мере, на наступление с ограниченной целью», но все было напрасно. Решение уже было принято. Во всяком случае, попытка осуществления этого плана должна была дорого стоить 21-й дивизии. Командование 16-й армии запланировало передислоцировать 21-ю дивизию на восточный фланг «бутылочного горла» и занять позиции на р. Волхов вместо 207-й пехотной дивизии. Но через несколько дней это распоряжение было отменено, так как 21-я дивизия могла понадобиться при форсировании реки Волхов»¹.

В штабе группы армий «Север» считали, что надо продолжить удачно начавшуюся 6 октября наступательную операцию силами частей 39-го моторизованного и 1-го армейского корпусов на восточном выступе «бутылочного горла», когда неожиданным ударом удалось потеснить дивизии 54-й армии. Уже тогда создалась реальная угроза выхода немецких войск в тыл советской группировки, которая не прекращала атаки по прорыву блокады Ленинграда. Именно это обстоятельство заставило командующего Ленинградским фронтом генерала армии Г.К. Жукова отложить 6 октября отъезд в Москву. В 54-ю армию по решению Г.К. Жукова был срочно отправлен начальник штаба фронта генерал-лейтенант М.С. Хозин. Он вступил в командование армией и сумел спасти положение².

«Предложение окончательно сломить сопротивление противника на ладожском участке фронта ударом подвижных соединений на Тихвин. После этого через реку Волхов якобы

можно будет выйти в тыл противнику (фантазия)»³, – записал в дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер.

Планирование наступления на Тихвин и Волхов штабом группы армий «Север» велось в весьма напряженной обстановке. Дивизиям постоянно меняли места дислокации и направления ударов. Немцы не только пугались сами, но и окончательно запутали советскую разведку. «39-й моторизованный корпус должен был наступать на юг, в то время как 21-я пд должна была наступать в направлении Тихвина. Таким образом, она, объединившись с 20-й мотодивизией в «группу Sponheimer», должна была прикрыть северный фланг. Однако через четыре дня план операции приобрел новый аспект. Взятию Тихвина отводилась не только задача прикрытия флангов, но и совсем (в духе установок Гитлера), соединение с финско-карельской армией на р. Свирь и окружение 54-й советской армии южнее Ладожского озера»⁴.

Накануне наступления в штабе группы армий «Север» отметили появление новых советских сил на позициях в полосе 54, 52 и 4-й армий.

Ф. Гальдер в сентябре отмечает в своем дневнике непрерывные попытки советских войск прорвать блокаду Ленинграда⁵. Это беспокоит Гитлера. 4 октября Ф. Гальдер делает запись: «Во время посещения фюрера обсуждалось положение на фронте. Результаты: очистить от противника район Ладоги, продолжив наступление на Тихвин»⁶.

5 октября Ф. Гальдер делает очередную запись: «Группа армий «Север»: ОКХ отодвинуло срок начала наступления на ладожском участке фронта (оно было намечено командованием группы армий на 6.10) и отдало приказ об отводе с фронта подвижных соединений, которые могут только зря понести потери в этом районе, поскольку условия местности здесь крайне неблагоприятны для действий подвижных соединений. Наступление будет начато, как только удастся сосредоточить достаточное количество пехоты за счет перебрасываемых сюда пехотных частей из тыла. Тем временем подвижные соединения отдохнут и пополнят личный состав и материальную часть»⁷.

В срочном порядке на восточный выступ «бутылочного горла» перебрасывалась закаленная в боях и хорошо укомплектованная 291-я пехотная дивизия «Эльх» («Лосиная голова»), другие отборные части. Об этом не раз упоминает в своем военном дневнике Ф. Гальдер.

8 октября «отдан приказ группе армий «Север» начать подготовку к наступлению через р. Волхов в направлении Боровичей и произвести соответствующую перегруппировку сил»⁸. Какие же цели ставили гитлеровские генералы, разрабатывая тихвинскую наступательную операцию? В исследовании Пауля Кареля «Восточный фронт» они определены так: «Целью ее являлось включение Ладожского озера в осадный фронт и закрытие бреши к востоку от Ленинграда. Финны должны были перейти р. Свирь с севера и соединиться с немецкой 16-й армией восточнее озера. 39-му танковому корпусу генерала Рудольфа Шмидта силами четырех подвижных дивизий предстояло нанести удар через русскую тайгу, которую немецкие военные географы определили как “практически незакартографированную”»⁹.

В тяжелых боях первых месяцев войны: с июля по конец сентября 1941 г. безвозвратные потери обороняющих город на различных направлениях войск Северного, Северо-Западного, Ленинградского фронтов и Балтийского флота составили 214 078 человек¹⁰. Большое количество раненых находилось в госпиталях Ленинграда. Но город на Неве продолжал сражаться, посылая на фронт все новые и новые силы. Это беспокоило Гитлера и его окружение. Тихвинская наступательная операция вермахта была ответом германского командования на непрерывные попытки войск Ленинградского фронта прорвать блокаду Ленинграда. Изнурительные кровопролитные бои на узком участке фронта в районе шлиссельбургско-синявинского выступа велись не переставая. Сменяющие друг друга советские дивизии непрерывно долбили оборону противника, пытаясь преодолеть те немногие километры «бутылочного горла», которые разделяли Большую землю и осажденный Ленинград.

Штаб группы армий «Север» под Ленинградом не планировал наступательную операцию в направлении Тихвина для соединения с финскими войсками. По плану «Барбаросса» такое соединение должно было произойти в Ленинграде. Гранницей раздела интересов немецкой и финской сторон должна была служить река Нева. В кровопролитных боях на подступах к колыбели революции они понесли существенные потери. Не удался и сентябрьский штурм Ленинграда. «Потеряв в боях более 60 тысяч человек, немецкие соединения группы армий «Север» вынуждены были в конце сентября перейти к позиционной обороне. План фашистского командования по захвату города оказался сорванным»¹¹. В этой ситуации по

непосредственному указанию Гитлера и было найдено решение: создать вокруг Ленинграда «мертвую петлю» более широкого охвата. Этим немецкое командование стремилось не только покорить сражающийся город, но и приблизиться к достижению стратегической цели, которая ставилась на период военной кампании в России – выйти на рубеж «Волга, Архангельск и обеспечение себя на этом рубеже со стороны азиатской части России»¹².

В связи с готовящимся наступлением в направлении Тихвина и далее до реки Свирь на соединение с финскими войсками немецкому командованию важно было знать позицию правительства и военного руководства Финляндии к предстоящей операции. «Анализ документов, мемуарных и других источников, проведенный финскими историками, позволяет составить более четкое представление как о замыслах Гитлера и его приближенных относительно Ленинграда, так и о позиции высшего финляндского руководства в этой связи»¹³, – пишет доктор исторических наук Н.И. Барышников.

После неудачных попыток немецко-фашистских войск захватить Ленинград менялось и отношение руководства Финляндии к активному участию в боевых операциях. «В Берлине, тем не менее, замечали своекорыстие финского руководства. Оно стремилось обрести границу по реке Неве, но не было склонно стать явным соучастником взятия Ленинграда и тем более проявлять готовность разрушить его»¹⁴.

Еще в сентябре решение верховного командования Германии перейти к осаде Ленинграда в значительной степени диктовалось позицией финнов. Генерал-фельдмаршал фон Маннергейм, главнокомандующий войсками Финляндии, имел определенные колебания в отношении целесообразности перехода старой финской границы. «Да, он готов был перейти Свирь к востоку от Ладожского озера, когда немцы выйдут к Тихвину, но выступал против любых попыток со стороны финнов участвовать в штурме Ленинграда. Из мемуаров маршала ясно следует, что он не хотел участия финских войск в почти неизбежном разрушении города. Маннергейм придерживался принципов “активно оборонительной войны” и противился любым формам “завоевательной войны”»¹⁵, – писал Пауль Карель в книге «Восточный фронт».

«Что же касается Маннергейма, то на его поведении следует остановиться более подробно. Действительно, в конечном счете Маннергейм отдал приказ приостановить в сентябре 1941 г. наступление на Ленинград со стороны Карельского перешейка.

Однако финские войска продолжали наступление на ленинградском направлении и, взяв Белоостров, продвигались к Сестрорецку в соответствии с приказом, отданным Маннергеймом 31 августа. К тому же финский главнокомандующий двинул войска в обход Ленинграда к реке Свирь, чтобы там или к югу от Свири встретиться с силами немецкой группы армий «Север» и замкнуть город плотным кольцом, а затем решить вопрос о взятии его путем длительной осады. Очевидно, в этом случае Гитлеру удалось бы осуществить свой замысел об уничтожении Ленинграда.

Но, как известно, советские войска остановили продвижение финской армии на Сестрорецком участке и на Свири, а немецким войскам нанесли поражение под Тихвином. Двойное окружение города противником не получилось»¹⁶.

То, что Маннергейм действительно не активизировал действия финских войск на ленинградском направлении, объясняется по крайней мере четырьмя причинами военно-политического характера: 1) на подступах к Ленинграду финская армия встретила возросшее сопротивление советских войск, заставивших ее остановиться; к тому же в перспективе ей потребовалось бы прорывать Карельский укрепленный район; 2) возникли серьезные сомнения в возможности и способности немецких войск в дальнейшем взломать оборону города на юге; 3) в финских частях стало развиваться дезертирство и солдаты отказывались переходить рубеж старой государственной границы на Карельском перешейке, а также форсировать реку Свирь для дальнейшего продвижения в глубь советской территории; 4) усилились настойчивые требования со стороны США и Англии прекратить агрессию против СССР, а Черчилль обратился лично к Маннергейму с такой просьбой¹⁷.

Еще в августе 1941 г. между Маннергеймом и президентом Финляндии Рюти велись переговоры. На них решили приостановить наступление у старой границы. Переговоры велись до 1 сентября¹⁸. Финский историк профессор Охто Маннинен считает, что финские войска оставались на своих позициях, выполняя это решение. 4 сентября 1941 г. в г. Миккели на официальных переговорах с советником Гитлера по оперативно-стратегическим вопросам начальником штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал-полковником А. Иодлем финны не согласились участвовать во взятии Ленинграда. «В октябре–ноябре 1941 г. К. Маннергейм отказался участвовать в Тихвинской операции и дал понять командующему 3-м армейским корпусом Сийласвуо, что

Финляндии не следует терять солдат в планируемой немцами Лоухской операции по захвату Мурманской железной дороги»¹⁹.

Однако факты говорят о другом. Наступление финских войск в районе реки Свирь в конце сентября и начале октября 1941 г., переправа через водный рубеж, захват плацдарма в районе от Булаевской до Подпорожья свидетельствуют о серьезных намерениях финнов соединиться с немецко-фашистскими войсками в районе Тихвина. Упорные бои здесь продолжались три недели и велись, когда немецкие войска начали наступление на Тихвин. Однако героическими усилиями воинов 7-й советской армии финны были остановлены и обескровлены в оборонительных боях. Финская армия в районе Свири не наступала навстречу гитлеровским дивизиям в районе Тихвина не потому, что не хотела, а потому что уже не могла. Это и заставило Маннергейма формально устраниваться от участия финских войск в Тихвинской операции вермахта. Спустя год, в сентябре 1942 г., Гитлер вернется к идее второго кольца окружения вокруг Ленинграда. Он вновь будет делать ставку на финскую армию, которой отводилась активная роль в боевых операциях на севере²⁰. Отношения между Германией и Финляндией в период совместных боевых операций на фронте во время войны требуют более глубокого изучения. И хотя утверждается, что Финляндия и Германия не были политическими союзниками, что их объединял только военный союз, в котором они преследовали разные цели, однако этот союз был нацелен на решение далеко идущих политических задач. Третьему рейху было крайне невыгодно допустить выход Финляндии из войны. Во многом, как отмечают финские историки, Гитлер все делал для того, чтобы вынудить финские войска не прекращать боевые действия против Красной Армии. Немецкий генерал-лейтенант Дитмар в работе «Финская кампания» писал, что 26 сентября немецкое верховное главнокомандование обратилось к финнам с просьбой начать на Свири демонстрацию наступления, чтобы тем самым привлечь к себе часть сил противника и облегчить положение немецких войск, сражающихся восточнее реки Волхов²¹. Они эту просьбу выполнили. В это время финны крупными силами вели наступление в районе Петрозаводска и реки Свирь. «25 сентября враг захватил селение Половина недалеко от Петрозаводска. Группа войск противника «Олонек» стояла у Лодейного Поля. Вдоль железной дороги на Петрозаводск с юга, через Ладва-Ветка, наступала 7-я пехотная дивизия

и двухбригадная группа егерей «Л». В конце сентября вражеские клещи сомкнулись у Петрозаводска, и 2 октября город пал. В то же время враги с ходу форсировали Свирь. Они сумели это сделать на нашем правом фланге, где оборонительная линия еще не была готова, и захватили плацдарм в районе от Булаевской до Подпорожья. Затем начались кровопролитные бои, продолжавшиеся три недели. За это время противнику удалось продвинуться всего лишь на 8–15 км. После этого фронт здесь окончательно стабилизировался и оставался на этом рубеже вплоть до лета 1944 г.»²², – писал в воспоминаниях маршал К.А. Мерецков.

Правительство Финляндии занимало двойственную позицию в проведении операций под Ленинградом. С одной стороны, оно все время оглядывалось на Запад – США и Англию, которые требовали прекратить агрессию против СССР, а с другой – отказ от участия в боевых действиях под Ленинградом и на севере грозил немедленной оккупацией Финляндии немецкими войсками. Командование вермахта располагало необходимыми для этого силами. Уже к концу 1941 г. советские воины на Карельском перешейке чувствовали настрояние финских солдат, которые уже без энтузиазма шли в атаку. Многие из них понимали, что русский медведь когда-нибудь проснется и маленькой Финляндии несдобровать. После нервных побед, выхода на старую государственную границу, которая разделяла Финляндию и СССР до «зимней войны» 1939–1940 гг., финский солдат считал, что свою задачу он выполнил и дальше идти не хотел.

В самый разгар подготовки советскими войсками второй Синявинской наступательной операции на шлиссельбургско-синявинском выступе 16 октября противник перешел в наступление на тихвинском направлении. Главный удар он нанес силами 39-го моторизованного корпуса (8-я и 12-я танковые и 18-я и 20-я моторизованные дивизии) и четырьмя дивизиями 1-го армейского корпуса (11, 21, 126, 254-я пехотные дивизии). Одновременно частью сил 16-й армии немецко-фашистские войска повели наступление на Малую Вишеру²³.

Гитлеровским войскам противостояли пять стрелковых и одна кавалерийская дивизии 4-й и 52-й армий, занимавших оборону в полосе шириной 130 км. Они готовились к наступлению во фланг немецкой группировке, поэтому полоса обороны была подготовлена плохо и слабо защищена инженерными сооружениями. Стрелковые окопы были вырыты только для стрельбы с колена, артиллерийские и пулеметные позиции не

оборудованы должным образом. Дивизии, стоящие в обороне на правом берегу реки Волхов, в основном не имели боевого опыта. При низкой укомплектованности стрелковым дивизиям приходилось обороняться на широком фронте. В 52-й армии позиции 267-й дивизии растянулись на 34 километра, а 288-й – на 46 км. Все дивизии на восточном берегу реки Волхов имели одноэшелонное построение. В резерве держались минимальные силы, которые не могли существенно повлиять на ход событий.

Имея полуторное превосходство в людях и более чем двукратное в танках и артиллерии, гитлеровцы к 20 октября прорвали оборону 4-й и 52-й армий и стали продвигаться в восточном направлении²⁴, – так описана обстановка в «Истории второй мировой войны 1939–1945».

В обстоятельном исследовании «На Волховском фронте 1941–1944 гг.» более точно показана обстановка на этом участке фронта: «Имея полуторное превосходство в людях и более чем двукратное в танках и артиллерии, противник сразу же добился заметного успеха. 20 октября оборона 52-й армии оказалась прорванной. Между 52-й и 4-й армиями образовался разрыв, заполнить который ввиду отсутствия у командующих армиями резервов оказалось невозможным. 23 октября враг захватил Будогощ и вышел в тыл 4-й армии, вынудив ее к отходу. Соединения 52-й армии, отступая в юго-восточном направлении, 22 октября оставили Большую Вишеру. Нависла реальная угроза не только над Тихвином, но и над коммуникациями Ленинградского фронта»²⁵. В первые дни наступления противник основные боевые действия развернул в полосе 52-й армии. Главный удар приняла на себя 288-я стрелковая дивизия, которая обороняла Грузино и Селищенский Поселок. В течение четырех дней она вела упорные оборонительные бои. 17 октября в войска поступила директива Ставки ВГК: «В связи с форсированием противником р. Волхов на фронте 52-й армии в районах Грузино и Селищенского Поселка, что может привести к серьезной угрозе тылу 4-й и 54-й армии и Ленфронту в целом тылу Северо-Западного фронта, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает немедленно выбросить в распоряжение командующего 52-й армией в район Малой Вишеры одну стр. дивизию и дивизион РС. Командующему 4-й армией с этой же целью немедленно вывести в район Оскуй 27-ю кав. дивизию, передать ее в подчинение командарма 52. Командующему 52-й армией решительными действиями прибывающих частей под личным руководством

ликвидировать прорвавшегося на правый берег противника и восстановить положение». Две дивизии под натиском превосходящего противника были вынуждены отходить в восточном и юго-восточном направлении. К исходу четвертого дня боев противнику удалось прорвать главную полосу обороны.

Командующий артиллерией 4-й армии Г.Е. Дегтярев так описывал события этих тяжелых дней:

«16 октября после продолжительной артиллерийской подготовки противник начал форсирование Волхова в полосе 52-й армии в районе Грузино и Селищенского Поселка. Его удары обрушились сначала на 288-ю стрелковую дивизию, находящуюся на правом фланге армии. Под натиском превосходящих сил противника дивизия начала отходить в восточном направлении. В результате оголился левый фланг 4-й армии. Командующий 4-й армией выдвинул на опасный участок 1007-й полк 292-й стрелковой дивизии, занимавший оборону на участке Круг – Стеремно – Рогачи. Его одновременно атаковали подразделения двух вражеских дивизий – 12-й танковой и 20-й моторизованной. Полк держался стойко. Особенно яростной была схватка за Рогачи. Расположенный в излучине реки Оскуя, этот населенный пункт закрывал врагу подступы к Будогощи с юга. Кроме того, из Рогачей шли две проселочные дороги на Тихвин – одна через Кукуй, другая через Дуброву. Именно поэтому гитлеровцы так настойчиво предпринимали здесь одну атаку за другой»²⁶.

На острие удара в направлении Грузино наступала 21-я пехотная дивизия вермахта. Несмотря на то, что накануне операции, по немецким данным, в ее штатном составе не хватало 1890 человек: 29 офицеров, 277 унтер-офицеров и 1510 человек рядового состава, она успешно форсировала реку Волхов и завязала бои за Грузино²⁷.

«Густой туман покрывал реку и прилегающие к ней покрытые снегом заболоченные луга. Видимость едва ли была на 50 метров. Туман поглотил все шумы. Когда в 5.30 почти из 30 батарей полился шквал все уничтожающего огня, с той стороны за белой стеной тумана слышался только глухой шум. Под защитой этого огня, а также и тумана переправа дивизии прошла без осложнений. Первым нанес удар головной батальон 3-го полка. Когда вдруг туман рассеялся, подразделения 3-го пехотного полка оказались у подножия хорошо укрепленной высоты перед лесом юго-восточнее Грузино, откуда велся сильный огонь. Но после короткой перестрелки 1-й батальон с криками «Нунга!» штурмовал высоту и через 55 минут после

начала атаки добился цели. Последовавший вскоре ответный удар русских был отражен. Труднее пришлось 2-му батальону. Лишь после массивной артподготовки он смог в 11 часов взять сильно укрепленную и ожесточенно защищавшуюся Вию, а затем после нового тяжелого боя овладеть местечком Переход. Таким образом, враг потерял важные позиции.

1-й батальон ближе всех продвинулся в южную часть Грузино, но здесь натолкнулся на ожесточенное сопротивление защитников замка, построенного в виде крепости. Даже совместные огневые удары всей дивизионной артиллерии не могли поколебать вражеский гарнизон этого замка. Он успешно отражал атаки в течение дня. Только к вечеру обер-лейтенанту Паулсу из 45-го пехотного полка при помощи двух унтер-офицеров его роты – Бекера и Вайде, вооруженных автоматами и ручными гранатами, удалось пробиться на чердак и поджечь стропила. Так, наконец, был «выкурен» центр вражеского сопротивления. 24-й пехотный полк на северном фланге плацдарма в этот день в полдень при поддержке всей артиллерии взял Любунь. Днем 3-й батальон этого полка захватил Остров. Этим дивизия в основном решила свою первую задачу: расширила плацдарм. Однако к востоку от Грузино в районе совхоза «Большевик» на возвышенности около леса противник продолжал драться и сохранил за собой этот район»²⁸.

Командующий 4-й армией В.Ф. Яковлев принял решение усилить направление Будогощь – Тихвин пехотой и танками. Там же начала сосредотачиваться 27-я кавалерийская дивизия. Было очевидно, что противник главный свой удар направляет на Оскую, Облучье, Будогощь, а частью сил действует на Рогачи, Гремячево, Дуброву, обходя Будогощь с юга. Вражеские части непрерывно атаковали пехотой и танками позиции 292-й стрелковой дивизии. Несмотря на сложность положения, дивизии был дан приказ утром 22 октября начать наступление в общем направлении Оскую – Большая Любунь и совместно с 27-й кавалерийской дивизией окружить и уничтожить противника в районе населенных пунктов Круг, Отока, Погорелец. Для усиления 292-й стрелковой дивизии был направлен 1067-й полк 311-й стрелковой дивизии. В результате контрудара в направлении Оскую 1067-й стрелковый полк выбил гитлеровцев из Крутихи и Покровского. Одновременно предпринял наступление в направлении Пролет – Грузино 1011-й стрелковый полк 292-й стрелковой дивизии. Он овладел Пролетом и продолжал атаки, стремясь перерезать шоссе на дорогу Грузино – Будогощь. Эти незначительные

успехи советских войск заставили противника ослабить нажим на будогощском направлении. Немецкое командование перегруппировало силы. Противник с новой силой атаковал 292-ю дивизию. Попал под удар и 1067-й полк. После трехчасового боя в районах населенных пунктов Покровское и Крутиха немцы восстановили положение. Перед превосходящими силами противника пришлось отходить и 27-й кавалерийской дивизии, которая заняла позиции на восточном берегу реки Шарья. 23 октября враг захватил Будогощь.

Обстановка на этом участке фронта оставалась тяжелой: 21-я пехотная и 12-я танковая дивизии противника нависли на Будогощью с севера, а 20-я моторизованная – с юга. Чтобы советские войска не оказались в «мешке», командарм 4-й приказал с наступлением темноты отвести части 292-й стрелковой и 27-й кавалерийской дивизий за Будогощь, на восточный берег реки Пчевжа.

Противник теснил и части 52-й армии. Под прикрытием артиллерии и авиации против 288-й и 267-й стрелковых дивизий на широком фронте действовали 126-я пехотная, 18-я моторизованная и 8-я танковые дивизии. На решающих направлениях противнику удалось создать трехкратное и даже пятикратное превосходство в силах. 22 октября 52-я армия оставила Большую Вишеру. Несмотря на самоотверженные действия советских воинов, 26 октября частям армии пришлось оставить Малую Вишеру²⁹. На помощь 52-й армии Ставка перебросила 259-ю стрелковую дивизию с Северо-Западного фронта. Она заняла оборону в центре армии, где проходила Октябрьская железнодорожная магистраль.

Учитывая неблагоприятное развитие событий на тихвинском направлении, Ставка решила усилить войска 4-й и 52-й армий, чтобы остановить продвижение противника, нанести по нему контрудар и отбросить его за реку Волхов. Для прикрытия волховского и тихвинского направлений Ставка приказала командованию Ленинградского фронта перебросить из состава 54-й армии на тихвинское направление две стрелковые дивизии: 310-ю и 4-ю гвардейскую³⁰. Одновременно Ленинградский фронт самолетами доставил в район Ситомли 191-ю стрелковую дивизию и в район Тихвина – 44-ю стрелковую дивизию для занятия обороны по правому берегу реки Сясь. К концу октября в район Тихвина из резерва Ставки прибыла 92-я стрелковая дивизия и почти одновременно с ней – 60-я танковая дивизия (с небольшим количеством танков). Из состава Северо-Западного фронта на усиление 52-й

армии еще 20 октября был направлен дивизион реактивной артиллерии. В это время Ленинградскому фронту было приказано не прекращать наступления на синявинском направлении, с тем чтобы сковать здесь как можно больше сил противника³¹.

Бои за Грузино и другие населенные пункты на восточном берегу реки Волхов были очень тяжелыми. За два дня наступления 21-я пехотная дивизия немцев потеряла убитыми 18 офицеров и 671 унтер-офицера, много раненых³².

Советские войска контратаковали. Защищавшая этот участок фронта 288-я стрелковая дивизия пыталась отбросить врага. Но все попытки восстановить положение на фронте успеха не имели. Дивизия отвела части южного фланга на реку Оскоу и создала с 292-й стрелковой дивизией единый фронт. Сюда же был направлен 1067-й полк из 311-й стрелковой дивизии. В это время противника атаковала 27-я кавалерийская дивизия. Но он сумел отбить несколько атак. Усиленный 24-й полк 21-й пехотной дивизии прорвал позиции советских войск на реке Оскоу, форсировал ее и повел наступление в северо-восточном направлении.

Задачей тихвинской наступательной операции немцев являлось создание «мертвой петли», которая бы удушила защитников Ленинграда голодом, лишила их возможности и воли к сопротивлению. В кольце блокады находилась полумиллионная группировка советских войск³³. Ей была уготована судьба сложить оружие или умереть голодной смертью. Это хорошо понимали в Москве. Уже во время боев за Тихвин, оценивая весь трагизм положения Ленинграда, Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин издает директиву, переданную 23 октября по прямому проводу Военному совету Ленинградского фронта: «Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но особенно для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток – для избежания плена в случае, если необходимость заставит сдать Ленинград»³⁴.

24 октября на тихвинском направлении повторил подвиг Гастелло командир эскадрильи минно-торпедного полка Балтийского флота Герой Советского Союза гвардии капитан Василий Алексеевич Гречишников со своим экипажем. При штурмовке танковой колонны немцев зенитный снаряд

попал в советский самолет. Командир направил пылающую машину в скопление вражеской техники. Так погибли балтийские герои В.А. Гречишников и члены его экипажа – А.И. Власов, М.П. Семенов, Н.А. Бараков, которые в августе 1941 г. участвовали в первой бомбардировке Берлина³⁵.

В этот же день, 24 октября, по личной просьбе командующего Ленинградским фронтом генерал-майора И.И. Федюнинского Ставка освободила его от должности и направила командовать 54-й армией. Генерал-лейтенант М.С. Хозин, временно командовавший 54-й армией, был назначен командующим Ленинградским фронтом³⁶. Замена генералов не изменила положения на передовой. Наступление немцев в направлении Тихвина и Волхова заставило немедленно отложить все мысли по прорыву блокады Ленинграда на синявинском направлении, снимать с этого участка сильно поредевшие части и бросать их навстречу рвущимся к цели дивизиям вермахта.

25 октября на командном пункте 21-й пехотной дивизии появился командующий 16-й армией генерал-полковник Эрнст Буш. Он подчеркнул важность быстрого наступления дивизии на реке Волхов как самостоятельной операции наряду с наступлением моторизованного корпуса на Тихвин³⁷.

«Такое определение цели было не случайным. Вероятно, в штабе вермахта возникли сомнения: возможно ли вообще из-за сильного сопротивления врага и катастрофических дорожных условий подойти к Тихвину? Сам Гитлер высказал эти сомнения два дня спустя, когда обсуждал вопрос о положении дел под Москвой. Однако верховный главнокомандующий решил: наступать на Тихвин, но – и это было новое – на Волховстрой нужно было нанести усиленный удар, чтобы заставить противника выйти из «мешка» западнее р. Волхов»³⁸.

Верховное командование немцев беспокоила ситуация на шлиссельбургско-синявинском выступе. Оно хотело покончить с советскими войсками на этом участке фронта, окружить и уничтожить 54-ю армию. Если объективно рассматривать тихвинскую наступательную операцию немцев, анализировать причины, которые подтолкнули к ее проведению, то самой собой напрашивается вывод, что она была спровоцирована активностью советских войск в районе шлиссельбургско-синявинского выступа. Прорыв блокады Ленинграда на этом участке фронта ставил под сомнение гитлеровский план покорения города, наносил удар по престижу как самого фюрера в глазах союзников, так и всей немецкой военной машины, которая уже на первом этапе войны столкнулась с серьезными

трудностями. Их не было во время кампаний во Франции и Польше.

Упорное сопротивление, которое оказали войска 4-й и 52-й армий, заставило внести коррективы в планы немецкого командования уже на начальном этапе их осуществления. Появилось новое направление – Волхов (ст. Волховстрой).

В связи с успехом вражеского наступления на Тихвин советским войскам пришлось фактически отказаться от проведения второй Синявинской операции. На шлиссельбургско-синявинском выступе шли бои местного значения, которые должны были убедить противника, что скоро начнется большое наступление по прорыву блокады. Делалось это с той целью, чтобы противник не снял ни одного полка с этого участка фронта и не перебросил его под Тихвин. Все силы Ленфронта были брошены на противодействие наступлению немцев в направлении Тихвина и Волхова. Советское командование ставило задачу активными наступательными действиями ликвидировать угрозу выхода войск в тыл 7-й отдельной армии и соединения их с финскими войсками, исключить возможность развития продвижения противника в направлении Волгоды³⁹. Не менее важная задача ставилась и на волховском направлении: не допустить выхода противника в тыл 54-й армии.

По указанию Ставки была проведена перегруппировка сил в армиях и между армиями с целью сосредоточения основных усилий на тихвинском и волховском направлениях. Благодаря принятым мерам войскам 4-й армии удалось временно задержать противника в 40 километрах юго-западнее Тихвина. 52-я армия к 27 октября вынудила гитлеровцев перейти к обороне на маловишерском направлении. Командование 16-й армии вермахта сняло с маловишерского направления 8-ю танковую и 18-ю моторизованную дивизии и перебросило их под Тихвин в район Ситомли⁴⁰.

Командующий 4-й армией сосредоточил части 191-й стрелковой дивизии, полк 44-й стрелковой дивизии и 121-й танковый полк в районе Ситомли, а 4-ю гвардейскую дивизию и основные силы 60-й танковой дивизии – в районе Верхнего Заозерья. Этими силами армия нанесла контрудар в направлении населенных пунктов Будогощь, Грузино с задачей разгромить главную ударную группировку врага и восстановить оборону по реке Волхов⁴¹. Однако сил хватило только на то, чтобы сдерживать непрерывные атаки противника. Штаб 4-й армии попал под удар немецких частей и оказался

рассеянным. Часть его вместе с командующим армией генерал-лейтенантом В.Ф. Яковлевым отходила к Тихвину, другая – с начальником штаба генералом П.И. Ляпиным – к городу Волхов.

Через десять дней после начала успешного наступления на Тихвин, 26 октября, немецко-фашистское командование отвело на исходные позиции 1-й армейский корпус и 12-ю танковую дивизию. Они развернули боевые порядки и начали наступление по обоим берегам реки в направлении города Волхов и Ладожского озера. В этом направлении также отходили большая группа работников штаба 4-й армии во главе с его начальником генерал-майором П.И. Ляпиным⁴² и части четырех дивизий. На левом берегу противнику противостояли части 285-й и 311-й стрелковых дивизий 4-й армии, которые оказались отрезанными от основных сил. На правом берегу в районе деревень Пчева и Витки немцы всей своей мощью нанесли удар по фронту 310-й и 292-й стрелковым дивизиям, а также отдельным подразделениям 288-й стрелковой дивизии, которые оказались в стороне от основных частей 52-й армии.

310-я стрелковая дивизия на рубеже Пчева – Городище истекала кровью, отбивая атаки 21-й пехотной дивизии немцев. Обстановка была крайне тяжелой.

«Утром 28 октября над линией обороны появились немецкие самолеты. На наши окопы посыпались вражеские бомбы и снаряды. Немцы пытались с ходу сломить сопротивление с тем, чтобы двигаться дальше, – вспоминал бывший командир полка 310-й стрелковой дивизии Назар Ефремович Еськов. – Разгорелся жаркий бой. Под натиском превосходящих сил противника 208-й саперный батальон вынужден был отойти к деревне Рысино. Используя этот небольшой успех, фашисты усилили натиск. Через некоторое время 1080-й стрелковый полк майора Смирнова попал в окружение. Наступающий противник окружил и 1082-й стрелковый полк майора М.М. Михайлова. Попытки прорваться в сторону Рысино на помощь товарищам не удалась. Немцы успели выставить на дорогах крепкий заслон, и атаки наших батальонов успеха не имели»⁴³.

Ночью майор Михайлов собрал остатки полка и повел их в атаку. Немецкие заслоны удалось прорвать. Михайлов вывел оставшихся в живых к селу Городище. Остальные подразделения отступили к деревне Пчева.

Вскоре к Пчеве подошло подкрепление – сводный отряд слушателей курсов младших лейтенантов 4-й армии. Число их было невелико, но все же это была поддержка. Из вышедших из окружения бойцов саперного батальона и стрелкового полка был сформирован сводный отряд под командованием начальника оперативного штаба дивизии полковника Ш.И. Мелкадзе.

Бои в Пчеве продолжались почти неделю. Немцам удалось выйти на южную окраину деревни, но бойцы второго батальона 1084-го полка под командованием старшего лейтенанта Прохорова смелой контратакой выбили захватчиков. По несколько раз в день то на одном, то на другом участке фронта разгорались жаркие рукопашные схватки.

Вот как описывает эти события немецкий историк: «29 октября в 8 часов 30 минут 1-й и 3-й батальоны 24-го пехотного полка выступили в направлении Пчевы. Бой был тяжелым. В 17 часов, после артподготовки, группа Брехтеля вошла в южную часть Пчевы, откуда она вынуждена была отступить под сильным вражеским натиском. Удалось закрепиться южнее кладбища.

30 октября снова начались ожесточенные бои. 24-й пехотный полк дивизии вновь овладел южной частью деревни, но не смог захватить укрепленную в центре обороны русских церковь. Днем было принято решение отвести полк на прежние позиции. Наступление на Пчеву, несмотря на поддержку авиации, не удалось во второй раз»⁴⁴.

3 ноября противник окружил деревню. Положение обороняющихся было безвыходным. Штаб полка располагался в подвале конторы колхоза. Немцы яростно атаковали. Связи со штабом дивизии и батальонами не было, боеприпасов тоже. Командир полка майор А.Г. Юртов и комиссар С.А. Зеленский приказали сержанту И.А. Звенигородскому любой ценой спасти полковое знамя и передать донесение в дивизию, что батальоны сражаются до последнего патрона, что сил держаться больше нет. Остается одно – погибнуть. «В этот трудный момент майор Юртов и комиссар Зеленский приказали мне спасти знамя, – писал в 1974 г., вспоминая тот бой, полковой разведчик сержант Иван Звенигородский, – доставить его во второй эшелон и вручить помощнику командира полка по тылу капитану Волгину или переправить в штаб дивизии. Одновременно мне вручили боевое донесение и приказали передать его лично командиру дивизии Замировскому или комиссару Шаманину, а также доложить о создавшейся в Пчеве обстановке и нуждах полка. К исходу дня под разрывы мин

и снарядов я вышел из Пчевы. Деревня горела. Пробирался через кустарник, так как идти по дороге было рискованно. Направился в Городище, где находился второй эшелон полка и штаб дивизии. Примерно в двух-трех километрах обнаружил пересекающие дорогу два телефонных провода. Определил – немецкие, и перерезал их в двух местах, чтобы нарушить связь. И как раз в этот момент попал под обстрел. Видимо, подошли вражеские связисты. Немцы открыли сильный автоматный огонь, во время которого я получил ранение в ногу. С трудом замаскировался в кустах. И тут отчетливо увидел двух приближающихся автоматчиков. Открыл по ним огонь из трофейного автомата. Немцы залегли и продолжили обстрел. Фашисты кричали: «Рус, сдавайся!». Я решил подпустить их как можно ближе. Пригодились гранаты. Ими враги были уничтожены в тот момент, когда они во весь рост шли в мою сторону. Забрав у немцев два магазина с патронами, я, несмотря на страшную боль в ноге и потерю крови, с большим трудом добрался до Городища. Вручил капитану Волгину полковое знамя, которое мне поручили вынести с поля боя»⁴⁵.

Сержант И.А. Звенигородский выполнил приказ. На помощь защитникам Пчевы послали последний резерв – сводную роту. Но она не смогла пробиться в деревню. Фашисты бросили против нее танки и автоматчиков.

Защитники Пчевы отстреливались до последнего патрона, а затем пошли на врага врукопашную. Плечом к плечу с рядовыми бойцами дрались командир полка майор А.Г. Юртов и комиссар С.А. Зеленский. Дрались все, кто мог держать оружие. Тяжело раненный начальник штаба полка капитан Садык Джумабаев стоять уже не мог, отстреливался из автомата лежа. Его пытались взять в плен, но казах Садык Джумабаев предпочел смерть позору. Последним патроном он застрелился.

Радист штаба Борис Мартемьянов, когда кончились патроны, отбивался прикладом, а затем взорвал в своих руках гранату и уничтожил несколько фашистов. В бою погибли командир и комиссар полка.

В боях за Пчеву геройски погиб почти весь 1084-й стрелковый полк. Лишь немногие глубокой ночью вышли из окружения. 125 человек, считая бойцов хозвзвода, разрозненными группами, а нередко поодиночке, пробившись к своим. Знамя полка было сохранено, а значит оставался жить и полк. По оценкам немцев, в боях за Пчеву 310-я стрелковая дивизия потеряла около тысячи человек убитыми, ранеными и пленными.

Тяжелые бои шли и в селе Городище. Дивизия и здесь понесла большие потери. По свидетельству пленных из 11-й и 21-й пехотных дивизий, в атакующих ротах немцев оставалось по тридцать–пятьдесят человек.

«21-я дивизия, особенно у Пчевы, понесла потери не меньше, чем противник. Только за время с 1 по 3 октября среди убитых и раненых было 15 офицеров и 447 унтер-офицеров и рядового состава. Основные потери были в 24-м и 45-м полках. Размеры потерь, усталость воинских частей, которые целые сутки в снегу и холоде противостояли врагу, мешали дивизии оперативно использовать достигнутые тактические успехи и немедленно преследовать противника в направлении главного удара»⁴⁶, – написано в «Истории 21-й пехотной дивизии».

Уцелевшие в боях остатки бойцов 310-й стрелковой дивизии были сведены в один полк, который в ночь на 7 ноября переправился на левый берег реки Волхов. Немцы рассчитывали окружить дивизию. Они обошли ее, прижали к реке с трех сторон и готовились нанести последний удар. Командование 310-й воспользовалось единственной свободной от врага дорогой – через реку Волхов. После ночной переправы они совершили двадцатикилометровый марш-бросок в сторону города Волхова и в районе деревни Вындин Остров снова переправились на правый берег реки. Здесь командир дивизии Н.М. Замировский получил приказ штаба Волховской оперативной группы 4-й армией занять оборону юго-восточнее города Волхова на линии деревень Теробонижье – Карпино – Безово⁴⁷. Основные силы 311-й стрелковой дивизии в это время сдерживали натиск 11-й пехотной дивизии немцев на западном берегу реки. «Для прикрытия подступов к Киришам командующий 4-й армии выдвинул на линию огня оз. Киришское – Мелеховская – Серебряницы 1067-й полк 311-й стрелковой дивизии и два полка 292-й дивизии. Эта группа получила название «группа полковника Биякова» по имени своего командира. В течение трех суток она сдерживала натиск врага. Но когда противник бросил в бой крупные силы авиации и форсировал Волхов в районе поселка Кириши, Бияков вынужден был отвести подчиненные ему части на рубеж реки Черная»⁴⁸.

На тихвинском направлении боевое положение складывалась крайне невыгодно для советских войск. Ударные силы немцев на втором этапе наступления фактически дезорганизовали оборону 4-й армии. «Обстановка под Тихвином оказалась

исключительно тяжелой, если не сказать критической. Штаб 4-й армии попал под удар противника и отходил на восток отдельными, не имевшими между собой связи группами. Управление войсками армии нарушилось, и они неорганизованно отступали»⁴⁹. 191-я стрелковая дивизия, прикрывавшая дорогу на Тихвин, не смогла остановить врага, и 8 ноября город был захвачен⁵⁰.

Ночью 7 ноября диверсионный отряд немцев появился на окраинах Тихвина и захватил станцию без выстрелов. Железнодорожный поселок, склады, депо с дизельной электростанцией, насосной станцией на Тихвинке попали в руки врага. Под контролем диверсантов оказалась и связь со всей страной. Когда советское командование в Березовике поняло, что узел связи в руках противника, спешно покинуло КП, взорвав бункер.

«Вечером 8 ноября померанцы и силезцы из 12-й танковой и 18-й моторизованной дивизий после ожесточенных и кровопролитных боев вошли в Тихвин. Две дивизии организовали оборону: 12-я танковая дивизия генерала Харпе – к западу от города и 18-я мотопехотная дивизия генерала Геррляйна – к востоку. Таким образом, позиции 18-й представляли собой самый дальний северо-восточный край немецкого фронта в России»⁵¹, – писал Пауль Карель. Когда немецкие танки шли по улицам Тихвина, в 500 метрах от станции во дворе райкома ВКП(б) секретарь М.И. Подгорский проводил совещание со своим активом, посвященное очередной годовщине Великого Октября. В Тихвине находились склады Ленинградского фронта, где хранились запасы продовольствия, горючего, боеприпасов. Они достались врагу.

Советское командование в этих условиях принимает энергичные меры, чтобы стабилизировать положение под Тихвином. 9 ноября директивой Ставки № 004689, подписанной И.В. Сталиным и Б.М. Шапошниковым, командующий 7-й армией генерал армии Мерецков вступил во временное командование войсками 4-й армии, действующими на тихвинском, будогощском и волховском направлениях. Командующий 4-й армией Яковлев был освобожден от должности и назначен заместителем Мерецкова. «Задачи 4-й армии: ликвидировать противника в районе Тихвина и Будогощи и прочно обеспечить за собой пути железнодорожного подвоза через Тихвин на Волхов»⁵².

10 ноября по поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Красной Армии

Б.М. Шапошников направил директиву ВГК № 004729 командующим 4-й армией и военно-воздушными силами Красной Армии о бомбардировке Тихвина. В ней говорилось: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: дабы не дать противнику закрепиться в Тихвине, подвергнуть город Тихвин непрерывной авиационной бомбардировке днем и ночью, применяя зажигательные бомбы и патроны. Об исполнении донести»⁵³.

Вступив в Тихвин, подразделения вермахта пытались развить наступление. К северо-востоку и юго-востоку от города они смогли продвинуться лишь на восемь – десять километров. Враг был остановлен. После захвата противником Тихвина положение Ленинграда стало еще труднее. Железнодорожная коммуникация, связывающая Ленинград, Ленинградский фронт и Краснознаменный Балтийский флот со страной, оказалась в руках противника. Его войска, хотя и медленно, продолжали двигаться к Волхову, где немецко-фашистское командование намеревалось выходом своих войск к Ладожскому озеру в районе города Новая Ладога (в 20 км севернее Волхова) окружить и уничтожить войска 54-й армии и одновременно воспрепятствовать перевозкам грузов для Ленинграда по Ладожскому озеру.

Нужны были срочные меры, чтобы изменить обстановку в пользу советских войск. Учитывая сложившееся положение, Ленинградскому фронту пришлось прекратить наступление войск 54-й армии на синявинском направлении и возложить на нее задачу разгрома группировки противника, наступавшей на Волхов с юга.

За месяц до этих событий 31-м управлением полевого строительства оборонительных сооружений НКВД активно велось строительство Волховского оборонительного рубежа на восточном берегу реки Волхов от города Новая Ладога до деревни Прусина Горка⁵⁴. Здесь было возведено более 40 мощных пулеметных и артиллерийских дзотов, отрыты участки траншей, ходы сообщения, противотанковые рвы. К этому же времени группой А.И. Белобокова было отрекогносцировано на участке 66 километров от деревни Глядково под Новой Ладогой до села Городище под Киришами 22 батальонных района обороны, имевших каждый по фронту от 2 до 3 километров и в глубину – от 1,5 до 2,5 км⁵⁵.

В период с 6 по 10 октября комиссия инженерных войск 54-й армии приняла возведенные дзоты и всю линию обороны. Амбразуры дзотов смотрели на запад. Военное командование

предполагало, что немцы могут начать наступление от станции Мга в сторону Волхова. Уже тогда допускалась сдача врагу левобережной части города, чтобы сохранить линию фронта по естественному рубежу – восточному берегу реки Волхов. В начале октября Военный совет 54-й армии образовал специальную комиссию, которая 10 октября приняла 41 сооружение и противотанковые препятствия⁵⁶. 230 учащихся школы ФЗО Волхова вместе с преподавателями были отправлены на оборонные работы. Контора «Главсевзапстроя», алюминиевый завод и городская больница обеспечили их несколькими грузовыми машинами. Район прислал 33 лошади, которые работали на перевозке строительных материалов и людей. Железнодорожники изготовили в своих мастерских сотни противотанковых ежей, 112 тысяч строительных скоб. И это было далеко не все, что сделали для фронта паровозники, путейцы, вагонники. Они оборудовали семь вагонов под зенитно-пулеметные установки, построили бронеплощадку для бронепоезда, оснастили военно-продовольственный поезд, сделали немало инструмента для людей, занятых на оборонных работах⁵⁷.

«Весь сентябрь и октябрь мы рыли противотанковые рвы, окопы, строили дзоты. Норма выработки для мужчин, то есть для меня и моих шестнадцатилетних сверстников, на день была 5 кубометров грунта. Очень тяжело было, кормили плохо, хлеба получали совсем мало, но норму старались выполнить. Сначала работал к югу от Волхова, потом копал оборону на Валимском ручье. По всему восточному берегу Волхова люди копошились как муравьи»⁵⁸, – вспоминал участник тех событий П.А. Тюньков.

В районе деревень Плеханово и Вячково строились полевые аэродромы. Для этой цели горком ВКП(б) и горисполком мобилизовали более 250 коммунистов и беспартийных⁵⁹.

К строительству тыловых оборонительных рубежей привлекались и саперные части 54-й армии. Большой объем работ выполнил 539-й отдельный минно-саперный батальон, которым командовал старший лейтенант В.Ф. Гусаров. Еще 17 сентября он произвел рекогносцировку от западного берега реки Волхов до деревни Гатики по реке Оломна и составил план работ, в котором предусматривалась постройка плотины в устье Оломны, установка противотанковых мин, устройство завалов на дороге из Находы в Ларионов Остров и на дороге от Гатики в Подсопье. Часть работ на левом (западном) берегу реки Волхов выполнили саперы 311-й и 285-й стрелковых дивизий, которые обороняли город Волхов на этом участке фронта⁶⁰.

К 15 октября в полосе 54-й армии были заминированы 16 крупных объектов. Саперами установлено 4416 противотанковых мин (из них 129 в тылу противника) и 3837 противопехотных мин⁶¹.

На левом берегу реки Волхов, где держали оборону 285-я и 311-я стрелковые дивизии, немцы начали наступление 27 октября. Силами двух полков 259-й пехотной дивизии вермахта противник нанес удар по 285-й дивизии и вынудил ее отступить по лесам и болотам к большому населенному пункту Оломна. Этим отходом был оголен фланг 311-й стрелковой дивизии, которая тоже отступила. Она закрепилась на подступах к станции Тихорицы, где непрерывно подвергалась атакам 11-й пехотной дивизии немцев, усиленной большим количеством танков 20-й моторизованной дивизии немцев⁶². Немцы умело маневрировали частями, создавая на том или ином участке фронта численное преимущество. Неоднократно то один, то другой полк 11-й пехотной дивизии переправлялся на правый берег реки Волхов, чтобы прикрыть фланги 21-й пехотной дивизии. В свою очередь, 11-ю пехотную дивизию постоянно поддерживали подразделения 254-й пехотной дивизии, наступавшие западнее. Кровавопролитные бои велись за населенные пункты Тихорицы, Бор, Тухань, Мемино.

К этому времени на передовые позиции уже выдвинулись моряки 6-й отдельной бригады морской пехоты Балтийского флота, которую в срочном порядке перебросили из Ленинграда через Ладожское озеро. Спустя четыре дня в Волхов прибыл сформированный в Ленинграде 1-й особый стрелковый полк. Навстречу врагу вышли некоторые другие части, в том числе и сильно поредевшая в боях на синявинском направлении 16-я танковая бригада. Они оказались перед фронтом 21-й пехотной и 8-й танковой дивизий немцев, рвавшихся к Волхову.

Моряки 6-й отдельной бригады Балтфлота после тяжелых боев под Урицком 15 октября были выведены в резерв Ленинградского фронта. Бригада дислоцировалась в селе Рыбацком. Здесь обезлюдевшие в боях батальоны пополнили добровольцами с кораблей флота. Их пришло более четырех с половиной тысяч⁶³. С личным составом были подробно разобраны боевые действия под Урицком. Командиры сделали внушение морякам, что излишняя бравада на передовой приводит к неоправданным потерям, врага надо бить с умом, а не подставлять себя под немецкие пули.

В ночь на 27 октября командование бригады вызвали в Смольный, где располагался Военный совет фронта. Здесь уже собрались некоторые командиры и комиссары соединений фронта. На лицах была тревога. Всех пригласили к А.А. Жданову. Он сказал: «Войска 4-й армии, которая подчинена Ставке, разрезаны вражескими действиями пополам. Левый фланг этих войск отходит на Тихвин, а правый – на Волхов, на тылы 54-й армии. С 4-й армией связи не имеем. Где сейчас эти войска – мы не знаем. Над Ленинградом нависла угроза с востока...»

В Смольном перед моряками 6-й бригады была поставлена задача: переправиться через Ладожское озеро и прикрыть Волхов. Обращаясь к командиру полковнику Ф.Е. Петрову и комиссару бригады П.Я. Ксензу, А.А. Жданов сказал: «Передайте батальонам, что сейчас судьба Ленинграда, судьба фронта и флота решается на реке Волхов, куда вы следуете. Пусть моряки знают, что от их боевых действий зависит успех дела...»⁶⁴

К вечеру 27 октября части бригады морской пехоты сосредоточились на западном берегу Ладожского озера у маяка «Осиновец». Ладожская флотилия, которая должна была переправить моряков на восточный берег, не имела кораблей крупного тоннажа. Они могли перебросить через озеро только живую силу с личным оружием, станковые пулеметы и минометы. Все остальное – артиллерия, автомашины, полевые кухни и многое другое, без чего невозможно нормально воевать, осталось на западном берегу до ледостава. Так бригада, еще не вступив в бой с врагом, потеряла главное средство борьбы с танками – артиллерию, базу для поддержания сил моряков – полевые кухни. В который раз морякам пришлось голодными с одной гранатой бросаться под фашистские танки.

Вместе с 6-й отдельной бригадой морской пехоты на восточный берег переправлялись стрелковые дивизии. Командующий Краснознаменной Ладожской флотилией В.С. Чероков вспоминал: «Для руководства перевозками с группой офицеров штаба я перебрался в Осиновец, где был развернут выносной пункт управления. Враг шел на все, чтобы помешать нам. Его авиация бомбила места сосредоточения войск. А погрузка затягивалась: не хватало кораблей и судов. Как назло грянули штормы... Вскоре мы столкнулись с новой бедой: ударили морозы, у берега появился лед. Чтобы ускорить перевозки, решили направлять корабли в район Леднева (неподалеку от Кобоны). Причалов здесь не было, войска высаживались в ледяную воду, в шугу...»⁶⁵. Измотанные штормом, мокрые полки по морозу

совершали двадцатикилометровый марш-бросок до станции Войбокало. Там прибывшие из Ленинграда части садились в эшелоны и через станцию Волховстрой спешили в сторону Тихвина. Дальше пешком, нередко прямо с марша вступали в бой, не успев накопить силы, подтянули артиллерию, наладить связь с соседями и со своими штабами, которые запаздывали, теряли управление. Командиры собирали полки из разных дивизий, создавалось временное сводное соединение, которое шло в бой под командой старшего по званию или случайного командира⁶⁶.

Противник, действующий вниз по реке Волхов, плохо знал местность и не ожидал, что советское командование на какое-то время может оставить дорогу на Волхов совершенно открытой. Он действовал осторожно и продвигался медленно. Немцы практически без боя взяли оставленные советскими частями оборонительные сооружения от деревни Дуняково до деревни Заднево. Впереди было Заречье.

На территорию Волховского района Ленинградской области немецко-фашистские войска вступили 30 октября 1941 г. После тяжелых боев в районе Пчевы и Городища они не встретили на своем пути организованного сопротивления. Советские части отходили, так как не располагали ни людскими, ни материальными ресурсами. Два полка 292-й стрелковой дивизии фактически остались без командиров. 310-я стрелковая дивизия после боев под Пчевой насчитывала в своем составе вместе с бойцами тыловых подразделений и взводом охраны штаба около тысячи активных штыков. К этому времени наступающий противник на отдельных участках фронта превосходил советские части по численности в восемь раз, по плотности артиллерийского огня – в шесть раз, в танках – в десять раз.

Немецко-фашистским дивизиям оставалось сделать последний бросок, чтобы захватить важный железнодорожный узел и выйти на южное побережье Ладожского озера. Но они решительно запаздывали со сроками проведения операции.

2 ноября морские пехотинцы заняли оборону. Штаб бригады расположился в деревне Замощье. 3-й стрелковый батальон укрепился у деревни Заречье, а 2-й батальон – на левом берегу реки Волхов у деревни Глажево. Силы бригады оказались распыленными на большом участке фронта.

Немецкий историк 21-й пехотной дивизии пишет: «2 ноября был сделан привал. Подразделениям дали возможность отдохнуть. Была произведена перегруппировка и подтянута артиллерия, налажена связь и выдвинута вперед разведка.

В 3-м пехотном полку разведка обнаружила вражескую группу, которая располагалась в деревнях Заречье, Моисеево и Никитино. К юго-востоку от Заречья разведчики взяли в плен 7 русских морских пехотинцев. Они принадлежали 6-й морской пехотной бригаде, которая подошла из Ленинграда по Ладожскому озеру, чтобы вместе с 310-й стрелковой дивизией укрепить остатки сильно потрепанной 292-й стрелковой дивизии. В битве с этим противником должен был 3 октября состояться решительный бой»⁶⁷. Немцы тщательно готовились к нему. Они предприняли обход флангов морских пехотинцев.

Утром 3 ноября в Заречье прибыли бригадный комиссар Г.Х. Бумагин и генерал-майор Мартьянов. Они собрали командиров бригады морской пехоты и 883-го корпусного артполка и поставили задачу наступать в южном направлении, к вечеру занять деревни Черноручье, Заднево и Дуняково – на глубину 20 км. Из штаба Волховской группы 4-й армии указание было одно – остановить и разбить врага. Морские пехотинцы, подчиняясь приказу, пошли в наступление в южном направлении наобум, без разведки. Через полчаса немцы встретили моряков интенсивным огнем из минометов и пулеметов. Завязался бой. Корпусная артиллерия, имея большой калибр, не могла поддерживать цепи наступающих из-за опасности попасть в своих. Поэтому она обстреливала ближайшие тылы немцев, была по их артиллерийским и минометным позициям. Под сильным огнем врага моряки залегли. Противник тоже повел наступление, но более широким фронтом. Поэтому морякам пришлось срочно прекратить атаку, разворачивать фланги и отбиваться от врагов, которые могли окружить бригаду. К вечеру батальоны вернулись в Заречье и заняли окопы и дзоты, которые заранее были подготовлены местным населением.

А вот как оценивали эти события сами немцы: «Произошел бой с врагом, который наступал на юг от Заречья. Морские пехотинцы были отброшены, его отступающие части обстреляны из всех видов оружия и большей частью уничтожены. Вскоре началась вторая атака, но на этот раз с востока. В бою удалось отбросить противника. Но когда положение урегулировалось, произошла третья атака, теперь уже с северо-запада. Но и она была отбита. Враг вынужден был отступить к Заречью. Таким образом, был сломлен дух врага. В 17 часов 2-й батальон 3-го пехотного полка атаковал деревню и вошел на окраину Заречья. Наступление 3-го батальона остановилось из-за сильного оборонительного огня противника»⁶⁸.

Не зная местности, не зная сил противника, моряки оказались в очень трудном положении. Разведка донесла, что с восточной стороны деревни – сплошные болота, там живут на островках местные крестьяне, которые спрятались от войны. Немцев они не видели и не слышали.

А вот с западной стороны в полутора километрах в лесу слышны голоса немцев, которые двигаются в северном направлении по проселочной дороге. До реки разведка не дошла. Около 7 часов вечера немцы стали обстреливать Заречье трассирующими пулями. Они обошли подразделения бригады с трех сторон и неожиданно атаковали моряков, которые занимали оборону в урочище Гломовщина на поле площадью в 22 гектара. Их давили танками и расстреливали в упор из бронетранспортеров. Моряки отчаянно отбивались, но выжить удалось единицам. Лишь два десятка человек спаслись в болоте⁶⁹.

Немцы ночью трижды атаковали Заречье. Ударом по правому флангу противник обошел позиции моряков в глубину на 15 км. Севернее противник занял деревни Никитино и Никифорово. Этим маневром немцы взяли в кольцо передовой батальон, оказались у него в тылу. После нескольких яростных атак противника и сильного артобстрела моряки оставили Заречье и отошли к деревне Моисеево. Разведка донесла, что в Моисеево никого нет – ни наших, ни немцев. Среди деревни стоит грузовая машина. Шофера нет. На машине два станковых пулемета⁷⁰.

Деревня Моисеево расположена на небольшой возвышенности. Когда моряки вошли в деревню, то обнаружили и здесь хорошо подготовленные местным населением оборонительные сооружения: дзоты и окопы. В дзоты бойцы бригады поставили станковые пулеметы. К ним встали опытные пулеметчики: начальник боевого питания 1-го батальона Пономарев и политрук Александр Смирнов. Остальные заняли позиции в окопах, на чердаках домов. Немцы думали, что Моисеево оставлено, как и сгоревшее Заречье, поэтому заспешили к теплым избам. Но их встретили огнем. Целый день отбивались моряки от наседавших немцев. Уже ночью после жаркого рукопашного боя из деревни Моисеево вырвалось до десятка человек. Они отступили в лес. И здесь обнаружили своих же раненых в бою за Заречье. С ними управлялась медицинская сестра Валентина Иванова, которой помогал боец Глушенко. Никого не оставили моряки, забрали с собой даже тяжелораненых, тащили их на волокушах. Около деревни

Никифорово немцы вновь атаковали. Но моряки вместе с ранеными приняли бой и отбились.

О тех днях немецкий полковник Х. Польшман писал: «1-й армейский корпус прорвался так далеко, что Волховстрой, а также мосты и дороги можно было взять под прицельный огонь... Затем наступательный порыв, натолкнувшись на все усиливающееся сопротивление противника, ослабел»⁷¹.

Ценой огромных потерь нашим войскам удалось сдерживать рвавшиеся к Волхову немецкие части. «На немецкие войска всей своей мощью обрушилась русская зима, в этом году необычно ранняя и суровая, – вспоминал все тот же Х. Польшман. – Уже в ноябре термометр показывал 40 градусов мороза... Немцы не привыкли к такой температуре. Не считая потерь в боях, в войсках насчитывалось большое количество обмороженных, а кроме того, часто отказывали двигатели и автоматическое оружие... Советская армия далеко превосходила немецкую своей подготовкой и снаряжением для зимней войны при глубоком снеге и низкой температуре»⁷².

Как и многие немецкие авторы, Х. Польшман склонен видеть причины поражений немецких войск на Восточном фронте, в том числе в битве за Ленинград, не в героизме советского народа, всем миром поднявшегося на борьбу с захватчиками, а в ущербных авантюрных планах Гитлера, который постоянно менял свои решения, в плохих русских дорогах, осенней и весенней распутице, зимней стуже, летней жаре и, наконец, в «нехватке последнего батальона». Слепая вера в исключительность немецкой военной машины никак не согласовывалась с теми поражениями, которые потерпели части вермахта в сражении за Тихвин и Волхов, битве под Москвой. Тогда, в 1941 г., они не видели тревожных симптомов назревающего кризиса, который, в конце концов, привел Германию к безоговорочной капитуляции в 1945 г.

5 ноября все наличные силы 6-й отдельной бригады морской пехоты собрались вместе и заняли оборону на линии у деревень Бережки – Замошье – Сестра. Правый фланг упирался в берег реки Волхов, а левый – в болото. Сюда генерал П.И. Ляпин прислал 2-й батальон бригады. В записке он написал: «Командиру бригады морской пехоты. Возвращаю в ваше распоряжение батальоны как случайно попавшие в мое распоряжение». А затем командир оперативной группы 54-й армии генерал Мартьянов прислал в бригаду документ, который многое объяснял, и в первую очередь то, что морякам фактически никто не помогал отбивать атаки фашистов: «Командиру 6-й

бригады морской пехоты. Сообщаем, что вверенная вам бригада в состав войск 54-й армии попала случайно и к нам никакого отношения не имеет»⁷³. В деревне Замошье во время авианалета погиб командир бригады полковник Ф.Е. Петров.

Полковник Ф.Е. Петров был похоронен под городом Волховом со всеми воинскими почестями. Командование Ленинградского фронта представило полковника Ф.Е. Петрова к ордену Красного Знамени. Указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден посмертно.

С 4 по 7 ноября обязанности командира бригады исполнял начальник штаба бригады подполковник П.И. Любимов. Затем был назначен новый командир. Им стал полковник П.И. Киселев, который командовал бригадой во время оборонительных боев за Волхов. 6 ноября на рассвете бой за Бережки начался довольно неожиданно. На передовой началась паника, и бойцы без приказа стали отходить в тыл. Оказалось, что бегут не моряки, а солдаты какого-то стрелкового полка. Но командиры и комиссары остановили бегущих и вернули их на позиции. Потом выяснилось, что это бойцы двух полков 292-й стрелковой дивизии 4-й армии, которые были окружены в районе реки Пчевжа. Они болотами и лесами пробирались к своим. А когда вышли к морьякам, их атаковали фашисты. Моряки пропустили бегущих через свои боевые порядки, но некоторые, не понимая в чем дело, тоже поддались панике и побежали в тыл. Всех остановили, вернули на передовую. Сообща отбили атаку обнаглевших немцев.

Именно в этот день к морьякам пришло три танка 16-й отдельной танковой бригады. Вместе с танкистами была принята контратака, но она захлебнулась. Немцы открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Пришлось отступить. Бригада закрепилась у деревни Братовищи.

7 ноября по улицам Волхова прошли переправленные из Ленинграда батальоны 1-го особого Ленинградского стрелкового полка под командованием майора Николая Александровича Шорина и комиссара И.Д. Коровенкова⁷⁴. К концу дня они заняли позиции на линии Вельца – Лынна – Елошня. 8 ноября боевое охранение задержало наступающие немецкие цепи у деревни Славково. Перестрелка продолжалась целые сутки. Затем боевое охранение отошло к основным силам полка.

Вместе с морьяками вели бои за деревни Замошье и Братовищи саперы 136-го отдельного моторизованного инженерного батальона, которым командовал капитан П.К. Гайдар. Перед наступающим противником ими было выставлено более

3,5 тысячи противотанковых и более 3 тысяч противопехотных мин, фугасов и мин-«сюрпризов» осколочного действия. К 10 ноября батальон был отозван в Волхов, где ему поставили задачу строить... баррикады. В городе готовились к уличным боям. За четыре дня саперы построили полтора километра баррикад⁷⁵.

8 ноября в районе деревни Жупкино фашисты вклинились в стык между правым флангом 310-й стрелковой дивизии и левым флангом 6-й бригады морской пехоты. В прорыв пошли четырнадцать немецких танков и около батальона пехоты. Об этом стало известно командиру 16-й отдельной танковой бригады полковнику И.Н. Барышникову и военкому А.А. Кузнецову. Как остановить врага? Бригада понесла большие потери. В резерве у командира 16-й бригады оставался один тяжелый танк КВ под командованием лейтенанта А.А. Мартынова. Считанные минуты потребовались экипажу на сборы. Механик-водитель Александр Серов повел танк по заснеженной проселочной дороге в сторону прорыва немцев. Командир правильно выбрал место для засады. С опушки леса хорошо просматривалась просека, по которой гуськом двигались вражеские машины. На помощь танкистам пришли две роты морской пехоты. Когда немецкие танки вышли на опушку леса, лейтенант Мартынов открыл огонь по головной машине. Затем он ударил по второму и последнему танкам в колонне. Снаряды легли в цель. Вражеские машины загорелись. Первому танку снарядом своротило башню, два других тоже оказались подбиты. Лейтенант и командир орудия М. Чистяков действовали четко. Колонна противника не могла двигаться. Немецкие танкисты повели ответный огонь, но КВ уже вышел из засады и устремился в атаку. Старшие сержанты механик-водитель А. Серов и заряжающий Н. Сидоров были мастерами своего дела. Пятый член экипажа стрелок-радист Константин Нечаев из пулемета расстреливал вражескую пехоту. На проселочной дороге осталось пять подбитых вражеских танков, и три были захвачены в плен. Три танка отремонтировали в ремонтных мастерских бригады, перекрасили. Они поступили на вооружение 16-й танковой бригады.

А вот как немецкие источники описывают этот знаменитый бой: «...атака 3-го пехотного полка в направлении Ульяшева снова натолкнулась на сильное сопротивление. Из 6 танков, сопровождающих полк, сразу же из-за повреждения мотора вышел из строя один, а 5 оставшихся в ходе атаки были обстреляны и оттащены вражескими танками. Полк смог продвигаться

приблизительно на 1 км к северу и закрепиться к концу дня в 2 км восточнее Ульяшево»⁷⁶.

Немцы никогда не заостряли внимание на поражениях, но почти всегда отдавали должное отваге и мужеству противника. В «Истории 21-й пехотной дивизии» написано: «9 ноября противник попытался удержаться на отрезке Ульяшево – Славково. 3-й пехотный полк не смог в этот день продвигнуться к Ульяшево. Враг защищался здесь очень умело в густом кустарнике, используя танки, и даже хотел в результате контратаки частей 310-й стрелковой дивизии снова овладеть Теробонизьем. Но против них выступил 45-й пехотный полк, который к 2 часам 50 минутам в ночном наступлении отобрал у противника Славково. Несмотря на это в 9 часов следующего дня враг снова предпринял контратаку на Теробонизье с востока и снова повторил ее во второй половине дня»⁷⁷.

Весть о подвиге экипажа танка КВ лейтенанта Мартынова быстро облетела Ленинградский фронт. Газета «В решающий бой» 10 ноября опубликовала материал старшего политрука Петра Аганина. А на следующий день, 11 ноября, в газете выступил сам герой с рассказом «Как мы разгромили фашистские танки»⁷⁸.

Лейтенанту А.А. Мартынову за этот бой было присвоено звание Героя Советского Союза. Об этом стало известно 10 февраля 1942 г. Но к этому времени отважный танкист героически погиб близ урочища Дубовик.

Армейская газета о боях под Волховом писала: «В течение вчерашних суток и сегодня днем продолжались упорные бои на подступах к городу Волхову. Противник стягивает сюда резервы с других участков фронта и усиливает свой натиск. Ожесточенные атаки немецких войск повсеместно встречают наши упорные контратаки»⁷⁹.

Фашистское командование усилило натиск на город Волхов. Немцы поставили цель взять город 15 ноября. До назначенного командованием группы армий «Север» срока оставались считанные дни. Бойцы Красной Армии, которые защищали Волхов, видели за своими спинами не только первенец отечественной гидроэнергетики Волховскую ГЭС, стратегически важный железнодорожный узел, молодой социалистический город. За ними был Ленинград. В сражении за Волхов в ноябре 1941 г. решалась судьба колыбели революции.

311-я стрелковая дивизия, оставив населенный пункт Морозово, отбивала яростные атаки немцев у деревни Боргино. До Волхова оставалось несколько километров. Силы были на

пределе. В это время командующий 54-й армией И.И. Федюнинский обратился за помощью в Ставку. Он охарактеризовал тяжелое положение под Волховом и попросил ему подчинить все войска правого фланга 4-й армии, которые отходили к городу. «Если это будет сделано еще сегодня, – писал командующий, – то спасти положение можно; если это будет завтра, то будет поздно: Волхов падет»⁸⁰.

И.И. Федюнинский впоследствии так описывал в мемуарах ситуацию под Волховом: «Хочу сказать, что я несколько не сгушал краски: положение было действительно критическим. В ожидании ответа я занялся текущими делами. В это время ко мне на командный пункт, который находился в лесу, в землянках, таких маленьких, что в каждой из них лишь с трудом могло уместиться четыре-пять человек, приехал командующий Ладужской военной флотилией капитан 1-го ранга Виктор Сергеевич Чероков и уполномоченный Государственного Комитета Оборона по снабжению Ленинграда Дмитрий Васильевич Павлов. Чероков и Павлов не скрывали озабоченности положением дел под Волховом. Они и приехали именно для того, чтобы лучше выяснить обстановку.

– Как, Иван Иванович, рассчитываете удержать Волхов? Или, может быть, уже следует начинать эвакуацию складов? (Речь шла о складах в Новой Ладуге, где было сосредоточено огромное количество продовольствия для Ленинграда.) Только уж говорите, пожалуйста, откровенно.

– Мне очень трудно ответить на ваш вопрос, – сказал я. – Вы знаете, что я не являюсь хозяином на волховском направлении. Могу только сказать, что я послал в Ставку телеграмму и жду ответа.

Я рассказал Черокову и Павлову о содержании телеграммы. Они сидели еще в землянке, когда меня позвали к аппарату. Открытым текстом был передан приказ Ставки. Из него явствовало, что моя просьба удовлетворена и что отныне ответственность за защиту Волхова возлагается на нашу армию»⁸¹. Получив приказ, Федюнинский вместе с Чероковым и Павловым выехали в деревню Плеханово, где находился штаб оперативной группы генерал-майора Ляпина.

Вот как И.И. Федюнинский оценивал действия этого командира: «Опасения вызывала обстановка в полосе соседней с нами 4-й армии. Правофланговые ее соединения отходили в район Волхова и Кобоны. Ими командовал начальник штаба 4-й армии генерал Ляпин, человек весьма нерешительный. Своими необоснованными приказами он создавал дополни-

тельные трудности. Достаточно сказать, что по совершенно непонятным соображениям он приказал отвести тылы далеко за Волхов, в результате чего начались перебои в снабжении войск продовольствием»⁸². И.И. Федюнинский передал приказ Ляпину, в котором ему предписывалось немедленно отбыть в штаб фронта⁸³.

Командующий Ладожской флотилией В.С. Чероков не случайно поехал к генерал-майору И.И. Федюнинскому. В критическом положении оказался не только Волхов. Нависла реальная угроза над Новой Ладогой. «Дело дошло до того, что мне пришлось пригласить командиров и военкомов и приказать подготовить к уничтожению склады, здания, причалы, мосты и вставшие на зимовку корабли, – писал после войны командующий Краснознаменной Ладожской военной флотилией вице-адмирал В.С. Чероков. – На глазах у многих стояли слезы, но все понимали необходимость этой крайней меры. Через несколько часов стали поступать доклады о выполнении задания. Огромная работа была проделана комендантом гарнизона капитаном 3-го ранга А.И. Ачкасовым. В эти тревожные дни к нам прибыл уполномоченный Государственного Комитета Оборона по снабжению Ленинграда Д.В. Павлов. Этот неутомимый труженик и умелый организатор очень много сделал для своевременного поступления продовольствия, предназначенного осажденному городу. Узнав, что я собираюсь поехать к генералу И.И. Федюнинскому для уточнения обстановки на фронте, Дмитрий Васильевич присоединился ко мне. Его беспокоеила судьба грузов, скопившихся на восточном берегу озера.

Когда в маленькой тесной землянке мы разговаривали с командующим 54-й армией, его вызвала по прямому проводу Москва. Вернувшись, Иван Иванович Федюнинский сообщил нам, что просьба его удовлетворена, армия усиливается частями, входящими в Волховскую оперативную группу, и на нее возлагается оборона города Волхова. Командарм посетовал, что в частях не хватает стрелкового оружия, и он надеется на помощь моряков. Обстановка требовала немедленных действий. Я приказал снять часть пулеметов с кораблей и судов и передать пехотинцам. Конечно, трудно было принимать такое решение, – ведь мы тем самым снижали огневую мощь кораблей. Но пошли на это, чтобы помочь армии остановить противника»⁸⁴.

Д.В. Павлов в книге «Ленинград в блокаде» так описывает встречу в землянке командующего: «Разговор был откровенным,

и мы были убеждены, что командарм не скрывает всей опасности положения, но и не преувеличивает ее.

— Скажите, товарищ командующий, — спросил я, — запасы продовольствия, находящиеся в Новой Ладоге для Ленинграда, в большой опасности? И что можно сделать, чтобы при всех неожиданностях их сохранить? Вы, конечно, знаете, что это значит для Ленинграда?

Федюнинский вышел из-за стола, подошел к висящей на стене карте и сказал: «Да, знаю и могу вас заверить, так и передайте ленинградцам, что продовольствие и коммуникацию будем защищать до последнего вздоха», — и показал на карте, как он будет выполнять эту задачу в случае прорыва обороны противником. Сказано было с такой убежденностью, что не оставалось и следа сомнения в решительных действиях командарма»⁸⁵.

11 ноября вечером в штаб 54-й армии пришла телеграмма, в которой говорилось: «Ставка Верховного Главнокомандования приказала группу войск 4-й армии, действующую на волховском направлении по восточному и западному берегам реки Волхов, в составе 285, 310, 311, 192-й стрелковых дивизий, 6-й морской бригады, 3-й гвардейской стрелковой дивизии, двух батальонов 281-й стрелковой дивизии, 883-го корпусного артполка и 16-й танковой бригады с 6 часов 12.11.41 года переподчинить тов. Федюнинскому и включить в состав войск 54-й армии»⁸⁶.

Генерал И.И. Федюнинский понимал, что нужно действовать, не теряя ни минуты. Решено было танковую бригаду поставить позади боевых порядков отходящих войск, зенитную артиллерию, прикрывавшую Волхов, снять с позиций и использовать для стрельбы прямой наводкой по танкам противника. К капитану 1-го ранга В.С. Черокову была просьба — снять пулеметы с некоторых кораблей Ладожской флотилии и вместе с расчетами перебросить в район Волхова. Это было сделано немедленно.

За ночь удалось произвести некоторую перегруппировку, привести части в порядок, подбросить им продовольствие и боеприпасы. Полки и батальоны окопались на занятых рубежах.

12 ноября Ставка направила телеграмму командующему Ленинградским фронтом, а копию командующему 54-й армией: «Ставка Верховного Главнокомандования утвердила ваши указания по вопросам разрушения в Волховстрое алюминзавода, Волховской ГЭС, железнодорожного моста и затопления

патерны плотины с возложением ответственности за это, а также за определение времени взрыва на командование 54-й армии»⁸⁷.

Из показаний пленных немецких солдат было известно, что 15 ноября они намерялись захватить Волхов. Немецкое командование усилило натиск на Волхов, немцы рвались к теплым квартирам. Начался последний этап в сражении за Волхов. Силы обороняющихся и наступающих были на пределе. 310-я стрелковая дивизия вела бои за деревни Усадище и Леоновщину. Они неоднократно переходили из рук в руки. Вот что писал в воспоминаниях командир 1082-го полка М.М. Михайлов о тех днях: «Мы с упорными боями отходили на Усадище – Бор, утром заняли оборону. Среди дня немцы выбросили воздушный десант на станцию Мыслино, а в деревни Усадище и Бор ворвались танки с крестами на бортах. Нам пришлось отходить на Куколь. Потери были большие, в полку осталось человек 100.

Немцы повели наступление на Куколь и захватили его. В это время было занято Раменье, где оборонялись другие подразделения. Где-то в середине или в конце ноября в полк прибыло пополнение: 60–70 человек, в основном моряки. Их одели, накормили, и ночью был отбит Куколь. Днем мы не могли наступать, для этого требовалось много боеприпасов, а их не хватало, их доставка была затруднена. Разгранлинией между нами и немцами была железная дорога Тихвин–Волхов»⁸⁸.

В «Истории 21-й пехотной дивизии» события этого дня описываются так: «В 8 часов утра 12 ноября началась подготовка к атаке русских позиций. 24-й пехотный полк вместе с 21-м артполком, оставив слева Подвязые – Елошню, наступал на Усадище, поддерживаемый танками. Преодолев слабое сопротивление в Леоновщине, полк в 12 часов 30 минут после быстрого огневого удара ворвался в Усадище. В 13 часов 25 минут Усадище, а затем и Бор были захвачены. Ударная группа в сопровождении танков пробилась к железнодорожной линии и взорвала ее. Между тем 45-й пехотный полк под прикрытием артиллерии продвинулся к западу к Елошне и приготовился к атаке, так как нужно было подождать из 24-го мехполка танки. Она началась только в 15 часов 45 минут, и через 30 минут деревня была захвачена. У 3-го и 23-го пехотных полков день прошел спокойно»⁸⁹.

Немцам уже не хватало танков, чтобы одновременно наступать по всему фронту, они маневрировали моторизованными

частями и за счет этого создавали преимущество на том или ином участке фронта.

Утро 13 ноября выдалось пасмурным. Со стороны деревни Борок появились 20 танков с красными флагами. Среди бойцов первого батальона, которым командовал лейтенант Коковихин, произошло замешательство. Противотанковые батареи тоже вовремя не открыли огонь. Пока связывались с командным пунктом полка, пока уточняли принадлежность танков, время было упущено. Немцы открыли уничтожающий огонь по батареям. Вскоре они ворвались в деревню Лынна. Батальон Коковихина вынужден был отойти к Вячково, где и занял оборону⁹⁰.

В это время второй батальон оказался совершенно не прикрыт слева. Майор Н.А. Шорин приказал ему отойти за линию железной дороги. Вскоре по приказу командира 310-й стрелковой дивизии полк перешел к железнодорожному разъезду Куколь.

14 ноября немцам удалось ворваться в деревню Вячково. Но у них уже не хватало сил, чтобы сделать последний бросок: «Несмотря на трудности, дивизия все еще надеялась своими пополненными шестью батальонами без поддержки тяжелой артиллерии, правда, при поддержке танков, захватить Волховстрой. Оглядываясь назад, можно сказать, что это выглядело как переоценка собственных сил. С советской стороны готовились к битве за Волховстрой крупные силы... Из-под Мги были подведены 153-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н.А. Гагена (переименованная потом в 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию). Вместе с 435, 505 и 666-м полками, из которых два полка должны были выступить против 21-й дивизии. Еще 14 ноября из Ленинграда прибыли воздушным путем 1000 человек, из которых 400 были отданы 310-й стрелковой дивизии. Таким образом, недостатка в живой силе на советской стороне не было. Но что более фатально: несмотря на то, что 11-я и 21-я дивизии стояли в 8 км от Волховстроя, советская 54-я армия, очевидно, и не думала уходить из-под Синявино западнее реки Волхов. Об этом разочарованно писал в своем дневнике командующий группой армий «Север». В штабе 54-й армии были голоса, которые поддерживали хотя бы частичное устранение «мешка» (имеется в виду отвод войск из-под Синявино), чтобы высвободить силы для обороны Волховстроя. Но командующий армией генерал-майор Федюнинский был против этого, и он оказался прав»⁹¹.

Из этого отрывка можно сделать вывод, что у немцев хорошо работала разведка. Они знали не только какие советские силы подтягиваются к рубежам города Волхова, но и что делалось в штабе командующего 54-й армией И.И. Федюнинского.

3-я батарея комбата Березовского 37-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона стояла на перекрестке дорог у станции Мурманские Ворота. Зенитчики хорошо видели, как горела деревня Вячково, как из нее вышли немецкие танки и самоходки. Они устремились к Волхову. Немецкие танкисты видели через открытые люки городские окраины. Прямой наводкой батарея открыла огонь по противнику. Командир орудия Н. Таран, корректировщик А. Падченко, заряжающий К. Бирко вместе с другими зенитчиками последними снарядами подбили танк и три самоходные установки противника. Немцы отошли⁹².

Вдоль берега реки отходили к Волхову морские пехотинцы. Их поддерживал только один танк 16-й бригады под командованием лейтенанта Попова. Не было огневых средств, чтобы задержать врага. Старший политрук Н.К. Лапинский подсказал выход. Около Новой Ладоги был аэродром, где он видел, как снимали с самолетов отслужившие срок крупнокалиберные пулеметы ДШК. Несколько командиров из 6-й бригады морской пехоты отправились на машине к летчикам. Моряки выпросили у них шесть исправных пулеметов и 15 тысяч крупнокалиберных патронов. Среди моряков нашлось 18 хороших бойцов, знакомых с устройством пулеметов. Им дали команду изучить авиационные пулеметы за сутки⁹³.

Немцы подтянули огненные средства и вновь ударили по морякам. 12 ноября моряки впервые получили приказ командующего 54-й армией генерала Федюнинского, в котором перед бригадой была поставлена боевая задача, указаны соседи по фронту. На левом берегу реки выходили на позиции передовые подразделения 3-й гвардейской дивизии, которые заменили фактически разбитую и обескровленную 311-ю дивизию. Левее моряков оборонялась 310-я дивизия. Все почувствовали, что командование серьезно взялось за укрепление обороны Волхова⁹⁴.

Еще в начале ноября полки 3-й гвардейской дивизии ходили в атаки на Синявинские высоты. Сражение там шло отчаянное, не утихало ни на день, ни на час. Никто не отменял приказа прорвать блокадное кольцо, пробить коридор, через который можно было бы вывести на восток войска фронта. Участник событий военный корреспондент Александр Плющ

в небольшой книге «Это – пехота» приводит письма и дневниковые записи немецких солдат, которые воевали на этом участке фронта. Солдат 291-й дивизии, второй противотанковой роты Адольф Вальбинер отметил в своем дневнике: «Всю ночь непрерывно была русская артиллерия. Снаряды ложились вокруг окопа, русский танк подошел к нашим позициям и полил смертельным огнем».

Солдат 506-го полка той же дивизии Вальтер Шель написал в письме на родину: «Зима и артиллерия убийственны. Если кому сказать, что мы переживаем тут, нас сочтут сумасшедшими. Вчера снова была русская артиллерия. Я три раза наполнил штаны. Пальцы на ногах отморожены. Тело покрыто чесоткой. Не знаю, выберемся мы отсюда или поляжем в сырую землю».

А вот еще запись другого солдата: «Русские очень метко бросают бомбы. Самолеты, волна за волной. Русская тяжелая артиллерия почти убила меня. Снаряд разорвался в трех метрах».

Ефрейтору Герману Вейвильду не помогла даже «Охранная грамота», которая должна была спасти его от пуль, осколков и снарядов русских, а также от окопных болезней. Он, как и многие солдаты и офицеры 291-й дивизии вермахта, получил только березовый крест⁹⁵.

291-я пехотная дивизия «Лосиная голова» формировалась в Восточной Пруссии. Она прошла с боями Прибалтику и крепко завязла в волховских болотах. После боев на синявинском направлении дивизия понесла большие потери. Ее отвели в тыл, пополнили и бросили в бой в направлении Войбокало–Кобона. Здесь во встречном сражении с 311-й стрелковой дивизией и моряками 6-й отдельной бригады морской пехоты 291-я пехотная дивизия немцев вновь была разбита. Ее полки в течение трех месяцев зализывали раны под Тосно и Любанию. Позднее, весной и летом 1942 г., «Лосиная голова» примет участие в разгроме 2-й ударной армии генерала Власова. Помня о своих поражениях под Волховом, солдаты 291-й пехотной дивизии с особой жестокостью будут расправляться с гибнущими в волховском «котле» от голода, мин и снарядов советскими солдатами⁹⁶.

Под Волховом немцам приходилось туго. В записной книжке пленного повара 484-го полка 259-й пехотной дивизии было записано: «Вчера завтракали 150, а ужин получили только 53. Какой кошмар!»

Гвардейцы 666-го стрелкового полка 3-й гвардейской дивизии генерал-майора Н.А. Гагена не думали, что им придется срочно оставлять позиции и отправляться по их понятиям в тыл. Тыла уже не было. Командиру первого стрелкового батальона старшему лейтенанту Семену Захарову была приказано в срочном порядке по железной дороге Волховстрой–Тихвин идти навстречу противнику. Для огневой поддержки батальону выделялась артбатарея и бронепоезд № 60 «Ленинградец». Старший адъютант батальона (так в то время назывался начальник штаба батальона) старший сержант А. Крылов впоследствии вспоминал:

«Рано утром 10 ноября батальон прибыл на станцию Цвылево. От железнодорожников узнали, что Тихвин занят немцами. Железнодорожная связь работала хорошо. Связались с разъездом 192-й километр. «Немецкие мотоциклисты подходили к разъезду. Сейчас ни наших, ни немцев нет», – ответили нам. Ускорили движение к разъезду. Заняли в его районе оборону, прикрывая железную и шоссейную дороги. Выслали разведку с задачей найти противника и наши части. Комбат и новый комиссар батальона старший политрук И. Кочинцев торопили людей с рытьем окопов. Прибыла разведка и доложила: «В трех километрах по дороге – движение колонны немцев». Через некоторое время перед батальоном показались мотоциклисты, а за ними несколько танков и автомашин с мотопехотой. Неожиданный огонь батальона, артбатареи и бронепоезда ошеломил врага, вызвал панику. Оставив перед батальоном подбитый танк, мотоциклы, автомобили и трупы, немцы отошли в лес. Батальон потерь не имел»⁹⁷.

Два дня батальон Захарова вел бой у разъезда с превосходящими силами противника. После минометных налетов немцы шли в атаку. Артбатарея опытного командира лейтенанта Барыбина и отважный экипаж бронепоезда не допускали танки к окопам батальона, подбив четыре из них⁹⁸.

Командирами рот и взводов в батальоне Захарова были в основном старшины и сержанты. Они хорошо командовали во время боя и берегли людей. Когда возникла опасность окружения, батальон по приказу отошел в направлении Волхова – к станции Валя. Еще двое суток отражали гвардейцы атаки немцев на этом рубеже. Здесь попала в окружение и полностью погибла третья рота.

Остались в батальоне две роты, артбатарея и прибывший на усиление бронепоезд № 82. Бронепоезд № 60 ушел в Волховстрой пополнить боезапас. На этом участке фронта гвардейцы

несколько дней сдерживали атаки превосходящих сил противника. После частичного окружения остатков батальона командир С. Захаров вместе с комиссаром повел пехотинцев в штыковую атаку. Враг был отброшен. Бойцы отошли и заняли оборону в районе Зеленца. Здесь впервые в эти дни у них на флангах появились соседи – 16-я танковая бригада полковника И.Н. Барышникова почти без танков. Четверо суток гвардейцы вели непрерывный бой с частями 21-й пехотной дивизии немцев⁹⁹.

Морякам 6-й бригады морской пехоты на подступах к городу все время приходилось драться в полуокружении, хотя в целом обстановка объективно складывалась так, что обороняющиеся подразделения из-за больших потерь не имели возможности прикрывать отведенный им участок фронта. Силы сосредотачивали на направлении главного удара, оставляя на флангах небольшие заслоны из одного-двух отделений. Для обеспечения своего левого фланга моряки выделили специальную роту автоматчиков, которой командовал матрос Синчишин. На Балтике он плывал на подводной лодке «щука». Эта рота не раз спасала бригаду, отбиваясь от немцев, которые пытались обойти ее с флангов¹⁰⁰.

День 12 ноября запомнился морякам не только потому, что они обрели на фронте «хозяина» в лице командующего 54-й армией. Река уже замерзла. В бригаде решили послать разведку на левый берег в район деревни Вындин Остров. Группа моряков во главе с младшим лейтенантом Бассинским ночью по льду перебралась на левый берег. Прикрывать ее с пулеметом остались Ваганов, Дубровский и Алиев. Младший лейтенант с четырьмя матросами ползком добрались до вражеского дзота. Во время короткой схватки моряки были обнаружены немцами, и начался бой. Они держались до полудня, пока не кончились патроны. После этого разведчики бросились на врага с гранатами и ножами. Все они были ранены. Фашисты захватили разведчиков и долго над ними издевались. Об этом впоследствии рассказали жители Вындина Острова. Попытки вырвать боевых товарищей закончились неудачей.

После тяжелого боя за деревню Панево моряки отошли к поселку Волхов. На левом берегу в Гостинополе уже хозяйничали фашисты. В этой деревне на ее южной окраине скопилось много вражеской пехоты. Она хорошо была видна с противоположного берега. Командир бригады позвонил командующему армией И.И. Федюнинскому и доложил обстановку. Тот приказал врага не тревожить, не обращать на него внимание. Вот что

случилось дальше. Об этом написал П.Я. Ксенз в своих воспоминаниях: «За левым берегом я все время наблюдал в бинокль. Минут через 15 слышу какую-то автоматную стрельбу, которую до этого мне не приходилось слышать. Она меня заставила вздрогнуть и подняться на ноги. Вижу, в воздухе что-то громадное летит в сторону противника. Там, где скопилась вражеская пехота, вижу взрывы за взрывом. Причем взрывы громовые. Следом за этими взрывами тела вражеских солдат полетели в воздух. Кто из этих солдат смог еще двигаться, побежали назад и в стороны, и сколько мой глаз мог видеть, они бежали и бежали.

Моряки, видя это, кричали: «Ура!» Я и сам добежал до телефона, звоню генералу Федюнинскому и вместо доклада кричу ему: «Ура!». Он сначала не понял, а когда понял в чем дело, спрашивает: «Что, хорошо?» Я ему отвечаю: «Не только хорошо, даже сверхотлично! Что это?» Он, смеясь, сказал: «Моя личная артиллерия». Это были залпы нашего мощного оружия – реактивной артиллерии»¹⁰¹.

Так под Волховом в ноябре 1941 г. прозвучали залпы легендарных «катюш». 14 ноября враг открыл по поселку Волхов сильный минометный огонь. Он вел его с трех направлений. Загорелись постройки. Прикрываясь дымом и огнем минометов, немцы большими силами навалились на 2-й батальон. Командир батальона Шевченко и комиссар Георгадзе подняли моряков в контратаку. Пехота немцев побежала. В этот момент был убит майор Шевченко, ранены комиссар Георгадзе и начальник штаба батальона. Моряки, не видя своих командиров, залегли. Тогда старший политрук Иван Епишев поднялся и криком: «Коммунисты, ко мне!» собрал вокруг себя человек восемь коммунистов. Чтобы ошеломить врага, его надо было атаковать. «Всем приготовиться к бою, – сказал старший политрук. – Надо идти на врага». В это время немцев яростно атаковал заградотряд под командованием мичмана Михаила Яицкого. Он находился в резерве, и когда мичман почувствовал реальную опасность для своих товарищей, он не стал ждать команды и повел моряков в атаку.

В бою осколком мины в голову был ранен Иван Епишев. Его перевязали. Он сначала молчал, а потом тихо заговорил, усиливая свой голос. Видимо, чувствовал, что ему осталось совсем мало жить, поэтому сказал: «Кланяйтесь моей жене и дочке... Низкий поклон Кронштадту, он нас научил ценить и любить Родину, защищать ее. Ой, тяжело...»¹⁰². Моряк умер от раны на поле боя. Его тело лежало на носилках, а кругом рвались

вражеские мины, свистели пули, в лесу моряки гранатами добивали пехоту противника. «День 14 ноября стал для нас неудачным вдвойне, – писал комиссар 1-го полка 310-й стрелковой дивизии И.Д. Коровенков. – К вечеру фашисты с ходу заняли разъезд Куколь, деревни Раменье и Сорокино. Произошло это потому, что наши войска не сумели закрепиться на занятых позициях. Поздно вечером бойцы создали временные укрепленные точки неподалеку от Раменья. В следующие два дня бои шли с переменным успехом. Мы понесли большие потери»¹⁰³.

14 ноября произошло еще одно очень важное событие, которое сыграло в обороне города важную роль. Отступающие измотанные части 311-й стрелковой дивизии были заменены более боеспособными подразделениями 3-й гвардейской дивизии. Она была выведена с участка фронта из-под Синявино и переброшена в район деревни Морозово.

Пока дивизия разворачивала свои боевые порядки, занимала позиции, укрепляла фланги, вперед была выдвинута пулеметная рота старшего лейтенанта Ф.Ф. Синявина. Ей ставилась задача сдерживать немцев и отвлечь их внимание от основных сил, пока батальоны не подготовятся к бою. По замыслу командира дивизии генерал-майора Н.А. Гагена, рота должна была заставить врага поверить, что передний край фронта именно здесь, на северной окраине деревни Морозово, а не дальше, где в спешном порядке окапывались полки дивизии¹⁰⁴.

Рота Синявина отличалась боевой выучкой, умением дерзко и умело вести бой. Командир был умным и бесстрашным воином. Его спокойствие, самообладание, умение вести из пулемета снайперский огонь, выбирать самый ответственный момент для стрельбы вызывали уважение у бойцов. Они верили командиру и четко выполняли его приказы. В течение ночи гвардейцы вырыли окопы и замаскировались. Немцы видели какое-то оживление на переднем крае русских и периодически обстреливали его из пулеметов и минометов. В ответ раздавался очень редкий пулеметный огонь. Немцы никак не могли определить передовую линию обороны советских войск, поэтому и стреляли по площади. Впереди уже был виден Волхов, где они надеялись немного передохнуть перед последним броском до Ладожского озера. Завтра, 15 ноября, немецкие части, которым покорилась почти вся Западная Европа, должны были войти в город, который занимал ключевые позиции в обороне Ленинграда.

Бригадный комиссар Владимир Андреевич Овчаренко.
20 января 1942 г.

Волховский фронт. 2-й слет снайперов 54-й армии. Бойцов приветствует командующий армией генерал-майор А.В. Сухомлин (на снимке в центре).

1942 г.

Герой Советского Союза,
летчик-истребитель
29-го гвардейского
истребительного авиаполка
Николай Андрианович Зеленов

Волховский фронт. 2-й слет снайперов 54-й армии

Летчик-истребитель,
командир эскадрильи
154-го ИАП
А.И. Горбачевский

Следить за развитием войны

и успехами наших воинов!

ФОТОГАЗЕТА

154 и а н №1 1942г.

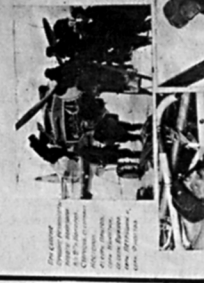
ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

АЛЕКСАНДР ГИРИЧЕНКО
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

В. П. МАРИШИН
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

Степан
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

СЕРГЕЙ БОРИЩЕВ
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

Владимир Бончурани,
лучшие люди земли

КОМАНДА ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО АВИАЦИОННОГО ПОЛКА
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

Александр Голубов
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

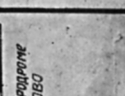
Александр
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

Александр
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

Александр
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

Александр
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

Александр
Сержант, командир звена
1-го истребительного авиационного полка
1-й авиационной армии ВВС РККА
Полковник

СБОРКА САМОЛЕТОВ НА АЭРОДРОМЕ ПЛЕХАНОВО

ПЕРЕБАЗИРОВАНИЕ

Фотогазета 154-го истребительного авиационного полка

Фотогазета, посвященная лучшим летчикам-истребителям 154-го истребительного авиационного полка

Перед боевым вылетом

Командир 154-го ИАП майор А.А. Матвеев.
Январь 1942 г.

Летчики 154-го АИП на аэродроме у д. Плеханово.
Зима 1942 г.

Похороны старшего легчика 29-го ГИАП лейтенанта Е.И. Черенцова

Сбитый фашистский самолет

Командующий 54-й армии И.И. Федюнинский беседует с бойцами
и командирами

Старший сержант
311-й стрелковой дивизии,
Герой Советского Союза
А.А. Калинин

Командир 88-го батальона
аэродромного обслуживания
полковник Б.И. Литвинов

Лейтенант Исаев, офицер
54-й армии

Старший лейтенант
311-й стрелковой дивизии
54-й армии А. Манакин

Участники 1-го слета снайперов 54-й армии

Парторг роты А. Смирнов проводит политзанятия перед боем

Наводчик зенитного орудия
А. Горбань

Один из лучших снайперов
54-й армии Василий Фаронов

Наводчик зенитного орудия
А. Толубец

Участник 1-го слета снайперов
54-й армии Петр Сафонов

Разведчики сержанта Е. Котина (54-я армия)

Минометчики лейтенанта А. Кораблина ведут огонь по врагу.
Декабрь 1941 г.

Старший сержант А. Парнова

Военврач Г.С. Лапшина

Редактор газеты 54-й армии
«В решающий бой»,
батальонный комиссар Б.Э. Кац

Разведчик старшина Д. Грибанов

Летчик-истребитель 29-го ГИАП,
Герой Советского Союза
Петр Андреевич Пилутов

Борис Эммануилович Кац

Заместитель командующего 54-й армией по танковым войскам
полковник А.В. Зазимко *(на снимке справа)*
и командир 16-й танковой бригады полковник И.Н. Барышников

На рассвете противник открыл интенсивный минометный и пулеметный огонь. Батареи Алексея Петрова, Сергея Логвинова, Петра Рябова и Александра Потапова отвечали врагу.

После сильного артиллерийского налета из леса показались цепи немцев. На заснеженном поле хорошо были видны серые ряды пехоты противника.

В роте Синявина первым всегда открывал огонь расчет Гурьянова. Так было принято. Все видели, что именно у его пулемета находился командир роты. Когда до окопов оставалось совсем немного, пулеметчики открыли огонь почти в упор, наверняка. Десять пулеметов роты крошили вражеские цепи. Немцы в ответ сразу же открыли минометный огонь. Разбит один пулемет, другой. Федор Федорович Синявин руководил боем, смотрел, чтобы пулеметчики все время меняли позиции, не давали возможность немцам засечь огневые точки.

Пять атак отразила рота старшего лейтенанта Синявина. Беспрецедентная стойкость гвардейцев, их умелые действия, бесстрашие командира решили исход боя. Перед позицией роты лежало около 200 трупов немцев.

Ночью бойцы роты отошли на основную линию обороны. Дивизия прочно встала на окраинах города и не пустила дальше врага. Старший лейтенант Ф.Ф. Синявин за бои под Волховом 6 февраля 1942 г. был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно. Он погиб в одном из тяжелых январских боев во время наступления под Погостьем¹⁰⁵.

Напряженно складывалась обстановка на правом берегу реки. По данным партизанской разведки, которую возглавлял волховчанин Б.А. Анисимов, стало известно, что немцы концентрируют значительные силы танков и готовят наступление. Они собирались обойти Волхов с северо-востока и востока. Немцы бросили в наступление большие силы. Они прорвали оборону и вышли к командному пункту 310-й стрелковой дивизии, который находился на восточной окраине Волхова в Мурманских Воротах. Начальник штаба Ш.И. Мелкадзе возглавил оборону штаба. Все бойцы и командиры, включая связистов и медиков, взялись за оружие, подготовили связки гранат, чтобы отражать танковую атаку. Артиллеристы дивизии прямой наводкой били по танкам. Бойцы отбивались от автоматчиков. Накал боя достиг критической черты. Именно в этот момент на командном пункте полковника Замировского раздался телефонный звонок. Звонил командующий армией И.И. Федюнинский. Замировский доложил обстановку и сказал, что бой идет на командном пункте, положение критическое.

Командующий спокойно выслушал полковника и приказал: «Продолжайте драться».

– Есть, – медленно и глухо сказал Замировский.

Дальше отступать было некуда¹⁰⁶.

Артиллеристам удалось подбить один вражеский танк. Второй повернул обратно. В критический момент боя за командный пункт подошли бойцы железнодорожного истребительного батальона, сформированного из волховчан, и моряки с пулеметами, которых прислал командующий Ладожской военной флотилией В.С. Чероков. Полковник Мелкадзе с криком: «Вперед! За Родину!» повел всех в атаку. Немцы не выдержали натиска и побежали.

Участник этого боя восемнадцатилетний сапер 21-й пехотной дивизии вермахта Франц Фогель уже после войны, приехав в Волхов, чтобы посмотреть город, который немцы так и не взяли, о тех событиях, спустя много лет после войны, при встрече рассказывал автору этой книги: «Я в двух местах подорвал железнодорожное полотно около станции Мурманские Ворота, чтобы русские не могли подвезти подкрепления. Мы уже дрались на командном пункте русской дивизии, вот готовы были сломить сопротивление противника, когда появились моряки и русские мужики с винтовками. Они со страшным криком бросились на нас. Я три километра бежал по глубокому снегу, чувствуя между лопаток сталь русского штыка. Но убежал. Молодой был, резвый. Тот бой мне запомнился на всю жизнь. Я был в двух шагах от смерти».

Через три часа Замировский позвонил на командный пункт генерала Федюнинского и доложил, что враг отогнан от командного пункта дивизии на один километр. И.И. Федюнинский похвалил командира дивизии. С командного пункта командующего армией было рукой подать до передовых позиций дивизии Замировского и 3-й гвардейской дивизии генерал-майора Н.А. Гагена.

Батальоны морской пехоты тоже с трудом отбивались от наседавших немцев. Они отошли к Никольскому Погосту. Утром 16 ноября в бригаду приехал начальник артиллерии армии генерал-лейтенант И.Ф. Бесчастнов и начальник штаба полковник Г.Ф. Одинцов. Они разработали план артиллерийской поддержки моряков и на местности поставили задачи командирам артиллерийских частей. С этого дня артиллерия регулярно действовала на участке обороны моряков. Одновременно с этим радостным событием произошло еще одно. Поступил приказ, что в бригаду морской пехоты вливаются

два полка 292-й стрелковой дивизии как оставшиеся без управления. Но где эти полки, какой они численности, никто не знал¹⁰⁷.

Немцы прорвали слабую оборону на стыке 310-й дивизии и 6-й бригады морской пехоты. Через деревню Борок в направлении Запорожья они большими силами пытались выйти в тыл морякам и окружить их. Враг уже собирался занять деревню Вельца, когда моряки пошли в контратаку. Немцы были отброшены.

16 ноября утром в бригаду поступило сообщение, что из Кронштадта прибыло пополнение на транспортных самолетах – 1000 моряков. Об этом позаботился командующий Балтийским флотом адмирал В.Ф. Трибуц. Пополнение сосредоточили в деревне Халтурино. Это был последний рубеж обороны Волхова.

В этот же день, установив орудия на Морозовских высотах в 5–7 километрах от Волхова, немцы стали обстреливать город из 210-миллиметровых орудий. Стреляли методично, веером: сначала обстреливался железнодорожный узел, потом – электростанция, затем – алюминиевый завод. И так несколько раз в сутки. Фактически ничейной землей стал Торфопоселок. Немцы приблизились к деревням Валимский Ручей и Халтурино. Это уже была окраина города. Здесь шел яростный бой. На позициях не хватало бойцов. А в самом Волхове в это время находилось без дела немало людей в военной форме. Командование бригады морской пехоты приказало мичману Яицкому с заградотрядом очистить город, задержать всех военнослужащих и собрать их у железнодорожной насыпи.

Через полтора часа задание было выполнено. Около насыпи стояло больше тысячи человек. Оказалось, это те самые два полка 292-й дивизии, которые без командиров вышли из окружения и застряли в городе, ожидая дальнейшего развития событий. Из них были сформированы пять батальонов. Младшими командирами в этих батальонах стали моряки. По мере боевой готовности эти батальоны отправлялись на позиции в деревне Халтурино. По южной окраине этой деревни с 17 ноября проходил передний край.

В самый критический момент боев за Волхов, 17 ноября, погиб командир 505-го полка 3-й гвардейской дивизии капитан Д.Ф. Асланов. За четыре дня боев полк отбил десять атак 11-й пехотной дивизии противника. Он лично командовал противотанковыми орудиями, так как немецкие танки вплотную подошли к его командному пункту. Пример командира,

его мужество воодушевляли гвардейцев. Они не пропустили врага дальше. Вместо капитана Д.Ф. Асланова командовать полком стал Герой Советского Союза капитан Л.И. Пузанов.

Из Ленинграда в Волхов все время подходило пополнение, чтобы поддерживать боеспособность частей, защищавших Волхов. 18 ноября сводный отряд, в который вошли танкисты 16-й танковой бригады, курсанты курсов младших лейтенантов 54-й армии, саперы, две роты 310-й стрелковой дивизии, до роты 435-го стрелкового полка 3-й гвардейской дивизии, пошел отбивать у немцев деревню Вячково.

Участник этого боя П. Кукушкин писал в воспоминаниях:

«После короткой артподготовки в вечерних сумерках двинулись по нетронутому снегу к деревне. Однако овладеть ею с ходу не удалось. Усиленный пехотный батальон немцев, располагавший четырьмя танками, минометной батареей, 6 пулеметами, один из которых был крупнокалиберным, успел укрепиться в дзотах и крестьянских постройках. Гитлеровцы оказали жесточайшее сопротивление.

На следующий день мы изменили направление атаки и вырвались почти к самым приусадебным участкам крайних северных домов Вячково. Но бойцов прижал к почерневшему, перепаханному снарядами полю ураганный огонь: крупные орудийные калибры стреляли откуда-то из-за железной дороги... Шесть атак за два дня. Несли потери, нас мучил холод...

Седьмая атака началась ночью. Как раз пошел снегопад. Фашисты обнаружили нас с опозданием. Затрещали, словно ломающийся на реке лед, автоматы и пулеметы, завывали и рывкнули мины. Особенно мешал успеху крупнокалиберный пулемет, бьющий откуда-то из-за кладбища. Тут на помощь пришли наши соседи минометчики. По указанию младшего лейтенанта Шалыгина пулемет подавили. Мины подожгли большой двухэтажный дом, возвышающийся над дорогой справа. Зарево помогло снайперской стрельбе красноармейца Чиркова. Рота мотострелков лейтенанта Кирьяшина пошла в штыковую.

Шел четвертый час боя. Наконец гитлеровцы не выдержали и побежали к железной дороге. К утру деревня Вячково была полностью освобождена»¹⁰⁸.

Свой первый бой на фронте у Вячково принял и волховчанин лейтенант Борис Земан. Домой он написал: «Привет с передовой линии. В данный момент нахожусь недалеко от Волховстроя-2 в деревне Вячково. Первое боевое крещение принял 18 числа по взятию Вячково, за что и представили

к правительственной награде. А одновременно за это получил благодарность от командующего армией...»

Танкист Григорий Сафонович Ромко за бой у деревни Вячково был награжден медалью «За боевые заслуги». Во время одного из приездов в Волхов в 1983 г. он рассказывал: «Был командиром танка в 16-й танковой бригаде. Очень тяжелые и кровопролитные бои были под Волховом. На всю жизнь остались в памяти атаки и контратаки у деревни Вячково. Здесь погибли многие мои боевые товарищи. Но враг не прошел...»¹⁰⁹.

В ночь с 18 на 19 ноября немцы неожиданно атаковали передовые позиции моряков. На стыке второго и третьего батальонов они прорвали оборону и устремились к городу. Когда враг достиг первых домов, его встретили моряки, которые охраняли алюминиевый завод, и санитары вместе с легкоранеными санитарной роты бригады во главе со старшим политруком Лапинским и комиссаром Викуловым. Во время боя подошел заградотряд и батальон морской пехоты. Дружными усилиями удалось отбросить немцев за передний край обороны.

В этот день погибли старший инструктор политотдела бригады А.А. Урусов и лейтенант Попов из 16-й танковой бригады, танк которого поддерживал огнем морских пехотинцев. Осколок мины попал Урусову в голову. Попов тоже был убит осколком. Во время боя его танк подбил пять немецких бронемашин, уничтожил немало пехоты противника. Моряки уважали его за стойкость и храбрость. После боя лейтенант вылез из машины размяться. В это время рядом разорвалась мина. Воин был сражен наповал. Урусова и Попова похоронили в Волхове.

Пока батальон старшего лейтенанта С. Захарова вел бои в отрыве от основных сил, 666-й стрелковый полк 3-й гвардейской дивизии 20 ноября занял позиции на правом берегу реки Волхов севернее совхоза «Запорожье». В первый же день фронт гвардейцев атаковал 3-й пехотный полк 21-й дивизии вермахта. Стрелковый батальон старшего лейтенанта А.Т. Гагаулина оказался на пути удара немцев. Дважды цепи вражеской пехоты подходили к его переднему краю обороны и дважды с большими потерями отбрасывались.

Попытки контратаковать немецкие позиции тоже не дали результата. Противник обнаруживал наступающие подразделения гвардейцев и отбрасывал их на исходные рубежи сильным минометным и пулеметным огнем.

На левом берегу реки держали оборону 505-й полк капитана Пузанова и 435-й полк полковника Н. Мартынчука. Сюда же был переброшен и сильно поредевший батальон старшего лейтенанта С. Захарова из 666-го полка.

Река была скована льдом. Немцы не раз предпринимали попытки прорваться к Волхову по ее белой глади. 666-й и 505-й полки совместными усилиями отбивали атаки. Здесь не было ни окопов, ни валов из валежника, даже снега в достатке не было, чтобы сделать бруствер. Мины и снаряды взрывались в воронках, наполненных водой, которая поливала бойцов на тридцатиградусном морозе, превращая их – живых и мертвых – в ледяные статуи¹¹⁰.

Около двух километров на левом фланге полка тянулось сплошное болото. Прикрывали это пространство сторожевые посты с обеих сторон. На топографических картах тех лет среди этих болот была отметка 31.0, которую бойцы называли «недотрогой». Несколько раз здесь сталкивались в жарких схватках советские и немецкие разведывательные группы. После нескольких полетов самолетов-разведчиков на этом участке фронта немцы решили обойти полк через болото и атаковать его с тыла. Одновременно они начали атаку с фронта.

Но бойцы старшего лейтенанта Глухих обнаружили немецких автоматчиков в районе «недотроги». Они атаквали противника с такой яростью, что те бежали, забыв об окружении полка. Этой ярости предшествовало одно событие, которое потрясло всех в полку. В разведке был тяжело ранен в ноги один из самых храбрых командиров, любимец полка лейтенант Копытин. Немцы, как показали пленные, нашли Копытина почти окоченевшим. Но он собрал все силы и убил из пистолета двух вражеских солдат. Допрашивали лейтенанта в штабе 3-го пехотного полка. Он молчал. Через несколько дней труп Копытина был выброшен на «ничейную» полосу, разделяющую наши и немецкие окопы. У лейтенанта были отрезаны уши, нос, проколота в нескольких местах грудь, ноги и руки связаны колючей проволокой. Немцы хотели устроить бойцов гвардейской дивизии, подорвать их моральный дух. Но добились совершенно обратного результата. Советские бойцы бились с такой яростью, что противник прекратил атаки переднего края. Разведка донесла, что в пулеметных ячейках немцев оставлено всего несколько пулеметов, передовые позиции полка обстреливают только две минометные батареи. Остальные силы врага куда-то исчезли. Враги готовили новый удар. От ответа на этот вопрос зависела судьба Волхова и Ленинграда¹¹¹.

Подводя итоги оборонительного сражения в ноябре 1941 г. на внешнем кольце окружения Ленинграда, можно сказать, что советские войска с честью выполнили поставленную перед ними задачу. Немцы к декабрю утратили способность одновременно наступать на нескольких направлениях: на соединение с финскими войсками на р. Свирь и с выходом к южному побережью Ладожского озера. В результате упорных оборонительных боев на тихвинском и волховском направлениях советско-германского фронта в октябре–ноябре 1941 г. группировка немецких войск понесла большие потери. Немецко-фашистские войска не смогли выполнить стратегическую задачу. Тихвинская операция по полному окружению Ленинграда провалилась¹¹². Поражение немецких войск на тихвинском направлении произвело сильное впечатление на финнов. Они уже не предпринимали активных наступательных действий, стали искать пути для того, чтобы смягчить в глазах мирового общественного мнения свое участие в блокаде Ленинграда. «Наступление вследствие сильного сопротивления со стороны противника захлебнулось. Северная группировка немцев, ведя тяжелые бои, вышла в район Тихвина. Казалось, что соединение с финнами уже достигнуто. Однако в результате провала наступления южной группировки через Валдайскую возвышенность резко выдвинувшиеся на восток немецкие войска оказались без всякого прикрытия со стороны своего правого фланга. Обеспечить этот фланг войска северной группы не сумели, так как у них не было для этого достаточно сил и средств. Поэтому когда в начале декабря русские перешли в контрнаступление, немцам пришлось оставить Тихвин и отвести войска за реку Волхов. Такую оценку дал событиям бывший гитлеровский генерал Э. Бутлар¹¹³.

«Для финнов провал немецкого наступления на Тихвин был еще одним тяжелым ударом. Они надеялись, что теперь у Ладожского озера произойдет объединение немецких и финских частей и как следствие этого – полное окружение Ленинграда, которое вскоре приведет к падению города и сделает излишним фронт на Карельском перешейке. Провал немецких замыслов, кроме всего прочего, ухудшил положение финнов еще и потому, что они в ожидании быстрой и решительной победы над Советским Союзом, к которой стремились всеми силами, мобилизовали всех способных носить оружие. Это так тяжело отразилось на экономике страны, что финское командование было вынуждено уволить из армии большое количество людей и слить ряд частей. Несмотря на это, финские

войска удерживали фронт северо-западнее Ленинграда и у реки Свирь»¹¹⁴, – писал другой немецкий генерал К. Типпельскирх в «Истории второй мировой войны». «После войны, на судебном процессе над бывшим главой финского правительства, пособником немцев Рюти, последний утверждал что финны фактически «спасли» Ленинград. Рюти заявил: 24 августа 1941 г. я посетил штаб-квартиру маршала Маннергейма. Немцы добивались, чтобы мы, перейдя старую границу, продолжали наступление на Ленинград. Я сказал, что захват Ленинграда не является нашей целью и нам не следует принимать в нем участие. Маннергейм и военный министр Вальден согласились со мной и отклонили предложение немцев. В результате возникла парадоксальная ситуация, когда немцы были не в состоянии наступать на Ленинград с севера; получилось, что финны, таким образом, защищали Ленинград с севера»¹¹⁵. Абсурдность этой идеи очевидна. Планы финского руководства по созданию «Великой Финляндии» окончательно рухнули после провала Тихвинской наступательной операции немцев.

На тихвинском направлении попытки противника выйти на рубеж реки Свирь были сорваны. В результате оборонительных боев, мужества и стойкости советских воинов наступающие части вермахта понесли большие потери и были измотаны. План гитлеровского командования соединиться с финскими войсками на реке Свирь не осуществился.

Ссылки к главе 3

¹ *Allmayer-Beck C.* Die Geschichte der 21.(ostpr./westpr.) Infanterie-Division. München, 1990. S. 175–177.

² *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 318.

³ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Смоленск: Русич, 2001. С. 395.

⁴ *Allmayer-Beck C.* Op. cit. S. 177.

⁵ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 361–399.

⁶ Там же. С. 401.

⁷ Там же. С. 405.

⁸ Там же. С. 413.

⁹ *Карель П.* Восточный фронт. М.: ЭКСМО, 2003. С. 235–236.

¹⁰ Гриф секретности снят. М., 1993. С. 168.

¹¹ *Крюковских А.* Беспримерный подвиг народа // Диалог. 1990. № 13.

¹² *Мировая война 1939–1945 гг.* М. 2001. С. 206.

¹³ *Барышников Н.И.* Позиция государственно-политического и военного руководства Финляндии относительно судьбы Ленинграда // Ленинградская эпопея – феномен мировой истории. СПб., 1998. С. 12.

¹⁴ *Барышников И.И.* Указ. соч. С.14.

¹⁵ *Карель П.* Указ. соч. С. 234.

¹⁶ *Барышников Н.И.* Указ. соч. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 15.

- ¹⁸ Блокада рассекреченная. СПб., 1995. С. 150.
- ¹⁹ Козлов А.И. Советско-финская война 1939–1940 // Взгляд с той стороны. Рига, 1999. С. 142.
- ²⁰ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки. М.: Наука, 1973. С. 325.
- ²¹ Мировая война 1939–1945. СПб.: Полигон. 2000. С. 186.
- ²² Мерецков К.А. На службе народу. М., 1988. С. 217.
- ²³ На Волховском фронте. М.: Наука. 1982. С. 15–16.
- ²⁴ История второй мировой войны 1939–1945. М., 1975. С. 112.
- ²⁵ На Волховском фронте 1941–1944 гг. М., 1982. С. 16.
- ²⁶ Дегтярев Г.Е. Кольцо не замкнулось // Тихвин, год 1941-й. Л., 1974. С. 35.
- ²⁷ *Allmayer-Beck* С. Op. cit. S. 179.
- ²⁸ *Ibid.* S. 180.
- ²⁹ Горбачев Н.С. Разгром маловишерского гарнизона // Тихвин, год 1941-й. Л., 1974. С. 54.
- ³⁰ Федюнинский И.И. В те дни под Волховом // Тихвин, год 1941-й. Л., 1974. С. 12.
- ³¹ Битва за Ленинград / И.П. Барбашин, А.И. Кузнецов, В.П. Морозов и др. М.: Воениздат, 1964. С. 107.
- ³² *Allmayer-Beck* С. Op. cit. S. 183.
- ³³ Дзенискевич А.Р. Блокада и политика. СПб., 1998. С. 130.
- ³⁴ Книга памяти. СПб., 1995. С. 18.
- ³⁵ Николаев С. Вошедшие в бессмертие // Родина. 1988. 7 мая.
- ³⁶ Федюнинский И.И. В те дни под Волховом // Тихвин, год 1941-й. М.: Воениздат, 1974. С. 11.
- ³⁷ *Allmayer-Beck* С. Op. cit. S. 185.
- ³⁸ *Ibid.* S. 187.
- ³⁹ Мерецков К.А. Указ. соч. С. 222.
- ⁴⁰ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 112.
- ⁴¹ На Волховском фронте 1941–1944 гг. С. 17.
- ⁴² Мерецков К.А. Указ. соч. С. 226.
- ⁴³ Еськов Н. В боях за Родину // Волховские огни. 1974. 20 апреля
- ⁴⁴ *Allmayer-Beck* С. Op. cit. S. 190.
- ⁴⁵ Звенигородский И. Дорогами войны // Волховские огни. 1974. 17 декабря.
- ⁴⁶ *Allmayer-Beck* С. Op. cit. S. 195.
- ⁴⁷ Еськов Н. Указ. соч.
- ⁴⁸ Зайцев Д., Егоров П. Самая «горячая» точка Волховского фронта // Кирши в огне войны. СПб., 1999. С. 6.
- ⁴⁹ Мерецков К.А. Указ. соч. С. 222.
- ⁵⁰ На Волховском фронте 1941–1944 гг. С. 17.
- ⁵¹ Карель П. Указ. соч. С. 236.
- ⁵² ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. 3763, д. 93, л. 85.
- ⁵³ ЦАМО РФ, ф. 48 а, оп. 3408, д. 5, л. 47.
- ⁵⁴ ЦАМО РФ, ф. 410, оп. 10146, д. 6, л.125.
- ⁵⁵ Там же. Л. 57.
- ⁵⁶ Там же. Л. 125.
- ⁵⁷ Максимова М. В дни суровых испытаний // Волховские огни. 1987. 6 и 13 июня.
- ⁵⁸ Сяков Ю.А. Волхов в огне. Волхов, 1997. С. 12.
- ⁵⁹ Максимова М. В Волхове прифронтовом // Волховские огни. 1981. 11 июля.

- ⁶⁸ ЦАМО РФ, ф. 410, оп.10146, д. 6, л. 55, 56.
- ⁶¹ Там же. Л. 57.
- ⁶² *Гусарин С.* Первые бои // Кириши в огне войны. СПб., 1999. С. 17–18.
- ⁶³ ЦВМА, ф. 1787, оп. 2, д. 61, л. 349–413.
- ⁶⁴ *Ксенз П.* Морская пехота в боях за Волхов // Волховские огни. 1981. 16 июня.
- ⁶⁵ *Чероков В.С.* Для тебя, Ленинград. Л., 1988. С. 35–36.
- ⁶⁶ *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 224–225.
- ⁶⁷ *Allmayer-Beck С.* Op. cit. S. 195.
- ⁶⁸ Ibid. S. 193.
- ⁶⁹ Архив музея истории города Волхова. Фонд 6-й ОБМП.
- ⁷⁰ *Ксенз П.* Указ. соч.
- ⁷¹ *Польман Х.* Волхов. 900 дней борьбы за Ленинград. 1941–1944. М., 2001. С. 38.
- ⁷² Там же. С. 39.
- ⁷³ *Ксенз П.* Указ. соч.
- ⁷⁴ *Коровенков И.* Бились на Волхове // Волховские огни. 1974. 18 ноября.
- ⁷⁵ ЦАМО РФ, ф. 410, оп. 10016, д. 45, л. 64.
- ⁷⁶ *Allmayer-Beck С.* Op. cit. S. 198.
- ⁷⁷ Ibid. S. 199.
- ⁷⁸ В решающий бой. 1941. 10 ноября.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ *Федюнинский И.И.* Огни Волхова // Волховская правда. 1960. 21 июня.
- ⁸¹ *Федюнинский И.И.* Поднятые по тревоге // Мемуары. М., 1964. С. 66.
- ⁸² Там же. С. 67.
- ⁸³ Там же. С. 65.
- ⁸⁴ *Чероков В.* Годы и люди, которых забыть нельзя // Волховские огни. 1975. 14 ноября.
- ⁸⁵ *Паулов Д.В.* Ленинград в блокаде. Л., 1985. С. 148–149.
- ⁸⁶ *Федюнинский И.И.* Поднятые по тревоге. С. 66–67.
- ⁸⁷ Там же. С. 68–69.
- ⁸⁸ *Михайлов М.М.* 41-й на волховской земле // Волховские огни. 1995. 14 февраля.
- ⁸⁹ *Allmayer-Beck С.* Op. cit. S. 200.
- ⁹⁰ *Еськов Н.* Указ. соч.
- ⁹¹ *Allmayer-Beck С.* Op. cit. S. 203–204.
- ⁹² *Сахаров З.* Мы обороняли мост через Волхов // Волховские огни. 1987. 4 марта.
- ⁹³ Архив музея истории города Волхова. Фонд 6-й ОБМП.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ *Плющ А.* Это пехота. Л., 1984. С. 36–39.
- ⁹⁶ *Гурдлах Г.* Волховская битва. Документы ужаса 1941–1942. Бинген на Рейне? 1997.
- ⁹⁷ *Стебунов В.* Под знаменем, овеянным славой // Волховские огни. 1988. 16 февраля.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Архив музея истории города Волхов. Фонд 6-й ОБМП.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же.

- ¹⁰³ *Коровенков И.Д.* Указ. соч.
- ¹⁰⁴ Твой герой, Ленинград. Л., 1969. С. 160–161.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ *Федюнинский И.И.* Поднятые по тревоге. С. 70–71.
- ¹⁰⁷ Архив музея истории города Волхова. Фонд 6-й ОБМП.
- ¹⁰⁸ *Кукушкин П.* У деревни Вячково // Волховские огни. 1975. 16 октября.
- ¹⁰⁹ *Ромко Г.* Первая победа // Волховские огни. 1975. 8 мая.
- ¹¹⁰ *Стебунов В.* Указ. соч.
- ¹¹¹ Архив музея истории города Волхова. Фонд 3-й гв. с.д.
- ¹¹² *Карель П.* Указ. соч. С. 237.
- ¹¹³ Мировая война 1939–1945. СПб. С. 237.
- ¹¹⁴ *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. СПб.: Полигон, 1994. С. 198.
- ¹¹⁵ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 2003. С. 248–249.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

В конце 1941 г. советские войска перехватили инициативу. Получив подкрепления из резерва Ставки, 4, 52 и 54-я армии готовились к разгрому группировки противника южнее Ладожского озера.

Перед началом контрнаступления советских войск под Тихвином и Волховом в декабре 1941 г. от Ладожского озера до озера Ильмень на фронте свыше 300 километров действовали 14 немецко-фашистских дивизий, в том числе 10 пехотных, 2 моторизованные и 2 танковые. Но их укомплектованность личным составом и вооружением к этому времени в связи с большими потерями не превышала 60 процентов. Они насчитывали около 140 тысяч солдат и офицеров, 1000 орудий и минометов калибра 75 мм и около 200 танков¹.

В войсках 4, 52, 54-й советских армий, воевавших на этом же участке фронта, к началу декабря 1941 г. были 192950 человек личного состава², 1374 орудия и миномета калибра от 76 мм и выше и 154 танка. Советские войска имели превосходство: в людях – в 1,3 раза, в орудиях и минометах – в 1,4 раза; в танках перевес в 1,3 раза был на стороне противника³.

Начав наступление в полосе 70 километров, вражеские войска растянулись на фронте свыше 350 километров и оказались в полуокружении. В летнем обмундировании немцы очень страдали от холода. Они посылали команды в Германию для сбора теплой одежды. Вот как об этом пишет историк 21-й пехотной дивизии Кристоф Фрайхерр фон Альмайер-Бек: «Боевых сил было слишком мало. 3-й пехотный полк имел в своем составе на 10 декабря всего 3652 (!) человека. Незначительное пополнение не принесло существенного улучшения. Большая часть имеющегося оружия требовала ремонта и просто не могла быть использована. Кроме того, части, если удавалось, искали в развалинах деревень защиту от просто не представляемых холодов. Температура в начале декабря

понижалась до -38 градусов. Уже одно это постоянно изну-ряло физические силы, что приводило к опасной апатии сол-дат к действиям врага. Зимняя экипировка частей была не-полной. Вероятно, по инициативе корпусного начальства дивизия еще 25 ноября отправила 26 грузовиков в Эльбинг, чтобы получить собранную на родине зимнюю одежду. Ко-лонна прошла туда и обратно 2229 км и 17 декабря только на 16 грузовиках вернулась в дивизию. Но это вынужденное ре-шение никоим образом не могло возместить недостаток в зим-ней амуниции.

Вообще положение со снабжением было неудовлетвори-тельным. Базой снабжения дивизии все еще были Кириши. Оттуда продовольствие, боеприпасы и прочее необходимое с трудом подвозилось через 65 км и распределялось в полках дивизии»⁴.

В других дивизиях немцев положение было не лучше. Еф-рейтор 5-й роты 44-го полка 11-й пехотной дивизии Пауль Христинзен, который попал в плен под Волховом, на допросе рассказывал: «Второй батальон за полтора месяца боев поте-рял 300 человек. В 5-й роте с каждым днем увеличивается чис-ло солдат, выбывающих из строя в связи с простудными забо-леваниями и обмороживаниями конечностей»⁵.

Но противника сломили не мороз и недостаток амуниции, а мужество советских солдат, которые бесстрашно бросались на врага. К 25 ноября наступление немецко-фашистских войск на город Волхов было остановлено, фронт стабилизировался в 6 километрах к югу, юго-востоку от этого важного стратеги-ческого транспортного узла, через который шло снабжение блокированного Ленинграда. К этому времени, то есть 20 нояб-ря, все немецкие войска на правом берегу реки Волхов были объединены в боевую группу «Бекман» под командованием генерала Томашека. В нее вошли 11, 254, 291-я пехотные ди-визии, усиленные некоторыми частями 8-й и 12-й танковых дивизий. Перед группой «Бекман» ставилась задача неожиданным ударом на Войбокало прорвать оборону советских войск и выйти к берегу Ладожского озера в районе населенно-го пункта Кобона, где находилась перевалочная база снабже-ния Ленинграда. Так командование группы армий «Север» хотело хотя бы частично решить задачу, которую перед ней ставил Гитлер – окружить 54-ю армию и замкнуть второе кольцо блокады вокруг осажденного города.

Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая сло-жившуюся ситуацию, решила использовать охватывающее по-

ложение советских войск и несколько изменившееся в нашу пользу соотношение сил, приняла решение нанести ряд ударов по сходящимся направлениям на Кириши, Грузино. Главный удар из района Тихвина на Будогощь – Грузино наносила 4-я армия, которой командовал генерал армии Мерецков.

52-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова должна была, взаимодействуя с Новгородской армейской группой Северо-Западного фронта, разгромить противника в районе города Малая Вишера и перерезать его коммуникации у Грузино. Новгородской армейской группе, которая должна была продолжать прочно оборонять частью сил рубеж Пахотная Горка, устье реки Мсты, ставилась задача главными силами наступать в направлении Селищенского Поселка, совместно с 52-й армией разгромить противостоящие ей войска и овладеть плацдармом на левом берегу Волхова в районе Селищенского Поселка⁶.

54-я армия получила задачу нанести удар от станции Войбокало по левому флангу группы «Бекман» в направлении Киришей, отрезать пути отхода этой группе и 39-му моторизованному корпусу, а потом во взаимодействии с войсками 4-й армии уничтожить их. Задачу предполагалось выполнять в основном наличными силами, в дополнение к которым командование Ленинградского фронта направило из Ленинграда 80-ю стрелковую дивизию⁷.

Ставка торопила командующих советских армий с наступлением. Ленинград задыхался от голода. Нужны были решительные действия, чтобы освободить Тихвин, восстановить движение по железной дороге через станцию Волховстрой (город Волхов) до станции Войбокало и далее через Ладожское озеро в Ленинград.

При всей напряженности битвы за Москву в Генштабе Красной Армии внимательно следили за подготовкой советских войск к контрнаступлению под Тихвином.

«Немецкие войска, еще не познавшие природу климатических особенностей страны, где шли сражения, полагали, что они могут преодолеть ее силой, за что и поплатились ценой физического измождения людей и громадным износом автомашин. 6 ноября 1941 г. организационный отдел генерального штаба сухопутных сил Германии в представленной записке «Оценка боеспособности действующей сухопутной армии на Востоке» констатировал, что пехотные дивизии в среднем располагают 65% своей первоначальной боеспособности, танковые – примерно 35%. Поэтому 10 ноября должна была

наступить оперативная пауза. Вскоре после этого внезапно наступившие сильные морозы поставили недостаточно тепло обмундированные немецкие войска перед новыми серьезными трудностями, когда за ночь вязкая, грязная почва превращалась в крепкий, как железо, монолит, когда накануне завязшие в грязи автомашины уже не могли освободиться от ледяных оков, когда не хватало различных средств защиты от морозов и оружие отказывалось действовать. В середине ноября начались первые крупные контрудары противника против наших войск, ослабленных физически и морально»⁸.

Командующий 4-й армией 10 ноября 1941 г. для нанесения контрудара и лучшей организации управления войсками создал четыре оперативные группы: Волховскую в составе двух стрелковых полков 292-й стрелковой дивизии, 284, 311 и 310-й стрелковых дивизий, 6-й отдельной бригады морской пехоты и 16-й танковой бригады; Северную, включив в нее два стрелковых полка 44-й стрелковой дивизии, 159-й понтонный батальон, 46-ю танковую бригаду и 1067-й стрелковый полк; Восточную, в которую вошли 191-я стрелковая и 27-я кавалерийская дивизии, 121-й танковый полк 60-й танковой дивизии, 128-й танковый батальон и 65-я стрелковая дивизия; Южную в составе 4-й гвардейской и 92-й стрелковой дивизий и 120-го танкового полка 60-й танковой дивизии⁹.

Волховская оперативная группа 4-й армии 11 ноября решением Ставки была подчинена командованию 54-й армии и участвовала в обороне города Волхова¹⁰.

Северная и Южная оперативные группы должны были встречными ударами западнее Тихвина перерезать коммуникации противника и окружить его основные силы в этом районе. Нанесение удара на Тихвин в основном возлагалось на Восточную оперативную группу, прежде всего на 65-ю стрелковую дивизию под командование полковника П.К. Кощевого, которая была выдвинута из резерва Ставки из Забайкалья и сосредотачивалась восточнее Тихвина. К городу также подтягивались другие свежие части. Совершив многокилометровый марш в обход занятой врагом территории, из-под Волхова прибыл 881-й полк РВГК под командованием полковника А.А. Колесова. Преодолев трудный путь от Новой Ладогои, занял боевые порядки севернее Тихвина дивизион 122-го артиллерийского полка. В этот же район были переброшены 6-й и 9-й отдельные гвардейские минометные дивизионы, а также артиллерия 4-й гвардейской и 65-й стрелковых дивизий. К 11 ноября из 7-й отдельной армии прибыла 46-я танковая

бригада, два минометных батальона, а также стрелковый и 815-й артиллерийские полки 272-й дивизии¹¹.

«Наше наступление началось рано утром 11 ноября. Подходившие из 7-й армии 46-я танковая бригада и 1001-й стрелковый полк во взаимодействии с подразделениями 44-й и 191-й стрелковых дивизий с ходу атаковали противника, отбросили его на 12–13 км и продвинулись к северной окраине Тихвина. Удар для врага оказался совершенно неожиданным»¹², – писал в воспоминаниях командующий 4-й армией К.А. Мерецков. Но вскоре противник подтянул танки, вызвал авиацию и сумел приостановить наступление советских войск под Тихвином на рубеже Усть-Шомушка – Заболотье.

Изменилась обстановка и восточнее Тихвина. Генерал-майор П.А. Иванов объединил под своим командованием 48-й запасной полк, разрозненные подразделения 305-го стрелкового полка и 60-й танковой дивизии. Его сводный отряд остановил танки и мотопехоту 18-й моторизованной дивизии противника, а затем вынудил отступить. К 15 ноября отряд под командованием генерала П.А. Иванова выбил противника из населенного пункта Астрачи. Бои здесь носили исключительно ожесточенный характер. Враг цеплялся за каждый дом, за каждый сарай. С неослабевающим упорством атаки с обеих сторон продолжались четыре дня. К этому времени отряд Иванова, усиленный 191-й стрелковой дивизией и двумя вновь прибывшими танковыми батальонами, подошел к Тихвину на 5–6 км и, не имея сил для развития наступления, закрепился на этом рубеже. Спешно закреплялся и противник¹³.

25 ноября Военный совет 4-й армии в своем приказе-обращении к войскам писал: «Первый этап борьбы за Тихвин закончен успешно. Значительные силы противника окружены в районе Тихвина, но еще продолжают упорно оборонять подступы к городу и самый город. Приказываю штурмовать город Тихвин и уничтожить засевшего в нем противника». На следующий день после часовой артиллерийской подготовки, в которой участвовали более 600 орудий и минометов, два дивизиона «катюш», войска 4-й армии пошли в наступление.

Наиболее упорные бои развернулись в районе села Лазаревичи, а также на подступах к восточной и юго-восточной окраинам Тихвина. Командир 61-й пехотной дивизии вермахта, основные силы которой оборонялись в Тихвине, собрал все оставшиеся силы – танки, пехоту, саперов, понтонеров, дорожников – и бросил их в бой в надежде расширить почти закрытую горловину окружения. Советские стрелковые

и танковые подразделения держались стойко. Но немцы сумели выбить красноармейцев из Лазаревичей, однако прорваться к переправе через реку Тихвинку им не удалось. Бои на подступах к этому селу носили ожесточенный характер. Северная оперативная группа, усиленная переброшенными сюда 881-м артиллерийским полком, 6-м и 9-м дивизионами гвардейских минометов, 3 декабря вновь овладела этим сильно укрепленным опорным пунктом противника. 5 декабря советские войска вплотную подошли к окраинам Тихвина и начали подготовку к штурму города. Для этого было привлечено более 200 орудий¹⁴. Однако, как писал впоследствии командующий 4-й армией К.А. Мерецков, «мы могли сделать за один день в боях в среднем по 6–8 выстрелов из 120 мм минометов и 122 мм гаубиц и по 8–20 выстрелов из 82 мм минометов. Боеприпасы поступали крайне медленно»¹⁵. К началу контрнаступления из 35 ожидаемых транспортов с минами и снарядами в армию прибыло только 7. Прорыв же глубоко эшелонированной обороны противника требовал большого расхода снарядов¹⁶.

Наступление войск 52, 4, 54-й армий и Новгородской армейской группы началось не одновременно. Это позволяло немецкому командованию маневрировать войсками, перебрасывая их с одного участка фронта на другой. Безрезультатными оказались попытки перейти в наступление Новгородской армейской группы, которая должна была оказывать давление на врага в направлении Селищенского Поселка. После нескольких фронтальных атак она прекратила наступления и осталась на прежних позициях.

12 ноября начала свои действия 52-я армия. К этому времени она была усилена 259-й стрелковой дивизией, переданной из состава Северо-Западного фронта. Главный удар по маловишерскому гарнизону наносили две стрелковые дивизии – 288-я и 259-я. Командование армии намечало окружить и уничтожить противника ударом одной дивизии из района северо-восточнее, а другой – юго-западнее Малой Вишеры. На правом фланге части 288-й дивизии полковника Г.П. Лиленкова атаковали населенный пункт Раменье, а на левом ворвались в деревню Барская Вишенка.

Полки 259-й дивизии под командованием полковника А.В. Лапшова встретили ожесточенное сопротивление противника. Только после повторного артналета им удалось овладеть деревней Пустая Вишенка. Дальше продвинуться они

не могли: остатки вражеских подразделений закрепились на опушке леса и оказали сильное сопротивление. Полковник А.В. Лапшов в этой ситуации показал умение в руководстве боем. Он перенес направление атаки на левый фланг, и это сразу принесло результат. К исходу дня советские бойцы заняли поселок Новый Путь и выдвинулись на северо-восточную окраину Малой Вишеры.

267-я дивизия наступала на левом фланге армии довольно успешно. Она прорвала вражескую оборону на реке Малая Вишерка, обошла опорный пункт Селище и овладела им. Немцы, оставив на поле боя более двухсот убитых, начали поспешно отступать на северо-запад. Не встречая упорного сопротивления, части дивизии вклинились на пять километров во вражескую оборону, вышли к восточной окраине поселка Красная Вишерка. Пять дней войска армии вели упорные бои на маловишерском направлении, но не сумели захватить этот ключевой опорный пункт.

Противник, не желая подвергать опасности основные коммуникации ударной тихвинской группировки, спешно перебрасывал в район Малой Вишеры часть сил 61-й пехотной дивизии из 18-й армии и несколько усиленных подразделений 223-й пехотной дивизии, составляющих резерв вражеской группы армий «Север». В результате сопротивление противника в ходе боев не уменьшилось, а возросло. Основной причиной неудач первых наступательных боев на маловишерском направлении было ярко выраженное стремление командиров к фронтальным атакам опорных пунктов противника, что приводило к большим потерям и не давало результата. Вместе с тем характер вражеской обороны позволял глубоко проникать в расположение противника не только разведывательным группам, но и более крупным подразделениям и наносить неожиданные удары с тыла и во фланг противнику. Неудача 52-й армии в течение 12–17 ноября объясняется, прежде всего, слабой организацией взаимодействия и управления войсками, плохим обеспечением наступающих войск огневой поддержкой. В результате немецкая артиллерия просто подавляла наступающую советскую пехоту. Наступление шло на широком 48-километровом фронте от Зеленщины до Поддубья – это в 14 км южнее Малой Вишеры. Соотношение сил с прибытием в район боевых действий новых частей из резерва группы армий «Север» несколько изменилось в пользу противника, что также повлияло на неудачный исход наступления советских войск в ноябрьские дни. Командующий армией генерал-

лейтенант Клыкков приказал создать в каждой дивизии отряды для ночных действий в тылу врага численностью пятьсот человек каждый, обеспечить их всем необходимым. Командиром отряда в 259-й дивизии назначили майора А.П. Черноморца. Перед ним была поставлена задача под покровом ночи обойти Малую Вишеру с севера, выйти в тыл противника и перерезать Октябрьскую железную дорогу. На рассвете отряд должен был атаковать маловишерский гарнизон противника с северо-запада.

Отряд 111-й стрелковой дивизии, к тому времени пополненной и отдохнувшей, возглавил капитан И.И. Русанов. Ему предстояло обойти Малую Вишеру с юга, к рассвету соединиться с отрядом 259-й дивизии и одновременно с ним начать атаку¹⁷. Утром 18 ноября все соединения 52-й армии, отразив упорные контратаки противника, окружили немцев в Малой Вишере. 267-я дивизия, овладев Красной Вишеркой, продолжала наступать на Александровское и Некрасово. Ожесточенные бои за Малую Вишеру продолжались два дня. В ночь на 20 ноября немецкие части стали покидать город. Обнаружив свободный проход южнее стекольного завода, немногочисленные остатки гарнизона просачивались по нему мелкими группами, бросая артиллерию и боевую технику. Одновременно командование немецкой группировки отводило свои войска с берега Малой Вишерки на заранее подготовленные оборонительные позиции по реке Большая Вишерка. На рассвете 20 ноября 468-й полк майора Д.Д. Воробьева 111-й стрелковой дивизии первым вступил в город. Дивизии 52-й армии продолжали развивать наступление в направлении Грузино, Сегищенский Поселок.

«Утром 15 ноября, как и ожидалось, в атаку при поддержке танковой бригады новеньких Т-34 пошла свежая сибирская дивизия. День начался с урагана огня из самых последних моделей «Сталинского органа» (так немцы называли гвардейские минометы «катюша»). Разгорелась ожесточенная битва. Батареи 18-го артиллерийского полка полковника Бергера уничтожили пятьдесят танков противника. В течение нескольких дней сибирские стрелковые батальоны атаковали немецкие позиции, пока не обескровили себя. Превратившийся в груды дымящихся развалин Тихвин все же остался в руках немцев. Сталин бросил по следам танкового корпуса другие сибирские дивизии. На участке 61-й пехотной дивизии сложилась чрезвычайно тяжелая ситуация – создавалась опасность окружения; ожесточенные бои поглощали все силы корпуса. Никакая

отвага не приносила действенных результатов. Даже смелые финны, с детства привычные к суровому климату, не смогли переправиться через Свирь. 39-й корпус оказался предоставленным самому себе. В пустынной местности, перед лицом непрекращающихся атак сибирского оперативного резерва, корпус оказался не в состоянии удержать свои удаленные от основных сил позиции. В связи с этим генерал фон Арним, наследовавший пост Шмидта, отвел свои дивизии к Волхову»¹⁸, – так объясняет случившееся немецкий историк и автор «Восточного фронта» П. Карель.

7 декабря в боевых действиях 4-й армии произошел перелом. Это совпало с начавшимся контрнаступлением советских войск под Москвой. В упорных боях войска 4-й армии под командованием генерала армии К.А. Мерецкова 9 декабря освободили Тихвин, нанеся большой урон 12-й танковой, 18-й моторизованной и 61-й пехотной дивизии противника. С 7 по 9 декабря в сражении за Тихвин было уничтожено до 7 тысяч вражеских солдат и офицеров, на улицах города осталось большое количество разбитых машин, орудий и танков¹⁹. Тихвин был взят ночной атакой. Первым ворвался на улицы города 60-й полк 65-й стрелковой дивизии. Он встретил ожесточенное сопротивление гитлеровцев и вынужден был залечь и окопаться. Артиллеристы прямой наводкой уничтожали вражеские укрепления, а пехотинцы, пользуясь каждой образовавшейся брешью, продвигались в глубь города, пока не опрокинули последний вражеский заслон. «На плечах дрогнувшего противника батальоны капитанов Богомолова и Нешко бросились вперед и закрепились в городе. Их тут же поддержали другие батальоны и полки»²⁰. Бои в Тихвине были особенно ожесточенными. Орудия противотанковой, полковой и нередко дивизионной артиллерии действовали в боевых порядках пехоты, уничтожали огневые точки, танки и живую силу противника. лейтенант Шкарлупа подбил из своего орудия танк и пушку немцев. Его огневую позицию атаковало несколько десятков автоматчиков. В результате упорного боя в живых у орудия остался только лейтенант. Он отстреливался от наседавших врагов до последнего патрона. Немцы закололи героя штыками.

При штурме Тихвинского монастыря расчет орудия сержанта Д.Я. Дормидонтова из третьей батареи 484-го артиллерийского полка прямой наводкой уничтожил несколько огневых точек и немало живой силы противника, укрывшихся за крепкими стенами монастыря. Командир расчета сержант

Д.Я. Дормидонтов за мужество и находчивость, проявленные в боях за город Тихвин, был награжден орденом Ленина.

При освобождении Тихвина настоящий героизм показали летчики. Многие из них были награждены орденами и медалями, а И.А. Ковшарову, А.П. Силантьеву, Н.Т. Лесконоженко и В.Д. Панфилову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ф. Гальдер в дневнике отмечал:

«10 декабря 1941 г. (среда). 172-й день войны.

Наши войска оставили Тихвин. Передвижение транспорта противника по льду Ладожского озера не прекращается. Обычные атаки противника через Неву. Ленинград постепенно приближается к своему падению.

13 декабря 1941 г. 175-й день войны.

При отходе из Тихвина мы понесли чувствительные потери в артиллерии (два легких артиллерийских дивизиона, одну тяжелую зенитную батарею)...

Отход наших войск от Тихвина на волховский участок фронта сильно затрудняется ненастной погодой и действиями противника»²¹.

«В смысле дисциплины и храбрости отступление из Тихвина к Волхову, по определению генерал-полковника Гальдера, являет собой славную страницу в истории солдатской доблести. Выдающимися примерами могут служить 11-я и 12-я роты 51-го пехотного полка подполковника Гроссера, которые принесли себя в жертву – пали от пуль, штыков и ударов прикладами, только чтобы прикрыть отступление товарищей и тем спасти их от гибели. Когда 22 декабря 1941 г. жалкие остатки 39-го танкового корпуса притащились обратно к Волхову в 52-градусный мороз, они принесли с собой ужасный опыт. Одна силезская 18-я моторизованная дивизия потеряла 9000 человек. Боевая численность ее сократилась до 741 человека. Только им удалось вернуться на берега Волхова. Тихвинская операция по полному окружению Ленинграда провалилась»²², – отмечал П. Карель.

Опыт был действительно ужасный. Впервые за два года успешных боев в Западной Европе победоносным частям вермахта было нанесено чувствительное поражение.

В боях под Тихвином особенно отличились 305-й полк 44-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник П.А. Артюшенко, 65-я стрелковая дивизия под командованием полковника П.К. Кошевого, 191-я стрелковая дивизия полковника П.С. Виноградова, 46-я танковая бригада генерал-майора

В.А. Копцова, 127-й легкий артиллерийский полк, 881-й артиллерийский полк, 6-й гвардейский минометный полк, 185-й истребительный авиаполк и 184-й отдельный саперный батальон. Эти соединения и части 17 декабря 1941 г. были награждены орденами Красного Знамени²³.

Для советских войск Тихвинская наступательная операция «...явилась первым опытом проведения наступательных боевых действий с решительными целями на всем северо-западном стратегическом направлении. Советские войска показали высокую боеспособность, выносливость и смекалку. Мы не следовали слепо довоенным уставам, в общем-то, неплохим, а в сложных условиях лесисто-болотистой местности и зимы изыскивали и находили новые формы и методы борьбы, многие из которых использовались в последующих операциях под Ленинградом, в Карелии, в Прибалтике, на Дальнем Востоке и не утратили своего значения даже в современных условиях. К ним, прежде всего, следует отнести обходы и охваты вражеских опорных пунктов и группировок войск, в частности нанесение удара с трех сторон по сходящимся направлениям; тесное взаимодействие танков с пехотой, саперами и артиллерией; непосредственное взаимодействие авиации с наземными войсками; ведение активной разведки не только до наступления, но и в ходе его; массирование артиллерийских средств на главном направлении; широкое применение орудий, вплоть до крупных калибров для стрельбы прямой наводкой; использование специальных рот автоматчиков и лыжных подразделений.

Тихвинская операция позволила сделать некоторые выводы и по управлению войсками, в частности относительно необходимости восстановления корпусного звена. Опыт проведенных боев показал также, что войска должны проходить специальную подготовку для действий в незнакомой местности. Оправдала себя форма оперативного взаимодействия двух армий под единым командованием»²⁴.

Эти слова были написаны после войны. А в морозные декабрьские дни 1941 г. многие командиры Красной Армии еще не понимали, что современная война требует новых подходов в тактике ведения боя, что успех в наступательной операции зависит не от превосходящих сил над противником, а от умения организовать этот бой. Первые победы в Великой Отечественной войне были достигнуты за счет большой крови. До сих пор полностью не подсчитаны советские потери в ходе Тихвинской оборонительной, а затем наступательной операции.

Многие павшие воины до сих пор числятся пропавшими без вести. Среди них 108 павших добровольцев из истребительного батальона, который, по всей вероятности, не успели включить в состав действующей армии. Бойцы, в основном, были призваны Тихвинским военкоматом. Они лежали на поле боя, не похороненные, до марта 1942 г. А потом всех их положили в братскую могилу, которая сегодня считается безымянным неучтенным братским захоронением. Спустя 60 лет его не хотят признать местные власти. Кстати, в память о героических событиях декабря 1941 г. при въезде в Тихвин установлен памятник – танк Т-34. В самом городе стоит очень скромный обелиск, напоминающий об одной из первых побед в Великой Отечественной войне. А в местном краеведческом музее вовсе не нашлось места для экспозиции, рассказывающей о сражении за Тихвин, при защите и освобождении которого погибли десятки тысяч советских воинов. Память избирательна. Можно много говорить о военно-патриотическом воспитании молодежи, а на деле ничего не предпринимать, чтобы эту память сохранить.

Решающие события разворачивались и под Волховом. 54-я армия в это время вела упорные бои с группой «Бекман» под командованием генерала Томашека.

Обескровленные в оборонительных боях советские части в конце ноября – начале декабря почувствовали, что враг начал выдыхаться. Это дало возможность провести перегруппировку войск, сняв часть из них с менее опасных направлений.

Во второй половине ноября 6-я бригада морской пехоты была выведена из боев под Волховом. 26 ноября к вечеру батальоны сосредоточились в деревне Лисички на северо-западной окраине города Волхов. За неполный месяц боев под Волховом бригада потеряла убитыми и пропавшими без вести 1669 человек²⁵. К этому времени Волхов оказался совершенно не прикрыт в зоне ответственности 54-й армии на линии железной дороги от станции Волховстрой до станции Войбокало. На этом участке фронта были топкие болота и леса, почти отсутствовали дороги, поэтому считалось маловероятным, что враг попытается прорваться именно в этом направлении. Здесь действовал лишь один бронепоезд и заслоны 285-й стрелковой дивизии. Вражеская разведка установила этот факт. Командование 1-го армейского корпуса вермахта решило воспользоваться сложившейся ситуацией и нанести удар на слабо защищенном участке фронта, чтобы кратчайшей дорогой выйти к Ладожскому озеру в районе деревни Кобона. «Против

левофланговых соединений нашей армии в районах Шум–Войбокало и Волхов вела наступление созданная 20 ноября группа «Бекман», которая имела в своем составе четыре пехотные дивизии и подразделения 8-й и 12-й танковых дивизий», – писал в воспоминаниях командующий 54-й армией генерал И.И. Федюнинский²⁶.

Немцы сосредоточили большие силы в районе деревень Согово, Мемино и Хотово. С этого рубежа они 25 ноября повели наступление к Ладожскому озеру. Для достижения цели противник выбрал кратчайший путь к озеру. Были задействованы мотопехота и шестьдесят танков²⁷. Слабые заслоны, которые больше выполняли разведывательные задачи, чем оборонные, немцы загнали в болота. Но разведчики успели предупредить штаб 54-й армии об опасности. Воздушная разведка и показания пленных подтвердили серьезность намерений немецкого командования решить важную стратегическую задачу – выйти к Ладожскому озеру и замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда.

«Командарм, как только об этом стало известно, решил перебросить в район Войбокало 311-ю стрелковую дивизию, 122-ю отдельную танковую бригаду, два армейских артиллерийских полка. Меня с группой командиров направили в Войбокало для организации обороны станции»²⁸, – писал в воспоминаниях бывший начальник артиллерии 54-й армии Г.Ф. Одинцов. На станции находился 253-й зенитный дивизион капитана М.А. Егорова и рота саперов. Вскоре в Войбокало прибыл полковник В.П. Хитровский, командир 882-го армейского артполка, батареи которого заняли позиции на южных подступах станции. 27 ноября в Войбокало прибыла 122-я отдельная танковая бригада, головные части 311-й стрелковой дивизии полковника С.Т. Биякова и полк АККУКС капитана К.И. Волкова. В дальнейшем в этот район были переброшены батальон 294-й стрелковой дивизии и первый лыжный батальон.

В срочном порядке пополненные маршевыми ротами полки 311-й стрелковой дивизии на станции Волховстрой посадили в эшелоны и отправили на станцию Войбокало занимать позиции. Они едва успели проскочить под носом у передовых отрядов противника²⁹.

Разведка 54-й армии донесла, что немцы неожиданно захватили станцию Новый Быт, перерезав железную дорогу между Волховстроем и Войбокало. Моряков 6-й отдельной бригады подняли по тревоге и бросили отбивать станцию. Они бегом по морозу с полной амуницией преодолели двадцать

километров и с ходу атаковали противника. Немцы, бросив рыть окопы, отступили в деревню Тобино. Моряки их преследовали и заняли эту деревню. Здесь они три дня отбивали яростные контратаки противника.

Затем немцы отошли и прекратили попытки прорваться на этом участке фронта³⁰.

В Ленинграде с тревогой следили за событиями в южном Приладожье. От исхода сражения на этом клочке земли зависела судьба города на Неве. 20 ноября по карточкам второй категории стали выдавать 125 граммов хлеба, по карточкам первой – 250 граммов. Были снижены хлебные нормы и в армии. Передовым частям выдавали по 500 граммов хлеба на человека, тыловым – по 300 граммов³¹.

Радио из блокадного Ленинграда передало, что «54-я армия остановила наступление врага на линии г. Волхов – Войбокало. Бойцы командира Федюнинского развивают успех – теснят фашистов, отбили несколько населенных пунктов». Это было не совсем так. Если не считать отбитых у врага деревень Вячково, Новый Быт и Тобино, то никаких других военных успехов у 54-й армии на тот период не было. Людей, которые передавали информацию, можно понять. Ленинградцам нужна была надежда на спасение. И она могла исходить только со стороны Волхова, падение которого означало смерть для всех, кто был в кольце блокады.

Первыми на пути вражеской группировки встали бойцы 311-й стрелковой дивизии. 25 ноября ей поставили задачу закрепиться в деревнях Большая и Малая Влоя. Во время движения частей к указанным населенным пунктам полк, который шел впереди, неожиданно столкнулся с противником. Он наступал большими силами при поддержке танков и бронемашин. Удар был таранным. Немцы разделили передовой полк на две части и прижали его к южной части Тобинского болота. Во время боя два вражеских танка были подбиты. Это сделал старший сержант, адъютант командира полка Степан Иванович Помещик. В критический момент боя он проявил исключительную выдержку и смелость. Забрав у раненого красноармейца противотанковое ружье, С.И. Помещик вступил в поединок с вражескими танками и с близкого расстояния, почти в упор подбил два из них³². Подразделения дивизии выдержали неожиданный удар, завязали бой в болотистой местности, стараясь сбить фашистов с дороги³³.

26 ноября ударная группировка, созданная командующим 54-й армией на правом берегу реки в районе Волхова, контр-

атаковала противника. Артиллерийские части массированным огнем нанесли врагу серьезный урон в живой силе и технике. Только 883-й корпусной артиллерийский полк майора К.А. Седаша за три дня боев подавил 8 артиллерийских и 1 минометную батареи противника³⁴. Враг был отброшен к югу от железной дороги Волховстрой – Тихвин на левом берегу реки.

На этом участке 30 ноября бойцы 311-й стрелковой дивизии впервые увидели залпы реактивных минометов – «катюш». Они ударили по скоплению немцев, которые сосредотачивались для атаки. Среди болот и в лесу успешно действовали небольшие разведгруппы, которые атаковали противника с разных сторон, нападали на их минометные и артиллерийские позиции. Особенно отличились в этих боях разведчики под командованием П.М. Зыкова³⁵.

Во второй половине дня 30 ноября морские пехотинцы получили приказ за подписью начальника штаба 54-й армии А.В. Сухомлина: «С получением сего немедленно бригаде двинуться в район деревень Бабаново, Речка и другие, что северо-западнее станции Войбокало. К месту назначения прибыть 1-го декабря, где получите задачу дополнительно»³⁶. Командование армии направило бригаду морской пехоты прикрывать самый короткий путь немцев к Ладожскому озеру. Нацеленность противника была очевидной.

Этот приказ был получен в 17 часов. Стоял лютый мороз – до 40 градусов. Жители деревни Тобино отдали морякам все, что что мог: полотенца, платки, теплые тряпки, которыми можно было обмотать лица, чтобы не обморозиться. На всех, конечно, не хватило. Ночью неожиданно подул южный ветер, мороз спал, повалил снег. К утру моряки пришли в деревни Бабаново и Речка, еле передвигая ноги. Ситуация была довольно сложной. В том же направлении двигалась немецкая колонна. Но боевое охранение бригады первым заметило врага, который устал не меньше, и открыло огонь из пулеметов. Внезапность сыграла свое дело, и немцы, потеряв сорок человек убитыми, отступили³⁷. Заняв оборону, моряки установили связь с правым соседом. Это была 311-я стрелковая дивизия.

«В первых числах декабря войска 54-й армии нанесли врагу два удара. Главный – в направлении Войбокало–Кириши и второй, меньшими силами, – вдоль реки Волхов. Темп продвижения был сначала невелик. Противник оказывал упорное сопротивление, цепляясь буквально за каждый опорный пункт. Даже блокированные в Тобине и Падриле вражеские гарнизоны продолжали вести бой. Во второй половине декабря на

правом фланге армии была создана сильная группировка наших войск. В ее состав вошли и прибывшие из Ленинграда 115-я и 198-я стрелковые дивизии. Они из района рабочих поселков нанесли решительный удар во фланг и тыл вражеской группе «Бекман», действовавшей на войбокальском направлении»³⁸, – писал в воспоминаниях бывший начальник оперативного отдела 54-й армии генерал-майор А.Р. Белов.

Пехота готовилась к атаке на село Шум, занятое противником. Немцы искали слабые места в линии обороны, пытались атаковать, но везде были отбиты. Бойцы 311-й стрелковой дивизии дрались отчаянно. Перед ними стояла задача не пустить врага в Войбокало. Как писал участник боев Д.Ф. Онохин, «...были моменты, когда остервеневшие немцы и наши бойцы смешивались, кололи друг друга и расстреливали в упор. Потом стычка мгновенно стихала. Уцелевшие противники разбегались в стороны... За семь дней героической обороны Войбокало советские войска сумели сильно измотать вражескую группировку»³⁹.

17 декабря 1067-й полк 311-й стрелковой дивизии при поддержке 122-й танковой бригады пошел в наступление на совхоз «Красный Октябрь» и село Шум. Наступающие части сразу же попали под прицельный огонь пулеметов, минометов и орудий противника. Вместе с пехотинцами действовало несколько наших танков. Взобравшись на один из них, красноармеец Л.И. Багин подсказывал экипажу, по каким целям надо вести огонь. Нередко этот бесстрашный воин, не обращая внимания на разрывы мин и снарядов, соскакивал с танка и забрасывал гранатами вражеские блиндажи. Л.И. Багин, как докладывал в дивизию командир полка батальонный комиссар С.И. Блиндинов, уничтожил восемнадцать гитлеровцев⁴⁰. Но, несмотря на большие потери, продвижение основных сил продолжалось.

В бою за совхоз «Красный Октябрь» прославился экипаж тяжелого танка КВ, которым командовал младший лейтенант К.С. Тихонов. Ворвавшись в усадьбу, он поджег вражеский танк, затем устремился к огненным позициям двух противотанковых орудий и уничтожил их вместе с прислужкой. При освобождении совхоза наши войска полностью разгромили два батальона 506-го вражеского полка. «Было взято двенадцать исправных и шесть битых противотанковых орудий... В числе других трофеев было три танка, минометы, двадцать пять ручных пулеметов, автоматы, винтовки, снаряды, мины, патроны. На поле боя осталось более 400 убитых фашистов. Наши поте-

ри были тоже значительны, – вспоминал участник того боя Д.Ф. Онохин⁴¹. – На месте боя у деревни Яхново есть большая братская могила, в которой нашли вечный покой отважные воины 311-й стрелковой дивизии».

1071-й полк 311-й стрелковой дивизии наступал на вражеский опорный пункт в районе деревни Большая Влоя к югу от совхоза «Красный Октябрь». Здесь противник сосредоточил значительные силы, ожесточенно сопротивлялся, постоянно переходя в контратаки. Во время одной из них три вражеских танка прорвались к переднему краю обороны полка, раздавили гусеницами станковый пулемет и устремились к командному пункту полка. Советские бойцы проявили мужество, подбили танки и отбросили вражескую пехоту.

В тот же день атаковала врага бригада морской пехоты. В тяжелом бою она выбила немцев из ряда деревень. Противник бежал не по дороге, а лесами по свежему насту. Многие немцы погибли на минах, которые были выставлены саперными батальонами 54-й армии.

Самоотверженно дрались с врагом танкисты. Бывший помощник начальника штаба 122-й танковой бригады капитан П. Хорошилов вспоминал: «Мы со старшим политруком бригады Гришей Скиба видели печаль и грусть волховчан. По улицам шли сотни женщин с детьми, старики с узелками. Нас охватил единый порыв – во что бы то ни стало разбить врага, изгнать его с родной земли, уничтожить фашистов. Мы самоотверженно дрались под Войбокало. В этом бою глубокое чувство восхищения оставил подвиг командира танка Т-34 старшего лейтенанта комсомольца Мити Мельникова. Он уничтожил три танка с десантом немецкой пехоты. Но потом сам был тяжело ранен. Похоронили Митю на станции Войбокало»⁴².

В те дни армейская газета «В решающий бой» писала о разгроме двух немецких пехотных полков подразделением 286-й дивизии полковника Е.В. Козика: потери немцев только убитыми составили свыше тысячи человек. Особенно отличились в этом бою батальоны капитана Сташко и лейтенанта Орлова. Им газета посвятила вторую и третью страницу под шапкой «Никакой пощады немецким захватчикам!» Красноармейцы и командиры рассказали о дневных и ночных схватках с гитлеровцами, стойкости, упорстве и взаимодействии пехотинцев с артиллеристами. В кровавых схватках под Войбокало и Шумом советские бойцы почти полностью уничтожили 344-й и 385-й полки 254-й пехотной дивизии. С большими потерями отступили из-под Шума 11-я и 291-я пехотные дивизии.

Участники этих боев капитан С. Сташко, красноармеец И. Кондратьев, старшина А. Редькин, младший лейтенант Д. Архиповский, старший сержант Д. Свешников, пулеметчик М. Большев, заместитель политрука И. Венедиктов обстоятельно рассказали читателям, как они били фашистов в лесах и болотах под Войбокало⁴³.

Врага преследовали полки 311-й стрелковой дивизии, которая вышла в тот район, где осенью она отступала перед преследующими силами противника.

Из Ленинграда пешком по льду через Ладожское озеро в район станции Войбокало пришли сначала 80-я, затем 115-я и 198-я стрелковые дивизии. Первым делом их подкормили и дали отдохнуть, а потом – в бой.

Во второй половине декабря на правом фланге 54-й армии была создана сильная группировка наших войск. В ее состав вошли и прибывшие из Ленинграда 115-я и 198-я стрелковые дивизии. Они из района Рабочих поселков № 4 и 5 нанесли решительный удар во фланг и тыл вражеской группировки «Бекман», действовавшей на войбокальском направлении⁴⁴.

На втором этапе сражения по разгрому Войбокальской группировки 80-я и 115-я стрелковая дивизии закрепили успех в наступлении и расчленили группировку противника на две части. Мелкие группы немцев оставались в тылу советских войск, нападали на тыловые части и пытались пробиться к своим. Ожесточение было таким, что их не брали в плен, уничтожали на месте. Вот почему в донесениях нигде не значится число захваченных в плен.

Морские пехотинцы 6-й отдельной бригады морской пехоты получили новую задачу: совместно с частями 80-й и 311-й стрелковых дивизий окружить и уничтожить группу противника, прорвавшуюся в район деревни Шум. Поставленная боевая задача была выполнена бригадой под командованием полковника Д.А. Синочкина. 2-й стрелковый батальон капитана М.А. Дмитриева проник в тыл противника и контролировал дороги между населенными пунктами Опсало – Овдакало, Падрило – совхоз «Красный Октябрь» и Падрило – Большая Влоя, заминировал их и устроил завалы. Подразделения батальона, расположившись в снегу вдоль дорог, расстреливали обозы и отдельные группы противника, пытавшегося вырваться из окружения. В результате гитлеровские захватчики были вынуждены бросать имущество, военную технику и бежать через заболоченную местность на юг. Многие из них нашли смерть в волховских болотах. После успешного выполнения

задачи части бригады продолжали наступать в направлении Овдокало и Опсало, которые были освобождены 18 декабря.

На следующий день немецко-фашистские захватчики были выбиты из деревни Падрило, 21 декабря – из Малой и Большой Влои, а 23 декабря – из деревни Ляхово⁴⁵. В освобожденных населенных пунктах батальонами бригады было захвачено большое количество военного имущества противника и различные домашние вещи, награбленные захватчиками у местного населения, а также ценные документы врага. Среди трофеев, захваченных бригадой, оказалось: восемь противотанковых пушек, четыре миномета, два танка, одна бронемашина, восемь грузовых и две легковые автомашины, несколько складов боеприпасов⁴⁶.

В декабрьских боях потери 6-й отдельной бригады морской пехоты Балфлота только убитыми составили 583 человека⁴⁷.

27 декабря Совинформбюро сообщило: «Части 54-й армии генерал-майора тов. Федюнинского (Ленинградский фронт) за период с 18 по 25 декабря разгромили волховскую группу противника. В результате разгрома этой группы захвачены следующие трофеи: орудий 87, станковых пулеметов 47, ручных пулеметов 166, автоматов 57, винтовок 600, танков 26, минометов 142, грузовых автомашин 200, патронов свыше 300 000, снарядов 18000, мин 13000, гранат 10000, велосипедов 400 и много другого военного имущества. Уничтожено до 6000 немецких солдат и офицеров. Освобождено от противника 32 населенных пункта»⁴⁸.

Прорваться к станции Войбокало означало последнюю попытку немецкой группировки сохранить стратегическую инициативу, разделаться с 54-й армией обходным маневром. Провал немецкой операции давал шанс Ленинграду выжить. На этот раз фашисты просчитались. Противник, потерпев поражение под Шумом и Войбокало, медленно отходил к Киришам.

Город Волхов продолжала обстреливать вражеская артиллерия с Морозовских высот. Сражение под Волховом еще не закончилось. Северная группа войск 4-й армии была направлена во фланг волховской группировке противника. В боевой хронике тех лет сообщалось, что 12 декабря эта группа подошла к разъезду Зеленец. Направление контрудара значилось «через Зеленецкие мхи»: на Зеленец – Верховину 44-я стрелковая дивизия, на Заднево – Заречье 377-я стрелковая дивизия, на Мотохово – 191-я стрелковая дивизия. По глубокому снегу через болота не могла пройти техника, особенно артиллерия. Наступать без артиллерии на хорошо укрепленные позиции врага – значит

нести значительные потери. В этих условиях было найдено уникальное решение. Пушки разбирали полностью, тяжелые детали орудий клали на небольшие санки, остальные тащили на плечах через «зеленецкие мхи». Затем артиллеристы собирали орудия, ставили их на позиции и открывали огонь по огневым точкам немцев, никак не ожидавших удара в этом месте.

Волховчанин Иван Александрович Яковлев в своих воспоминаниях писал: «Мне пришлось быть свидетелем событий и боев того времени, в результате которых вся Спасовщина: деревни Зеленец, Верховина, Елошня, Ясновицы, Кроватынь, Ручей, Подвязые, Безово, Мыслино, Славково, Карпино, Теробонижье, Жупкино и другие на 19 декабря (престольный праздник св. Николая) были освобождены войсками 4-й армии. Особенно тяжелыми бои были за д. Зеленец. Для немцев появление наших воинов было неожиданностью. Они думали, что это партизаны, и перебрасывали в Зеленец новые подкрепления. По заявлению местных жителей возле этой деревни погибло свыше 700 командиров и бойцов Красной Армии. Возможно, и до сих пор родные ищут их могилы под Тихвином, где воевала 4-я армия. В послевоенные годы погибших под Зеленцом солдат и командиров перезахоронили на Новооктябрьском кладбище в Волхове.

После Зеленца советские полки атаковали затерянную в лесах возле речки Лынна деревню Ясновицы. Здесь немцы сопротивлялись, имея не только пулеметы, но и легкие танки. В Ясновицах, где скрывалась и наша семья, накануне боев мы встретили красноармейцев-разведчиков, передали им ценные сведения о расположении войск противника, местах дислокации артиллерии, штабов, дорогах, связи и т.д. В результате наступления наших войск немцы поспешно отходили, бросая боеприпасы и снаряжение»⁴⁹.

В своих воспоминаниях командир 146-го полка 44-й стрелковой дивизии Н.Л. Манжурич писал: «Овладев Зеленцом, полк получил задачу выйти в тыл противника и захватить д. Жупкино. Используя лесные массивы, обходные тропы, маневрируя небольшими силами, стремились появляться там, где противник не ждал удара. 19 декабря на рассвете атаковали д. Жупкино и овладели ею. 21 декабря обходным маневром полк к концу дня овладел д. Сестра и вышел к реке Волхов.

Немецкие войска, занимавшие позиции под Волховом и вдоль железной дороги Волхов–Тихвин, боясь окружения, поспешно отошли и заняли оборону у Городища, хорошо укрепив этот населенный пункт»⁵⁰.

Историк 21-й немецкой пехотной дивизии, один из полков которой защищал Зеленец, так описывает эти события: «Враг одним полком, поддерживаемый незначительным артиллерийским огнем, совершенно неожиданно атаковал Зеленец с востока через большое болото. Он был отбит, но снова повторил атаку в 8 часов утра, которую вынужден был прервать в 11 часов, оставив 65 убитых и 55 пленных. Противник, который атаковал, был новым. Из-под Тихвина подошла дивизия. Она сосредоточилась у железнодорожного вокзала Зеленец, то есть перед правым флангом 45-го пехотного полка. 16 декабря противник окончательно обосновался на окраине леса восточнее Зеленеца и вел возрастающий артиллерийский огонь из орудий различных калибров на деревню. Ударная группа, атаковавшая днем, была отбита. Атака на занятую танковым батальоном д. Безово была отбита. Враг вдруг атаковал Сорокино. Одновременно началось наступление на Зеленец. Атаки противника поддерживались сильным артиллерийским огнем. Наступление началось в 20:00, которое привело к прорыву врага в южной части деревни. Только благодаря артиллерийскому огню, который корректировал лейтенант Хагеманн, эту очень серьезную атаку удалось отбить. В 22:50 еще раз справились с критическим положением в результате контр-удара. Далее вражеский огонь был направлен на деревню, за которую шел бой. События развивались стремительно.

...17 декабря командование 1-м корпусом издало приказ 150 о подготовке передислокации армейского корпуса. Он предусматривал отступление под кодовым названием «Каток» четырьмя бросками. Последний бросок «Каток IV» означал переход на новые позиции на плацдарме у Киришей. Чтобы усложнить врагу наступление, деревни должны быть ночью сожжены. Ознакомив дивизию в тот же день с приказом о передислокации, о последнем распоряжении ничего не сказали. Солдаты этого не делали. Хотя саперному батальону была поставлена задача по минированию и разрушению важных для врага сооружений»⁵¹.

19 декабря после сильной артподготовки перешла в наступление и 310-я стрелковая дивизия. В первый же день наступления полк майора Н.А. Шорина освободил разъезд Куколь и деревню Елошня. Полк майора М.М. Михайлова в тяжелом бою занял деревни Сорокино и Бор.

Кровопролитным был бой за станцию Сорокино. Она несколько раз переходила из рук в руки, в штыковой схватке сходились красноармейцы и еще по-настоящему не утомленные

Летчик-истребитель,
дважды Герой Советского Союза
П.А. Покрышев

Командир эскадрильи 29-го ГИАП
Герой Советского Союза
К.И. Коршунов

Перед боевым вылетом

Разведчики 54-й армии
Волховского фронта комсомольцы
И. Семенов и В. Захаров

Танкист лейтенант В. Комушко

Старший сержант Г. Мгдлишвили — активный участник боев по прорыву блокады Ленинграда

Боец 54-й армии, старший сержант
Ф. Кудренко

Вручение гвардейского знамени 29-му ГИАП

Перед летчиками ставит боевую задачу полковник М.И. Сулимов

Перед боевым вылетом летчик
В. Федосеев и штурман К. Титов
(слева направо)

На слете снайперов 54-й армии
генерал-майор А.В. Сухомлин
вместе с лучшим стрелком
красноармейцем 1017-го полка
285-й стрелковой дивизии
Степаном Матышовым

Редактор дивизионной газеты
«За Родину» 311-й стрелковой
дивизии А.Л. Плющ

Младший воентехник В.Н. Волков
готовит самолет к вылету

Командный состав штаба 54-й армии генерал-майор А.В. Сухомлин (на снимке второй слева), член Военного совета армии Мельников, генерал-майор Беляев и заместитель начальника политотдела Васолин.

Февраль 1942 г.

Политработники 3-й гвардейской стрелковой дивизии.
В центре: начальник политотдела, старший батальонный комиссар
В.Т. Поминов

Генерал А.В. Сухомлин беседует с бойцами

Прием в партию на передовой

Сын полка

Разведчик В. Пуцилло (в центре) делится боевым опытом с товарищами

Слет лучших воинов 54-й армии

Летчики-истребители Ф.В. Химич, И.Ф. Друшков (на переднем плане)
на аэродроме в районе Новой Ладоги

Слет лучших воинов 54-й армии

Саперы капитан К. Трофимов и ефрейтор Н. Шамин

Переправа через реку

Бой за Любань

Волховский фронт.
Бой за населенный пункт

Эвакуация раненых

На наблюдательной вышке

Пулеметчик-
зенитчик
А. Воронов

Летчики 29-го ГИАП
слушают приказ НКО СССР
о присвоении полку
наименования «Волховский»

Редакция газеты «За Родину» 311-й стрелковой дивизии в составе
Болотина, Мамкина, Кобелева, Плюща (*в центре*) и Захваткина

Красноармеец-связист П. Пасечников выполняет боевой задание

Сержант Вельможин и рядовой Костюков ведут на допрос фашиста, которого они взяли в плен

Группа награжденных бойцов и командиров 54-й армии.
Август 1942 г.

Волховский фронт. Выступает оркестр 54-й армии

Письмо с фронта

В часы досуга

войной молодые немцы. В этом бою отличился командир взвода, интендант 3-го ранга известный поэт, писатель Анатолий Чивилихин⁵².

Утром 20 декабря перешел в наступление 666-й полк 3-й гвардейской дивизии. В первый же день наступления были разгромлены подразделения 3-го полка 21-й пехотной дивизии немцев, освобождены совхоз «Запорожье», Никольский Погост, деревня Вельца и поселок Волхов.

Военный корреспондент и писатель А. Сапаров опубликовал во фронтовой газете «На страже Родины» материал о наступлении гвардейцев: «Звериную злобу за провал своих планов гитлеровцы вымещают на пленных красноармейцах. В деревне Вельца обнаружены трупы 10 расстрелянных немцами наших бойцов. Многие из пленных, растерзанных фашистскими палачами, попали в их лапы ранеными. Жуткое зрелище предстало перед гвардейцами в поселке Волхов. В подвал одного из домов немцы загнали 50 пленных красноармейцев и взорвали дом. Все пленные погибли. Подвал другого дома был битком набит стариками, женщинами и детьми. Фашисты заперли двери и подожгли дом. Гвардейцы, нагнавшие в деревню, спасли от верной гибели 600 человек»⁵³.

За каждый населенный пункт приходилось платить кровью. Противник озверел: грабил и выгонял жителей из еще сохранившихся немногих домов, жег постройки, минировал каждую тропу. Ночью гвардейцы видели перед собой до самого горизонта зарево пожарищ.

23 декабря полк занял деревни Замощье и Хатучу. Лыжный отряд и разведка подошли к деревням Прусина Горка и Блиново.

Совместно с 435-м полком гвардейцы 666-го овладели опорными пунктами уже на левом берегу реки Волхов: 24 декабря – деревней Наволок, 25 – деревнями Манушкино, Подсопье, станцией Глажево, 26 – деревнями Грабково и большим селом Тихорицы, 27 – Шелогоино, Андреево, Багольник, Оснички. Разведка достигла Новых Киришей. Здесь полк получил новую боевую задачу и совершил переход в район Погостья⁵⁴.

По правому берегу наступал 505-й стрелковый полк капитана Д.Ф. Асланова 3-й гвардейской дивизии. В одном из боев он погиб. Ему на смену пришел новый командир – Герой Советского Союза капитан Л.И. Пузанов. Во всех ротах готовились к наступлению. Учитывая систему обороны противника, была определена и тактика действия подразделений полка: лобовых атак не производить, обходить, блокировать опорные

пункты, дзоты, просачиваться в промежутки между ними, выходить в тыл и на фланги обороняющихся подразделений противника. Утром 20 декабря пехота пошла в атаку. Полк, блокируя частью сил опорные пункты Морозово, Бор, Вороничево, Плотшино, главными силами устремился к Моршагино и Гостинополю. «Всюду на пути движения рот – мины. Бесстрашно работали саперы, проделывая проходы в минных полях. Из Морозово и Бороничево противник контратаковал глубоко вклинившиеся в оборону подразделения 2-го и 3-го батальонов 505-го полка. Советские воины не только отразили контратаку, они своими лыжными группами вышли в район огневых позиций вражеских минометов южнее Морозово и Плотшино. Пока батальоны полка вели бой в районе опорных пунктов, лыжные отряды под командованием старшего лейтенанта Ф. Афанасьева, младшего лейтенанта Семеновых и политрука Ляша обошли опорный пункт Моршагино с тыла и разгромили его гарнизон. Батальон старшего лейтенанта Д. Черемянинова овладел Горками и Гостинополем. К исходу первого дня наступления гвардейцы освободили семь населенных пунктов, разгромили подразделения 484-го пехотного полка, преодолели пять трудных километров»⁵⁵, – писал в донесении заместитель начальника штаба 3-й гвардейской дивизии В. Стебунов. На следующий день полк вел упорный бой за поселок Лесозавод, деревни Свинкино и Выдин Остров. Здесь на его пути встали новые части 11-й пехотной дивизии противника. Они контратаковали подразделения 505-го полка. Ночной атакой противник в этих населенных пунктах был разбит. Справа наступали подразделения 285-й стрелковой дивизии. Противник пытался восстановить положение и нанести удар из деревни Хотово в стык двух советских дивизий. Общими усилиями удар был отбит. К утру 22 декабря 505-й полк 3-й гвардейской дивизии разгромил вражеские гарнизоны в деревнях Любынь и Болотово. Две роты полка вышли в район крупных сел Чажешно и Теробонижье и блокировали их. После упорного боя эти населенные пункты были освобождены от врага. В селе Чажешно приходилось драться за каждый дом. В разгроме гарнизона этого опорного пункта бойцам полка Пузанова оказали помощь воины 435-го стрелкового полка дивизии, которые переправились с правого берега Волхова в районе населенного пункта Хатуча⁵⁶.

В этих боях еще было много промахов, которые приводили к гибели людей. Корреспондент газеты «В решающий бой» старший политрук В. Аганин рассказывал, как командир роты

повел людей в бой на железнодорожную станцию, не разведав сил и огневых средств противника, действовал вслепую, «на ура». Бойцы шли вперед во весь рост, на виду у противника, некоторые красноармейцы не выстрелили ни разу из винтовки, молчали пулеметы. Все это приводило к неоправданным жертвам.

Среди сражавшихся частей отличились артиллеристы. Меткий огонь батарей 565-го артполка, которыми командовали Александр Потапов, Сергей Логвинов, Степан Крупина, очень помогал пехоте. Они разрушали оборонительные сооружения, уничтожали огневые точки противника, отражали фашистские контратаки, вели борьбу с танками, артиллерийскими и минометными батареями врага⁵⁷.

Артиллеристы майора Лушникова только за неделю уничтожили 21 вражеский дзот. Командир взвода управления пятой батареи этого же полка гвардии лейтенант Сергей Годин в рукопашной схватке убил десять фашистов.

Порыв советских войск был необычным, страстным. Бойцы и командиры думали, что начался, наконец, разгром захватчиков. Унылость, трагизм поражений лета и осени 1941 г. сменился эйфорией победы.

Войска генерал-майора И.И. Федюнинского разгромили Волховско-Войбокальскую группировку противника. Дивизии, наступая, вышли на линию железной дороги Мга–Кириши. А в результате контрнаступления под Тихвином враг был отброшен на исходные позиции, которые он занимал до 16 октября и с которых немцы предприняли попытку замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда.

После войны во время Нюрнбергского процесса, сидя в тюрьме, бывший начальник штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель написал книгу воспоминаний. В ней он отмечал: «От намеченной цели операции (а она заключалась в том, чтобы выходом к Ладожскому озеру перерезать связь Ленинграда с тылом и установить связь с финнами) пришлось отказаться. Фельдмаршал фон Лееб во время ряда телефонных разговоров, которые мне удалось услышать, просил фюрера предоставить ему свободу действий; он упорно, но безуспешно настаивал на своевременном отводе войск на этом участке за р. Волхов для сокращения линии фронта и сохранения сил в резерве. В результате враг взял обратно все, что нельзя было удержать. В конце концов Лееб явился в штаб-квартиру фюрера и попросил отставки: слишком стар, да и нервы не выдерживают

такой нагрузки. Он был снят по собственному желанию, поскольку это вполне устраивало Гитлера»⁵⁸.

Потеря Тихвина и поражение под Волховом окончательно подорвали здоровье старого фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба. Он ушел в отставку. 2 мая 1945 г. фон Лееб был арестован американской военной полицией и помещен в лагерь для военнопленных. В октябре 1948 г. военный трибунал приговорил фельдмаршала к трем годам лишения свободы за исполнение «Приказа о комиссарах» в полосе боевых действий группы армий «Север», по которому всех политработников Красной Армии расстреливали. Отсидев срок, фон Лееб поселился в маленьком баварском городке Хоеншвангау, где и умер 29 апреля 1956 г.⁵⁹

В районе Лезно 21 декабря войска 54-й армии соединились с наступавшей от Тихвина 4-й армией и образовали единый фронт. 24 декабря правофланговые соединения 4-й армии вышли к оборонительным позициям противника у населенного пункта Кириши. Немцы на правом берегу реки Волхов создали хорошо укрепленный плацдарм. У них еще была надежда с этого плацдарма начать новое наступление в направлении Свири на соединение с финскими войсками. Все попытки ликвидировать этот плацдарм закончились неудачно. 44-я дивизия полковника П.А. Артюшенко, переправившись на западный берег Волхова севернее Киришей, совместно с частями 54-й армии повела наступление на Ларионов Остров. 146-му стрелковому полку под командованием майора Н.Л. Манжурина внезапной ночной атакой удалось прорвать на узком участке вражескую оборону и перехватить железную дорогу Мга – Кириши. Вскоре сюда подтянулись основные силы 44-й дивизии. Перехват этой дороги, по которой противник собирался осуществлять связь с группой, удерживающей Киришский плацдарм, спутал планы противника. В течение пяти суток немцы непрерывно контратаковали. Но воины 44-й стрелковой дивизии, большинство которой составляли ленинградские ополченцы, неизменно отбрасывали врага. Исключительное мужество в этих боях проявил красноармеец 25-го стрелкового полка Иван Яковлевич Виноградов. Из роты он остался в строю один. Но боец продолжал драться. В критический момент боя ударили минометы дивизии, на выручку Виноградову пришли соседние роты. И на этот раз атака врага была отбита. Утром 26 декабря на левый берег Волхова южнее Киришей, на участке Лезно – Водосье, переправились части 92-й стрелковой дивизии, а стрелковые дивизии – 65-я полковника

П.К. Кошевого, 310-я полковника Н.М. Замировского и 4-я гвардейская генерала А.И. Андреева форсировали Волхов по льду на участке у железнодорожной станции Тигода и вышли к железной дороге Чудово – Волховстрой. Оборонительные позиции противника, непосредственно прикрывавшие поселок Кириши с востока, атаковали части 377-й стрелковой дивизии полковника К.А. Цаликова и 80-я кавалерийская дивизия полковника Л.А. Сланова⁶⁰. Но они успеха не добились. Противник любой ценой старался удержать Киришский плацдарм на восточном берегу Волхова, усилил оборонявшиеся там войска охранной дивизией, частями 81-й пехотной дивизии, прибывшей из Франции. Начались продолжительные кровопролитные бои в этом районе, которые не прекращались до 3 октября 1943 г., когда немцы вывели с плацдарма свои войска.

Все атаки с целью прорвать оборону немцев на участке железной дороги Мга–Кириши тоже закончились неудачей. Сил наступать дальше не было.

Ставка Верховного Главнокомандования в целях объединения усилий армий, действовавших к востоку от реки Волхов и вновь сосредоточенных в этом районе, еще 11 декабря приняла решение образовать к 17 декабря Волховский фронт⁶¹. В него были включены 4, 52, 59-я и 26-я, прибывшая из резерва Ставки, армии. 26-я армия вскоре была усилена войсками и переименована во 2-ю ударную. Планировался прорыв в глубокий тыл немецкого фронта с выходом на Любань и разгром группы армии «Север» под Ленинградом. Перед войсками Волховского фронта ставилась задача перейти в общее наступление с целью разбить противника, обороняющегося по западному берегу реки Волхов. «В дальнейшем, наступая в северо-западном направлении, окружить противника, обороняющегося под Ленинградом, и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и пленить его, а в случае отказа противника сдать в плен, истребить его»⁶².

54-я армия оставалась в составе Ленинградского фронта для решения главной стратегической задачи – пробить блокаду, поддержать встречным ударом 2-ю ударную армию, создать «котел» для немцев под Киришами. Такая задача ставилась перед войсками Волховского и Ленинградского фронтов на начало 1942 г.

Продолжая наступление, войска Волховского фронта к 27 декабря вышли к Волхову на участке Кириши, Новгород, захватили на левом берегу плацдармы в районах Лезно, Хмелищи, севернее Грузино и вели бои за их расширение.

Стремясь удержать в своих руках западный берег Волхова, противник усилил отходившие войска охранной дивизией, снятой с тыла, а также частями 81-й пехотной дивизии, передислоцированной из Франции. Теперь вражеская группировка, действовавшая между Ладожским озером и озером Ильмень, насчитывала 18 дивизий.

В ходе контрнаступления советские войска нанесли врагу тяжелое поражение и отбросили его на тот рубеж, с которого он начал наступление на тихвинском направлении. Однако развить успех советским войскам не удалось. В условиях суровой и снежной зимы было трудно, а порой и невозможно обеспечить подвоз в войска всего необходимого для жизни и боя. Наши армии испытывали недостаток сил и технических средств, еще не научились воевать с противником в условиях жесткой обороны. Контрнаступление советских войск показало высокий патриотизм воинов Красной Армии и в то же время слабую выучку и тактическую подготовку. Противник же за счет сокращения линии фронта со 160 до 90 км при отходе к реке Волхов значительно уплотнил свои боевые порядки, создал глубоко эшелонированную оборону, таким образом усилив сопротивление. Ему удалось создать прочную оборону на западном берегу Волхова, а также укрепить районы Киришей и Грузино. Темпы продвижения наших войск резко снизились. Продолжать наступление они уже не могли. В дивизиях оставалось очень мало людей. Контрнаступление советских войск в районе Тихвина явилось частью контрнаступления советских Вооруженных Сил конца 1941 г. – начала 1942 г., которое привело к первому крупному поражению немецко-фашистских войск во Второй мировой войне. В ходе его советские войска окончательно сорвали план немецко-фашистского командования молниеносной войны против СССР, не позволили замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда. Продвинувшись на запад до 100 – 120 километров, войска Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта нанесли группе армий «Север» большой урон в живой силе и технике. Контрнаступление под Тихвином и Волховом намного укрепило положение героического Ленинграда, создало предпосылки для более организованного снабжения продовольствием, людскими и материальными ресурсами осажденного города. Опыт боев под Тихвином и Волховом создал предпосылки для совершенствования управления войсками, что нашло отражение в решении Ставки организовать Волховский фронт, которому ставилась задача прорвать блокаду Ленинграда.

Успех советских частей под Тихвином и Волховом был достигнут усилиями всех родов войск, которые участвовали в сражении, высоких морально-нравственных качеств командиров и рядовых бойцов, жертвовавших собой во имя победы. В ходе боев впервые были применены новые тактические приемы ведения боя в условиях лесисто-болотистой местности небольшими подвижными группами бойцов, пришло понимание, что только во взаимодействии пехоты с танками, артиллерией, авиацией можно добиться победы в схватке с врагом. Только в 4-й и 52-й армиях за бои под Тихвином были награждены орденами 725 воинов, 11 человек удостоены звания Героя Советского Союза⁶³. Людские потери в Тихвинской наступательной операции составили 48901 человек⁶⁴.

После разгрома врага под Тихвином и Волховом перед войсками Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов была поставлена задача разгромить немецко-фашистские войска под Ленинградом и снять с него вражескую блокаду. Основная роль в разгроме группы армий «Север» отводилась Волховскому фронту. Но и в этот период, когда линия фронта стабилизировалась и на передовой не проводилось больших наступательных операций, бои на внешнем кольце блокады не прекращались. В ночь на новый 1942 год 16-я танковая бригада получила приказ овладеть хорошо укрепленным опорным пунктом противника горой Пушечная. Она находилась в зоне боевых действий 54-й армии в районе шлисельбургско-синявинского выступа. К этому времени она передала все боевые машины 122-й танковой бригаде и временно стала «пешей». Командир бригады поручил выполнить задачу отряду капитана Н.Н. Юренкова численностью около 250 бойцов. Ночью отряд проник в тыл противника и атаковал его укрепленный пункт. С фронта храбрцев поддерживали основные силы бригады. Бой завершился взятием центра горы Пушечная. Было уничтожено много солдат и офицеров противника и захвачены большие трофеи⁶⁵.

Для командования Волховского фронта 1942 г. начинался с планирования большой операции по деблокаде Ленинграда, в которой предполагалось задействовать силы пяти армий. Воодушевленные победами войска рвались в бой. Казалось, надо приложить еще одно, последнее усилие, чтобы погнать врага с родной земли, спасти Ленинград и ленинградцев от голодных тисков.

Ссылки к главе 3

- ¹ Битва за Ленинград 1941–1944 / И.П. Барбашин, А.И. Кузнецов, В.П. Морозов и др.; М.: Воениздат, 1964. С. 110.
- ² Гриф секретности снят. Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 172.
- ³ ЦАМО, ф. 204.
- ⁴ *Allmayer-Beck C.* Dit Geschichte der 21/ (Ostpr. / westpr.) Infanterie-Division. Munchen. 1990. S. 205–206.
- ⁵ Архив музея истории города Волхов. Фонд 311-й сд.
- ⁶ Битва за Ленинград. С. 110, 111.
- ⁷ *Федюнинский И.И.* Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1964. С. 83.
- ⁸ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945: Справочник. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. С. 283.
- ⁹ На Волховском фронте 1941–1944 гг. М., 1982. С. 18–19.
- ¹⁰ *Федюнинский И.И.* Указ. соч. С. 66.
- ¹¹ *Нестерук В.С.* Огонь и маневр / Тихвин, год 1941-й. Л., 1974. С. 224.
- ¹² *Мерецков К.А.* Освобождение Тихвина / Пароль – Победа! Л., 1975. С. 131–132.
- ¹³ *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1988. С. 229.
- ¹⁴ *Фролов М.И.* Артиллеристы в боях за город Ленина. Л., 1978. С. 73.
- ¹⁵ *Мерецков К.А.* Освобождение Тихвина. Л., 1975. С. 135.
- ¹⁶ *Фролов М.И.* Указ. соч. С. 69.
- ¹⁷ Тихвин, год 1941-й. Л., 1974, С. 59.
- ¹⁸ *Карель П.* Восточный фронт. М.: ЭКСМО, 2003. С. 236.
- ¹⁹ Битва за Ленинград. С. 112.
- ²⁰ *Кошевой П.К.* Штурм // Тихвин, год 1941-й. Л., 1974. С. 283.
- ²¹ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Смоленск: Русич, 2001. С. 515–523.
- ²² *Карель П.* Указ соч. С. 237.
- ²³ Битва за Ленинград. Указ. соч. С. 112–113.
- ²⁴ *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 239–240.
- ²⁵ ЦВМА, ф. 485, оп. 019646, д. 1, л. 304–337.
- ²⁶ *Федюнинский И.И.* В те дни под Волховом / Тихвин, год 1941-й. Л., 1974. С. 25.
- ²⁷ *Федюнинский И.И.* Гитлеровские хвостуны снова просчитались // На страже Родины. 1941. 23 декабря.
- ²⁸ *Одинцов Г.Ф.* Повелители огня. Л., 1980. С. 62.
- ²⁹ *Андросов И.Г.* В декабре 41-го // Волховские огни. 1975. 8 мая.
- ³⁰ *Ксенз П.* Морская пехота в боях за Волхов // Волховские огни. 1981. 16 июня.
- ³¹ Ленинград в осаде. СПб., 1995. С. 194.
- ³² *Белов А.Р.* Ломая сопротивление врага / Тихвин, год 1941-й. Л., 1974. С. 380.
- ³³ *Николаев Н.* Сражались за Ладогу, сражались за Родину // Волховские огни. 1988. 27 августа.
- ³⁴ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1242, д. 142, л. 278–279.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Ксенз П.* Указ. соч.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Белов А.Р.* Ломая сопротивление врага. С. 378.
- ³⁹ *Николаев Н.* Указ соч.

⁴⁰ ЦАМО, ф. 486, оп. 127, д. 34, л. 37.

⁴¹ *Николаев Н.* Указ. соч.

⁴² Архив музея истории города Волхова. Фонд 311-й сд.

⁴³ В решающий бой. 1941. 23 декабря.

⁴⁴ *Белов А.Р.* Указ. соч. С. 379.

⁴⁵ ЦАМО РФ, ф. 242., оп. 37, д. 25, л. 12.

⁴⁶ ЦАМО РФ, ф. 1361, оп. 1, д. 5, л. 12.

⁴⁷ ЦВМА, ф. 485, оп. 019646, д. 1, л. 560–572.

⁴⁸ *Федюнинский И.И.* Указ соч. С. 67.

⁴⁹ *Яковлев И.* 41-й год на волховской земле // Волховские огни. 1995.

14 февраля.

⁵⁰ *Манжурич Н.Л.* Дорогами войны. Свердловск, 1985. С. 81.

⁵¹ *Alltauer-Besk C.* Op. cit. S. 208–210.

⁵² *Островидова В.* Командир взвода // Волховские огни. 1988. 20 февраля.

⁵³ *Сапаров А.* На страже Родины. 1941. 23 декабря.

⁵⁴ *Стебунов В.* Под знаменем, оваянным славой // Волховские огни.

1988. 19 февраля.

⁵⁵ Архив музея истории города Волхова. Фонд 3-й гв. дивизии.

⁵⁶ *Стебунов В.* Была война // Волховские огни. 1988. 20 декабря.

⁵⁷ Архив музея истории города Волхова. Фонд 3-й гв. дивизии.

⁵⁸ *Кейтель В.* Размышление перед казнью. М., 1998. С. 259.

⁵⁹ *Митчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1999. С. 198.

⁶⁰ *Зайцев Д., Егоров П.* Самая «горячая» точка Волховского фронта / Кириши в огне войны. Кириши, 1998. С. 7.

⁶¹ ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. 3763, д. 108, л. 3–5.

⁶² Там же.

⁶³ На Волховском фронте 1941–1944 гг. С. 24–25.

⁶⁴ Гриф секретности снят. С. 172.

⁶⁵ ЦАМО РФ, ф. 3091, оп. 1, д. 1, л. 30.

ЛЮБАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

После победы под Тихвином перед войсками вновь образованного Волховского, Ленинградского и Северо-Западного фронтов была поставлена задача разгромить группировку противника под Ленинградом и снять с него вражескую блокаду. 17 декабря 1941 г. командующему войсками Волховского фронта была передана директива Ставки ВГК №005826 о переходе в общее наступление¹. В ней ставилась задача войскам фронта в составе 4, 59, 2-й ударной и 52-й армий перейти в общее наступление, имея целью разбить противника, обороняющегося по западному берегу реки Волхов, и главными силами армий выйти на линию Любань – станция Чолово. В дальнейшем предписывалось, наступая в северо-западном направлении, окружить противника, обороняющегося под Ленинградом, и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта пленить его, а в случае отказа противника сдаться в плен – истребить. Каждой армии давались конкретные указания: 4-й – наступать в общем направлении Кириши, Тосно и во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и уничтожить противника, выдвинувшегося севернее Мги к Ладожскому озеру. Затем «наступая в направлении Красногвардейск (Гатчина), Ропша, содействовать армиям Ленинградского фронта в уничтожении противника, удерживающего эти пункты. 59-я армия должна была наступать в направлении Грузино, Сиверская, Солсово. 2-я ударная армия – громить противника в направлении на Лугу. 52-й армии в составе пяти стрелковых дивизий: 46, 288, 259, 267 и 111-й с подчинением Новгородской оперативной группы овладеть Новгородом и наступать в направлении Солец, обеспечивая наступление Волховского фронта на северо-запад. Войска Северо-Западного фронта получили задачу правым крылом нанести удар в направлении Старая Русса, Сольцы, Дно, перерезав коммуникации новгородской группы противника и во взаимодействии с войсками левого крыла

Волховского фронта нанести ей поражение, содействуя тем самым решению главной задачи – снятию блокады Ленинграда»². Ленинградскому фронту предстояло «содействовать Волховскому фронту в разгроме противника, обороняющегося под Ленинградом, и в освобождении Ленинграда от блокады»³. Определяя задачи, Ставка исходила из того, что общее соотношение сил на северо-западном направлении, с учетом поступающего пополнения, складывалось в пользу советских войск. На 1 января 1942 г. в группе армий «Север» было 665 тыс. человек, 6 тыс. орудий и минометов и 160 танков. На фронте южнее Ладожского озера действовало 13 вражеских дивизий⁴.

В войсках Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов на ту же дату насчитывалось 725 тыс. человек, 9 тыс. орудий и минометов, 230 тяжелых и средних танков⁵.

Советские войска превосходили противника в живой силе, в количестве орудий, минометов и танков. Однако противник имел преимущество в авиации, что уравнивало соотношение в технических возможностях противоборствующих сторон. Это убедительно показали боевые действия, которые в скором времени развернулись на участке фронта в бассейне реки Волхов от южного берега Ладожского озера до Ильмена. Планируя операции на начало 1942 г., Ставка исходила также из того, что успешное контрнаступление советских войск под Москвой не позволит немецко-фашистскому командованию усилить группы армий «Север» резервами или соединениями, снятыми с других участков советско-германского фронта.

В войсках началась подготовка к операции. Неудачный выбор направления главного удара во многом предопределил ее результаты. Наступать по бездорожью в лесисто-болотистой местности против не сломленного в предстоящих сражениях и не павшего духом противника, не собрав вовремя войска, не имея в достатке боеприпасов и автоматического стрелкового оружия, было слишком рискованно. Однако командующий Волховским фронтом генерал армии К.А. Мерецков пошел на этот риск, хотя как опытный военачальник прекрасно понимал, что войска после кровопролитных боев за Тихвин не успели привести себя в порядок, не получили достаточно пополнений и вооружений. В отличие от Г.К. Жукова, который мог вступить в спор с Верховным Главнокомандующим, обладал характером и волей в достижении цели, К.А. Мерецков в силу известных причин испытывал страх перед И.В. Сталиным и становился вялым, безвольным человеком, когда на карту ставилась его судьба. В начале войны его арестовали по подозрению в связи

с врагами народа. Весь июль и август 1941 г. Мерецков провел в следственном изоляторе НКВД, где следователь Шварцман резиновой дубинкой выбивал у него признание, что Мерецков вместе с Корком и Уборевичем планировал заговор против товарища Сталина. Такие показания дали сорок генералов и командиров Красной Армии, с которыми он вместе служил или был знаком. Итогом следствия мог быть только расстрел. Однако И.В. Сталин вспомнил о Мерецкове, когда понял, что с началом войны в войсках не хватает опытных генералов, и приказал освободить его из тюрьмы. В сентябре генерал армии К.А. Мерецков вместе с Н.А. Булганиным и Л.З. Мехлисом был направлен представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Северо-Западный фронт. 17 сентября Мерецков был отозван в Ставку и направлен в 7-ю армию на Карельский перешеек, где дела складывались очень плохо. Спустя неделю, 24 сентября, он вступил в командование армией и сумел стабилизировать положение. Мерецков выполнил еще одно ответственное поручение товарища Сталина, когда в тяжелой ситуации вступил в командование 4-й армией, не допустил противника к Свири и разгромил Тихвинскую группировку противника. Но месяцы, проведенные в камере НКВД, не прошли для командующего даром. Они надломили волю генерала, вселили в него страх при принятии ответственных решений в моменты, когда требовалась концентрация воли и твердость характера.

В период подготовки к наступательной операции И.В. Сталин прислал командующему Волховским фронтом письмо. В нем говорилось: «Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а вылилось в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха. И. Сталин. 29.12.41»⁶.

Груз ответственности, возложенный Ставкой на командующего Волховским фронтом, мешал ему принять правильное решение – не торопиться с наступательной операцией, пока войска не будут готовы к ней. Положение осложнялось тем, что дивизии армий не успевали выйти в район сосредоточения для нанесения главного удара. Командиры не смогли детально изучить оборону противника, разработать подробные планы

действий на том или ином участке фронта. 2-й ударной армией командовал бывший заместитель наркома внутренних дел генерал Г.Г. Соколов, который не имел опыта штабной и боевой работы. Приняв 2-ю ударную армию, он начал издавать «суворовские» приказы:

1. Хожение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг – аршин, им и ходить. Ускоренный – полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак – затемно, перед рассветом, а обед – затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать – хорошо, а нет – и на том спасибо, благо день не особенно длинам.

3. Запомнить всем – и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода – ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцом и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом». (Приказ № 14 от 19 ноября)⁷.

2-я ударная армия формировалась осенью 1941 г. на территории Приволжского военного округа, как обычная полевая, под номером 26. 2-й ударной она стала в декабре 1941 г., когда находилась в эшелонах на пути к Волхову. К линии фронта бойцы 2-й ударной шли пешком, утаптывая снег, доходивший до пояса. «Шли только ночью, днем укрывались в лесу. Путь был нелегким. Чтобы пробить дорогу в глубоком снегу, приходилось колонны строить по пятнадцать человек в ряду.

Первые ряды шли, утаптывая снег, местами доходивший до пояса. Через десять минут направляющий ряд отходил в сторону и пристраивался в хвосте колонны. Трудность движения усугублялась еще и тем, что на пути встречались не замерзшие болотистые места и речушки с наледью на поверхности. Обувь промокала и промерзала. Посушить ее было нельзя, так как костры на стоянках разводить не разрешалось. Выбивались из сил обозные кони. Кончилось горючее, и машины остановились. Запасы боеприпасов, снаряжения, продовольствия пришлось нести на себе»⁸. Усталая и голодная армия еще до начала боев оказалась практически без техники с малым количеством боеприпасов.

5 января состоялось заседание Ставки, которое приняло решение о всеобщем наступлении от Баренцева до Черного моря. Против этого плана высказались Г.К. Жуков и Н.А. Вознесенский. Но их доводы о том, что армия еще не располагает

достаточными материальными ресурсами для столь масштабных действий, не были приняты во внимание. После заседания начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников сказал Жукову: «Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решен Верховным»⁹. В книге Х. Польшмана «Волхов: 900 дней» так оценивается это решение: «То, что немецкий фронт на Волхове привлек к себе очень значительные силы, безусловно, существенно облегчило положение ведущей тяжелой бои и неоднократно прорванной обороны немецкой центральной группировки войск. Те силы, которые советское командование ввело в использование при наступлении на Волхове, могли бы оказать значительное влияние на исход операции немецкой группы армий «Центр». Сталин совершил ту же ошибку, что и Гитлер, – он хотел наступать везде и поэтому не добился решающей победы нигде».

Верховный поторапливал командующих фронтами быстрее развернуть наступательные действия. И.В. Сталин был воодушевлен первыми победами над немецко-фашистскими захватчиками. Он поставил перед Красной Армией задачу – в течение 1942 г. окончательно разгромить врага и изгнать его с советской территории. Военным советам фронтов была направлена директива, в которой предписывалось «...не давать врагам передышки, гнать их на Запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы... обеспечить, таким образом, полный разгром гитлеровских войск в 1942 году». Можно было понять душевное состояние руководителя страны, который допустил трагедию 1941 г. Только непрерывными победами над врагом можно было заглушить боль поражений первых месяцев войны.

Командующий Волховским фронтом, которому И.В. Сталин поручил историческое дело освобождения Ленинграда от блокады, морально не был готов взять на себя груз такой ответственности. Отсюда поспешность и непоследовательность в его действиях при подготовке армий к наступлению, недооценка врага, медлительность и непоследовательность в принятии решений. Это отмечали многие командиры в штабах на Волховском фронте. 59-й и 52-й армиям ставились сначала одни задачи, потом – другие. Они меняли дислокацию, дивизии передавались из одной армии в другую. Эта неразбериха накануне операции создавала нервозность в среде командиров, непонимание происходящего, апатию, когда люди делали только то, что прикажут.

К.А. Мерецков решил главный удар нанести силами 2-й ударной и 59-й армий, прорвать оборону в районе Спасская

Полисть, выйти на рубеж Любань, Дубовик, Чолово и уничтожить во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта любанско-чудовскую группировку противника. Планировалось после разгрома противника на этом участке наступать в северо-западном направлении и при содействии сил Ленинградского фронта осуществить прорыв блокады Ленинграда.

7 января 1942 г., не ожидая сосредоточения всех соединений, 4-я и 52-я армии Волховского фронта перешли в наступление. Затем стали последовательно вводиться в бой прибывающие войска 59-й и 2-й ударной армий. Наступление велось в направлении Любани и Тосно. В течение трех дней войска фронта пытались прорвать вражескую оборону, но безуспешно. Как это происходило, написал в мемуарах ветеран войны И.С. Катышкин, который проходил службу в штабе 59-й армии: «Утром 7 января 1942 г. войска наших первых эшелонов после короткой артиллерийской подготовки перешли в наступление. Под сильным вражеским огнем они по льду переправились через реку Волхов, вышли на ее западный берег и даже захватили там несколько небольших плацдармов. Но противник, подтянув свои резервы, тут же провел ряд сильных контратак и отбросил наши части назад. Последовал еще целый ряд атак и, естественно, контратак. Наши полки и батальоны то цеплялись за противоположный берег реки, то под напором фашистских танков и автоматчиков вновь откатывались на исходные позиции. Так продолжалось несколько дней. Наконец 10 января командующий 59-й армией, доложив обстановку штабу фронта, попросил разрешения временно прекратить наступление, дать возможность уставшим войскам привести себя в порядок, обеспечить всем необходимым для продолжения операции. И такая передышка была предоставлена»¹⁰.

Командир 327-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии И.М. Антюфеев вспоминал: «Вечером 31 декабря 1941 г. командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Г.Г. Соколов приказа мне к рассвету 3 января сменить части 52-й армии на восточном берегу Волхова на участке Селищенские казармы – Городок и 6 января быть готовым к наступлению. Задача дивизии – прорвать оборону противника на левом берегу Волхова и, обойдя опорные пункты его обороны, овладеть станцией Любань, расположенной в 80 км от участка прорыва. Мои попытки доказать, что дивизия не будет готова наступать к указанному сроку, поскольку нет санитарного транспорта, не получены полностью боеприпасы и вооружение по штату, нет продовольствия и фуража, не были приняты во внимание.

Генерал поднял палец кверху, давая понять, что эта команда идет оттуда и обсуждению не подлежит. На рассвете 7 января начали наступление по всей полосе Селищенские казармы – Коломно (протяженностью 4 км), правее нас наступала 59-я армия. Наступление успеха не имело вследствие того, что артиллерия не могла поддержать пехоту своим огнем»¹¹.

«Артподготовка была недостаточной, – писал в воспоминаниях бывший командир взвода управления 327-й стрелковой дивизии П.П. Дмитриев. – На каждую гаубицу у нас было всего по 20 снарядов. Расстреляв их, мы оказались безоружными и не могли подавить огневые точки врага. Пехота, беззащитная перед ураганным огнем немецкой артиллерии, бьющим с высокого западного берега, погибла на волховском льду черными точками: маскхалатов стрелкам не полагалось»¹². Так началась Любанская наступательная операция.

В течение трех дней войска фронта пытались прорвать вражескую оборону, но безуспешно. Поэтому командование фронта с разрешения Ставки 10 января 1942 г. приняло решение временно прекратить наступление, перегруппировать войска, подтянуть артиллерию, подвезти необходимые материальные и технические средства и с 13 января возобновить наступательные боевые действия¹³.

О неудаче первых дней наступления знали и в Москве. Сохранилась запись телефонного разговора К.А. Мерецкова со Ставкой:

«10 января. У аппарата Сталин, Василевский.

По всем данным, у вас не готово наступление к 11-му числу. Если это верно, надо отложить на день или два, чтобы наступать и прорвать оборону противника. У русских говорится: поспешишь – людей насмешишь. У вас так и вышло, поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова, а теперь пожинаете плоды своей поспешности...»¹⁴.

Позднее в воспоминаниях командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков писал: «Чтобы подготовить наступление по настоящему, требовалось по меньшей мере еще 15–20 суток. Но о таких сроках не могло быть и речи. Поэтому мы с радостью ухватились за предложенную Ставкой отсрочку наступления на два дня. В ходе переговоров выпросили еще один день. Начало наступления таким образом было перенесено на 13 января»¹⁵. Командование фронтом считало, что командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Г.Г. Соколов не может

руководить вверенными ему войсками. По согласованию со Ставкой он был заменен генерал-лейтенантом Н.К. Клыкковым, который в то время командовал 52-й армией. Его место занял генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев. Смена командиров высокого ранга накануне наступления тоже не лучшим образом сказалась на общем ходе операции. Первые бои на Волхове показали, что не только войска не готовы к наступлению. Нечетко работали тыловые службы, отсутствовала нормальная связь, штабы дивизий и бригад не могли оперативно оценивать ситуацию в силу отсутствия достоверной информации о положении дел в полках и батальонах.

13 января после полуторачасовой артподготовки войска Волховского фронта решительно атаковали противника в направлении Любани и Сиверской. Пехота с трудом преодолевала глубокий снег под непрерывным пулеметным и минометным огнем противника. Наступление развивалось медленно. С первых часов были нарушены все графики прорыва вражеских позиций. В первый день наступления 2-й ударной армии с большими потерями удалось преодолеть первый рубеж обороны немцев на участке Бор – Костылево. Наибольшего успеха добилась 327-я стрелковая дивизия полковника И.М. Антюфеева. Выбив подразделения противника из населенного пункта Красный Поселок, она овладела укрепленной позицией врага. Левее успешно действовала 58-я стрелковая бригада полковника Ф.М. Жильцова. В результате повторной атаки она отбила у врага населенный пункт Ямно. Еще левее правофланговые соединения 52-й армии вышли на западный берег реки Волхов. Здесь обозначился прорыв обороны противника. Для развития успеха командование 2-й ударной и 52-й армий с утра 15 января ввело в бой свои вторые эшелоны. Гитлеровцы отошли на рубеж реки Полисть и встретили наступающих яростным огнем. 18 января Ф. Гальдер отметил в своем дневнике: «Положение на Волховском фронте очень напряженное»¹⁶.

Только 24 января 366-я дивизия полковника С.И. Буланова овладела Мясным Бором. Командующий фронтом тут же ввел в образовавшуюся брешь 13-й кавалерийский корпус генерала Н.И. Гусева, который значительно продвинулся вперед. Кавалеристы вскоре превратились в пехотинцев. Снег доходил лошадям по брюхо, они не могли преодолевать буреломы и незамерзающие под снегом топи. «До сих пор недоумеваю: на что рассчитывало командование, загоняя коней в непроходимый лес, где ни дорог, ни тропинок, и снегам лошадям по брюхо? Ведь достаточно было взглянуть на топографическую карту

Новгородской области, чтобы понять: эти места за Волховом – настоящий край Мазая – топи да болота»¹⁷, – писал в воспоминаниях ветеран 2-й ударной армии артиллерист И.И. Калабин.

По мере продвижения 13-го кавалерийского корпуса и других частей 2-й ударной армии в глубину расположения противника район, занимаемый советскими войсками, все время увеличивался, а плотность боевых порядков уменьшалась. Многие части действовали сами по себе, наступали по расходящимся направлениям. Это беспокоило командующего фронтом. Он приказал создать временные оперативные группы, командиры которых принимали на себя управление всеми войсками, которые находились поблизости. Так, во 2-й ударной армии соединения, образовавшие фронт, обращенный на восток, были объединены в группу генерал-майора П.Ф. Привалова. Несколько позднее и в 59-й армии была создана оперативная группа под командованием генерал-майора П.Ф. Алферьева.

Запись в военном дневнике Ф. Гальдера от 24 января: «На севере положение несколько лучше, так как противник наносит удар в том направлении, куда мы подтягиваем силы. В противном случае мы не могли бы удержать фронт у Ленинграда»¹⁸.

Вслед за кавалерийским корпусом в прорыв пошли и другие части 2-й ударной армии. Они быстро продвигались в сторону Любани, Глубочки, ст. Чолово и Глухой Керести, охватывая небольшой частью своих сил с юго-запада чудовскую группировку противника. В результате упорных боев армия генерала Н.К. Клыкова продвинулась на 75 км. Она перерезала железную дорогу Новгород – Ленинград и вышла на подступы к Любани. Как воевали в эти дни, рассказал в воспоминаниях участник тех событий командир взвода отдельного арtdивизиона 76-миллиметровых пушек 59-й отдельной стрелковой бригады И.Д. Елоховский: «Идет бой – роем окоп в снегу, чтобы сохранить расчет и пушку: ведь били в основном прямой наводкой, солдаты называли ее: «Прощай, Родина!» Но если с закрытых позиций из 100 снарядов в цель попадет два-три, то на прямой – три из тридцати пяти. Снарядов всю операцию не хватало. Да разве только снарядов? Все снабжение с января до самого конца было отвратительным. Питание мизерным: суп-пюре гороховый, котелок на 10 человек, вот и все. Спасало, что артиллерия была на конной тяге. Но ведь и лошадей кормить нечем. Одни березовые ветки, но сколько лошадь их съесть может? Лошади гибли, а мы их ели. Раз в неделю перепало»¹⁹.

Бывший командир штабного взвода связи 1267-го полка 382-й стрелковой дивизии И.Д. Никонов писал в воспоминаниях: «Помню три молодежных батальона лыжников: лет по двадцать в белых халатах. Как пришли – отправили в наступление, через полтора часа почти никого не осталось... Пополнения приходили и вели наступление, а немец нас, как траву, косил... В командирской землянке сидели шесть майоров, как я понял – командиров полков. Стали выяснять, сколько у кого бойцов. В одном полку оказалось пять, в другом шесть, в нашем – семь человек. Всего на переднем крае осталось 35 штыков. А приказ тот же – наступать! Утром наступали. К полудню осталось: ты да я, да мы с тобой... Получили пополнение и опять наступали с правой стороны шоссе. Вновь заняли водокачку, но силы к концу дня иссякли. Вернулись на исходные позиции»²⁰.

После ввода в прорыв 2-й ударной армии задача по расширению бреши на ее левом фланге, в районе Мясного Бора, в основном легла на 59-ю и 52-ю армии, практически сомкнувшиеся. Они же обеспечивали коммуникации 2-й ударной армии в горловине прорыва. В середине февраля 59-я армия вплотную подошла к Спасской Полисти. Горловина прорыва расширилась до 13 км. Но это не решало проблемы в целом. Противник прочно удерживал ключевые позиции на флангах наступающей армии, что создало хорошие предпосылки для контрударов. К.А. Мерецков писал: «Наступление 2-й ударной армии хотя и продолжало развиваться, но не в том направлении, в каком нам бы хотелось. Армия имела успех, продвигаясь в основном на запад и северо-запад, то есть туда, где противника почти не было, и удаляясь тем самым от прямой цели наступления – железнодорожной линии на Ленинград. Те же части, которые поворачивали на восток и наступали на Любань, успех имели незначительный. Очень скоро они уперлись в оборонительную позицию противника. Враг все время усиливал оборону»²¹. Это подтверждает, что управление войсками внутри прорыва со стороны командующего фронтом было потеряно. Он уже не контролировал ситуацию. Выполняя приказ наступать, усталые и обескровленные войска углублялись в леса и болота, куда им позволял наступать противник. На стратегически важных участках немцы укрепляли оборону и не позволяли частям 2-й ударной армии приблизиться к Любани. По всей окружности освобожденной территории пытались наступать части 2-й ударной армии. 59-я бригада после ожесточенных боев овладела деревнями Дубовик, Большое и Малое Еглино. 87-я кавалерийская

дивизия, 53-я и 57-я бригады втянулись в многодневные бои за село Ручьи, которое находилось в 25 км от Любани.

17 февраля на фронт прибыл маршал К.Е. Ворошилов. Он проинформировал командующего фронтом и его штаб о требовании Ставки: к 1 марта во что бы то ни стало овладеть Любанью. Он побывал в передовых частях 2-й ударной армии, ходил по траншеям, разговаривал с бойцами. В результате маршальской инспекции появилась директива Ставки. В ней уточнялись задачи 2-й ударной и 54-й армий Ленинградского фронта. Эти армии должны были наступать навстречу друг другу и соединиться в Любани с целью окружения и уничтожения любань-чудовской группировки, а по выполнению этой задачи наступать на Тосно и Сиверскую с целью ликвидации мгинской группировки и снятия блокады Ленинграда. «Эта директива означала по существу отказ Ставки от своего первоначального замысла, изложенного в директиве от 17 декабря. Поняв, что для его выполнения не хватает ни сил, ни средств, Ставка предложила последовательно разгромить вначале любань-чудовскую, а затем уже мгинскую группировки. Будь такое решение принято вначале, т. е. при организации операции, возможно, и исход ее был бы другой. Но в конце февраля, когда последовала уточненная директива Ставки, положение изменилось, силы и средства оказались израсходованными, а Ставка, по условиям той обстановки, которая сложилась на всем советско-германском фронте, не могла дать необходимого для развития операции усиления. Поэтому наступление и в измененных направлениях также имело незначительные результаты. Продвижение 2-й ударной и 54-й армий захлебнулось, наши войска остановились, не дойдя до Любани 10–12 км»,²² – писал после войны бывший командующий Ленинградским фронтом М.С. Хозин.

Командование фронтом требовало скорейшего выхода частей 2-й ударной армии на железную дорогу Москва–Ленинград и взятия стратегически важного укрепленного пункта противника в Любани. Командующий армией генерал Н.К. Клыков докладывал: «В воздухе все время господствует авиация противника и парализует действия войск. Дорожная сеть в плохом состоянии. Подвоз фуража, продовольствия, горючего и боеприпасов далеко не обеспечивает существующих потребностей. Для развития успешного наступления армии надо три свежие дивизии, дивизион ракетных установок, не менее двух автобатальонов, не менее трех дорожно-строительных батальонов, не менее пятнадцати бензовозов, сено, пополнить конский состав и прикрыть армию с воздуха»²³.

За первые три месяца 1942 г. группа армий «Север» пополнилась шестью дивизиями, переброшенными из Франции, Дании, Югославии и самой Германии. Из Ставки ВГК в штаб Мерецкова шли телеграммы и раздавались телефонные звонки с требованием усилить наступательные действия и во что бы то ни стало овладеть Любанью. Командующего фронтом и его помощников обвиняли в нерешительности и топтании на месте. В Ставке не принимали во внимание, что против Волховского фронта действовали 385 боевых самолетов противника²⁴. К концу января 1942 г. самолетный парк Волховского фронта насчитывал 313 боевых машин. Но истребителей из них было всего 20²⁵. Основную ударную силу авиации фронта составляли ночные бомбардировщики По-2. В войсках практически не было бронетехники. После незначительной перегруппировки войск, усиления 2-й ударной и 59-й армий вновь начались бои на любанском направлении. Ценой огромных усилий соединения 2-й ударной армии атаковали противника и прорвали его оборону. Для развития прорыва была использована свежая 80-я кавалерийская дивизия и 1100-й полк 327-й дивизии полковника И.М. Антюфеева. Остальные части стрелковой дивизии не успели войти в прорыв. Противник нанес фланговые удары и закрыл брешь. В журнале боевых действий 18-й армии от 27 февраля 1942 г. сделана запись: «Группа фон Бассе соединилась с 254-й пехотной дивизией севернее железной дороги Чудово–Веймарн. Русские за железной дорогой отрезаны»²⁶. Проникшие за линию фронта соединения оказались отрезанными от основных сил армии. В течение десяти дней они отбивались от пехоты и авиации противника. Когда же боеприпасы стали подходить к концу и не стало продовольствия и фуража, они ночной атакой прорвали оборону противника и соединились с войсками армии. «Запасы боеприпасов и продуктов закончились, снабжение с воздуха наладить не удалось. Связь оборвалась из-за выхода из строя радиостанций. Отряд вынужден был уничтожить всю боевую технику, тяжелое вооружение, вплоть до станковых пулеметов. С личным оружием воины в ночь с 8-го на 9-е марта пробившись к своим»²⁷, – писал в воспоминаниях командир 327-й дивизии И.М. Антюфеев.

В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранятся ежедневные донесения командира 80-й кавалерийской дивизии полковника Л.А. Сланова о безвыходном положении отряда, оказавшегося в окружении без продовольствия и боеприпасов. Пытаясь спасти людей, в ночь с 8-го на 9-е марта

Л.А. Сланов вывел отряд в расположение советских войск. Но он уже не был командиром 80-й кавалерийской дивизии. Его отстранили от командования. С 1 марта дивизию принял подполковник Н.А. Поляков. В журнале боевых действий 18-й армии запись от 8 марта сообщает о 1093 пленных и 1556 убитых русских под Красной Горкой²⁸.

Кавалеристов и стрелков, участвующих в прорыве, не поддерживали основные силы армии. Героизм воинов не нашел поддержки из-за плохого управления войсками и неорганизованной работы тыловых служб. Командование фронта, армий и дивизий в решении боевых задач постоянно сталкивалось с отсутствием надежной связи, из-за чего информация об изменении боевой обстановки опаздывала, а значит, несвоевременно принимались решения, которые могли повлиять на ее ход. На Военном совете фронта, на который было приглашено и командование 2-й ударной армии, был сделан вывод, что одной из причин невыполнения армией задач является несогласованность в работе Военного совета и штаба армии и как следствие – отсутствие четкого и твердого руководства войсками. Имелись случаи пренебрежительного отношения к приему пополнения: маршевые роты во время пути не обеспечивались горячей пищей, для них не было пунктов обогрева. Персональный учет раненых и убитых практически не велся. Командование армии не знало даже приблизительно количество потерь и численный состав дивизий и бригад, которые находились на передовой. Начальник оперативного отдела 2-й ударной армии полковник Пахомов неправильной информацией вводил в заблуждение штаб армии и фронта. Перед последними боями штаб 2-й ударной армии допустил грубые просчеты во времени на подготовку войск для боя. Распоряжения для выполнения боевой задачи некоторые части получали с опозданием на день. По предложению Военного совета фронта Ставка отстранила от должностей начальника штаба 2-й ударной армии генерал-майора В.А. Визжилина и начальника оперативного отдела Пахомова. На их должности соответственно были назначены полковник П.С. Виноградов и комбриг Буренин. Этим же приказом на должность заместителя командующего 2-й ударной армией был назначен генерал-майор П.Ф. Алферьев. Одновременно с началом наступления Волховского фронта перешли к активным наступательным действиям войска Ленинградского фронта. 54-я армия из района Погостье наносила удар в направлении на Любань для соединения с частями Волховского фронта, а 55-я армия предприняла атаки в направлении на

Тосно. Северо-Западный фронт правым крылом перешел в наступление еще 7 января. Его 11-я армия под командованием генерал-лейтенанта В.И. Морозова уже 8 января вела бои в Старой Руссе и частью сил продвигалась в направлении населенного пункта Сольцы.

Наступление на всех направлениях развивалось крайне медленно. Войска понесли большие потери, многие дивизии и бригады надо было выводить в резерв и пополнять. Танковые батальоны остались без танков, артиллерия израсходовала все боеприпасы. Несогласованность в действиях штабов и войск уже на первом этапе привела к тому, что передовые части оторвались от тыловых баз и начали испытывать острый недостаток в боеприпасах, продовольствии, перевязочных средствах для раненых. Противник бросил против наступающих советских соединений авиацию, не жалел снарядов во время артиллерийских обстрелов.

54-я армия Ленинградского фронта, которая шла на соединение с войсками Волховского фронта, встретила упорное сопротивление противника и никак не могла взять укрепленный узел обороны немцев у станции Погостье. Здесь развернулись упорные кровопролитные бои.

9 января на станции Погостье немцы отбили наступление 3-й гвардейской дивизии. 16 января на эту же станцию и деревню Погостье узкой полосой в один километр фронта наступала 11-я стрелковая дивизия. 24 января – 285-я стрелковая дивизия, потом другие части, номера которых даже не старались запомнить. К 11 февраля 54-я армия на этом участке фронта продвинулись вперед на... 700 м.

В результате январских боев войска 54-й армии Ленинградского фронта имели незначительные успехи. Они вышли на фронт Пушечная, Лодва, станция Малукса, далее по железной дороге до станции Погостье, Посадников Остров, поселок Новые Кириши. Столь же ограниченными были и успехи Волховского фронта. За 15 дней его 59-я и 2-я ударная армии смогли продвинуться на 4–7 км. Фронт израсходовал вторые эшелоны армий, и развивать дальнейшее наступление было нечем. Войска понесли большие потери, многие дивизии и бригады надо было выводить в резерв и пополнять. Танковые батальоны остались без танков, артиллерия израсходовала все боеприпасы. Таким образом, результаты пятнадцатидневного наступления были малоутешительными. Ситуация к лучшему не изменилась ни в феврале, ни в марте.

Ответ на вопрос, почему не получилось, почему все провалилось, удалось найти не у маршалов и генералов, а в рассказе солдата-пехотинца Николая Николаевича Никулина: «У станции Погостье начиналась так называемая Любанская операция. Наши войска, 54-я армия, должны были прорвать фронт, продвинуться до железнодорожной станции Любань и соединиться там со Второй ударной армией, наступавшей от Мясного Бора на Волхове. Предполагалось, что немецкая группировка под Ленинградом будет расчленена и уничтожена, блокада снята. Что из этого замысла получилось – известно.

...В армейской жизни под Погостьем сложился между тем своеобразный ритм. Ночью подходило пополнение – тысяча, две, три тысячи человек. То моряки, то маршевые роты из Сибири, то блокадники. Их переправляли по замерзшему Ладожскому озеру. Утром, после редкой артподготовки они шли в атаку. Двигались черепашьям шагом, пробивая в глубоком снегу траншеи. Да и сил было мало, особенно у ленинградцев. Снег стоял выше пояса, убитые не падали, застревая в сугробе. Трупы засыпали свежим снежком. На другой день была новая атака.

О неудачах под Погостьем, об их причинах, отсутствии взаимодействия частей и родов войск уже написано. Шедшие здесь бои были в какой-то мере типичны для всего русско-немецкого фронта 1942 г. Везде происходило нечто подобное – и на севере, и на юге, и под Ржевом, и под Старой Руссой.

Уже притупились тоска и отчаяние, которые пришлось тогда пережить. Передать это отчаяние сейчас невозможно. И поймет его лишь тот, кто на себе испытал необходимость просто встать и идти умирать. Погибать, когда у тебя вся жизнь впереди и тебе всего семнадцать. И умереть придется без оркестра и речей, в грязи и смраде. Смерти твоей никто и не заметит. Ляжешь в груды тел у железной дороги и сгинешь, забытый всеми в липкой жиже погостинских болот.

И все-таки Погостье мы взяли: сначала станцию, потом деревню. Вернее места, где все это когда-то было. Пришла дивизия вятских мужичков, низкорослых, кривоногих, жилистых, скуластых. Ползли они на немецкие дзоты, выкурили немцев и продвинулись метров на пятьсот. По их телам в прорыв бросили стрелковый корпус. Но перед ним встали новые укрепления.

Много убитых видел я на войне, но такого зрелища, как в Погостье зимой 1942 г., видеть больше не довелось. Мертвыми телами был забит не только переезд, они валялись повсюду.

Морской пехотинец был сражен в момент броска гранаты – так и замерз... Потом, как памятник, возвышался со вскинутой рукой над заснеженным полем боя. Другой боец, уже раненый, стал перевязывать себе ногу и был убит. Так и застыл навсегда. Бинт в его руках всю зиму трепетал на ветру.

Штабеля трупов у железной дороги выглядели зимой как заснеженные холмики, и были видны лишь тела, лежащие сверху. Позже, весной, когда снег растаял, открылось все, что было внизу. У самой земли лежали убитые в летнем обмундировании, в гимнастерках и ботинках. Это были жертвы осенних боев 1941 г. На них рядами лежали морские пехотинцы в бушлатах и широких брюках «клевш». Еще выше – сибиряки в полушубках и валенках, шедшие в атаку в январе–феврале 1942-го. Потом – политбойцы в ватниках и тряпичных шапках (такие шапки давали в блокадном Ленинграде).

Здесь смешались трупы солдат многих дивизий, атаковавших железнодорожное полотно в первые месяцы сорок второго года. «Диаграмма наших успехов». Эти картины отпечатались в моем сознании навсегда. Всю жизнь меня преследует один сон: горы трупов у той железнодорожной насыпи. Самое страшное, что этот сон продолжает оставаться явью. Говорят, война не закончена, пока не будет похоронен каждый павший на ней солдат»²⁹. У Погостья до сих пор лежат неприбранные жертвы бойни 1942 г.

Так воевал в 1942 г. командующий 54-й армией генерал-майор И.И. Федюнинский и другие генералы Красной Армии. Под Погостьем сложили головы многие ленинградцы, которыми пополняли обескровленные полки. 6 февраля во время наступательных боев звание Героя Советского Союза было присвоено разведчику и снайперу 201-й разведроты 311-й стрелковой дивизии Александру Калинину, который уничтожил в осенних и зимних боях 115 фашистских солдат и офицеров.

Военный корреспондент ТАСС Павел Лукницкий побывал в армии Федюнинского в начале февраля 1942 г. Вот как он описывал события под Погостьем: «...на передовых, в районе станции Погостье и вдоль железной дороги, идет денно и ночью бой, затяжной, пока не слишком напряженный, – идет штурм немецких позиций. По ним бьет артиллерия, в том числе быстро меняющие свои позиции, удручающе действующие на немецкие батареи «Марусь» (так называли тогда «катюши»). Долбят штыком и гранатой вражеские блиндажи пехотинцы. Ходят в тыл к немцам лыжники...

Мы ждем начала решительного наступления!»³⁰

Под Погостьем занимал позиции и 883-й арtpолк майора К.А. Седаша. В январе генерального наступления не получилось, а в феврале оно провалилось. Хотели сделать боевой подарок к 23 февраля – Дню Красной Армии – разгромить Любанскую группировку противника, но продвинулись вперед всего еще на... несколько сот метров. Немцы сидели в дзотах в восемь накатов, которые выдерживали тяжелые танки КВ и прямые попадания снарядов арtpолка майора Седаша. Глубина обороны немецкой дивизии, оборонявшей Погостье, доходила до семи километров.

28 февраля Ставка Верховного Главнокомандования уточнила задачи 2-й ударной армии Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта. Эти армии должны были наступать навстречу друг другу и соединиться в Любани с целью окружения и уничтожения любань-чудовской группировки, а по выполнению этой задачи наступать на Тосно и Сиверскую с целью ликвидации мгинской группировки и снятия блокады с Ленинграда³¹.

И.В. Сталина не ввели в заблуждение бодрые доклады К.А. Мерецкова и М.С. Хозина о мнимых успехах Волховского и Ленинградского фронтов. В Москве начинали понимать, что первоначальный план разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом провалился. К.А. Мерецков не справился с исторической задачей, которую ставил перед ним Верховный Главнокомандующий, – освобождение Ленинграда от вражеской блокады. Не с лучшей стороны показал себя и М.С. Хозин. И.В. Сталин стал готовить им замену. В начале марта он направил в Ленинград и на Волховский фронт героев битвы за Москву генерала Л.А. Говорова и А.А. Власова, которые во время разгрома немецко-фашистских войск командовали 5-й и 20-й армиями. Оба, по мнению Верховного Главнокомандующего, показали себя талантливыми полководцами, умеющими наступать и бить врага. Именно таких командующих не хватало в Ленинграде и на Волхове. В журнале посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете отмечено, что накануне поездки на Волховский фронт, 8 марта 1942 г., А.А. Власов встречался с Верховным Главнокомандующим. Он вошел к Сталину вместе с начальником Генерального штаба Б.М. Шапошниковым, первым заместителем начальника Генерального штаба А.М. Василевским, командующим ВВС Красной Армии П.Ф. Жигаревым, заместителем командующего ВВС А.А. Новиковым и командующим дальней авиацией А.Е. Головановым³². Беседа продолжалась 1 час 50 минут. На ней присутствовали К.Е. Ворошилов,

В.М. Молотов, Л.П. Берия и Г.М. Маленков. Все говорило о предстоящем назначении А.А. Власова на место К.А. Мерецкова. Его направили в штаб Волховского фронта, который находился в Малой Вишере, вместе с Ворошиловым, Маленковым и Новиковым – лицами, облеченными чрезвычайными полномочиями. Мерецковым представили нового заместителя командующего Волховским фронтом генерал-лейтенанта А.А. Власова. Ему давали возможность присмотреться к ситуации, разобраться в причинах неудач, познакомиться с командирами соединений. А.А. Власов направлялся на Волховский фронт для «применения опыта подмосковной победы». Существует запись телефонного разговора Власова со Сталиным, в котором он просил оставить его в должности заместителя, так как у Мерецкова – большой опыт ведения боевых действий в лесисто-болотистой местности. Когда 16 апреля тяжело заболел командарм 2-й ударной армии Н.К. Клыков, Власов находился в штабе армии, куда его направил Мерецков, чтобы разобраться в обстановке. По предложению членов Военного совета армии командующий Волховским фронтом назначил его командовать армией вместо в срочном порядке эвакуированного командарма Клыкова. 20 апреля последовала директива Ставки ВГК № 170282, в которой говорилось: «Ставка Верховного Главнокомандования утвердила назначение заместителя командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенанта Власова командующим 2-й Ударной армией по совместительству»³³. По поручению Ставки Верховного Главнокомандования директиву подписал начальник Генерального штаба Б. Шапошников.

В мартовские дни тревога за судьбу Ленинграда заставила партийных руководителей А.А. Жданова и А.А. Кузнецова обратиться к командующему Ленинградским фронтом М.С. Хозину с письмом. В нем они писали: «Наша центральная задача заключается в том, чтобы снять блокаду с Ленинграда до начала весенней распутицы, ибо оставить Ленинград на скудном продовольствии и без топлива – это значит подвергнуть его новым тяжелым испытаниям, к которым могут присоединиться также эпидемические заболевания. Все это вместе взятое неизбежно отразится на состоянии войск ленинградского обвода»³⁴. А.А. Жданов и А.А. Кузнецов требовали от командующего решительных действий на фронте по деблокаде Ленинграда.

В ответном письме «О ходе и перспективах Любанской операции» от 13 марта 1942 г. командующий Ленинградским

фронтом М.С. Хозин подробно описал обстановку, которая в то время была в 54-й армии: «Боевые действия 54-й А, развернувшиеся на фронте с 9 по 12.3, показали: а) из трех танковых бригад (16, 122, 124-я) 122-я и 124-я фактически выбыли из строя, и для их восстановления нужно от 5 до 10 дней, при условии если в ближайшие дни поступят моторы и другие запасные части. Отсутствие танков на четвертый день боя резко снизило эффективность наступления нашей пехоты, в частности 11, 198 и 281-й сд, которые уже 11 и 12.3 не могли выполнить своих задач. Главная причина заключается в том, что противник оказывает упорное сопротивление, насытил свои боевые порядки большим количеством огневых средств на небольших участках, что подтверждается десятками захваченных у противника ручных и станковых пулеметов, автоматов и орудий. Следовательно, огневая насыщенность противника очень высока, и недооценивать этого факта мы не можем; б) состояние наших стрелковых дивизий по состоянию на 11.3 выглядит следующим образом: 11-я сд – 312; 80-я сд – 470; 177-я сд – 517; 198-я сд – 2113; 281-я сд – 1469; 285-я – 625; 294-я сд – 1503; 311-я сд – 542; 115-я сд – 745 и 6-я морская бригада – 981. Все в активных штыках. У нас нет стрелковых дивизий, которые по своей общей численности превышали 5600 человек. В результате проведенных боев эти цифры 13.3 значительно снизились. К исходу 11.3 обстановка на фронте 54-й А в результате малочисленности стрелковых дивизий слагалась таким образом, что уже намечалась пауза в наших активных действиях для влияния пополнения и освоения его»³⁵.

Из этого письма видно, что в предыдущих боях дивизии 54-й армии были обескровлены. В некоторых из них активных штыков было меньше, чем в батальоне. Но Ставка требовала продолжения операции, и дивизии вновь и вновь безуспешно штурмовали хорошо укрепленные позиции немецких войск.

В начале апреля 1942 г. 1-й горнострелковой бригаде, 80-й стрелковой дивизии и другим частям 54-й армии предстояло наступать в направлении на Веняголово. После февральских боев за Погостье танков в частях практически не было. В 107-м отдельном танковом батальоне машин не было совсем. Командир майор Б.А. Шалимов и танкисты решили искать немецкие подбитые машины в лесах у Погостья, восстанавливать их и использовать в борьбе с захватчиками. Из-под носа у немцев было вытащено несколько машин, которые после ремонта составили костяк танкового батальона. Из девяти восстановленных немецких средних танков Т-3 в батальоне была

сформирована третья рота под командованием старшего лейтенанта Дудина³⁶. Командиром одного из танков стал старший сержант Николай Иванович Барышев, который принимал непосредственное участие в поисках и эвакуации с переднего края подбитых немецких танков. Это не единственный случай, когда бойцы пополняли материальную часть подразделений за счет трофейной техники. В мемуарах командующий 54-й армией И.И. Федюнинский признавался: «Анализируя наступление 54-й армии, должен признать, что я как командующий, командиры дивизий и бригад допустили тогда немало ошибок. Если бы их не было, операция привела бы к иным результатам. Это убедительно подтвердилось год спустя, когда советские войска успешно прорвали блокаду Ленинграда»³⁷.

Еще в конце января 1942 г. стало очевидно, что наметившаяся решением Ставки от 17 декабря 1941 г. большая операция по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом в силу сложившейся обстановки превратилась в ограниченную, Любанскую. Но и она имела для Ленинграда важное значение. Командование группы армий «Север» вынуждено было снимать боевые части из-под Ленинграда и бросать их в бой на опасном направлении, ослаблять натиск на коммуникации, снабжающие блокированный город. Именно поэтому Ставка в течение марта и первых дней апреля настойчиво добивалась от Волховского и Ленинградского фронтов выполнения задач этой операции³⁸. С 10 по 20 марта в интересах этой операции были организованы массированные удары авиации Волховского и Ленинградского фронтов, дальнего действия и Резерва Верховного Главнокомандования по боевым порядкам противника перед 4, 59, 2-й ударной, 52-й армиями, а также по шоссе и железным дорогам в тылу противника с целью помешать перегруппировке войск, который готовились нанести удар по советским армиям³⁹.

В преддверии весны по решению Военного совета фронта началось строительство узкоколейной железной дороги от Новой Керести к Мясному Бору для подвоза продовольствия и вывоза раненых⁴⁰. На немецких топографических картах она называлась «Росчисть Эрика». Строили ее армейские и фронтовые автодорожные батальоны. Узкоколейка находилась в зоне поражения артиллерийского огня противника, постоянно подвергалась налетам немецкой авиации.

В марте 1942 г. войска 54-й армии прорвали оборону противника в районе Шалы и продвинулись на 20 км к югу в направлении Любани, очистили от противника укрепленное Погостье,

захватили крупные населенные пункты и узлы сопротивления на подступах к Любани – Кондую, Смердыню, Кородыню. Однако к концу марта ее соединения были остановлены на рубеже реки Тигода подошедшими новыми крупными оперативными резервами противника.

Войска 2-й ударной армии к середине марта глубоко вклинились в оборону противника и захватили большой лесисто-болотистый район между железными дорогами Чудово – Новгород и Ленинград – Новгород. О том, какие трудности испытывали в этих местах советские воины, рассказал в своих воспоминаниях бывший командир комендантской роты штаба 191-й стрелковой дивизии И.С. Осипов: «Была поставлена задача: форсированным шагом скрытно пройти по глубокому снегу в направлении железнодорожной станции и п. Померанье и с ходу овладеть ими, перерезав шоссейную и железную дороги Чудово–Любань. Политработники провели в частях и подразделениях митинги, на которых разъяснили стоящую перед нами задачу. После четырехмесячных непрерывных боев численность стрелковых рот не превышала 30–50 человек. К моменту перехода в тыл противника части и подразделения не были обеспечены ни продовольствием, ни боеприпасами. Выдали нам сухарей по 3–5 штук на человека и столько же кусочков сахара. Боеприпасов вообще не выдавали. Обеспеченность была только тем, что у кого осталось, в среднем по 5–7 штук патронов на винтовку, по одному диску на ручной пулемет и на автомат. Ручных пулеметов и автоматов в частях было очень мало, а станковых вообще не было. В стрелковых частях не было даже одной гранаты на бойца»⁴¹. Померанская операция еще в самом начале была обречена на неудачу. Командир 191-й стрелковой дивизии полковник А.И. Старунин доказывал командующему группой генералу П.Ф. Привалову невозможность проведения наступательной операции, имея в ротах по 30–50 стрелков, с ничтожным запасом продовольствия и боеприпасов. Однако эти доводы не были приняты во внимание. Под Помераньем 191-я стрелковая дивизия не была поддержана частями армии, оказалась в окружении. Управление полками со стороны командования было потеряно. Только одному понесшему большие потери полку под командованием капитана Месняева и небольшой группе бойцов из комендантской роты Осипова удалось пробиться к своим. Остальные части дивизии вместе с командиром погибли в окружении.

Немецкое командование видело угрозу, которая нависла над 1-м армейским корпусом с выходом советских войск

к Любани, в соединении наступающих навстречу друг другу 2-й ударной и 54-й армий. Несмотря на непрерывные кровопролитные бои 126-й пехотной дивизии удалось удержать фланги и ключевые пункты на более чем 30-километровом участке прорыва под яростным натиском советских боевых групп. Герой Шлиссельбурга полковник Гарри Гоппе со своим 424-м полком 126-й пехотной дивизии сделал все возможное для создания новой основной линии обороны на южной оконечности прорыва. На севере фронт удерживала 215-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Кнайса. Советским войскам не удалось сломить оборону защитников опорных пунктов Мостки, Спасская Полисть и Земтицы. Бригада Кехлинга не сдавала позиции на этом участке фронта в течение нескольких недель. 59-й армии в районе Спасской Полисти, несмотря на непрерывные атаки и большие жертвы, не удалось расширить коридор наступления. Командование группы армий «Север» перебросило в район прорыва из-под Ленинграда 58-ю пехотную дивизию. Она совершила двухсоткилометровый марш и приготовилась к атаке советских позиций. Немецкие части завершили приготовления к наступлению в районе основания прорыва к 15 марта. Они бросили в наступление 220-й полк 58-й пехотной дивизии и группу трофейных советских танков. Атака была отбита. Самолеты-штурмовики и бомбардировщики 1-го авиакорпуса нанесли по советским позициям мощные удары. Но и после налетов все атаки немцев на этом участке фронта были отбиты. Западнее предприняли наступление 209-й и 154-й полки. Здесь противнику удалось потеснить части 372-й стрелковой дивизии полковника Д.С. Сорокина, которая обеспечивала защиту коммуникаций 2-й ударной армии. Ей на помощь пришли сформированные из бойцов 305-й стрелковой дивизии два немногочисленных отряда.

На участке 52-й армии враг крупными силами начал наступление на позиции 65-й стрелковой дивизии. В результате встречных ударов с севера и юга противнику удалось закрыть горловину, через которую шло снабжение 2-й ударной армии. 19 марта в 16 часов 45 минут передовые части 2-го батальона 209-го полка 58-й пехотной дивизии и штурмовые отряды полицейской дивизии СС встретились в районе, который они называли «Росчисть Эрика», в четырех километрах западнее Мясного Бора. Попытки советских войск восстановить «коридор» были отбиты. Окружение 2-й ударной армии стало первым звеном в цепи трагических событий. В Ставке ВГК не хотели верить в бедственное положение 2-й ударной армии, которая

была на пороге победы. И.В. Сталин приказал К.А. Мерецкову выехать в войска и лично организовать прорыв.

Командующий Волховским фронтом этот приказ выполнил. Для атак позиций противника были брошены имеющиеся в его распоряжении части, весь состав курсов младших лейтенантов и учебная рота младших командиров. «Мне довелось многое повидать за годы войны. И вот сейчас, перебирая в памяти увиденное, полагаю, что те недели были для меня самыми трудными. По накалу событий, по нервному напряжению, им сопутствующему, вряд ли можно их с чем-либо сравнить»⁴². Огромными усилиями советским войскам удалось пробить узкий коридор шириной в километр, который насквозь простреливался немецкими пулеметами. Однако в Ставку было доложено, что связь со 2-й ударной армией восстановлена. В действительности освобожденный от немцев коридор тянулся по болотам, пройти по которым было почти невозможно. Но бойцы шли, неся на себе в окруженную армию продовольствие и боеприпасы.

В журнале боевых действий 18-й армии появилась запись: «27 марта русские прорвали отсеченный фронт»⁴³. Это было достигнуто ценой огромных потерь. В марте они составили 40679 человек⁴⁴.

В апреле на фронте началась большая реорганизация. 23 апреля 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования решила объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый Ленинградский под командованием генерал-лейтенанта М.С. Хозина. Было создано две группы войск: ленинградского и волховского направления. Это была инициатива командующего Ленинградским фронтом. В большой статье «Об одной малоисследованной операции», опубликованной в «Военно-историческом журнале» в 1966 г., генерал-полковник М.С. Хозин так описывал случившееся: «21 апреля 1942 г. меня пригласили в Ставку. Причиной вызова явилось то, что я неоднократно в разговорах по прямому проводу с ответственными лицами Ставки высказывал претензии по поводу того, что операция по снятию блокады с Ленинграда между Ленинградским и Волховским фронтами идет несогласованно, разрозненно, что прогивник, пользуясь этим, легко парирует наши удары. Я просил, чтобы Ставка более централизованно руководила Ленинградским и Волховским фронтами, направляя их усилия на решения главной задачи, и не только организовывала взаимодействие между фронтами, но и своевременно питала фронты людскими и материальными ресурсами. В итоге моего доклада

в присутствии Б.М. Шапошникова, А.М. Василевского и некоторых членов ГКО И.В. Сталин предложил в целях лучшего взаимодействия войск объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый фронт. Такое предложение явилось неожиданным не только для меня, но, как я понял, и для других присутствующих»⁴⁵. Все правильно было написано в статье М.С. Хозина о несогласованности действий фронтов, о недостаточном внимании со стороны Ставки в части пополнения соединений Ленинградского и Волховского фронтов людскими и материальными ресурсами. Но надо отметить, что генералы сами бездарно растрачивали эти ресурсы, не могли сконцентрировать усилия на решения главной задачи – прорыва блокады Ленинграда. В результате обсуждения ситуации на Ленинградском и Волховском фронтах, которая продолжалась в кремлевском кабинете И.В. Сталина более шести часов, была подписана директива Ставки ГВК следующего содержания:

«1. С 24 часов 23 апреля 1942 г. объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый – Ленинградский фронт в составе двух групп:

а) группы войск ленинградского направления (23, 42, 55-я армии, Приморская и Невская группа войск);

б) группы войск волховского направления (8, 54, 4, 2-я ударная, 59-я и 52-я армии, 4-й и 6-й гвардейские корпуса и 13-й кавалерийский корпус).

5. Командующим Ленинградским фронтом назначить генерал-лейтенанта Хозина, возложить на него и командование группой войск волховского направления».

Как утверждает М.С. Хозин, ему было приказано разработать план вывода 2-й ударной армии из окружения, в котором она в то время оказалась. Странно, что никто не поинтересовался мнением командующего фронтом К.А. Мерецкова. И.В. Сталин игнорировал его как человека, который не оправдал надежд, не выполнил ту историческую миссию, которая была на него возложена. Безусловно, определяющую роль при назначении Хозина сыграли не только его доклады в Ставку о скверном положении дел с прорывом блокады Ленинграда, но и то, что Мерецков провел два долгих месяца в тюрьме НКВД.

Командующий фронтом генерал М.С. Хозин, ознакомившись с обстановкой, пришел к выводу, что ни о каком наступлении не может быть речи. Требовалось срочное пополнение обесиленных дивизий людьми, усиление войск средствами противовоздушной обороны. Катастрофически не хватало авиации, танков, артиллерии. Штык и в редких случаях граната

оставались основными средствами, которыми пытались прорвать оборону противника. Генерала армии К.А. Мерецкова назначили заместителем главнокомандующего войсками Западного направления.

Обстановка в зоне боевых действий оставалась очень тяжелой. 2-я ударная и часть соединений 59-й армии, которые вели борьбу с противником, занимавшим выступ у Спасской Полисти с западной стороны, фактически находились в окружении. Отрезанными от основных сил фронта оказались 4, 19 и 24-я гвардейские дивизии, 378, 267, 259, 191, 46, 327, 328, 305-я стрелковые дивизии, 13-й кавалерийский корпус в составе 25, 80-й и 87-й кавдивизий, 22, 25, 53, 57 и 59-я отдельные стрелковые бригады.

В результате изнурительных боев, которые практически непрерывно продолжались три с половиной месяца, войска 2-й ударной и 59-й армий морально устали, понесли большие потери. Многие соединения имели недокомплект в живой силе до 70 процентов. Танковые бригады и отдельные танковые батальоны остались без танков, артиллерия – без боеприпасов. Этим и объясняется тот факт, что соединения 59-й армии не смогли ликвидировать выступ у Спасской Полисти, который обороняла 61-я пехотная дивизия противника. Это была та самая дивизия, которую сильно потрепали советские войска во время освобождения Тихвина. Немцы извлекли урок из поражения и старались сделать все, чтобы не допустить прорыва на своем участке фронта. При отражении атак советских войск они отличались дисциплинированностью, слаженностью во взаимодействии пехоты, артиллерии и авиации, умелым управлением не только полками и батальонами, но и более мелкими подразделениями. Большие потери не сломили дух немецких солдат. Каждый из них хорошо понимал, что именно от него зависит судьба 18-й армии. Немецкое командование, прочно владея районом Спасской Полисти и выступом юго-западнее этого пункта, а также районом Любцы, все время угрожало прорвать проход шириной 1,5–2 км в районе Мясного Бора.

С наступлением весны все дороги сделались непроходимыми. В лучшем случае окруженным войскам продовольствие и боеприпасы доставлялись на конных повозках, но чаще все грузы несли на руках. Их было так мало, что приходилось учитывать каждый снаряд, обойму и сухарь. Бойцы в окружении голодали, лошади гибли без фуража, орудия молчали из-за отсутствия боеприпасов. Командующий Ленинградским фронтом М.С. Хозин доложил в Ставку, что пока не удастся освободить Спасскую

Полисть, восстановить нормальные коммуникации 2-й ударной армии, всякое развитие операции на Любань будет сдерживаться оглядкой на узкий проход между Спасской Полистью и Мясным Бором.

30 апреля Военный совет фронта приказал 2-й ударной армии перейти к обороне. Началась подготовка к выводу из «мешка» некоторых окруженных частей. Итоги первого этапа, как его называли немцы, Волховского сражения были наглядным свидетельством героизма советских солдат и порочности системы, которая отправляла их на верную смерть. В результате боев во время Любанской наступательной операции с 7 января по 30 апреля 1942 г. советские войска потеряли убитыми, пленными и пропавшими без вести 95064 человека. Санитарные потери составили 213303 человека. На начало операции численность войск составляла 325700 человек⁴⁶. Нетрудно подсчитать, что на 30 апреля общие потери соединений, участвующих в Любанской наступательной операции, составили 308367 человек⁴⁷.

К лету 1942 г. полной неудачей закончилась попытка войск Волховского и Ленинградского фронтов снять блокаду Ленинграда, окружить и уничтожить любанско-чудовскую группировку противника. На начальном этапе сражения 2-я ударная и 54-я армии после тяжелых кровопролитных боев сумели захватить инициативу и создать угрозу окружения немецко-фашистских войск группы армий «Север» в районе Любани. Вместе с тем вырвавшиеся далеко вперед войска 2-й ударной армии со всех сторон охватывались противником и поддерживали связь со своим тылом только через узкую горловину в районе Спасской Полисти и Мясного Бора. Ее непрерывно атаковал враг, то и дело создавая угрозу перехвата основной коммуникации, по которой снабжались советские войска.

Немецкое командование, планируя на лето 1942 г. главный удар на юге, не оставляло мысли подготовить и провести операцию по захвату Ленинграда и Кронштадта, уничтожить Краснознаменный Балтийский флот и соединиться с финнами⁴⁸. Это было и оставалось главной задачей немецкой группы армий «Север» в 1942 г. Однако в связи с ограниченным количеством сил и хроническим недостатком резервов верховное командование вермахта намечало начать эту операцию только после устранения угрозы со стороны советской группировки в районе Любани.

Войска Ленинградского фронта под командованием генерал-лейтенанта М.С. Хозина оборонялись на огромном участке

советско-германского фронта от Карельского перешейка, ближних юго-западных и южных подступах к Ленинграду и далее от южного побережья Ладожского озера до озера Ильмень. Особенность их положения состояла в том, что группа армий внутри блокадного кольца (Ленинградская) не имела сухопутных сообщений со страной, другая (Волховская) воевала в лесисто-болотистой местности севернее Новгорода. 54-я армия, сильно ослабленная в предыдущих боях, решала самостоятельную задачу в районе Погостья. Все это затрудняло управление войсками фронта, создавало много организационных неурядиц, которые мешали оперативно принимать решения в сложной боевой обстановке. Командующий фронтом М.С. Хозин находился со штабом за Волховом в Малой Вишере. Члены Военного совета фронта А.А. Жданов и А.А. Кузнецов решали вопросы обороны в Ленинграде. Как отмечал маршал А.М. Василевский, «очень скоро выяснилось, что руководить девятью армиями, тремя отдельными корпусами и двумя группами войск, разделенными оккупированной врагом зоной, необычайно трудно. Решение Ставки о ликвидации Волховского фронта таким образом, оказалось ошибочным»⁴⁹. Однако до этого понимания пройдет достаточно много времени, что, безусловно, сказалось на трагической судьбе 2-й ударной армии.

2 мая 1942 г. военный совет Ленинградского фронта представил в Ставку предложения по проведению операций на волховском направлении. Отмечалось, что «основная задача войск фронта – освобождение Ленинграда от блокады – будет выполняться путем проведения последовательных наступательных фронтовых операций»⁵⁰. При этом не было учтено положение 2-й ударной армии, бойцы которой испытывали острый недостаток в продовольствии и боеприпасах. Решение Военного совета Ленинградского фронта по проведению наступательных операций в районе Любани было нереальным ввиду переоценки своих возможностей и недооценки сил противника. Фронт не располагал необходимыми силами и средствами для осуществления задуманного. Но это не мешало командованию настойчиво добиваться от соединений 2-й ударной армии проведения наступательных операций. Отсутствие трезвого анализа обстановки и состояния войск, которые устали от тяжелых непрерывных боев, не позволило командующему Ленинградским фронтом М.С. Хозину проявить полководческую дальновидность и принять правильное решение в отношении 2-й ударной армии. В Москве более взвешенно подошли к перспективам развития наступательных операций с целью

освобождения Ленинграда от блокады. Ставка, утверждая план дальнейших действий фронта, потребовала от М.С. Хозина с 13 мая начать отвод войск 2-й ударной армии из района Любани на рубеж реки Волхов, чтобы встречными ударами 2-й ударной и 59-й армий разгромить группировки противника, действовавшего на северном краю коридора в районе Спасской Полисти. По выполнению поставленной задачи войска 2-й ударной армии должны были сосредоточиться в районе Мясного Бора, с тем чтобы прочно закрепить за собой совместно с 59-й и 52-й армиями Октябрьскую железную дорогу, шоссе Ленинград – Москва, а также плацдармы на западном берегу реки Волхов⁵¹.

К маю 1942 г. командование Ленинградского фронта выработало план дальнейших действий на любанском направлении и готовилось к их осуществлению. Боевые действия войск Ленинградского фронта, а с 8 июня 1942 г. и вновь восстановленного Волховского фронта, проведенные в период с 15 мая по 29 июня на любанском направлении, составили основное содержание Любанской оборонительной операции. К ее началу и без того трагическое положение 2-й ударной армии усугубилось целым рядом негативных обстоятельств. Командованию группы армий «Север» удалось подтянуть резервы и увеличить группировку войск, действовавшую против 2-й ударной армии, до 10 дивизий⁵². Соединения 2-й ударной армии понесли большие потери в предыдущих боях. Многие дивизии и бригады «насытились» по 800–1000 человек, а численность некоторых стрелковых полков не превышала 100–500 человек. Личный состав испытывал большие трудности с продовольствием, материально-техническим обеспечением. Имели место случаи смертности бойцов и командиров от голода, зафиксированы факты измены Родине и перехода на сторону противника⁵³.

При выполнении приказа Ставки от 13 мая 1942 г. об отводе 2-й ударной армии из оперативного мешка командующий фронтом М.С. Хозин допустил неоправданную медлительность. Им также не были предприняты решительные меры по разгрому противника в районе Спасской Полисти, созданию нормальных условий для вывода армии из окружения. В докладной записке начальника особого отдела Волховского фронта старшего майора госбезопасности Д.И. Мельникова заместителю наркома внутренних дел комиссару госбезопасности 3-го ранга В.С. Абакумову о срыве боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из вражеского окружения говорилось: «Окружение 2-й ударной армии... противнику удалось произвести только из-за преступного халатного отношения командующего фронтом

генерал-лейтенанта Хозина, не обеспечившего выполнение директивы Ставки о своевременном отводе войск армии из-под Любани и организации боевых операций в районе Спасской Полисти»⁵⁴.

13 мая член Военного совета 2-й ударной армии дивизионный комиссар И.В. Зуев вылетел в Малую Вишеру и доложил генералу М.С. Хозину о тяжелейшем положении армии. Он вернулся с приказом об отводе войск к Мясному Бору. Одновременно Военный совет Ленинградского фронта по настоянию А.А. Жданова принял решение об эвакуации вместе с отходящими войсками местного населения. Это обрекло на гибель тысячи стариков, женщин и детей, которые были вынуждены покинуть свои дома и под непрерывными бомбежками, артиллерийскими обстрелами, не имея запасов продовольствия, вместе с частями армии пробиваться к Мясному Бору. 15 мая противник нанес удар южнее Любани и несколько оттеснил войска 2-й ударной армии. К 16 мая, когда дороги и колонные пути, то есть тропы, подсохли, из «мешка» вывели все, что осталось от 13-го кавалерийского корпуса, 24-й и 58-й стрелковых бригад, 4-й и 24-й гвардейских дивизий, 378-й стрелковой дивизии, 7-й гвардейской и 29-й танковых бригад. Начали подготовку к отходу и другие окруженные части.

Только 21 мая штаб фронта получил директиву на вывод 2-й ударной армии из окружения. В ней говорилось:

1. Ближайшими задачами для войск Волховской группы Ленинградского фронта иметь:

а) прочную оборону на фронте 54-й и 8-й армий с тем, чтобы не допустить прорыва противника со стороны Мги на Волхов;

б) не позднее 1 июня 1942 г. очистить от противника восточный берег реки Волхов в районе Кириши, Грузино. Подготовка этих операций и обеспечение их в огневом отношении взять лично на себя;

в) отвод войск 2-й ударной армии с тем, чтобы, прочно прикрывшись на рубеже Ольховское, оз. Тигода с запада, ударом главных сил 2-й ударной армии с запада, с одновременным ударом 59-й армии с востока уничтожить противника в выступе Приютино, Спасская Полисть...

2. По ликвидации противника в районе Кириши, Грузино и в выступе Приютино, Спасская Полисть основными задачами войск волховской группы иметь:

а) силами 54-й и 8-й армий прикрытие мгинского и любанского направлений, не допустить удара противника на Волхов и далее на Лодейное Поле;

б) силами 4-й армии прочную оборону непосредственно на восточном берегу реки Волхов на участке Кириши, Грузино, не допустить попыток противника форсировать реку Волхов и нанести удар в направлении Будогощ, Тихвин;

в) силами 59-й, 2-й ударной армий и правым крылом 52-й армии прочно обеспечить за собой плацдарм на западном берегу реки Волхов в районе Спасская Полисть, Мясной Бор, Земтицы, ленинградские железную дорогу и шоссе с тем, чтобы не допустить соединения по этим дорогам новгородской и чудовской группировок противника и восстановления железной дороги Новгород–Ленинград...⁵⁵

По этой директиве все войска Волховского фронта переходили к обороне. Последовала еще одна реорганизация в управлении войсками. Волховская группа войск была разделена на две: Ладожскую – в составе 54-й и 8-й армий на фронте от Ладожского озера до реки Волхов у населенного пункта Кириши и Волховскую – в составе 4, 59, 2-й ударной и 52-й армий на фронте Кириши, Грузино, Спасская Полисть, Земтицы и далее по реке Волхов до озера Ильмень. Военный совет и штаб Ленинградского фронта от непосредственного командования войсками Волховской группы освобождались. Тем самым Ставка частично пыталась исправить свою ошибку по соединению Волховского и Ленинградского фронтов, нацелить командование Волховской группы войск на решение проблем попавших в окружение частей 2-й ударной и 59-й армий.

23 мая, создав двойное превосходство в силах, немецкое командование одновременно нанесло три удара: первый – из района юго-западнее Любани на юг, второй – из района северо-восточнее Оредежа (15 км южнее станции Чолово) на север; третий – из района Спасской Полисти на юг. Соединения 2-й ударной армии мужественно отражали атаки немецких войск. В трудной ситуации непрерывного сражения командующий армией А.А. Власов не сумел в полной мере контролировать ситуацию.

Начальник связи 2-й ударной армии генерал-майор А.В. Афанасьев так описывал события в донесении Военному совету фронта 26 июля: «В конце мая была получена директива о выходе 2-й ударной армии с рубежа Новая Деревня, Ручьи, Коровий Ручей, Красная Горка, платформа Еглино, Веретье, Остров, Пашнино, Финев Луг, Глухая Кересть за реку Волхов. Был составлен полковником Виноградовым оперативный план по рубежам выхода 2-й ударной армии, который и стал по утверждению фронтом основой действий 2-й ударной

армии... Несмотря на все тяжелые условия оценки местности, истощение людского состава, отсутствия пополнения, но благодаря хорошему политико-моральному состоянию личного состава армии вся техника из болотистой местности была заблаговременно вывезена за Новую Кересть. Этим самым все соединения стали свободными и оперативно выполнять возложенные на них задачи»⁵⁶.

Армия еще была боеспособна и готовилась выполнять поставленную перед ней задачу. «Управление по всем рубежам было построено при наличии двух-трех запасных командных пунктов. При хорошо развитой постоянной сети телефонно-телеграфной линии последняя была двухпроводной системой, при наличии обходных линий, по фронту между стрелковыми дивизиями и бригадами. Это давало возможность командованию бесперебойно управлять войсками весь период выхода до реки Полисть. За это было награждено 52 связиста правительственными наградами»⁵⁷, – писал в донесении А.В. Афанасьев. Армия, по его словам, имела хорошую связь и устойчивое управление. «После тщательной подготовки соединений и проверки на местах для выполнения директивы о выходе на указанные в плане рубежи времени вполне было достаточно, чтобы из любого положения можно было уничтожить вражеские силы, откуда они бы не появились»⁵⁸, – считал генерал. В донесении А.В. Афанасьева много противоречий, несоответствий реалиям той обстановки, которая складывалась на фронте 2-й ударной армии. Это видно потому, что еще 24 мая за подписями командующего фронтом генерала М.С. Хозина, члена Военного совета А.И. Запорожца и начальника штаба Г.Д. Стельмаха был подписан приказ командующему 2-й ударной армией А.А. Власову об улучшении управления соединениями армии. В нем давались жесткие оценки действиям командарма: «Ваше поведение непонятно. Уже третий раз вами своевременно не доносится об оставлении населенных пунктов. Вы оставили КП без разрешения и потеряли управление войсками на железнодорожном направлении, где обстановка осложняется. Приказываю принять меры к планомерному выводу частей в соответствии с планом. Противника, пробравшегося в район Дубовик, ликвидировать, не допуская перехвата противником путей отвода войск армии»⁵⁹.

Массовый отход войск начался 24 мая. Части последовательно снимались с позиций и двигались к Новой Керести, далее к деревням Кречно и Мясной Бор. «Личный состав был измотан, выталкивая на себе материальную часть из болот

к узкоколейке и лежневой дороге. До этого в продолжении полтора месяцев армия находилась на голодном пайке. Никаких запасов боеприпасов и продовольствия в армии не имелось, так как подвоза не было из-за отсутствия горючего... На 30 мая на территории, занимаемой армией, находилось на платформах и в вагонах 1500 раненых, а 4500 человек гражданского населения в лесу в ожидании эвакуации»,⁶⁰ – докладывал на Военном совете Волховского фронта 5 июля начальник тыла 2-й ударной армии полковник С.Н. Кресик. Большинство из них погибли от бомбовых ударов и огневых налетов вражеской артиллерии. С занятием противником Новой Керести армия лишилась единственной площадки, где принимались доставленные самолетами продовольствие и боеприпасы.

На первом этапе по выходу из окружения 2-я ударная армия ценой огромных усилий отражала атаки противника и отходила на заранее определенные рубежи. В донесении А.В. Афанасьева подробно описаны последующие события. Противник медленно продвигался в глубь территории, которая до недавнего времени была под контролем советских соединений. Немцы через Веретье вышли на Дубовик и заняли этот населенный пункт. В результате взаимодействия сил 327-й и 382-й стрелковых дивизий, 59-й и 25-й стрелковых бригад противник был остановлен и понес большие потери. Части этих бригад из Большое Еглино вышли на намеченный рубеж отхода согласно плану. Советские части яростно отбивались от наседавших немцев, небольшими группами нападали на них с тыла, контратаковали с фронта. То же самое происходило на втором рубеже обороны: Ручьи, Радофинниково. Попытка противника занять Тигода–Червено успеха не имела. На третьем рубеже обороны немецкие войска тоже встретили упорное сопротивление советских войск. Силы прикрытия дали возможность сосредоточить ударную группировку, которая была нацелена на восток. В нее входили 22, 25, 57, 59-я стрелковые бригады, 46-я и 382-я стрелковые дивизии в районе реки Глушица. Здесь особую активность проявил противник, но благодаря хорошо налаженному управлению и наличию связи по фронту, организации взаимодействия между дивизиями и бригадами противник понес большие потери и успеха не имел. В этот период вся техника была сосредоточена близ реки Глушица, готовая к эвакуации согласно плану. Восточная группа начала наступление на восток во взаимодействии с 59-й армией. В этот период управление было построено с двух пунктов ВПУ, которые находились в двух километрах северо-западнее Новой

Керести, и КП, оборудованного в 2 километрах восточнее Кречено. Оперативную группу возглавлял генерал-майор П.Ф. Алферьев. На КП находилось командование 2-й ударной армии. Противник сосредоточил силы в районе деревень Ольховка, Финев Луг и Глухая Кересь. Командование армии приняло решение усилить передовые части, поставив под ружье связистов, артиллеристов, тыловиков. 1500 человек пополнили стрелковые части. Но это не решило исход дела. Противник продолжал наступление. Советские части оставили Ольховку, Финев Луг и Глухую Кересь и с боем отошли за реку Кересь. Здесь удержались недолго. Противник подтянул резервы, активизировал действия авиации по переднему краю обороны, дорогам и просекам, по которым отходили соединения 2-й ударной армии, нанес бомбовые удары по командному пункту армии. Противник с запада перешел реку Кересь и решительно повел наступление на стыке советских дивизий и просочился в глубь обороны, угрожая КП армии. В результате командиры штаба армии вынуждены были сосредоточиться в районе штаба 57-й стрелковой бригады между реками Глушица и Полисть, где находились с 23 по 24 июня. Противник вновь нанес удары авиацией по штабам войск. Военным советом армии было решено: с наступлением вторых эшелонов всему штабу армии «разбиться» по штабам бригад и дивизий и пробиваться вместе с ними на восток. Именно с этого момента штаб 2-й ударной армии перестал действовать как организующая и управляющая окруженными войсками сила. Небольшими группами командиры штаба армии разбрелись по лесам и болотам. С этого времени армия прекратила свое существование как организованная боевая единица. Все трудности по выходу из окружения легли на плечи инициативных, мужественных командиров, которые взяли на себя ответственность за судьбу полков и рядовых бойцов. Они с боем прорывались через немецкие позиции, отражали контратаки противника и выносили на руках раненых.

«С 20 по 29 июня вышло из окружения ходячих раненых 3,5–4 тысячи. Из боевых частей вышло 2500. Осталось приблизительно 32 тысячи. Всего на 20 июня армия имела 40 тысяч человек. Отошедшие части 52-й и 59-й армий после закрытия прохода составляли 12–15 тысяч человек, а всего на довольствии было 50–55 тысяч»⁶¹, – докладывал на Военном совете фронта полковник С.Н. Кресик. В заключение он сказал: «Причинами гибели армии считаю: 1) отсутствие боеприпасов, голод, в силу чего армия, несмотря на исключительный героизм

и самоотверженность личного состава, не смогла сдержать натиск превосходящих сил противника, дав ему возможность до предела сжать кольцо; 2) отсутствие помощи с востока; 3) для изучения причин гибели армии и установления виновных считаю необходимым назначить правительственную комиссию»⁶². Анализ донесений, докладов всего случившегося будет потом, когда борьба за 2-ю ударную армию будет проиграна. Москва в ходе этой борьбы не выделила проблемному фронту ни одной дополнительной дивизии. Резервов не было. Своими силами обескровленные армии Волховского фронта не могли решить задачу спасения гибнущих товарищей из 2-й ударной армии.

Основные силы ударной армии продолжали выходить в исходный район севернее Новой Керести для удара навстречу 59-й армии. Встречный удар 59-й и 2-й ударной армий был назначен на 5 июня. Однако 30 мая противник, заметив отход советских частей, перешел в наступление, нанеся удар вдоль железной дороги и шоссе Новгород–Чудово с севера и юга. Оно поддерживалось массированными действиями авиации. 5 июня в 2 часа ночи ударные группы 59-й и 2-й ударной армий перешли в наступление. К 12 часам дня ударная группа 59-й армии вышла на восточный берег реки Полисть. 2-я ударная армия из-за плохой организации боя своей задачи не выполнила. Враг своим наступлением вдоль железной дороги Ленинград–Новгород внес дезорганизацию в управление ее войсками. Он прорвал оборону войск 2-й ударной армии, занимавших рубеж Ручьи, Вдицко, станция Рогавка и, заняв Финев Луг, стал угрожать тылу ударной группировки армии, находившейся в районе севернее Новой Керести. Генерал М.С. Хозин утверждал, что «6 июня с утра немецко-фашистские войска возобновили наступление и окончательно закрыли проход в стыке 59-й и 52-й армий. В окружении остались части семи стрелковых дивизий и шести стрелковых бригад общей численностью 18–20 тыс. человек. О случившемся было немедленно доложено в Ставку»⁶³. Однако начальник особого отдела Волховского фронта старший майор госбезопасности Д.И. Мельников в докладной записке заместителю наркома внутренних дел Союза ССР комиссару госбезопасности 3-го ранга В.С. Абакумову утверждает, что именно 30 мая коридор был закрыт немецкими войсками. В этот день Военный совет 52-й армии бросил в бой последние резервы – 54-й гвардейский стрелковый полк с пополнением 370 человек. Пополнение было введено с ходу, неподготовленным, при первом соприкосновении с противником разбежалось

и было остановлено заградотрядами особых отделов. Немцы, потеснив части 65-й дивизии, подошли вплотную к селу Теремец-Курляндский и левым флангом отрезали 305-ю стрелковую дивизию. В это время противник, наступая на участке 1236-го полка 372-й стрелковой дивизии, прорвав слабую оборону, расчленил второй эшелон резервной 191-й стрелковой дивизии, вышел на узкоколейную дорогу в районе отм. 40,5 и соединился с частями, наступающими с юга⁶⁴. В сложившейся обстановке командующий Ленинградским фронтом принял решение о нанесении встречных ударов силами войск 2-й ударной и 59-й армий с целью прорыва кольца окружения в районе Спасской Полисти. Однако организация и подготовка ударов затянулась и успеха не имела. Противник сумел в результате упорного сопротивления сохранить свои позиции. Прорвать кольцо окружения и вывести остальные части 2-й ударной армии не удалось. На 1 июня 1942 г. в окружении находилось более 40 тысяч бойцов и командиров Красной Армии. У них на вооружении было 409 противотанковых ружей, 545 минометов, 28 зенитных пушек всех систем, более 300 пушек разного калибра, 60 тракторов ЧТЗ, 31 трактор СТЗ, автомашин ЗИС-5 – 36, автомашин ГАЗ-А и АА – 75⁶⁵.

Командующий фронтом М.С. Хозин и командующий 59-й армией И.Т. Коровников, будучи осведомлены о сосредоточении противника, все же считали, что оборона 372-й дивизии прорвана небольшой группой автоматчиков, поэтому в бой резервы не вводили, чем дали возможность противнику вновь отрезать 2-ю ударную армию. 1 июня без артиллерийской поддержки 165-я стрелковая дивизия пошла в наступление с целью отбросить противника и восстановить узкую горловину, связывающую окруженную армию с основными силами. Потеряв в бою 50 процентов бойцов и командиров, она, не выполнив задачу, отошла на исходные позиции. М.С. Хозин вывел дивизию и перебросил на другой участок, заменив ее 374-й стрелковой дивизией, которая в момент смены частей отошла несколько назад. Имеющиеся резервы, как утверждал старший майор госбезопасности Д.И. Мельников, в бой введены не были. Наоборот, Хозин приостановил наступление и приступил к перемещению командиров дивизий: снял командира 165-й стрелковой дивизии полковника Соленова, назначил командиром дивизии полковника Морозова, освободив его от должности командира 58-й стрелковой бригады. Вместо командира 58-й бригады был назначен командир 1-го стрелкового батальона майор Гусак, вместо начальника штаба дивизии майора

Назарова – майор Дзюба, был также снят и комиссар 165-й стрелковой дивизии старший батальонный комиссар Илиш, а в 372-й стрелковой дивизии снят командир полковник Сорокин и на его место назначен полковник Синегубко. Перегруппировка войск и замена командиров затянулась до 10 июня. За это время противник сумел построить дзоты и укрепить оборону. Понятно стремление командующего фронтом М.С. Хозина оттянуть на более позднее время дату соединения северной и южной группировок войск противника, которые перерезали и без того узкую горловину, соединяющую 2-ю ударную армию с основными силами фронта. Он думал, что сумеет выправить положение. Поэтому и докладывал в Ставку, что коридор действовал. 6 июня стало окончательно ясно, что чуда не произойдет. 2-я ударная армия оказалась в оперативном «мешке». Реакция Ставки последовала незамедлительно. М.С. Хозин был снят с должности командующего Ленинградским фронтом и отправлен командовать 33-й армией на Западный фронт. 8 июня был восстановлен Волховский фронт. Его командующим вновь назначили генерала армии К.А. Мерецкова.

«С 12 по 18 июня бойцам и командирам окруженной армии выдавалось по 400 г конины и 100 г сухарей, в последующие дни выдавалось от 10 до 50 г сухарей. В отдельные дни бойцы продуктов не получали вовсе, что увеличивало число истощенных бойцов и появились случаи смертности от голода. Зам. нач. политотдела 46-й дивизии Зубов задержал бойца 57-й стрелковой бригады Афиногенова, который вырезал из трупа убитого красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, Афиногенов по дороге умер от истощения»,⁶⁶ – писал Д.И. Мельников.

В Москве поняли, что за период с конца апреля до начала июня в районе Волхова и Ленинграда было допущено несколько серьезных ошибок, в том числе и в плане организации боевых операций. Ставка назначила командующим Ленинградским фронтом Л.А. Говорова.

Штабом была предпринята попытка организовать контрудар с целью прорвать фронт и восстановить связь со 2-й ударной армией. 10 июня К.А. Мерецков силами трех стрелковых бригад, некоторых других стрелковых соединений и одного танкового батальона (все, что удалось собрать) атаковал позиции противника. Однако она успеха не имела. Немецкое командование наращивало силы на этом участке фронта. С севера, западнее Ленинградского шоссе, наступали части трех пехотных дивизий, полицейская дивизия СС, танковые и моторизованные части. Все они были сведены в бригады «Кехлинг», «Басе»

и «Шайдес». Со стороны Новгорода действовала группа «Гоппе», группа «Яшке» и другие вражеские части. С запада на 2-ю ударную армию наступали две пехотные и одна охранная дивизии, сведенные в группу «Герцог». Немцы не давали возможности окруженным советским войскам перегруппироваться, сосредоточить усилия для нанесения удара в районе, намеченном для выхода из окружения. Бои носили ожесточенный характер.

Ценой огромных усилий фронт окружения 19 июня был прорван. Это сделали танкисты 29-й танковой бригады и пехота. Но ширина прорыва не превышала 1,5 км. Три дня через этот узкий и простреливаемый всеми видами оружия коридор осуществлялся вывод войск 2-й ударной армии. Однако голодные и измученные воины находили в себе силы отражать непрерывные атаки врага и выносить на себе раненых. «Затем произошло то, чего я больше всего опасался. Части 2-й ударной армии, участвовавшие в прорыве, вместо того, чтобы направить свои усилия на расширение прорыва и закрепления флангов, сами потянулись вслед за ранеными. В этот критический момент командование 2-й ударной армии не приняло мер по обеспечению флангов коридора и не сумело организовать выход войск из окружения. Попытки со стороны командования фронтом сколотить из вышедших частей отряды и использовать их для обеспечения коридора также не увенчались успехом»⁶⁷, – писал в мемуарах К.А. Мерецков.

22 июня противнику удалось ликвидировать этот коридор и вновь замкнуть кольцо окружения. 23 июня район, занимаемый 2-й ударной армией, сократился до таких размеров, что простреливался артиллерией противника на всю глубину. Последняя площадка в районе населенного пункта Финев Луг, где приземлялись легкие самолеты с Большой земли, была захвачена противником. Узел связи был разбит, войска прикрытия отходили беспорядочно. «Обстановка сложилась очень тяжелая. Площадь – два на два километра, занятая нашими войсками, насквозь простреливалась. Всюду лежали убитые и раненые. Кто бредил, кто лежал в воде и просил пить, кто просил перевязать, а кто требовал пристрелить, потому что самому это сделать уже не было сил... Застрелился комиссар нашего дивизиона старший политрук Долинский. Перевязочного материала никакого, раненых прибавлялось, а перевязывать их нечем. Немцы не атаквали, обложили нас, как зверя в берлоге, бомбили и обстреливали артиллерийско-минометным огнем. Правда, один раз они пытались разбить нас на две части, но наше

командование, имея небольшой резерв автоматчиков, быстро выбило их с нашей территории»⁶⁸, – вспоминал бывший командир батареи 830-го артполка 305-й стрелковой дивизии А.С. Добров.

Все попытки Волховского фронта прорвать оборону противника в районе выхода окруженной армии успеха не имели. Командование 2-й ударной армии утром 24 июня отдало распоряжение: выходить из окружения мелкими группами, кто где хочет и как знает. Это распоряжение подорвало моральный дух войск и окончательно дезорганизовало управление. Бои частей 2-й ударной армии, не успевших выйти из окружения, продолжались до 29 июня. Наши потери в этих боях составили примерно 10000 убитыми и 10000 пропавшими без вести. Были потеряны 102 орудия, 12 танков и 200 пулеметов⁶⁹. Однако анализ говорит о том, что потери войск в этой операции были более значительными. Силы 2-й ударной армии, которые вышли из окружения – около 16 тыс. человек отошли за реку Полисть и совместно с 52-й и 59-й армиями прочно закрепились на этом рубеже, удержав плацдарм на левом берегу реки Волхов. Вскоре остатки 2-й ударной армии были отведены в тыл на переформирование. Трагически сложилась судьба командиров штаба 2-й ударной армии. В ночь с 24 на 25 июня они должны были выходить с частями и штабами окруженных войск. Военный совет армии, сопровождаемый ротой автоматчиков, выступил в 23 часа 24 июня в район 46-й стрелковой дивизии, с частями которой он должен был выходить из окружения. У реки Полисть он попал под сильный огонь противника. Штабисты разделились на три группы. Одна ушла на запад, встретила партизан и позже была вывезена на самолетах. Вторая рассеялась. Группа командующего армией генерала А.А. Власова направилась к Волхову. Три недели она блуждала по тылам врага – до 11 июля 1942 г. Начальник штаба армии Виноградов был ранен и умер от потери крови. А.А. Власов сдался в плен врагу. 14 июля германское радиовещание в сводке Верховного командования передало: «Во время очистки недавнего волховского кольца обнаружен в своем убежище и взят в плен командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Власов»⁷⁰. А 17 июля командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования № 170518 о доставке командующего, начальника штаба и связи 2-й ударной армии из-за линии фронта. В ней говорилось: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Вам под Вашу личную ответственность принять

меры к тому, чтобы не позднее 19 июля Власов и его люди были доставлены самолетами на территорию фронта. Ставка считает делом вашей чести выполнить эту задачу. Ставка приказывает Вам поставить всю авиацию фронта на выполнение этой задачи»⁷¹.

25 июня в 9 часов 30 минут немцы окончательно захлопнули «горлышко». Тысячи солдат и командиров, штаб 2-й ударной армии остались на крошечном пятачке у Новой Керести.

28 июня Гитлеру было доложено о победном завершении Волховского сражения. В донесении сообщалось о 32 759 советских солдатах, взятых в плен⁷². Среди них оказались и тысячи раненых, и 793 медработника, которые их не бросили, во главе с начсанармом военврачом 1-го ранга К.К. Боборькиным⁷³.

В результате боев с 13 мая по 10 июля 1942 г. безвозвратные потери войск Волховского фронта составили 54 774 человека, санитарные – 39 977 человек⁷⁴.

Противник под Любанью израсходовал свои резервы и вынужден был отложить штурм Ленинграда. Он также не направил ни одной дивизии на юг, где разворачивались основные сражения лета 1942 г. Немецкие историки оценивали ситуацию, которая сложилась на фронте группы армий «Север» зимой 1941/42 гг., как критическую.

В фундаментальном исследовании «Мировая война 1939–1945 годы» немецкий генерал фон Бутлар писал: «Ведя тяжелые бои севернее озера Ильмень, 18-я армия сумела остановить наступление русских, удержать ключевые позиции в районе Петрокрепости и не допустить тем самым прорыва противником блокады Ленинграда. Лишь на Волховском направлении, в районе севернее Новгорода, противнику удалось переправиться через замерзшую реку Волхов и глубоко вклиниться в расположение немецких войск. Однако прорвавшиеся части русских были отрезаны и весной 1942 г. уничтожены»⁷⁵. Другой немецкий историк, Пауль Карель, так оценивал все то, что случилось в районе Любани: «Сражение в лесах и на берегах Волхова стало одним из самых страшных»⁷⁶. Полковник в отставке, бывший комиссар 59-й отдельной стрелковой бригады, которая сражалась в окружении, И.-Х. Венец в воспоминаниях так оценил все случившееся в любанском «котле»: «Роковой ошибкой было решение Ставки о ликвидации Волховского фронта, сказалось и безразличие к судьбе 2-й ударной, да и всего Волховского направления, генерала М.С. Хозина. Во время боев в окружении губительно сказалась трусость и бездарность Власова. Ошибкой было и то, что оборона флангов прорыва

с самого начала возлагалась на части других армий: 59-й – справа и 52-й – слева. Рядовые и командиры 2-й ударной мужественно и честно выполнили свой долг, проявили стойкость, мужество и массовый героизм»⁷⁷.

Прорыв блокады Ленинграда, окружение и разгром группы армий «Север» в первой половине 1942 г. не получились. Войска фронта стали готовиться к новой наступательной операции с той же задачей – прорвать блокаду Ленинграда.

События вокруг 2-й ударной армии на всем протяжении Любанского сражения привлекали особое внимание командования. Однако и на других участках Волховского фронта шли тяжелые бои. Части 4-й армии пытались сбить противника с Киришского плацдарма. Израсходовав с 4 по 15 июня более 40 тысяч мин и снарядов для разрушения 130 огневых точек и блиндажей и уничтожив более 20 минометных и артиллерийских батарей, а также 850 солдат и офицеров врага, советские подразделения все же не смогли овладеть Киришами. В июле – августе 1942 г. предпринималась новая попытка сбросить врага в Волхов, но и эти затяжные бои не дали результата.

Тогда начальник отдела заграждений штаба инженерных войск Волховского фронта майор С.П. Назаров предложил подорвать опорный пункт противника в роще Высокая, применив старинный прием подземно-минной борьбы, известный на Руси еще с древних времен. В ноябре 1942 г. развернулись сложные работы, которыми руководил дивизионный инженер 44-й стрелковой дивизии майор В.С. Сорокин. В зоне наибольшего сближения с рощей Высокая в ночное время саперы соорудили просторный и глубокий блиндаж, связанный ходом сообщения с первой траншеей. Из блиндажа по азимуту определили общее направления подкопа. Его вели из блиндажа круглосуточно. Грунт саперы 61-го батальона 44-й стрелковой дивизии выносили в мешках, вручную, рассыпали его в ближайших воронках и маскировали снегом. Сечение галереи было невелико – 1,5 x 2 метра. Лопатой, кирками бойцы вели галерею в сторону противника. Вскоре в подкопе появились грунтовые воды, стало не хватать кислорода. Тускло светили в забое лампочки, питавшиеся от автомобильных аккумуляторов. Бойцами руководили командиры рот старшие лейтенанты Смирягин и Рогожкин, лейтенант Груздев и начальник штаба батальона капитан Кудинов. Две команды по 12 человек менялись через каждые три дня работы. После проходки 180-метровой галереи в конце ее устроили взрывную камеру, куда саперы доставили и уложили несколько тонн взрывчатки.

Вместе с капитаном Смирягиным, удалив всех из галереи и камеры, майор Сорокин смонтировал взрывные сети от заряда к подрывной машинке. Операцию по подрыву роши Высокая с двумя отвлекающими взрывами – на железной дороге и у деревни Плавницы – назначили на утро 23 февраля 1943 г. «В 200 метрах от нашей первой траншеи оборудовали исходную позицию – траншею для батальона автоматчиков, которому был поручен захват рубежа после подрыва роши Высокая. В семь часов утра в небо рядом с нами взлетают две красные ракеты. В ответ справа, под деревней Плавницы, – две зеленые. Раздаются два отвлекающих взрыва и вслед за ними – главный взрыв. Все находившиеся на КП в блиндаже, в километре от центра взрыва, ощутили сотрясение почвы, как при землетрясении. Выбежали наружу – громадный огненно-черный гриб взрыва встал над местом, где была роша Высокая. Штурмовой батальон автоматчиков 44-й стрелковой дивизии вместе с приданными саперами броском занял рубеж. Весь гарнизон опорного пункта был уничтожен взрывом. Только через час немцы начали обстрел с левого берега Волхова. Завязалась артиллерийская дуэль. В течение дня противник дважды после авиационных налетов предпринимал ожесточенные контратаки, но они были отбиты. Днем саперы обмерили воронку. Она оказалась диаметром не менее 80 метров и глубиной 20 метров. Позднее немцы в своих газетах жаловались: «Русские предприняли на Киришском рубеже варварские способы ведения войны – подкопы и взрывы времен осады крепостей»⁷⁸. Это был единственный в истории Великой Отечественной войны успешно проведенный подкоп под вражеские позиции.

Ссылки к главе 5

¹ ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. 3763, д. 108, л. 3–5.

² История второй мировой войны: В 12 т. М., 1975. Т. 4. С. 314.

³ Там же. С. 314.

⁴ На Волховском фронте 1941–1944 гг. М.: Наука, 1982. С. 28.

⁵ История второй мировой войны. С. 28.

⁶ *Коняев Н.* Власов: два лица генерала. М.: Вече, 2003. С. 59.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ *Герасимов П.* Для советских солдат не было непреодолимых преград // Военно-исторический журнал. 1967. № 7.

⁹ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 253.

¹⁰ *Катышкин И.С.* Служили мы в штабе армейском. М.: Воениздат, 1979. С. 17.

¹¹ Трагедия Мясного Бора. СПб.: Политехника, 2001. С. 34.

¹² Там же. С. 8.

- ¹³ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 89, д. 195, л. 9.
¹⁴ Там же. Л. 10.
¹⁵ *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1988. С. 250.
¹⁶ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Смоленск: Русич, 2001. С. 594–595.
¹⁷ Трагедия Мясного Бора. С. 109.
¹⁸ Указ. соч. С. 597.
¹⁹ Трагедия Мясного Бора. С. 91–92.
²⁰ Там же. С. 120–121.
²¹ *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 262.
²² *Хозин М.С.* Об одной малоисследованной операции // Военно-исторический журнал. 1966. № 2.
²³ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 89, д. 21, л. 48.
²⁴ ЦАМО РФ, ф. 364, д. 13а, л. 7–8.
²⁵ ЦАМО РФ, ф. 364, д. 13а, л. 7–8.
²⁶ Журнал боевых действий 18-й немецкой армии: Пер. с нем. Историко-архивный отдел ГШ ВС.
²⁷ Трагедия Мясного Бора. С. 36.
²⁸ Журнал боевых действий 18-й немецкой армии. Историко-архивный отдел ГШ ВС.
²⁹ *Никитин Н.Н.* Станция Погостье: холодная зима 42-го // Аргументы и факты. 1998. № 6.
³⁰ *Лукницкий П.* Сквозь всю блокаду. Л., 1988. С. 208.
³¹ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 91, д. 75а, л. 14.
³² *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет обороны постановляет. 1941–1945. Цифры. Документы. М., 2002. С. 274.
³³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». М., 2003. С. 370.
³⁴ Ленинград в осаде. СПб., 1995. С. 72.
³⁵ Там же. С. 75.
³⁶ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 81, д. 13а, л. 42.
³⁷ *Федюнинский И.И.* Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1968.
³⁸ ЦАМО РФ, ф. 132а, оп. 2642, д. 32, л. 46.
³⁹ ЦАМО РФ, ф. 132а, оп. 2642, д. 41, л. 96–97.
⁴⁰ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 93, д. 22, л. 10.
⁴¹ Трагедия Мясного Бора. С. 156.
⁴² *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 270.
⁴³ Журнал боевых действий 18-й немецкой армии.
⁴⁴ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 93, д. 5.
⁴⁵ *Хозин М.С.* Указ. соч.
⁴⁶ Гриф секретности снят. Потери советских войск... С. 6–18.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945. Bd. II. Frankfurt a/M, 1965. S. 77.*
⁴⁹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 194.
⁵⁰ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 97, д. 82, л. 20.
⁵¹ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 97, д. 91, л. 3.
⁵² ЦАМО РФ, ф. 132а, оп. 2642, д. 31, л. 173–175.
⁵³ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 203186, д. 3, л. 195–197; ф. 217, оп. 1258, д. 151, л. 16.
⁵⁴ Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. М., 2003. С. 121.

- ⁵⁵ Военно-исторический журнал. 1966. № 2.
- ⁵⁶ Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С. 28.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 484.
- ⁶⁰ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 4108, д. 7.
- ⁶¹ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 4108, д. 7, л. 42.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Военно-исторический журнал. 1966. № 2.
- ⁶⁴ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 121–122.
- ⁶⁵ Там же. С. 190.
- ⁶⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 122.
- ⁶⁷ *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 281–282.
- ⁶⁸ Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний. СПб., 2001. С. 203.
- ⁶⁹ Сообщения Советского информбюро. М., 1944. Т. 2. С. 381.
- ⁷⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 65.
- ⁷¹ Там же. С. 52.
- ⁷² Журнал боевых действий 18-й немецкой армии.
- ⁷³ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 4108, д. 7.
- ⁷⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР.
- ⁷⁵ Мировая война 1939–1945 гг. М.: Полигон, 2000. С. 247.
- ⁷⁶ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на восток. М., 2003. С. 262.
- ⁷⁷ *Венец И.Х.* 2-я Ударная не сдавалась! СПб., 2001. С. 73–74.
- ⁷⁸ *Хренов А.* Подкоп // Кириши в огне войны. Кириши, 1998. С. 106–107.

ЛАДОЖСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Перед командованием Волховского фронта по-прежнему стояла задача прорыва блокады. Ленинград ждал помощи. Не успела зарубцеваться глубокая любанская рана, как началась подготовка к новой наступательной операции. На этот раз главный удар решили вновь наносить на участке фронта в районе Синявино. Советским войскам предстояло преодолеть все те же 16 км «бутылочного горла» немецких позиций на шлиссельбургско-синявинском выступе, чтобы сбросить «мертвую петлю» блокады, которая душила Ленинград. Генерал армии К.А. Мерецков предполагал, что в результате наступления советских войск противник будет разбит и на третий день операции войска Волховского фронта соединятся с ленинградцами. Операция по прорыву блокады Ленинграда планировалась как совместные действия правого крыла Волховского фронта и Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Главная роль отводилась войскам Волховского фронта, которые должны были прорвать оборону противника южнее Синявино, разгромить его мгинско-синявинскую группировку и соединиться с наступающими подразделениями Ленинградского фронта. К наступлению привлекались две армии: 8-я и 2-я ударная. Началась работа по подготовке к прорыву блокады. Еще во второй половине мая военные советы фронтов направили в Ставку ВГК свои предложения о целесообразности нанесения удара по мгинско-синявинской группировке противника с востока и запада, чтобы пробить ее оборону и очистить южное побережье Ладожского озера. В случае успеха можно было прорвать кольцо вражеской блокады и облегчить положение Ленинграда. Ставка в принципе согласилась с предложениями командования Ленинградского и Волховского фронтов. Однако проведение операции было отложено в связи с тем, что при создавшейся обстановке на юге не было возможности выделить дополнительные силы для прорыва

блокады. На этот период перед Ленинградским фронтом ставилась задача совершенствования обороны и проведения частных наступательных операций, активными действиями сковывать противостоящие вражеские дивизии на шлиссельбургско-синявинском выступе, оказывать содействие Волховскому фронту авиацией и артиллерией. План Синявинской наступательной операции был окончательно одобрен Ставкой ВГК в начале августа. Для ее проведения привлекалось более 190 тысяч войск.

В конце июля – первой половине августа Волховский фронт готовился к наступлению. Дивизии пополнились за счет маршевых рот. Тем временем войска Ленинградского фронта провели несколько операций местного значения. 21 июля подразделения 109-й и 85-й стрелковых дивизий 42-й армии завязали бои за сильно укрепленный опорный пункт Старо-Паново и ворвались на окраину Урицка. Упорные бои на этом участке фронта продолжались больше месяца и отвлекли немалые силы противника.

23 июля неприятельские позиции юго-западнее Колпина были атакованы частями 268-й стрелковой дивизии при поддержке 220-й танковой бригады. Под их ударами немецкие части оставили Путролово. Спустя несколько дней батальоны старших лейтенантов С.Г. Зуйкова и Г.К. Шокуна из той же дивизии овладели Ям-Ижорой. В этих частных наступательных операциях приобретался опыт массированных артиллерийских ударов по опорным пунктам противника. И все-таки анализ этих боев показал, что самым уязвимым местом в наступательных действиях советских войск было отсутствие четкого взаимодействия между артиллерией, авиацией и пехотой на поле боя. Во время штурмовок позиций противника авиацией и артиллерийских обстрелов не все огневые точки врага подавлялись мощью огня, поэтому пехота несла большие потери и высказывала справедливые нарекания в адрес летчиков и артиллеристов.

Никто тогда еще не знал, что эта наступательная операция, которую немцы называли «сражением южнее Ладожского озера», сыграет в судьбе Ленинграда исключительную роль, спасет город от полного разрушения. За это вновь будет заплачено жизнями многих тысяч бойцов и командиров Красной Армии, которые сквозь «пулеметную пургу» стремились к Ленинграду. Операция длилась 53 дня. По официальным данным, безвозвратные потери Волховского и Ленинградского фронтов в ходе Синявинской наступательной операции составили 40085 чело-

век, санитарные – 73 589 человек¹. Это больше, чем составляли потери во время Тихвинских оборонительной и наступательной операций вместе взятых.

Советские дивизии были отброшены на исходные позиции. Почти все повторилось по любанскому сценарию.

Чтобы понять весь трагизм происходящего, надо вспомнить события на советско-германском фронте лета 1942 г. Враг рвался к Сталинграду и Кавказу, советские войска оставили Ростов. 4 июля немцы взяли Севастополь. Командующий 11-й немецкой армией генерал Эрих фон Манштейн за эту победу получил звание генерал-фельдмаршала. Проанализировав бои в Крыму, осаду Севастополя, немецкое командование решило изменить порядок наступательных действий: сначала уничтожить города, а потом укрепления. Новая тактика была опробована на Сталинграде. За один день штурмовые бомбардировщики 8-го авиационного корпуса генерал-полковника Рихтхофена совершили около 2 тыс. самолето-вылетов и сбросили на город тысячи бомб, превратив его в руины. Погибло и было ранено 190 тыс. сталинградцев. Фюрер поручил Манштейну расправиться с Ленинградом, используя эту тактику. Руководство вермахта приступило к тщательной подготовке штурма Ленинграда сразу же после завершения боев на любанском направлении. План новой операции неоднократно обсуждался в гитлеровской ставке. 19 июля генеральный штаб сухопутных войск проинформировал командование группы армий «Север», что «в настоящее время имеются соображения... начать наступление на Ленинград с задачей овладеть городом, установить связь с финнами севернее Ленинграда и тем самым выключить русский Балтийский флот»². 21 июля в директиве ОКВ № 44 говорилось: «Не позднее чем в сентябре будет взят Ленинград и благодаря этому высвобождены финские силы»³. В директиве № 45 от 23 июля группа армий «Север» получила конкретное указание о подготовке новой операции по захвату Ленинграда: «Операции, к которым сейчас ведется подготовка на участках фронта групп армий «Центр» и «Север», должны быть проведены быстро, одна за другой. Таким путем в значительной мере будет обеспечено расчленение сил противника и падение морального духа его командного состава и войск. Группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое наименование «Фойерцаубер» («Волшебный огонь»). Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности,

а также другие необходимые части резерва главного командования»⁴. В течение месяца группа армий «Север» тщательно готовилась к этой операции. Она получила новое название – «Нордлихт» («Северное сияние»).

В воскресенье, 23 августа, Гитлер принял решение о полном уничтожении города и крепости на Неве. На совещании в Ставке, где присутствовал командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Г. Кюхлер, фюрер говорил о необходимости избежать уличных боев. Упор делался на удары с воздуха и жестокие артиллерийские обстрелы жилых кварталов. «Я считаю, – говорил Гитлер, – что положение под Севастополем было иным и что будет совершенно правильно принять обратный способ действий: сначала уничтожение города, а потом укреплений»⁵. В указаниях Гитлера говорилось: «...Операция «Нордлихт» является лишь средством для освобождения Балтийского моря и овладения Карельским перешейком... Задача: 1-й этап – окружить Ленинград и установить связь с финнами; 2-й этап – овладеть Ленинградом и сровнять его с землей»⁶. В конце совещания Гитлер обратился к его участникам: «Я очень озабочен действиями Советов в связи с наступлением на Ленинград. Подготовка не может остаться для них неизвестной, реакцией может стать яростное наступление на Волховском фронте... и прежде всего против узкой горловины у Мги. Этот фронт при всех обстоятельствах должен быть удержан»⁷. Немецкое командование планировало начать наступление 14 сентября.

Фюрер приказал устроить в Ленинграде «величайший в мире фейерверк». На Ленинград немецкие генералы планировали наносить бомбовые удары в течение пяти дней. Этого времени было достаточно, чтобы превратить город в руины. На полевые аэродромы немецкой авиации было подвезено огромное количество бомб. Дальнобойная и артиллерия среднего калибра получила сверхнормативные боекомплекты. 27 августа штаб 11-й германской армии прибыл на Ленинградский фронт, чтобы здесь, в полосе 18-й армии, выяснить возможности для нанесения удара и составить план наступления на Ленинград.

«В то время никто из нас не знал, что немецкое командование готовило в те дни операцию по окончательному овладению Ленинградом, перебросило для укрепления своей группы армий «Север» значительную часть войск из Крыма и дополнительно сосредоточило на подступах к блокированному городу крупные силы артиллерии и авиации, возложив общее руководство операцией на генерал-фельдмаршала Манштейна.

Всего этого мы не знали и находились в неведении мероприятий противника»⁸, – писал в воспоминаниях бывший командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков. В послевоенные годы существовало мнение, что советское командование знало о коварных замыслах врага сровнять Ленинград с землей, и Синявинская наступательная операция августа–октября 1942 г. явилась ответной мерой, чтобы погасить «волшебный огонь», пока он не разгорелся. Но это не так. Обе стороны готовили наступательные операции, не зная о намерениях друг друга. Для маскировки штабом Волховского фронта под руководством генерал-майора Г.Д. Стельмаха были разработаны мероприятия, которые позволили скрыть подготовку операции от противника. В разведсводках он только констатировал прибытие пополнения в зону боевых действий. В свою очередь, советская разведка и партизаны отметили активное передвижение новых частей немцев в сторону Ленинграда. Манштейн намеревался начать наступление после разработки подробного плана боевых действий на этом участке фронта.

Штабу 11-й армии, кроме мощной артиллерии, доставленной под Ленинград из района Севастополя и предназначенной для поддержки наступления, были подчинены 13 дивизий, в том числе испанская «Голубая дивизия», танковая и горнострелковая дивизии, а также бригада СС⁹. Из этих сил две дивизии действовали на Невском участке фронта и две – на Ораниенбаумском. Для наступления на Ленинград у Манштейна оставалось девять с половиной дивизий.

Советская сторона имела под Ленинградом 19 стрелковых дивизий и одну стрелковую бригаду, незначительное количество танков. Попытки немцев склонить финнов к наступлению с севера ни к чему не привели. Немецкий генерал Эрфурт, который находился при главной ставке финской армии, сообщил немецкому командованию, что Финляндия с 1918 г. всегда придерживалась того мнения, что существование Финляндии никогда не должно представлять угрозу Ленинграду. По этим причинам, отмечал Эрфурт, участие Финляндии в наступлении исключено. Прорыв ленинградской обороны предполагалось провести имеющимися у немцев силами. Замысел штаба 11-й армии заключался в том, чтобы, используя сильнейшее артиллерийское и авиационное воздействие на советские войска, прорвать силами трех корпусов фронт южнее Ладожского озера, продвинуться при этом до южной окраины Ленинграда, после этого два корпуса должны были повернуть на восток, чтобы с ходу внезапно форсировать Неву

юго-восточнее города. Им ставилась задача уничтожить советские войска, находящиеся между рекой и Ладожским озером, перерезать пути подвоза продовольствия и боеприпасов и вплотную охватить город кольцом с востока. В таком случае захвата города можно было бы добиться быстро и без тяжелых уличных боев¹⁰.

Для наступления Волховский фронт имел возможности выделить семь стрелковых дивизий против трех противника, которые находились в тот момент на этом участке линии фронта: от 8-й армии – четыре, от 4-го гвардейского стрелкового корпуса – две и от 2-й ударной армии – одну. Группировка советских войск располагала возможностью привлечь к операции 26 артиллерийских и минометных полков, в том числе четыре артиллерийских полка большой мощности, пять гвардейских минометных полков, из них три тяжелых, десять гвардейских отдельных дивизионов, четыре зенитных артиллерийских полка, четыре зенитных артиллерийских дивизиона и другие средства. Всего для прорыва выделялось более 600 орудий и минометов, не считая артиллерийских орудий и минометов дивизий, 100 гвардейских минометов, свыше 50 танков. Средняя плотность орудий и минометов составляла от 70 до 100 на 1 км фронта. Все это позволило создать превосходство в живой силе более чем в два раза и в артиллерии – почти в четыре. Ударная группировка была построена в три эшелона. В первом планировалось иметь 8-ю армию, передав ей все средства усиления артиллерии и танков. Она была обязана прорвать оборону противника на участке от мыса Буровского на южном берегу Ладожского озера до укрепленного врагом населенного пункта Вороново и в первый день наступления овладеть Синявино, оз. Синявинским и выйти в район Карбусель. Во втором эшелоне должен был находиться 4-й гвардейский стрелковый корпус, предназначенный для развития успеха наступления 8-й армии и завершения прорыва обороны. В третьем эшелоне – стрелковая дивизия и стрелковая бригада 2-й ударной армии в готовности к вводу в сражение для разгрома вражеских резервов на завершающем этапе операции. Наступающие подразделения получили достаточное количество автоматического стрелкового оружия и боеприпасов¹¹. Войскам Волховского фронта в условиях крайне ограниченной сети дорог требовалось произвести в короткие сроки скрытно от противника переброску большого количества войсковых соединений в район города Волхов и западнее. Всего необходимо было перегруппировать 13 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и 6 танко-

вых бригад, свыше 20 артиллерийских полков и значительное количество других специальных частей и подразделений¹².

Конечно, при планировании наступательной операции командование Волховского фронта не учитывало прибывшие под Ленинград силы 11-й немецкой армии. Они занимали очень выгодные позиции и могли быть использованы на любом участке фронта. Разветвленная сеть дорог в тылу немецких позиций давала возможность их перебрасывать быстро на нужное направление.

Подготовка к наступлению на Волховском фронте еще не закончилась, когда командующий Ленинградским фронтом Л.А. Говоров отдал приказ своим войскам атаковать противника в направлении Усть-Тосно и далее на Мгу. На месте предполагаемого прорыва Ленинградский фронт имел лишь полуторный перевес в людях. Еще одна дивизия находилась у плацдарма в районе Невской Дубровки, чтобы нанести удар во фланг, когда основные силы добьются успеха. Ставка ВГК предупредила Л.А. Говорова о начавшейся переброске под Ленинград из Крыма крупных сил генерал-фельдмаршала Манштейна. В районе Тосно и Вырицы появились 5-я горнострелковая, 61-я пехотная и 250-я испанская «Голубая» дивизии. В районе Красногвардейска (Гатчины) сосредотачивались 12-я танковая дивизия и 185-й штурмовой дивизион. Это свидетельствовало о подготовке противника к наступательной операции. Когда она начнется, какими силами и в каком направлении будет нанесен удар, Л.А. Говоров не знал.

19 августа в 11 часов началась артподготовка. В ней приняло участие 186 орудий и 86 минометов, не считая артиллерии кораблей флота¹³. Затем по немецким позициям нанесли удар самолеты-штурмовики. Под прикрытием огня и дымовой завесы дивизион катеров с десантом более чем 300 человек двинулся по Неве, а затем вошел в устье реки Тосна и атаковал оборону противника на левом берегу. В то же время усть-тосненские укрепления атаковал батальон 952-го полка 268-й стрелковой дивизии.

Высадку десанта удалось провести почти без потерь. Десантники сломили сопротивление противника и спустя 40 минут овладели железнодорожным и шоссейным мостами через Тосну в Ивановском.

Бойцы 43-й стрелковой дивизии 55-й армии захватили плацдарм, но попали под сильный удар вражеской авиации. 43-я и 268-я стрелковые дивизии, несмотря на большие потери, разгромили фланговый узел обороны противника в поселке

Усть-Тосно. 942-й полк 268-й стрелковой дивизии закрепился на небольшом плацдарме. Шоссейный мост через реку оказался хорошо пристрелянным артиллеристами противника. Два первых танка, выскочившие на него, сразу были подбиты и загорелись, путь другим машинам. Вытащить их не удалось, настолько сильным был артиллерийский и пулеметный огонь. Советские воины храбро дрались на Ивановском «пяточке». В те дни по всему фронту звучал призыв: «Бей врага поганого, как бойцы Клюканова». А.И. Клюканов был командиром 952-го полка, возглавившим атаку и сдерживающим со своими бойцами отчаянные контратаки немцев. С пехотинцами особенно отличились в боях за Ивановский «пяточок» артиллеристы подполковника А.А. Ходаковского, начальника артиллерии 268-й стрелковой дивизии. Выдвинув орудия в боевые порядки пехоты, они прямой наводкой вели огонь по противнику, уничтожая танки и живую силу захватчиков. Несмотря на возрастающий натиск противника, части 268-й стрелковой дивизии и пришедшие ей на помощь подразделения 43, 70 и 136-й стрелковых дивизий удерживали в своих руках предместовые укрепления в Ивановском.

«Как и месяц назад в старо-пановской операции, бои под Усть-Тосно приняли затяжной характер. Сказывалось прибытие к противнику свежих наземных частей, а главное, его преимущество в авиации»,¹⁴ – писал участник этих боев, начальник инженерного управления Ленинградского фронта генерал Б.В. Бычевский. До 8 сентября продолжались бои на этом участке фронта. Советским войскам ценой немалых потерь удалось несколько расширить и укрепить за собой Ивановский плацдарм на правом берегу Тосны, просуществовавший до прорыва блокады в 1943 г.

Выход советских войск на исходное положение для наступления произошел без неприятностей. Враг ничего не заметил.

27 августа после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 2 часа 10 минут, которая закончилась залпом гвардейских минометов «катюша», войска 8-й армии атаковали противника на 16-километровом фронте. К исходу дня две стрелковые дивизии – 24-я гвардейская полковника П.К. Кошерева и 265-я полковника Б.Н. Ушинского преодолели речку Черная и вклинились в оборону немецких войск на глубину 1,5–2,5 км на участке Гонтовая Липка, Тортолово, овладев мощным тортоловским опорным пунктом. 366-й полк противника удалось отрезать от основных сил 227-й пехотной дивизии.

В полосе ее обороны советские части взяли поселок № 8. На второй день более успешно действовала 19-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника Д.М. Барина. Она прошла с упорными боями от 5 до 5,5 км и вышла на подступы к Синявино. 265-я стрелковая дивизия захватила 1-й Эстонский поселок. Все эти названия были хорошо знакомы по упорным боям 1941 г. Гвардейская пехота лезла на пулеметы. По их трупам шли на врага и умирали обычные стрелковые дивизии. Солдатской кровью немецкую оборону удалось пробить на 9 километров.

Советские командиры еще не научились воевать. Но надо отдать должное всем воинам Волховского фронта: во время неудачной третьей Синявинской операции, получившей название «Ладожское сражение», они обескровили стратегические резервы противника, и Ленинград был спасен от полного уничтожения. «Противник повсюду оказывал сильное сопротивление. Скрытые в лесу пулеметы, минометы и автоматчики врага обрушили на атакующих плотный огонь. Простреливались все промоины и лощины, которые мы могли использовать для подхода к позициям врага. У нас появились первые потери»¹⁵, – вспоминал командир 24-й гвардейской дивизии П.К. Кошевой.

Правее 24-й гвардейской дивизии наступала 19-я гвардейская дивизия. Она встретила упорное сопротивление немцев на Черной речке. Противнику удалось удержать позиции. Тем не менее на стыке двух немецких полков враг был опрокинут, что дало возможность соединению Д.М. Барина продвинуться вперед. Во второй половине дня 265-я стрелковая дивизия освободила Тортолово и продвинулась к 1-му Эстонскому поселку. Здесь ее остановил огонь и контратаки противника. Командующий 8-й армией генерал Ф.Н. Стариков был доволен результатами первого дня наступления. «Мы здесь посоветовались и полагаем, что за первый день наступления противник понес большие потери. Его система обороны надломлена»¹⁶, – считал командарм. Ничто не говорило о возможностях противника нанести сильный ответный удар.

«Ожидаемое наступление южнее Ладоги началось. Пока только местное вклинивание. В основном удары отражены»¹⁷, – писал в дневнике Ф. Гальдер.

Противник перешел к тактике обороны силами мелких групп до роты численностью. Немцы оседлали тропы среди болот, удерживали опушки леса и поляны среди торфяников. Появились снайперы, которые очень умело маскировались

в лесистой местности. Они охотились за советской разведкой, выбивали командиров, пулеметчиков, расчеты орудий.

19-я гвардейская дивизия мощным рывком преодолела сопротивление противника и продвинулась к Синяино. Пошла вперед и 165-я стрелковая дивизия. Она заняла 1-й Эстонский поселок. На участке прорыва складывалась хорошая обстановка, которая позволяла окружить крупную группировку противника, укрепившуюся в нескольких населенных пунктах. По сплошному лесу и болоту наступающие дивизии продвинулись вперед к исходу 28 августа еще на 2–2,5 км.

За два дня наступления 24-я гвардейская дивизия вышла вперед на 8 км. 29 августа она с боем перехватила железную дорогу Мга–Шлиссельбург. Советские воины слышали с запада залпы орудий Ленинградского фронта. До Московской Дубровки оставалось всего 5–6 км. Бойцы 71-го стрелкового полка дивизии подошли к восточному берегу озера Синяинское. Однако все попытки продвинуться дальше были отбиты. В этот день изменилась не только наземная, но и воздушная обстановка. Наступающие войска подверглись жесточайшей бомбардировке. Противник контратаковал большими силами. Немецкое командование ввело в бой 207-ю пехотную дивизию, переброшенную с другого участка фронта. «Авиация врага, появившаяся внезапно, висела над районом 1-го Эстонского поселка и Тортолово черной ревушей массой. Бомбардировщики сменяли друг друга волна за волной в какой-то дьявольской карусели. Над полем боя стоял грохот разрывов тяжелых бомб и горький дым пожарищ. В штабе армии, куда мы обращались дважды, ничего объяснить не могли. Приходилось оценивать все происходящее по собственным наблюдениям. На наш взгляд, враг ввел новые крупные силы, чтобы окончательно сорвать наступление»¹⁸.

Чтобы приостановить прорыв советских войск, немецкое командование спешно стягивало к месту прорыва отдельные части и подразделения с других участков фронтов, резко увеличивая плотность огня. Немцы бросили в бой все, что было под рукой, подтянули артиллерию и перенацелили всю авиацию, базирующуюся под Ленинградом. Сопротивление вражеских войск возросло. 29 августа на поле боя появилась 170-я пехотная гренадерская дивизия, только что прибывшая из Крыма. На станции Мга срочно разгружались 24-я и 132-я пехотные дивизии 30-го армейского корпуса армии Манштейна. Это были лучшие немецкие части, которые отличались высоким боевым духом, недавно взявшие штурмом Севастополь.

Они умели воевать и побеждать. Завязались тяжелые встречные бои. Требовались колоссальные усилия для преодоления каждого метра заминированной территории. Авиация противника непрерывно висела над боевыми порядками советских войск. Фашисты засыпали наступающие части снарядами и минами.

Первый эшелон прорвал вражескую оборону на фронте в пять километров и углубился в ее боевые порядки на расстояние от семи до девяти километров. На этом продвижение застопорилось. Уместно поставить вопрос: как могло случиться, что сильная артиллерийская группировка 8-й армии, которая перед началом наступления превосходила артиллерию противника в 2 раза, не смогла проложить путь пехоте? Этот вопрос задавали себе командиры и бойцы на переднем крае. По мнению командующего артиллерией Волховского фронта полковника Г.Е. Дегтярева, это явилось следствием ошибки командования, которое не нашло правильных форм использования артиллерийского обеспечения. Основной ошибкой явилось нарушение принципа массированного использования артиллерии на главном направлении. Вся артиллерия усиления была равномерно распределена по дивизиям с плотностью 70–100 орудий на километр фронта, в то время как общее количество орудий и минометов, участвовавших в наступлении, могло бы обеспечить создание на главном направлении удара плотности в 150–180 орудий на один километр фронта.

Значительно снизило эффект использования артиллерии особой мощности отсутствие в масштабах армии артиллерийской группы разрушения, так как вся артиллерия была «спущена вниз» и распределена по дивизиям. В результате произошло распыление сил и средств подавления противника, что сказалось на темпах наступления. Атаки 8-й армии изо дня в день становились все слабее. На пятые сутки удары первого эшелона уже не приносили никаких результатов. В этот момент командование фронта сочло необходимым ввести в бой второй эшелон. В атаку пошел 4-й гвардейский корпус Н.А. Гагена. Развертывание дивизий проходило в трудных условиях. Бойцы преодолели обширные Синявинские болота, в ходе боя прокладывая дороги и одновременно отражая атаки противника. Ввод корпуса в бой не был должным образом обеспечен артиллерийским огнем и авиацией. Командующий артиллерией 8-й армии и здесь, вместо того чтобы направить на поддержку корпуса основную часть артиллерии, использовал только шесть артиллерийских полков и один полк гвардейских

минометов из имевшихся у него 24 полков. Между родами войск не было тесного взаимодействия. Командир корпуса генерал Гаген, ранее проявивший себя в боях с положительной стороны, по мнению К.А. Мерецкова, не сумел осуществить твердого руководства. Командованию фронтом пришлось вмешаться в управление боевыми действиями корпуса. Но время было упущено, и задача выйти к Неве осталась невыполненной ни к 1 сентября, ни в последующие дни наступления. Большие потери, понесенные 4-м гвардейским стрелковым корпусом в первые дни наступления, и продолжавшееся наращивание вражеских сил очень скоро привели к равновесию сторон. Атаки советских войск хотя и продолжались, но были слабыми и не достигали цели. В то же время заметно начала возрастать активность войск противника.

Противник в спешном порядке перебрасывал на угрожающее направление не только пехотные и танковые подразделения, но и артиллерию с соседних участков. На третий день на поле боя появились части 12-й танковой дивизии, которые были переброшены из-под Ленинграда, а также другие части 11-й армии Манштейна. Вскоре враг противопоставил войскам 8-й армии пять полностью укомплектованных дивизий, из них одну танковую. Он стал превосходить в силах наступающие советские войска, которые подвергались яростной бомбардировке с воздуха и массированному артиллерийскому обстрелу.

3 сентября Ленинградский фронт атаковал немецкие позиции в районе Московской Дубровки. Основная цель операции состояла в том, чтобы прорвать вражескую оборону на левом берегу реки Нева, овладеть Мусталово и, развивая успех на Синявино, соединиться с продвигающимися навстречу соединениями Волховского фронта. Две дивизии, форсировав Неву, вклинились во вражескую оборону на противоположном берегу. Однако развить успех они не могли и вынуждены были отойти на исходные позиции.

4 сентября Манштейну позвонил Гитлер. «Он заявил, что необходимо мое немедленное вмешательство в обстановку на Волховском фронте, чтобы избежать катастрофы. Я должен был немедленно взять на себя командование этим участком фронта и энергичными мерами восстановить положение. Действительно, в этот день противник в районе южнее Ладожского озера совершил широкий и глубокий прорыв занятого незначительными силами фронта 18-й армии. И вот вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось

“сражение южнее Ладожского озера”»¹⁹. Манштейн взял на себя командование опасным участком фронта. Уже на следующий день в ходе развития событий в районе Синявино сказалась высокая оперативно-тактическая подготовка нового немецкого командующего, его умение руководить войсками в сложной обстановке. Немцы добились крупного тактического успеха, окружив головную часть вклинившихся в их оборону советских войск. Противник наносил чувствительные контрудары по наступающим войскам 8-й армии. Фашистское командование подтянуло к участку прорыва большое количество артиллерии, в том числе тяжелой, а также особой мощности, переброшенной из Крыма или снятой непосредственно из-под Ленинграда, и нацелило на место прорыва большую часть авиации 1-го воздушного флота. К 5 сентября наибольшая глубина прорыва составила 12 километров. «День 5 сентября выдался для нас на редкость трудным. С утра мы атаковали противника, но были остановлены... Уже перед вечером я вернулся на свой НП. Только умылся, как позвонил К.А. Мерецков, он поздоровался и без предисловий заявил:

– Гляди за левым флангом! И днем, и ночью гляди. Тут замышляется что-то большое, чем можно предполагать. И не только в воздухе, но и на земле появились новые крупные силы противника. Что они собой представляют – мы пока не знаем.

– Надо ли мне наступать? – в свою очередь спросил я.

– Пока надо. Это путает противника и служит лучшим видом нашей защиты, – так закончил разговор Кирилл Афанасьевич. – К обороне перейдешь шестого сентября»,²⁰ – вспоминал П.К. Кошевой.

Этот разговор свидетельствует, что и 5 сентября командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков не знал о противнике почти ничего. Разведка фронта проспала появление Манштейна и его дивизий на фронте шлиссельбургско-синявинского выступа, а значит, командование не смогло внести коррективы в ход операции.

К этому времени нашим войскам противостояло пять пехотных, три горно-егерские и одна танковая дивизии. На фронте наступило равновесие сил. После 4 сентября советские войска не продвинулись вперед ни на метр. Противник отбил все атаки. Средоточив у основания прорыва значительные силы, гитлеровцы нанесли 6 сентября через рощу Круглую удар и начали теснить советские части. Чтобы отразить этот удар, командующий фронтом ввел в сражение 191-ю

стрелковую дивизию и 53-ю стрелковую бригаду, взятые из третьего эшелона. Неприятель был остановлен и отброшен на исходные рубежи. У К.А. Мерецкова появилась надежда овладеть рощей Круглая. Надо было только подавить огневую систему противника на этом участке фронта. Однако атака на рощу Круглая не удалась. Встреченные плотным артиллерийско-минометным огнем, советские части вынуждены были окопаться. Тогда Военный совет фронта принял решение о вводе в сражение 8 сентября третьего эшелона 2-й ударной армии. Но к этому времени она состояла из одной неполной дивизии и одной стрелковой бригады. Поэтому командование фронта переподчинило ей 4-й и 6-й гвардейские стрелковые корпуса, которые были втянуты в сражение и в значительной степени ослаблены. Таким образом, вместо ввода третьего эшелона получилась своеобразная замена одного армейского командования другим с небольшим усилением стрелковых соединений. Но эта замена не дала никаких преимуществ. Удар получился слабый и на ход событий не повлиял. Это отмечали и в штабе группы армий «Север». В журнале боевых действий 9 сентября 1942 г. было записано: «Противник вновь атакует восточный фронт более слабыми силами, чем до сих пор».

2-й ударной армии удалось ликвидировать несколько огневых точек врага и местами улучшить занимаемое положение. Однако для развития наступления сил оказалось недостаточно. Как отмечал К.А. Мерецков, 2-я ударная армия не оправдала тогда свое громкое название. К моменту ввода в сражение в нее входила одна стрелковая дивизия восьмитысячного состава и одна стрелковая бригада²¹.

В районе Невской оперативной группы началась оживленная подготовка к формированию Невы. «5 сентября произошло неожиданное осложнение. Меня срочно вызвал командующий фронтом (Л.А. Говоров) и приказал ознакомиться у начальника штаба с новым планом операции.

– Будем форсировать Неву тремя стрелковыми дивизиями и одной бригадой, – объявил он, – срок подготовки – трое суток.

Судя по тону, каким было сказано о тех сутках, я понял, что «сюрприз» этот преподнесен сверху. Причины возврата к лобовому удару через Неву в районе Невской Дубровки выяснились уже в ходе спешной перегруппировки войск. Дело в том, что 8-я армия Волховского фронта, начав наступление на Синявино, довольно далеко продвинулась вперед и стала

угрожать тылам вражеской ударной группировки. Маншейн оказался вынужденным бросить против 8-й армии часть дивизий, прибывших из Крыма для штурма Ленинграда. Удар по синявинской группировке врага из-за Невы должен был обеспечить развитие успеха Волховского фронта», – вспоминал Б.В. Бычевский.

В ходе подготовки к броску несколько раз менялись варианты оперативного построения войск. Лишь 7 сентября Л.А. Говоров принял окончательное решение: в первом эшелоне Неву форсируют 46-я и 86-я стрелковые дивизии, во втором эшелоне следует 11-я стрелковая бригада, в третьем – 70-я стрелковая дивизия.

Форсирование Невы – полноводной реки с быстрым течением – разворачивалось крайне трудно. Вскоре наступающие дивизии лишились почти всех переправочных средств. На плацдарм переправились отдельные батальоны. Связи с ними не было. Бои разворачивались очень тяжелые. Дивизии не смогли переправиться на левый берег Невы. Неудача с форсированием привела к тому, что батальоны, закрепившиеся на плацдарме, оказались фактически отрезанными от главных сил.

В плане повторного форсирования Невы, посланном в Москву 13 сентября, указывалось, что результатом операции должно быть соединение с Волховским фронтом. Однако все командиры Невской оперативной группы понимали, что четырех не полностью укомплектованных дивизий для прорыва фронта недостаточно. Враг мог выставить против них не менее пяти.

Повторная переправа через Неву началась 26 сентября. 86-я, 70-я дивизии и 11-я стрелковая бригада захватили по плацдарму каждая и начали бои изолированно друг от друга. Сил было явно недостаточно – по три батальона. Из-за сильного огневого противодействия немцев дневную переброску войск Невской оперативной группе пришлось свернуть до минимума. Высадившиеся войска все усилия направили на соединение трех плацдармов в один. Только к исходу третьих суток дивизии с большими потерями переправили на плацдарм свои основные силы. Враг тоже наращивал свои силы в районе предполагаемого прорыва. На земле и в небе шли ожесточенные бои.

29 сентября немцам все же удалось сбросить советские части в Неву в районе Анненского. Небольшой плацдарм в районе Невской Дубровки путем неимоверных усилий удалось

отстоять. 4 октября против защитников плацдарма пошла в атаку 28-я легкопехотная дивизия, прибывшая из-под Синявино, где войска Волховского фронта уже перешли к обороне. С наступлением темноты немцы ударили по центру плацдарма. Это была самая мощная контратака. Врагу удалось вклиниться в оборону защитников плацдарма. Целый час шел рукопашный бой в траншеях и у командного пункта 11-й стрелковой бригады. Закончился он в пользу советских воинов. Немцы понесли огромные потери и отошли. От советских дивизий на плацдарме остались только номера и несколько сотен бойцов.

В этих условиях командование Ленинградского фронта приняло решение об эвакуации плацдарма и прекращении наступательных действий на этом участке фронта.

Отразив наступление 2-й ударной армии, немецкие войска, в свою очередь, нанесли 10 сентября удар по нашим флангам у основания прорыва. Завязалось упорное встречное сражение, вынудившее 2-ю ударную армию перейти к обороне. В последний раз эта армия сумела вклиниться в расположение врага 17 сентября. 20 сентября противник перешел в контрнаступление, пытаясь отрезать наши авангардные части. Манштейн получил крупные подкрепления: две бомбардировочные эскадрильи с Центрального фронта, две – с Южного фронта, одну – из Кенигсберга и еще две группы бомбардировщиков – со Сталинградского фронта. Шесть пехотных дивизий, три горно-егерские бригады и части танковой дивизии врага стали сжимать клещи вокруг вырвавшихся вперед советских частей. На земле и в воздухе развернулось ожесточенное сражение. Наши войска упорно пытались закрепиться на достигнутых рубежах, возводя в ночные часы оборонительные сооружения, которые противник непрерывной бомбежкой днем сравнивал с землей. Его пехоту и танки поддерживала многочисленная артиллерия и авиация. Действовали они по классическим канонам военного искусства, пустив вперед танки, затем густые цепи автоматчиков, нацелив с воздуха самолеты. Только после 10 сентября командование Волховского фронта получило полную ясность в отношении того, кто и какими силами действовал против советских войск. Советские воины не раз сходились в рукопашную с немецкими егерями и гренадерами. Красноармеец 19-й гвардейской дивизии П.Г. Губченко огнем, штыком и гранатой уничтожил 15 солдат противника. Боец В.А. Яковлев сумел подобраться к вражескому орудью, перебил больше десятка солдат и подорвал пушку.

Хладнокровно и расчетливо действовал снайпер А.М. Мартынов. Умело маскируясь, он уничтожил 36 немецких солдат и офицеров.

Как отмечал в своих воспоминаниях Манштейн, «к 21 сентября в результате тяжелых боев удалось окружить противника. В последующие дни были отражены сильные атаки противника с востока, имевшие целью деблокировать окруженную вражескую армию прорыва. Та же судьба постигла и Ленинградскую армию, предпринявшую силами 8 дивизий отвлекающее наступление через Неву и на фронте южнее Ленинграда. Вместе с тем необходимо было уничтожить находящиеся в «котле» между Мгой и Гайтоловом значительные силы противника. Как всегда, противник не помышлял о сдаче, несмотря на безысходность положения и на то, что продолжение борьбы, с оперативной точки зрения, не могло принести ему пользы. Напротив, он предпринимал все новые и новые попытки вырваться из «котла». Так как весь район «котла» был покрыт густым лесом (между прочим, мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности), всякая попытка с немецкой стороны покончить с противником атаками пехоты повела бы к огромным человеческим жертвам. В связи с этим штаб армии подтянул с Ленинградского фронта мощную артиллерию, которая начала вести по «котлу» непрерывный огонь, дополнявшийся все новыми воздушными атаками. Благодаря этому огню лесной район в несколько дней был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки стволов когда-то гордых деревьев-великанов. Из захваченного нами дневника советского командира полка мы узнали позже, какое воздействие оказывал этот огонь. Из него мы узнали также, с какой суровостью комиссары принуждали советские войска к продолжению сопротивления». Однако писавший эти строки Манштейн не мог понять силу духа русского солдата, который даже, казалось бы, в безвыходном положении сражался до последнего патрона, бросался в штыковые атаки. Он видел перед собой Ленинград, который ждал его помощи, он рвался к нему всем сердцем, не жалея собственной жизни. И в атакующих цепях вместе со всеми шли комиссары, показывая пример беззаветной храбрости и высокое понимание воинского долга.

22 сентября 132-я немецкая пехотная дивизия взяла штурмом деревню Тортолово. 23 сентября во многом благодаря хорошо организованной авиационной поддержке части 26-го армейского корпуса ворвались в северную часть Гайтолово,

а полки 24-й пехотной дивизии в эти дни достигли местности южнее Гайтолово. 25 сентября южная группа немецких войск врывается в Гайтолово и устанавливает связь с частями 26-го армейского корпуса. Был образован «мешок Мерецкова», в котором оказались часть сил 6-го гвардейского корпуса, 2-й ударной и 8-й армий. В последующие дни немцы успешно отбили сильные фронтальные атаки войск Волховского фронта с востока. Одновременно противник приступил к ликвидации окруженных советских войск. 30 сентября около 15 часов немецкая пехота в результате страшного рукопашного боя отбила у советских частей Гайтолово. Участник этих событий немецкий полковник Х. Польман в книге «Волхов: 900 дней боев за Ленинград» так оценивал эти события: «Мощная артиллерия позволила немецкому командованию во взаимодействии с соединениями бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков генерал-полковника Рихтхофена разбить окруженные в «котле» восемь стрелковых дивизий, шесть стрелковых бригад и четыре танковые бригады и превратить болотистый лес в ад». Немцы подрубили основание прорыва, как это сделали еще весной во время любанской наступательной операции, когда в волховских болотах в окружение попала 2-я ударная армия, и принялись методично, с немецкой аккуратностью уничтожать попавшие в окружение советские части.

Неудачно развивались действия и Невской оперативной группы. Попав под удар артиллерии и авиации, ленинградцы вскоре лишились всех переправочных средств. Форсирование Невы затормозилось. Малочисленные подразделения, которым удалось пересечь реку, сбрасывались противником в воду. Чтобы избежать напрасных потерь, Ставка Верховного Главнокомандования в директиве 12 сентября Военному совету Ленинградского фронта приказала операцию по форсированию Невы временно прекратить.

27 сентября командующий Волховским фронтом К.А. Мерцков отдал приказ о выводе всех частей из «мешка» на восточный берег Черной речки. 28 сентября советский арьергард контратаковал немецкие соединения, прикрывая отход, а в ночь на 29 сентября началась переправа.

В те дни в районе охвата врагом наших войск создалась тяжелая обстановка. Соединения и части перемешались между собой. Управление нарушилось. В дивизии и полки поступали противоречивые приказы. Это дало повод Ставке упрекнуть командование Волховского фронта в незнании обстановки на

местах. Чтобы оказать непосредственное влияние на организацию вывода войск из окружения, К.А. Мерецков выехал на командный пункт 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Однако это не повлияло на ход сражения.

Основная масса советских войск закончила выход на восточный берег к рассвету 29 сентября. Основные подразделения вышли в ночь на 30 сентября.

К 2 октября бои по ликвидации «котла» были закончены. «Нами было захвачено 12 000 пленных, противник потерял свыше 300 орудий, 500 минометов и 244 танка. Потери противника убитыми во много раз превышали число захваченных пленных», – писал Манштейн. Но он, как всегда, преувеличивал потери противника.

Советские войска, а также дивизии группы армий «Север» возвратились примерно на старые позиции. Артиллерийская дуэль и взаимные налеты авиации как бы по инерции продолжались затем несколько дней, но наступательные действия не предпринимались. Невская оперативная группа вела бои до 6 октября.

Таков был конец Синявинской операции. Волховскому и Ленинградскому фронтам не удалось в то время прорвать блокаду Ленинграда. Однако расчеты немецкого командования провести свою наступательную операцию против Ленинграда не оправдались.

Из доклада Военного совета Волховского фронта Верховному Главнокомандующему от 1 октября 1942 г.:

«...Десятки пленных из состава вновь прибывших дивизий, и особенно 170, 24, 28 и 132 пехотных дивизий, прибывших из Крыма, показали, что эти войска предназначались для штурма Ленинграда и проходили специальную тренировку (170 пехотная дивизия тренировалась совместно с 185 штурмовым дивизионом)...

В настоящее время можно считать установленным, что противник подготавливал операцию против Ленинграда и наступление войск Волховского фронта принудило его повернуть свои войска на мгинское направление. Более месяца на мгинском направлении протекали кровопролитные, ожесточенные бои. Противник, наряду с оборонительными действиями, предпринимал частные контрудары и переходил в общее контрнаступление. Наши войска проявили упорство в боях. Противник нес большие потери от всех видов огня, и особенно от массированного огня артиллерии и РС. Показаниями пленных установлено, что хорошо пополненные после крымских

операций 24, 170, 28 и 132 пехотные дивизии настолько были истощены в этих боях, что в ротах оставалось по 18–20 человек (24, 170 и 5 пехотные дивизии) и 30–50 человек (132 пехотная дивизии). 223 и 227 пехотные дивизии были разбиты первыми ударами наших войск.

Общие потери противника за всю операцию составляют: убитыми и ранеными 51 700 человек, уничтожено 260 самолетов, 144 орудия, 300 минометов, 400 пулеметов и 197 танков. Кроме того, нашими войсками захвачены следующие трофеи: 72 орудия всех калибров, 105 минометов, 330 пулеметов, 7 танков, 2 самолета, полтора миллиона патронов. Из этих потерь видно, что готовившаяся для штурма Ленинграда группировка противника сильно истощена в боях с войсками Волховского фронта и в ближайшее время не способна без дополнительных усилий на проведение крупной наступательной операции»²².

По официальным немецким данным, с 28 августа по 30 сентября потери немецких войск составили 671 офицер и 25 265 унтер-офицеров и рядовых. Из этого числа 172 офицера и 4721 солдат были убиты. Наибольший урон понесли подразделения пехоты и военно-инженерные части.

О том, что немцы не могли наступать, признавали и в штабе группы армий «Север», и генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Были исчерпаны все резервы и материальные ресурсы.

После Синявинской операции стратегическая инициатива под Ленинградом перешла к советским войскам. Еще одно наступление гитлеровцы организовать так и не смогли. Испанский генерал Эстебан-Инфантеса, командовавший «Голубой дивизией», стоявшей под Ленинградом, писал: «Мы жили в это время ожиданием предстоящего наступления на Ленинград, но вдруг поступили первые сообщения о сражении под Сталинградом. Как только мы осознали поражение немцев и увидели, что германские войска уходят с нашего участка фронта на юг, мы поняли, что ход войны изменился и мы наступать не будем. На нашем участке фронта остались дивизии, предназначенные для обороны. Они получили приказ окопаться и всеми средствами укреплять оборону».

В результате Синявинской операции почти полностью повторился сценарий любанской трагедии, только в несколько меньших масштабах. На начальном этапе сражения по всем количественным показателям Волховский фронт имел значительный перевес над противостоящими немецкими войсками.

Предназначенные для наступления соединения обладали более чем трехкратным превосходством над врагом в живой силе, четырехкратным – в танках, двукратным – в артиллерии и минометах. К неудаче волховчан привели следующие причины: несоответствие неплохого с точки зрения оперативного замысла проведения операции времени года, условия местности и степень подготовленности войск. Они наиболее бедственно повлияли на столь неблагоприятный для нас исход «сражения южнее Ладожского озера», а также недостатки в организации разведки, управления войсками, взаимодействия частей и плохая связь. Командиры дивизий и корпусов почти ничего не знали о противнике, в ходе наступления каждый вел свою «маленькую войну» на своем участке фронта, не чувствуя плеча соседа. Командиры дивизий теряли управление полками, а полки – батальонами. В ряде случаев управление соединениями и частями корпусов было нарушено, а нередко просто утрачено. Наиболее красноречиво об этом говорит надпись на карте, в которой командование всеми частями 6-го гвардейского стрелкового корпуса поручено командиру 294-й стрелковой дивизии подполковнику Вержбицкому. Следовательно, можно сделать вывод, что командиры и штаб корпусного звена обстановкой уже не владели. Трудно догадаться, в каких местах находятся и остальные пункты управления дивизий и бригад. Информация только немногих из них нанесена на карту.

Помимо всего прочего в ходе сражения было немало разного рода безответственности. Командир 259-й стрелковой дивизии в ходе боя потерял управление полками и неправильно информировал штаб корпуса о положении дел на своем участке фронта. Командир 944-го стрелкового полка этой же дивизии в течение двух дней, 2 и 3 сентября, не имел связи с батальонами и в течение трех дней не мог найти минометную роту своего полка. 191-я стрелковая дивизия пошла в бой, не имея боеприпасов к орудиям и минометам. У бойцов 269-й стрелковой дивизии не было ручных гранат. Танковые бригады и батальоны Волховского фронта действовали мелкими группами на широком фронте, в результате чего уже 15 сентября потеряли 105 танков. Боевые машины использовались на танконедоступной местности, вязли в болотах, подрывались на собственных же минных полях, тонули в трясине. Немало танков в ходе операции «пропало без вести»²³.

35 суток длились на подступах к Неве бои огромной силы и накала войск Волховского и Ленинградского фронтов. До

27 сентября советские войска отбивали все удары противника, нанося ему большой урон и удерживая захваченные на подступах к Синявину и Мге рубежи. 29 сентября, в условиях создавшегося совершенно невыгодного соотношения сил Ставка ВКГ приказала отвести войска Волховского фронта к рубежу Черной речки и перейти там к жесткой обороне. К 1 октября войска фронта отошли на правый берег речки Черная. Так закончилась Синявинская наступательная операция.

Одной из причин невыполнения войсками фронта задач по прорыву блокады Ленинграда явилась плохая организация взаимодействия пехоты, артиллерии и танков. Серьезные недостатки имелись в управлении войсками, в организации разведки, сосредоточения усилий на решающих направлениях. Вторые эшелоны и оперативные резервы вводились в бой частями и с большим опозданием²⁴.

Вместе с тем наступление войск Волховского и Ленинградского фронтов имело большое оперативное значение, так как вынудило немецко-фашистское командование использовать для этого наступления войска, предназначенные для штурма Ленинграда.

В ходе Синявинской операции вновь проявились столь характерные для первого периода войны недостатки: командный состав пехоты в звене рота—батальон плохо организовывал бой. Не управлял своими подразделениями, зачастую бойцы действовали без руководства по своему усмотрению, на поле боя практически не маневрировали, а, попав в окружение, нередко не знали как себя вести и куда прорываться. Неблагоприятно сказалось на ходе сражения недостаточное количество транспорта и тягловой силы в войсках фронта. Бойцам всю материальную часть, боеприпасы и продовольствие в очередной раз приходилось по болотам переносить на себе.

Ссылки к главе 6

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 225.

² КТВ/ОКВ, Bd. II. S. 77.

³ Hitlers Weisungen fur die Kriegfuhrung 1939–1945, S. 199.

⁴ Совершенно секретно! Только для командования! М., 1967. С. 390.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Смоленск.: Русич, 2001. Т. 3. Кн. 2. С. 312.

⁶ КТВ/ОКВ, Bd. II. S. 78.

⁷ Там же. С. 79.

⁸ Мерещков К.А. На службе народу. М., 1988. С. 290.

⁹ История второй мировой войны: В 12 т. М., 1975. Т. 5. С. 228.

¹⁰ *Маништейн Э.* Утерянные победы. М.: Ростов н/Д: Феникс. 1999. С. 300.

¹¹ На Волховском фронте 1941–1944 гг. М., 1982. С. 39; *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 292.

¹² История второй мировой войны 1939–1945. Т. 5. С. 239.

¹³ *Одинцов Г.Ф.* Повелители огня. Л., 1980. С. 123.

¹⁴ *Бычевский Б.* Город-фронт. Л., 1967. С. 180.

¹⁵ *Кошевой П.К.* В годы военные. М.: Воениздат, 1974. С. 82.

¹⁶ Там же. С. 85.

¹⁷ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 319.

¹⁸ *Кошевой П.К.* Указ. соч. С. 89.

¹⁹ *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 302.

²⁰ *Кошевой П.К.* Указ. соч. С. 94.

²¹ *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 299.

²² ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 97, д. 78, л. 164–166.

²³ *Ходаренок М., Владимиров О.* Трагедия в Синявинских болотах // Независимое военное обозрение. 2002. №37. 18 октября.

²⁴ *Семенов В.Я.* В августе–сентябре 1942 года // Военно-исторический журнал. 1972. № 10. С. 64–68.

ОПЕРАЦИЯ «ИСКРА»

Почему не оправдались надежды на победу в 1942 г.? Этот вопрос волновал не только бойцов и командиров Красной Армии, но и труженников тыла. На огромной территории страны шли жестокие бои. Красная Армия отступила. Развернулись кровавые сражения на берегах Волги и в предгорьях Кавказа. Под Ленинградом не была решена ни одна стратегическая задача. Город оставался в блокаде, готовясь к еще одной страшной зиме. В ноябре 1942 г. командование Волховского и Ленинградского фронтов при участии представителей Ставки Верховного Главнокомандования маршала К.Е. Ворошилова и генерала армии Г.К. Жукова приняли решение о прорыве блокады Ленинграда, с тем чтобы «соединить Большую землю и осажденный Ленинград прочным коридором»¹. Разработанный план операции по прорыву блокады Ленинграда Ставка Верховного Главнокомандования утвердила 2 декабря. Конкретные задачи войскам Ленинградского и Волховского фронтов были определены директивой Ставки 8 декабря. Командующие Ленинградским и Волховским фронтами получили указание подготовить к 1 января 1943 г. наступательную операцию под кодовым названием «Искра». В директиве, подписанной И.В. Сталиным и Г.К. Жуковым, говорилось: «Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку противника в районе Липка, Гайтолово, Московская Дубровка, Шлиссельбург, таким образом разбить осаду города Ленинграда, к исходу января 1943 г. операцию закончить. Закрепившись прочной обороной на линии р. Мойка, поселок Михайловское, Тортолово и закрепившись на этом рубеже, обеспечить коммуникацию Ленинградского фронта, после чего войскам дать 10-дневный отдых. В первой половине февраля месяца 1943 г. подготовить и провести операцию по разгрому противника в районе Мги и очищению Кировской железной дороги с выходом на линию Вороново,

Сиголово, Войтолово, Воскресенск»². Войска, участвующие в прорыве блокады, после сражения южнее Ладожского озера были пополнены людьми и техникой.

Командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков планировал взломать вражескую оборону на участке Липка – Гайтолово протяженностью 12 километров, уничтожить противника в восточной части шлиссельбургско-синявинского выступа и, соединившись с войсками Ленинградского фронта, прорвать блокаду Ленинграда.

В состав Ленинградского фронта входили 22 стрелковые дивизии, 10 стрелковых, 2 лыжные и 5 танковых бригад и 4 укрепрайона. Краснознаменный Балтийский флот охранял подступы к Ленинграду с моря и поддерживал сухопутные войска огнем своей артиллерии. Непосредственно город и Кронштадтскую военно-морскую базу прикрывала 13-я воздушная армия и авиация Балтфлота. В операции «Искра» принимала участие 67-я армия под командованием генерал-майора М.П. Духанова Ленинградского фронта, которая действовала на левом берегу Невы в 30-километровой полосе от Порогов до Ладожского озера. В ее составе было 6 стрелковых дивизий, 7 стрелковых и 3 танковые бригады, 1 укрепрайон на берегу Невы. Общая численность войск Ленинградского фронта, участвовавших в сражении по прорыву блокады, превышала 133 тысячи человек. Боевые действия 67-й армии поддерживала авиация 13-й воздушной армии генерала С.Д. Рыбалченко и военно-воздушные силы Балтийского флота, всего около 450 самолетов³.

Войскам 67-й армии предстояло преодолеть под вражеским огнем почти 900-метровый открытый участок замершей Невы, взять крутой берег, обильно насыщенный вражескими огневыми точками, прорвать оборону противника и двинуться навстречу 2-й ударной армии. Ей определялась следующая задача: форсировать Неву между Шлиссельбургом и 8-й ГРЭС, наступать на Синявино и Рабочий поселок № 5. В первом эшелоне должны были наступать четыре стрелковые дивизии: 45-я гвардейская, 136-я, 268-я и 86-я, а также легкие танки 61-й танковой бригады В.В. Хруцницкого. Две стрелковые дивизии и несколько стрелковых бригад оставались во втором эшелоне.

Навстречу ленинградцам главный удар по врагу наносила 2-я ударная армия Волховского фронта под командованием генерал-лейтенанта В.З. Романовского⁴. В ее составе было 11 стрелковых дивизий, 4 стрелковые и 4 танковые бригады⁵. На первом этапе операции войска 2-й ударной армии должны были прорвать оборону врага и выйти на линию: 2 км западнее

Рабочего поселка № 4, оз. Глухое, Рабочий поселок № 7. В дальнейшем армия должна была овладеть рабочими поселками № 1 и № 5, Синявино и наступать до встречи с войсками Ленинградского фронта⁶.

Ей предстояло прорвать оборону противника на участке Липка, Гайтолово и, овладев Рабочими поселками № 1 и № 5, а также Синявино, соединиться с войсками Ленинградского фронта. Общая численность соединений и частей армии, участвующих в прорыве, составляла 114 тысяч человек. К тому же левый фланг 2-й ударной армии прикрывала 8-я армия численностью 52 500 человек, которая наносила вспомогательные удары.

Войска 2-й ударной армии были построены в два эшелона с выделением резервов. В первом эшелоне на правом фланге, восточнее населенного пункта Липка, развертывалась 128-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф.Н. Пархоменко. Южнее, на Рабочий поселок № 8, нацеливалась 372-я стрелковая дивизия полковника П.И. Радыгина. К югу от Рабочего поселка № 8 развертывалась 256-я стрелковая дивизия полковника Ф.К. Фетисова. Ей предстояло наступать по равнинной торфяной местности, на которой гитлеровцы соорудили два деревянно-земляных вала с большим количеством огневых точек.

В направлении роши Круглая должна была действовать 327-я стрелковая дивизия полковника Н.А. Полякова. На левом фланге между рошей Круглая и Гайтолово развернулась 376-я стрелковая дивизия генерал-майора Н.Е. Аргунова. Здесь же, на левом фланге армии, находилась и 314-я стрелковая дивизия полковника И.М. Алиева. Учитывая горький опыт предыдущих сражений, ей ставилась задача надежно прикрывать левый фланг армии со стороны роши Круглая, Гайтолово и стыка с 8-й армией.

Первый эшелон должен был прорвать главную полосу обороны противника и овладеть сильно укрепленными опорными пунктами: Рабочими поселками № 2 и № 8, рошей Круглая. Второй эшелон в составе пяти стрелковых дивизий (18, 191, 71, 11-й и 279-й) командование собиралось использовать для развития наступления до соединения с войсками Ленинградского фронта и занятия фронта на юге рубежа в районе Синявино⁷. В резерве находились 147-я стрелковая дивизия, 12-я и 13-я лыжные стрелковые бригады.

В полосе наступления фронта было сосредоточено 2885 орудий и минометов калибра 76 мм и выше: из них 2100 орудий и минометов находились во 2-й ударной армии⁸. Из четырех

танковых бригад две действовали в первом эшелоне армии. Основная масса танков направлялась на усиление левофланговых дивизий, где были условия для их эффективного использования. Накануне наступления членом Военного совета 2-й ударной армии был назначен секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А.А. Кузнецов. Это усиливало связь Ленинградского и Волховского фронтов, которые решили совместными усилиями прорвать блокаду Ленинграда.

Вспомогательный удар с целью обеспечения левого фланга 2-й ударной армии должна была наносить 8-я армия под командованием генерал-майора Ф.Н. Старикова. На 6-километровом участке Гайтолово–Мишкино наступали: в первом эшелоне 80-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Н.В. Симонов, усиленная танковым полком, и 73-я бригада морской пехоты под командованием полковника И.Н. Бураковского, усиленная танковым батальоном. Во втором эшелоне армии находилась 364-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Ф.Я. Соловьев.

Первый эшелон 8-й армии должен был прорвать оборону противника и овладеть опорными пунктами противника в районе Тортолово и Мышкино, а в последующем развивать наступление в юго-западном направлении.

Большая работа была осуществлена по инженерному обеспечению действий войск в операции. Надо было в условиях зимних холодов при недостатке дорог обеспечить скрытое расположение крупных группировок в исходных районах и успешный прорыв сильной вражеской обороны. Для этого пришлось построить 20 км колонных путей в войсковом тылу, усилить мосты и построить новые, сделать проходы в минных полях по одному на роту, во всех наступающих частях были созданы штурмовые группы и группы разграбления⁹.

К началу операции «Искра» советские войска превосходили противника на участке прорыва по численности пехоты – в 4,5 раза, артиллерии – в 7 раз, танков – в 10 раз, самолетов – в 4 раза.

Бывший начальник оперативного отдела штаба Волховского фронта генерал-майор П.Я. Егоров вспоминал о тех днях: «В конце 42-го г. штаб фронта приступил к подготовке операции по прорыву блокады Ленинграда. Передовой командный пункт фронта переместился в район предполагаемого направления главного удара и находился недалеко от населенного пункта Горка. Для офицеров штаба... наступили горячие дни. Особенно был занят командующий. Правда, в помощь ему

Ставка назначила генерал-лейтенанта И.И. Федюнинского, хорошо знавшего здешний театр военных действий. Члены штаба и командиры подразделений на направлении главного удара жили ожиданием победы, полного разгрома врага под Ленинградом».

При завершении подготовки операции в начале января 1943 г. состоялась встреча военных советов Ленинградского и Волховского фронтов. На ней были окончательно отработаны и уточнены все вопросы: взаимодействие войск в операции, одновременность занятия исходного положения, начало артиллерийской и авиационной подготовки, время атаки пехоты и танков, рубеж встречи войск обоих фронтов, условная линия встречи, характер их действий после встречи при повороте на юг для удара через Синявино и последующего выхода на среднее течение реки Мойки¹⁰. Были также установлены сигналы взаимного опознавания при встрече. Между командующими на этой встрече также была достигнута договоренность, что если войска одного из фронтов, выйдя на намеченный рубеж, не встретят войска другого фронта, то они будут продолжать наступление до фактической встречи.

Командование 18-й немецкой армии тоже готовилось к предстоящему сражению. На шлиссельбургско-синявинском выступе оно сосредоточило около пяти полностью (от 10 до 12 тыс. человек) укомплектованных пехотных дивизий из 26, имеющихся в армии, почти 700 орудий и минометов, в том числе и шестиствольные, до 50 танков и штурмовых орудий, а также другие средства усиления¹¹. Плотность войск и огня превышала все принятые в немецкой армии нормы для обороны. Дивизии оборонялись на фронте в 5–6 км. Для обеспечения обороны на этом участке фронта противник использовал основные силы 1-го воздушного флота. Перед войсками 67-й армии оборонялась одна усиленная северогерманская 170-я пехотная дивизия генерала Зандера. В ходе начавшихся боев к ней присоединилась 28-я егерская дивизия под командованием генерала Зингубера.

При оценке противника командование Волховского фронта учитывало, что он уже в первый день наступления может перебросить на опасный участок в районе прорыва одну или две дивизии из резерва 18-й армии, а также некоторые части, обороняющиеся вблизи выступа. Нарастание сил могло произойти и в последующие дни. На особо важном участке обороны в районе роши Круглая немецкие войска создали два деревянно-земляных вала шириной 1–2 м и высотой 1,5 м¹².

В них были проделаны амбразуры для пулеметов и орудий. С наступлением морозов немецко-фашистские войска облили эти валы водой, сделав их почти неприступными.

10 января на командный пункт Волховского фронта прибыли представители Ставки маршал К.Е. Ворошилов и генерал армии Г.К. Жуков. Командующий фронтом К.А. Мерецков доложил им о ходе подготовки наступления, а затем ознакомил с окончательно отработанным планом операции.

Ночью воинам 67-й армии было зачитано обращение Военного совета Ленинградского фронта: «Войскам 67-й армии перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соединение с войсками Волховского фронта, идущими к нам навстречу, и тем самым разбить осаду города Ленинграда.

...Дерзайте в бою, равняйтесь только по передним, проявляйте инициативу, хитрость, сноровку!

Слава храбрым и отважным воинам, не знающим страха в борьбе! Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверены жизнь и свобода Ленинграда!

Пусть победа над врагом овеет неуязвимой славой ваши боевые знамена!

В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные воины!» В войсках Волховского фронта прошли митинги и собрания, на которых бойцы поклялись взломать оборону противника и освободить Ленинград от блокады.

Наступило утро 12 января 1943 года. В карьер у деревни Горка, где располагался командный пункт, были проложены железнодорожные пути и поставлен штабной вагон командующего Волховским фронтом К.А. Мерецкова. В нем склонились над столом с картами представители Ставки маршалы Г.К. Жуков и К.Е. Ворошилов, член Военного совета фронта Л.З. Мехлис. Зазвонил телефон. Командующий артиллерией Волховского фронта генерал Г.Е. Дегтярев доложил:

– Артиллерия к открытию огня готова..

– Начинайте, – отдал команду Мерецков.

В 9 часов 30 минут артиллерийские полки и дивизионы открыли огонь по врагу. 1 час 45 минут длилась артиллерийская подготовка на участке прорыва Волховского фронта. 2 часа 20 минут долбили оборону противника орудия Ленинградского фронта. Авиация бомбила позиции и тылы немцев силами 13-й и 14-й воздушных армий. После этого войска двух фронтов одновременно перешли в наступление.

Немцы сражались с необычным упорством. На участке 67-й армии советские части преодолели передний край обороны противника и захватили плацдарм у деревни Марьино протяженностью 5 километров по фронту. Упорное сопротивление противника, обороняющегося между 2-м Городком и Шлиссельбургом, было сломлено. К исходу дня наступавшие в центре 136-я и 268-я стрелковые дивизии вклинились в неприятельскую оборону на глубину до 3 км. Однако противник упорно сопротивлялся в районе 8-й ГРЭС. Многие огневые точки противника каменных зданий Рабочих поселков во время артиллерийской подготовки уцелели. 45-я гвардейская дивизия генерал-майора А.А. Краснова несла большие потери. В районе Шлиссельбурга и Московской Дубровки наши части постигла неудача. Противник встретил массированным огнем полки 86-й дивизии В.А. Трубачева и отбил атаку. Только отдельным батальонам удалось зацепиться за берег. Но им пришлось отойти на исходные позиции. Командующий 67-й армией генерал М.П. Духанов приказал В.А. Трубачеву отвести полки и готовить их ввод в бой с плацдарма, захваченного 136-й дивизией генерала Н.П. Симоняка. Уже на следующий день планировалось ввести в бой вторые эшелоны, так как противник подтягивал резервы и готовился к контратакам.

Наиболее успешно наступала 136-я дивизия генерал-майора Н.П. Симоняка. Это он приказал дивизионному духовому оркестру играть «Интернационал» во время броска через Неву – поддерживать боевое настроение войск. Дивизия быстро форсировала Неву и к вечеру вышла на рубеж Беляевское болото – Пильная Мельница. Наступавшая правее 268-я стрелковая дивизия полковника С.Н. Борщева полуохватила вражеские позиции в районе 2-го Городка.

На следующий день на плацдарме завязались тяжелейшие бои. Немцы пошли в контратаку крупными силами пехоты при поддержке танков. Противник наносил удар вдоль левого берега Невы с целью отрезать главные силы 67-й армии, которые ушли вперед. Удар пришелся на 268-ю дивизию, которая стала пятиться к Неве. На пути немецких танков встал артиллерийский дивизион капитана Н.И. Родионова 96-го истребительно-противотанкового полка. Его огневые позиции были на опушке леса перед поляной, через которую двигались немецкие танки. Когда машины с крестами на броне подошли на 500 метров к огненным позициям артиллеристов, заговорили орудия дивизиона. Артиллеристы капитана Н.И. Родионова сразу же подожгли два танка. Но силы были неравными.

У противника помимо 16 танков были самоходные орудия, несколько рот автоматчиков. Они рвались к переправам через Неву. Во время отражения атаки танков погиб командир батареи старший лейтенант Л.С. Кубланов, многие орудийные расчеты. Зажимая рукой кровоточащую рану, продолжал управлять огнем орудий командир батареи лейтенант Ф.С. Чернышев. Через два часа боя закончились снаряды, неразбитыми осталось несколько орудий. В бою погиб командир дивизиона, многие артиллеристы. Подоспевшая пехота отбросила противника. Как подчеркивалось в донесении штаба Ленинградского фронта, «только благодаря героическим действиям нескольких артиллерийских батарей немецкие танки не прорвались к переправам». Дивизия за несколько часов боя потеряла около полутора тысяч человек. Раненых немцы давили танками и добивали штыками.

В отражении атак наступающих советских частей, а потом и в контратаках на участке 96-й пехотной дивизии немцев участвовала 1-я рота 502-го тяжелого танкового батальона. Четыре новейших «тигра» были включены в ее состав. В боях в районе Шлиссельбурга лейтенант Бодо фон Гартель меткой стрельбой из «тигра» уничтожил 12 танков Т-34, а унтерфельдфебель Болтер – пять. Немцы не хотели уступать ни клочка завоеванной земли. Они сражались за каждый метр, за каждую высоту, непрерывно контратаковали.

Кровь в прямом смысле лилась рекой. В результате упорного сражения на этом участке фронта советским войскам в этот день не удалось продвинуться вперед. В ряде случаев ими были оставлены ранее завоеванные позиции.

На Волховском фронте события тоже разворачивались не менее драматически. Ни в первый, ни во второй день наступления 2-й ударной армии не удалось взять Липки и Рабочий поселок № 8. В полосе 2-й ударной армии наиболее ожесточенные бои развернулись за опорные пункты врага в деревне Липка, Рабочем поселке № 8 и роще Круглая северо-западнее Гонтовой Липки. Эти опорные пункты находились на флангах прорыва, и немецкие солдаты упорно дрались за их удержание, даже находясь в окружении. К исходу дня соединениям армии удалось прорвать первую позицию вражеской обороны и продвинуться на 2–3 км. Противник, стремясь не допустить развития прорыва, начал вводить в сражение оперативные резервы.

На деревню Липки наступали части 128-й стрелковой дивизии под командованием генерала Ф.Н. Пархоменко. Части шли по открытой местности под ураганным огнем противника.

523-й стрелковый полк этой дивизии вел тяжелый бой за мощный опорный пункт противника в районе кладбища. С большим трудом к нему пробилась рота старшего лейтенанта Я.И. Богдана. В это время во фланг наступающим советским частям почти в упор ударил вражеский пулемет из хорошо замаскированного дзота. Командир роты бросился к нему и закрыл грудью амбразуру¹³. Рота выполнила задачу и захватила укрепленную позицию.

Важный опорный пункт немцев в Рабочем поселке № 5 имел до 15 дзотов. Его оборонял 1-й батальон 374-го гренадерского полка 207-й пехотной дивизии. Этот полк был временно переподчинен 227-й пехотной дивизии для обороны восточной стороны «бутылочного горла». 1-й батальон имел в своем распоряжении также 6 артиллерийских батарей калибра 105 мм. Через Рабочий поселок № 5 проходила единственная проезжая дорога через болото, ведущая в северном направлении к берегу озера и в южном направлении через Синявино к станции Мга на железной дороге. Немцы обороняли его с особой яростью и упорством, так как только по этой дороге могли отойти из-под Шлиссельбурга и Липок попавшие в трудное положение в результате действий 67-й армии пехотные и танковые части 18-й армии вермахта. Оборону Рабочего поселка № 8 осуществлял 2-й батальон того же 374-го гренадерского полка. Здесь оборону держали более 700 человек. В поселке находилось 16 дзотов. Перед передним краем была колючая проволока в два ряда и минное поле. На переднем крае обороны противника южнее Рабочего поселка № 8 находилась роща Круглая.

Советские войска непрерывно штурмовали Рабочий поселок № 5. Если бы удалось именно на этом участке соединиться войскам Волховского и Ленинградского фронтов, то немецкие силы под Шлиссельбургом и Липками оказались бы в окружении. Чтобы сохранить позиции, командование 18-й немецкой армии направило на этот участок фронта две полковые группы 61-й пехотной дивизии, которые занимали оборону в районе станции Погостье. Она втянулась в «бутылочное горло» и нанесла удар из района Синявино. В результате упорных боев противнику удалось вывести из-под Шлиссельбурга и Липок 96-ю и 227-ю пехотные дивизии¹⁴.

Главные бои развернулись в районе Рабочего поселка № 5. Советские войска бросили на этот бастион противника крупные силы пехоты и танков.

Во время штурма вражеских позиций в Рабочем поселке № 5 героически сражались танкисты 98-й танковой бригады. Танк под командованием старшего лейтенанта В.Н. Бутова, ворвавшись в расположение немецких войск, подавил несколько огневых точек. Однако машина была подбита, а потом загорелась. Командир приказал покинуть ее. Механик-водитель Гаврилов под огнем врага вытащил из танка тело убитого радиста Смирнова и помог выйти раненому башенному стрелку Горохову, а сам до последней возможности продолжал вести огонь по врагу. Отважные танкисты уничтожили три орудия, два дзота и до 20 немецких солдат и офицеров¹⁵.

На одном из участков в полосе наступления 2-й ударной армии советские воины захватили новейший танк «тигр», который был отправлен в Москву для всестороннего изучения. Полученные технические данные были своевременно доведены до войск и сыграли огромную роль в борьбе с этими машинами во время битвы на Курской дуге.

Утром 15 января 220-я танковая бригада полковника И.Б. Шпиллера атаковала 8-ю ГРЭС. Танки с десантом на броне ворвались на электростанцию, захватили правую эстакаду и часть здания. Дальше пробиться не удалось. Но благодаря этому небольшому успеху удалось улучшить положение на правом фланге армии и лишить противника возможности нанести отсюда удар в тыл советской группировки, которая устремилась на встречу с войсками Волховского фронта.

Наибольший успех на Волховском фронте в первый день операции «Искра» имели 256-я и 327-я стрелковые дивизии. Соединения генерал-майоров Ф.Н. Пархоменко и Н.Е. Аргунова после захвата первой и второй траншеи противника в районах деревень Липка и Гайтолово вступили с ним в затяжные бои. 372-я дивизия полковника П.И. Радыгина медленно обтекала сильно укрепленный Рабочий поселок № 8.

Командующий фронтом К.А. Мерецков писал в своих воспоминаниях: «Почти сразу же обозначился участок максимального сопротивления врага – роща Круглая, причинившая нам столько неприятностей еще во время Синявинской операции. Весь день здесь шел ближний бой, неоднократно переходящий в рукопашные схватки. Фашисты в плен почти не сдавались и стреляли до последнего патрона, но хода событий это не изменило. К вечеру узел сопротивления пал, и 327-я дивизия, переименованная за свой подвиг в 64-ю гвардейскую, развернула наступление на место сосредоточения 207-й охранной дивизии гитлеровцев, обходя с севера Рабочий поселок № 7»¹⁶.

Бывший начальник учетно-планового отдела штаба 2-й ударной армии, полковник в отставке К. Перлов в воспоминаниях рассказывал о массовом героизме воинов на направлении главного удара: «Наши воины в боях за Ленинград проявили исключительное мужество и отвагу, боевую дисциплину и волю к победе. На каждом участке фронта были свои герои.

...Дзот противника вел шквальный огонь. Бойцам пришлось залечь. Тогда командир пятой роты 533-го полка 128-й стрелковой дивизии старший лейтенант Яков Богдан пополз вперед, перед самым дзотом поднялся с земли и своим телом закрыл амбразуру. Вражеский пулемет дал последнюю очередь и захлебнулся в крови отважного комсомольца. Бойцы стремительно ворвались на высоту и отомстили гитлеровцам за смерть своего товарища. На поле боя осталось около ста фашистских трупов и много подбитой техники.

Во время боя старшина Коломеец привез на передовую завтрак. В этот момент был тяжело ранен командир роты. Оставив повара у кухни, старшина взял командование на себя. Получив задачу, он повел роту в бой. Смелый старшина лично уложил в этом бою несколько гитлеровцев. Осколком мины Коломеец был ранен, но не оставил поле боя.

Врач Иннокентий Ионович Краснопеев перевязывал раненых на передовой у блиндажа. Он не обращал внимание на обстрелы, а когда санитары не управлялись, сам помогал переносить раненых на плащ-палатках. Осколком снаряда ему оторвало два пальца на руке. Стиснув зубы, доктор перевязал себе кисть и продолжал помогать раненым бойцам. Когда немцы дрогнули и стали отступать, Краснопеев получил тяжелую рану в грудь. В груди его что-то хрипело и клокотало. Ему осторожно обмотали грудь, положили на волокушу. Он открыл глаза.

– А меня вы ждите, – сказал Иннокентий Ионович и с трудом помахал нам рукой»¹⁷.

С утра 13 января наступление продолжалось. Наибольшего продвижения удалось достичь в направлении Рабочего поселка № 5. К исходу дня расстояние между наступавшими навстречу друг другу ударными группировками фронтов не превышало 5–6 км. 14 января войска Волховского и Ленинградского фронтов находились уже в двух километрах друг от друга. Части противника, оборонявшие населенный пункт Липка и город Шлиссельбург, оказались оторванными от основных сил, действовавших в районе 1-го и 2-го Городков, Синявино и в лесу юго-восточнее от него.

За три дня боев войска 67-й армии потеснили врага всего на 2–2,5 километра, приблизившись к западной окраине Рабочего поселка № 5. Войска ее правого фланга так и не смогли преодолеть оборону противника в районе 1-го и 2-го Городков.

С 15 по 17 января войска 2-й ударной и 67-й армий настойчиво пробивались навстречу друг другу. Одновременно они пытались расширить прорыв в сторону флангов. Во 2-й ударной армии 128-я стрелковая дивизия и 12-я лыжная стрелковая бригада совершили смелый обходной маневр по льду Ладожского озера в тыл противника, оборонявшего Липки, окружили его и уничтожили. 372-я стрелковая дивизия при поддержке 122-й танковой бригады 15 января овладела Рабочим поселком № 8. Гарнизон врага на предложение сдаться ответил отказом. Немцы ночью оставили позиции и ушли в сторону Синявинских высот.

17 января дивизия вышла на подступы к Рабочему поселку № 1. К этому времени была освобождена станция Синявино, что значительно ухудшило положение немцев в районе Рабочего поселка № 5. К концу дня 18-я стрелковая дивизия при поддержке 16-й танковой бригады достигла окраины Рабочего поселка № 5¹⁸. Ожесточенная схватка велась за каждый дом, за каждую огневую точку.

18 января батальон 1240-го стрелкового полка этой дивизии под командованием старшего лейтенанта Снурова, преодолевая упорное сопротивление противника, обошел Рабочий поселок № 5 и ворвался в Рабочий поселок № 1. Парторг 6-й стрелковой роты 1240-го полка старший сержант Александр Орлов увлек бойцов в атаку на огневую точку немцев и заставил ее замолчать. Тяжело раненный Орлов продолжал разить фашистов. Боевые друзья нашли его на огневой позиции вражеского пулемета сраженным второй пулей, но не выпустившим из рук оружия. Офицер связи дивизии майор Мельников, находясь в цепи наступающих, заметил, что с юго-запада в направлении Рабочего поселка № 1 продвигается подразделение в форме бойцов Красной Армии. Зная о том, что с запада на рошу Глухарь наступают части Ленинградского фронта, майор Мельников во главе группы разведчиков вырвался вперед. Так встретились волховчане с бойцами 1-го батальона 123-й отдельной стрелковой бригады Ленинградского фронта, возглавляемой заместителем командира по политчасти майором Г. Мелконяном. 18 января в 9 часов 30 минут на восточной окраине Рабочего поселка № 1 произошла

встреча частей 2-й ударной и 67-й армий. Было принято решение навечно запечатлеть эту встречу. Воины составили акт, в котором говорилось: «18 января 1943 г. в 9 часов 30 минут на восточной окраине рабочего поселка № 1, прорвав блокаду Ленинграда, встретились 1-й стрелковый батальон 123-й отдельной стрелковой бригады Ленинградского фронта во главе с заместителем командира политчасти майором Мелконяном, старшим лейтенантом Калугиным, сержантом Анисимовым; с другой стороны – 1-й стрелковый батальон 1240-го стрелкового полка 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта во главе с начальником 1-го отделения штадива 372 майором Мельниковым и командиром 440-й разведывательной роты старшим лейтенантом Ишимовым»¹⁹. Акт был подписан командирами соединений полковником П.И. Радыгиным и подполковником Ф.Ф. Шишовым.

В 11 часов 45 минут бойцы уже других частей и соединений взаимодействующих фронтов обнимались у Рабочего поселка № 5.

Героизм воинов Волховского и Ленинградского фронтов был массовым. Обратимся вновь к воспоминаниям К.А. Мерцкова: «Синявино, Липки, поселок № 8. Стоит ли так часто упоминать все эти названия? Стоит! Здесь шли дни напряженнейших боев, преодолевались сотни и десятки метров заветного пути в Ленинград, здесь советские воины совершали подвиги. Один бросился на ствол фашистского пулемета; другой взорвал гранатой себя вместе с десятком вражеских солдат; третий, еще не излечившись от ран, вернулся из медсанбата в строй; четвертый дополз под огнем до занятого врагами поселка, засел в крайнем доме и отбил несколько атак фашистского подразделения, пока не подоспело наше подкрепление»²⁰.

Стремясь всеми мерами остановить продвижение советских войск, командование 18-й немецкой армии поспешно перебрасывало отдельные подразделения и части в район шлиссельбургско-синявинского выступа, чтобы не допустить прорыва блокады Ленинграда. Командующий армией генерал Г. Линдемман вынужден был отдать приказ о том, чтобы каждая дивизия армии выделила для закрытия кризисного участка по одному пехотному батальону или артиллерийской батарее²¹. Этой тактики приходилось придерживаться из-за отсутствия полнокровных резервов в 18-й немецкой армии. Полки и батальоны из разных дивизий собирались вместе, чтобы преодолеть очередную кризисную ситуацию на том или ином участке фронта. Единственным резервом в распоряжении

Линдемана были пять батальонов гренадеров 96-й пехотной дивизии. Это не смогло изменить ситуации на фронте прорыва в целом, но немецким войскам удалось отстоять многие позиции. Благодаря этому противник избежал запланированного разгрома под Ленинградом.

В ходе прорыва блокады Ленинграда советские войска нанесли врагу существенный урон. Были разгромлены 170, 227, 96-я и 61-я пехотные дивизии противника. Большие потери понесли 1-я пехотная и 5-я горнострелковая дивизии. Враг был отброшен от Ладожского озера к югу на 8–10 км²².

В 16 часов 18 января 86-я стрелковая дивизия В.А. Трубачева Ленинградского фронта ворвалась в Шлиссельбург и стала пробиваться к Ладожскому каналу. К концу дня от врага была полностью очищена вся территория южнее Ладожского озера.

Прорыв блокады Ленинграда в Волхове был встречен с восторгом. 18 января около полуночи диктор торжественным голосом передал по радио сообщение Совинформбюро: «На днях наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против германских войск, блокировавших Ленинград.

Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров, форсировав реку Нсва, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли: город Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липки, Рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная. Таким образом, после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым **ПРОРВАЛИ БЛОКАДУ ЛЕНИНГРАДА!**»

Блокада была прорвана, но бои продолжались до 30 января. Директива Ставки требовала разгрома немцев под Ленинградом. Но враг не позволил выполнить задачу полностью.

В воспоминаниях участников событий января 1943 г. разговор о боях в южном Приладожье обычно заканчивается самим фактом прорыва блокады Ленинграда: пробили узкий коридор, добились успеха – это и есть победа. На этой оптимистической ноте и ставили точку. На самом деле сражение продолжалось с предельным ожесточением и 19, и 23, и 26 января... В феврале и марте бои продолжались по всему фронту. 27 января 2-я ударная армия ценой огромных жертв овладела Рабочим поселком № 6, вышла на железнодорожную ветку, идущую от

1-го Городка на юг-восток и восток. Дальше ей продвигаться не дали. Она не выполнила поставленную задачу. За девятнадцать дней боев армия потеряла 19 017 человек убитыми и пропавшими без вести. Санитарные потери составили 46 301 человек²³.

67-я армия потеряла в ходе боев убитыми, ранеными и пропавшими без вести 40994 человека. Она исчерпала все боевые возможности и не вышла на обозначенные в директиве Ставки рубежи. Бои еще продолжались, но они не вносили существенных изменений в ситуацию, которая уже определилась в расстановке сил южнее Ладожского озера. Серьезную озабоченность в Ставке и у руководства Ленинграда вызывало то, что в результате прорыва блокады между Ладожским озером и Синявинскими высотами действовал лишь узкий коридор, который простреливался противником, что затрудняло наладить нормальное снабжение осажденного города. Противник, владея высотами, угрожал новым выходом к Ладожскому озеру и новой блокаде Ленинграда. Командование группы армий «Север» стягивало к этому району новые силы за счет флангов мгинско-синявинской группировки²⁴. 1 февраля 1943 г. Ставка уточняет план операции «Искра» и требует от командования Ленинградского и Волховского фронтов нанесения новых ударов по противнику. Опять указывается на необходимость выхода в тыл синявинской группировки противника, после прорыва фронта в районе Макарьевской Пустыни – в том самом месте, где весной 1942 г. 54-я армия проводила Любанскую операцию, пытаясь пробиться навстречу 2-й ударной армии. Волховский фронт имел задачу силами шести дивизий с соответствующими средствами усиления прорвать фронт противника и нанести удар в направлении Васькины Нивы, Шапки с целью выхода в тыл мгинско-синявинской группировки немецких войск с востока. Ленинградскому фронту надлежало нанести удар в направлении Мги²⁵.

Сбросить противника с Синявинских высот и ликвидировать угрозу новой блокады можно было путем нанесения встречных ударов по флангам мгинско-синявинской группировки. Для осуществления этого маневра с точки зрения конфигурации фронта имелись хорошие условия. Благоприятным моментом являлось также и то, что, стянув в ходе январских боев силы в район Синявина, немецкое командование оголило другие участки фронта, в том числе и фланги мгинско-синявинского выступа. Так, на 100-километровом участке восточной границы выступа против 54-й армии Волховского

фронта действовали только части трех пехотных дивизий противника. А на тосненском направлении перед войсками 55-й армии Ленинградского фронта занимали оборону лишь два полка 250-й испанской «Голубой» пехотной дивизии. На Волховский фронт возлагалась задача прорвать оборону противника в районе Макарьевская Пустынь, Смердыня, Кородыня и нанести удар в направлении Шапки, частью сил перерезать железную и шоссейную дороги в районе Любани. Ленинградскому фронту предстояло наступать из района Колпина вдоль Октябрьской железной дороги с поворотом в дальнейшем на Мгу.

Конечным результатом усилий двух фронтов должны были явиться окружение и уничтожение мгинско-синявинской группировки и выход наших войск на линию Ульяновка–Тосно–Любань.

Одновременно с этим Ставка обязывала командующих фронтами, не дожидаясь подготовки фланговых ударов, продолжать борьбу за Синявинские высоты, уничтожая окопавшегося там противника. Это указание затрудняло создание ударных группировок. Все же командующий Волховским фронтом высвободил одну 372-ю стрелковую дивизию полковника П.И. Радыгина и несколько артиллерийских дивизионов для усиления наступательной группировки в районе населенного пункта Смердыня.

Смердыня находилась на переднем крае в полосе обороны 54-й армии. Поэтому организацию и подготовку удара Военный совет фронта поручил командующему армией генерал-лейтенанту А.В. Сухомлину и его штабу²⁶. Со стороны Ленинградского фронта на направлении предстоящего удара стояла 55-я армия генерал-майора В.П. Свиридова, которая предназначалась для выполнения этой задачи. С 54-й и 55-й армиями взаимодействовали 67-я и 2-я ударная армии, переходившие в наступление в районе Синявинских высот.

Времени на подготовку операции отводилось крайне мало. Согласно директиве Ставки, ее намечали начать 8 февраля, но потом перенесли на 10 февраля.

Сосредоточение войск в новых районах, занятие исходных позиций, подвоз снарядов и материальных средств проводились в трудных условиях. Стояла оттепель, шли дожди. Тем не менее указанное Ставкой количество войск (Волховский фронт – 6 стрелковых дивизий, Ленинградский – пять) в назначенный срок заняли исходное положение. 372-я стрелковая дивизия полковника П.И. Радыгина после боев

на ленинградском направлении приняла пополнение, совершила 70-километровый марш в район Смердыни и приготовилась к наступлению.

Участок прорыва 54-й армии составлял 9 километров. Превосходство в живой силе было в пользу советских войск. На участке предстоящего прорыва противник держал почти всю 132-ю пехотную дивизию и некоторые подразделения 96-й пехотной дивизии. Командованию 54-й армии с большим трудом удалось достигнуть плотности в 80 орудий и минометов на километр фронта. Учитывая развитую систему обороны врага и сильную залесенность местности, этого было явно недостаточно.

Оперативное построение армий было двухэшелонным, с наличием резервов. В 54-й, например, в первом эшелоне находилось три стрелковые дивизии, во втором – две, в резерве – стрелковая дивизия и стрелковая бригада.

10 февраля, выполняя директиву Ставки, после артиллерийской подготовки пошли в наступление войска 55-й армии Ленинградского фронта. Перед ней стояли части 4-й охранной дивизии СС и испанской 250-й дивизии. В первый день наступления после ожесточенной рукопашной схватки частям 55-й армии удалось продвинуться на глубину до пяти километров и овладеть населенным пунктом Красный Бор. «Испанцы стойко сражались кинжалами, лопатами и ручными гранатами»²⁷, – отметил немецкий историк. На второй день к месту сражения подошла 212-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Реймана и атаковала наступающие советские части. 4-я охранная дивизия СС, усиленная частями 2-й мотопехотной бригады СС и «Фламандским легионом», в рукопашном сражении остановила продвижение полков 55-й армии. Ожесточение в бою было таким, что в плен не брали. Из «Фламандского легиона» в живых осталось только 45 человек. Испанцы потеряли до 70 процентов личного состава. Но и советские войска понесли немалые потери. Успешно начавшееся наступление начало затухать. За Красным Бором пошли болотистые леса, насыщенные оборонительными сооружениями. Войска продвигались с большим трудом и вскоре совсем остановились.

Несколько по-иному развивалось наступление 54-й армии Волховского фронта. В первый день наступления она почти не имела успеха, что озадачило командование. Несмотря на довольно сильную артиллерийскую подготовку, которая длилась 1 час 30 минут, гитлеровцы открыли такой ответный

огонь, что советские войска не могли подняться в атаку. Создавалось впечатление, что наступающие или не представляли, насколько прочна и живуча оборона немцев и в соответствии с этим просчитались в создании артиллерийских плотностей, или советская артиллерия выпустила снаряды по пустому месту. Оказалось верным первое предположение. Когда на второй день после повторной артиллерийской и авиационной подготовки 198-я и 311-я стрелковые дивизии вместе со 124-й танковой бригадой подошли к переднему краю обороны противника, то увидели перед собой совершенно целый двухметровый бревенчатый забор, состоявший из двух стен, заполненных землей. Чтобы сделать проходы в этом сооружении, пришлось пустить в дело орудия и саперов.

Батальон 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии в результате наступления вышел на западный берег реки Лезины. Противник контратаковал открытый фланг полка, вражеские танки вышли в его тыл. В ожесточенном бою эта контратака была отбита, а полк занял населенный пункт Лезину. В ту же ночь противник яростными контратаками решил вернуть оставленный рубеж. На левом фланге батальона ему удалось вклиниться в расположение полка. Путь захватчикам преградили десять бойцов во главе с заместителем командира батальона по политчасти капитаном Ф.Т. Озеровым. Бой горстки храбрецов с ротой немцев продолжался до рассвета, когда к ним на выручку пришли бойцы старшего лейтенанта Никонова. Все – живые и мертвые – за этот бой были представлены к правительственным наградам. Капитан Ф.Т. Озеров первым в дивизии был награжден орденом Александра Невского²⁸.

Прорвав передний край между Макарьевской Пустынью и Смердыней, советские войска встретились с невероятной насыщенностью оборонительной полосы инженерными сооружениями и огневыми точками. На сравнительно небольшом участке вклинивания (2 км по фронту и 2 км в глубину) фронтовые инженеры насчитали до 100 различных сооружений противника, которые не вскрыла разведка. Недостаточность артиллерийского обеспечения не могла компенсировать даже решительными действиями пехота. Условия местности затрудняли маневр, и стрелковым соединениям приходилось вести лишь фронтальные атаки.

В последующие дни командование фронта направило усилия ударной группы на развитие успеха как в глубину, так и в сторону флангов. 14 февраля были введены в бой 7-я гвардейская танковая и 58-я стрелковая бригады, составившие

подвижную группу. На второй день после короткого, но мощного артналета ей удалось вклиниться в оборону на участке, расположенном в 2,5 км юго-западнее Макарьевской Пустыни, и даже перехватить дорогу на Вириговщину.

Успех подвижной группы расценивался в штабе фронта как потенциальная возможность 54-й армии выполнить поставленную задачу. Надо было лишь сконцентрировать силы на направлении обозначившегося успеха и хорошо обеспечить их в огневом отношении. Немцы интенсивно подтягивали резервы, но еще не сумели добиться равновесия сил. Исходя из этой оценки, Военный совет фронта приказом от 16 февраля потребовал от командующего 54-й армией принять все меры к усилению прорвавшейся группы и поставил задачу выйти на дорогу Любань – Шапки.

Командующий 54-й армией генерал-лейтенант А.В. Сухолин оперативно выполнил это требование. Он сосредоточил большую часть сил на участке прорыва. Однако неудача первого дня и затяжные бои второго дня сыграли отрицательную роль. Противник за это время сумел усилить свою главную группировку. 17 февраля разведка 54-й армии зафиксировала появление на передовой подразделений 227-й пехотной дивизии, ранее находившейся на киришском плацдарме, и 96-й дивизии, действовавшей в районе Синявина. К концу февраля перед армией оборонялась уже не одна, а четыре дивизии, в том числе 96-я и 121-я пехотные дивизии, снятые с синявинского направления²⁹. 55-я армия, наступая в западном направлении, также имела некоторый успех. Однако противник ввел в бой новые силы. С 13 февраля против армии, кроме 250-й пехотной дивизии, начали действовать основные силы дивизии СС «Полицай» и полк 215-й пехотной дивизии, переброшенный на этот участок фронта из-под Урицка, 24-я пехотная дивизия и полк 212-й дивизии, прибывший из района Чудово, отдельные части 11-й, 21-й, 227-й пехотных дивизий, снятые с синявинских позиций³⁰. Появление новых вражеских частей говорило о том, что момент внезапности исчерпан, период сохранения превосходства в силах советских войск закончился. Наступление 54-й армии захлебнулось на рубеже речки Лезно, по западному берегу которого проходил сильно отсеченный рубеж немецкой обороны, прикрывавший выход к Шапкам и Тосно.

После 16 февраля армия уже не могла организовать ни одной успешной атаки, пехота прочно приросла к земле. 22 февраля, когда не оставалось никакого сомнения в том, что наступление

не имеет реальных перспектив для успешного развития, командующий фронтом генерал армии К.А. Мерецков рекомендовал командарму прочно закрепиться на достигнутых рубежах.

Не увенчались успехом и попытки дальнейшего наступления в полосе 55-й армии Ленинградского фронта. Немцы и здесь успели усилить группировку за счет переброски сил с других направлений. К концу февраля войска армии расширили прорыв до 14 км по фронту и 5 в глубину.

В результате ударов двух армий, которые в целом не выполнили поставленную перед ними задачу, синявинская группировка противника оказалась ослабленной на пять дивизий и не могла наступать с целью восстановления блокады Ленинграда. Перебрасывая части и соединения с полосы действий 55-й и 54-й армий, вражеское командование сильно ослабило свою синявинскую группировку. Этим воспользовалось командование Ленинградского и Волховского фронтов, начав наступление 67-й и 2-й ударной армиями. 12 февраля они перешли в наступление. «Русские непрерывно атаковали высоты и опорные пункты в Поселке № 7 и Городке. Они обстреливали их из всех видов артиллерии. Они бросали на них танковые полки. Волна за волной налетала авиация и забрасывала эти позиции бомбами. Но все напрасно... Ударная группа Хюнера держала самый уязвимый северо-восточный край Синявинских холмов. Его саперы и мотоотряд 61-й пехотной дивизии подвергались особенно яростным атакам, но ни разу не уступили русским. Справа и слева от них с такой же яростью сражались две другие восточнопрусские пехотные дивизии, 1 и 11-я, а с ними стрелки 28-й силезской егерской дивизии. Смертельный рукопашный бой на развалинах церкви в Синявино – один из самых жестоких за всю войну. Все попытки русских совершить прорыв к Мге и Синявино разбивались об эту «восточнопрусскую фалангу»... Торфяное болото у Синявино было усеяно телами погибших»³¹.

Советские армии нанесли серьезное поражение 21-й и 28-й пехотным дивизиям немцев и 18 февраля вышли в район Арбузова, выровняв линию фронта западнее Синявино, и срезали выступ обороны противника, наиболее близко подходивший к Шлиссельбургу³². Однако уничтожить мгинско-синявинскую группировку противника советским войскам не удалось. Главной причиной тому было упорное вражеское сопротивление. Основным недочетом наступления явилось то, что наступающие армии действовали порознь и распыляли силы. Таким образом, уже 17 февраля наступательные бои на синявинском

направлении стали затухать. Враг, маневрируя живой силой по фронту и в глубину, создавал превосходство на том или ином участке фронта, и советские войска при попытках возобновить наступление каждый раз наталкивались на упорное сопротивление и губительный артиллерийско-минометный огонь. Командующие фронтами и армиями, участвующие в этом сражении, не смогли добиться согласованности действий войск, умелым маневрированием создавать преимущество перед врагом на направлениях главного удара. Пехота наступала на пулеметы противника, не имея достаточного огневого и танкового прикрытия. Учитывая большие потери советских войск, 27 февраля Ставка ВГК направила директиву командующим Ленинградским и Волховским фронтами, а также представителям Ставки К.Е. Ворошилову и Г.К. Жукову, в которой говорилось: «Проведенные операции Ленинградского и Волховского фронтов не дали ожидаемых результатов. Основным недочетом наступательных операций Ленинградского и Волховского фронтов явилось то, что 67-я и 2-я ударная армии действовали порознь, и каждая на своем участке обязывалась прорывать сильно укрепленную полосу противника, что привело к распылению сил и средств, к бесцельным большим жертвам в живой силе и технике. С этими недочетами необходимо покончить.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Наступление 55-й и 67-й армий Ленинградского фронта, 2-й ударной и 54-й армий Волховского фронта прекратить.

2. Войскам Ленинградского и Волховского фронтов закрепить на занимаемых рубежах, вести активную разведку с целью выявления слабых мест противника...»

В середине марта Ленинградский и Волховский фронты предприняли попытку перейти в наступление, но она тоже оказалась безрезультатной. Линия обороны противника была прорвана в полосе 8-й армии на фронте в 7 км. За три дня войскам удалось продвинуться вперед от 3 до 4 км. Подвижный отряд в составе 191-го полка 64-й гвардейской стрелковой дивизии и танкового батальона 122-й танковой бригады под командованием майора Рудько прорвался к железной дороге Мга–Кириши восточнее платформы Турышкино. Но немцы, почувствовав опасность, подтянули резервы: два полка 11-й пехотной дивизии, полностью 21, 121-ю пехотные дивизии³³. Они сумели отбить атаки. Командованием фронта 1 апреля были введены в сражение из резерва 14-я стрелковая дивизия и 1-я отдельная стрелковая бригада, которые вместе с 64-й

гвардейской стрелковой дивизией должны были овладеть карбусельским узлом сопротивления врага и этим создать условия для развития наступления всей ударной группировки 8-й армии. Однако возросшее сопротивление немецких войск преодолеть не удалось. Началась распутица, которая опять загнала советские войска в болото. В этих условиях командование Волховского фронта приняло решение прекратить наступление³⁴. Войскам была поставлена задача закрепиться на занимаемых рубежах, создав глубоко эшелонированную оборону. Что касается немцев, то с помощью гражданского населения оккупированных территорий они за две зимы и лето сумели построить в своем тылу хорошие дороги, которые позволяли им быстро, за считанные часы перебрасывать резервы на наиболее опасные участки фронта. Слаженно, грамотно работали штабы 18-й армии и дивизий вермахта. Они умело распределяли силы, своевременно проводили перегруппировку войск, планировали и руководили контрударами, которые наносили большой урон советским войскам. Очень хорошо действовала немецкая разведка, в том числе и агентурная.

«В кольце блокады, существовавшем вокруг Ленинграда, был пробит проход шириной примерно 10 км. Попытки противника расширить его успеха не имели благодаря исключительно упорному сопротивлению немецких войск»³⁵, – писал генерал-майор фон Бутлар.

За десять недель тяжелейших боев начала 1943 г. 18-я немецкая армия потеряла 95 тысяч человек, но сохранила за собой стратегически важные Сиявинские высоты, которые господствовали над болотистой местностью.

И все-таки при всех неудачах, больших потерях, нерешении в полном объеме поставленных стратегических задач операция «Искра» оказала положительное влияние на весь последующий ход событий в Приладожье. Войска воспрянули духом – немцев можно побеждать. После операции «Искра» стратегическая инициатива полностью перешла к советским войскам. С весны 1943 г. немецкие войска только оборонялись, нанося незначительные контрудары, которые не меняли ситуацию на фронте. 10 мая 212-я пехотная дивизия предприняла наступление с целью восстановить блокаду Ленинграда. Но оно было отбито. Немецкое командование начало подготовку к новой наступательной операции с целью восстановить кольцо блокады южнее Ладожского озера.

Советская разведка донесла, что в районе Мги идет методичное накапливание сил противника с явной целью нанести

удар по нашим позициям, прорваться к Ладожскому озеру и восстановить блокаду Ленинграда.

К этому времени Волховский фронт за счет новых маршевых рот только восполнил потери, понесенные в зимних и весенних боях. Никакого перевеса сил над противником у него не было. Орудия многих батарей требовали ремонта, замены стволов. Не в лучшем состоянии была и материальная часть танковых подразделений.

Ставка отказала командующему Волховским фронтом К.А. Мерецкову в укреплении его войск свежими дивизиями, но пообещала замену всей износившейся материальной части артиллерийско-минометных частей и достаточное снабжение всего фронта боеприпасами.

«— Свежие дивизии нужны там, где мы громим врага. Нельзя давать ему передышки, — сказал Сталин стоящему по стойке смирно генералу армии Мерецкову. — А во всем остальном поможем...»³⁶.

Через несколько дней после этого разговора на позиции частей Волховского фронта через станцию Волховстрой стали эшелонами прибывать новые артиллерийские дивизионы, сотни вагонов с боеприпасами. К.А. Мерецков со своим штабом разработал план «длительного артиллерийско-авиационного наступления в условиях собственной и вражеской стабильной обороны». Офицеры штаба фронта в шутку его называли «мельницей», в жерновах которой должна была перемалываться живая сила противника. Суть разработанной операции, по воспоминаниям командующего Волховским фронтом К.А. Мерецкова, сводилась к следующему: «Из прифронтовой зоны гитлеровцы угнали почти все мирное население, а оставшееся бежало в лес. Разведка сообщила об этом, и мы могли вести огонь по противнику, не боясь, что заденем своих. Проводится в каком-то месте сильная огневая подготовка. Гитлеровское командование немедленно бросает сюда подкрепления для отражения русской атаки. Мы переносим огонь с первой линии на вторую — и немецкие солдаты тотчас вылезают из блиндажей, бегут к орудиям и пулеметам, чтобы встретить нас. Но никто не наступает, а огненный вал через четверть часа возвращается назад. Затем огневая подготовка в этом месте стихает, чтобы сразу же возникнуть в другом»³⁷. Два месяца немцы металась с одного места фронта к другому, ожидая удара советских войск. Они перебрасывали резервы на наиболее опасные и ожидаемые участки прорыва, но там тоже никто не наступал. А механизированные колонны врага

становились на марше добычей авиации, дальнбойной артиллерии. Такой тактикой фронт измотал противника, уничтожил десятки его танков, орудий, самолетов, тысячи солдат, не понеся сам существенных потерь. Особенно досталось немцам под Мгой. В штабе 18-й армии начался разброд, командиры полков стали жаловаться на «бездонную мгинскую бочку». Однако они не оставляли мысль о наступлении с целью восстановить блокаду Ленинграда. Правда, немецкое командование начало отвод войск на недоступные для советского артиллерийского огня позиции, оставляя на переднем крае только заслоны. Они концентрировались на участке от Ораниенбаума до Синявина – всего 19 дивизий. Самые боеспособные, самые проверенные в боях готовились к броску на мгинском направлении.

Тогда и решено было провести локальную операцию Ленинградского и Волховского фронтов силами двух армий – 67-й и 8-й. Направление для главного удара в обоих случаях было одно – Мга.

Операция по прорыву блокады имела важное стратегическое значение и явилась переломным моментом в битве за Ленинград. Замысел врага – задушить голодом защитников невиской твердыни и жителей города – был сорван. Инициатива ведения боевых действий на этом направлении перешла к Красной Армии. В боях по прорыву блокады Ленинграда воины показывали массовый героизм. 22 тысячи бойцов и командиров были награждены орденами и медалями. 8 храбрейших воинов 67-й армии были удостоены звания Героя Советского Союза. Наиболее отличившаяся в боях из войск Ленфронта 136-я стрелковая дивизия была преобразована в 63-ю гвардейскую. Командующему Ленинградским фронтом Л.А. Говорову было присвоено звание генерал-полковника, и он удостоился высокой полководческой награды – ордена Суворова I степени. Тысячи бойцов Волховского фронта были также награждены орденами и медалями.

Однако установившееся в зоне прорыва положение не устраивало ни ту, ни другую сторону. Немецкое командование стремилось восстановить блокаду Ленинграда и накапливало для этой цели силы. Перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов не снималась с повестки дня задача по захвату Синявинских высот и разгрому мгинско-синявинской группировки противника. Таким образом, к весне 1943 г. стороны вынашивали планы изменения обстановки в свою пользу. Как стало известно, немцы начали стягивать силы в район Пушкина, чтобы нанести оттуда удар по правому

флангу 55-й армии и восстановить положение, утраченное в ходе февральских боев. Одновременно они усилили синявинскую группировку с целью перехода в наступление против войск 67-й и 2-й ударной армий.

Однако эти планы были сорваны действиями советских войск. В середине марта 52-я армия Волховского фронта приступила к операции на новгородском направлении с задачей отвлечь на себя силы 18-й немецкой армии от ленинградского и старорусского направлений и при благоприятных условиях овладеть Новгородом. И хотя наступление велось за сотни километров от Синявино, оно не только дало возможность немецкому командованию снимать с этого направления силы, но и вынудило его немедленно перебросить под Новгород соединения с других участков фронта. В это же время заканчивалась подготовка наступательной операции на мгинском направлении. На этот раз планировалось окружить не всю мгинско-синявинскую группировку, а только те дивизии, которые находились севернее Мги, в районе Синявина. Это объяснялось тем, что фронты не имели достаточно сил для большой наступательной операции. Да и наступившая весна вносила коррективы. Главный удар планировалось нанести войсками Волховского фронта из района Воронова, Ленинградского – из района Красного Бора в общем направлении на Войтолово. В соответствии с директивой Ставки к операции привлекались 8-я армия Волховского и 55-я армия Ленинградского фронтов. Начать ее планировалось 14 марта, но затем передвинули на пять дней. Утром 19 марта оба фронта, проведя артиллерийскую подготовку, перешли в наступление. Удар 55-й армии не явился неожиданным для противника, и ее войска, встреченные сильным артиллерийским огнем, а затем контратаками противника, продвинулись на отдельный участках фронта до километра, а затем остановились. Не видя перспектив в дальнейших атаках, командование Ленинградского фронта 22 марта отдало приказ о прекращении наступательных действий 55-й армии.

Несколько по-другому складывалась обстановка в полосе 8-й армии Волховского фронта. В первый день наступления советские дивизии взломали оборону врага и продвинулись в глубину на 2–5 км. Удачно развивались боевые действия и в последующие дни. Передовые части армии – 64-я гвардейская дивизия и 1-я горнострелковая бригада – достигли северной окраины Карбусели, мощного опорного пункта противника и подошли к железной дороге Кириши–Мга восточнее

платформы Турышкино. Это был успех, но развить его без помощи Ленинградского фронта 8-й армии оказалось не под силу. Немецкое командование вначале осторожно, а затем все решительнее бросало резервы против ударной группировки 8-й армии с других направлений. К концу марта перед участком прорыва оно добилося равновесия сил, сосредоточив в общей сложности до пяти пехотных дивизий и 52 артиллерийских батарей. Кроме ранее действовавших здесь 223-й и 285-й были введены в бой полностью 121-я и 21-я пехотные дивизии и два полка 11-й дивизии. Ставка ВГК, учитывая возросшее сопротивление противника и то обстоятельство, что началась весенняя распутица, отдала приказ о прекращении наступления и обязала войска закрепиться на достигнутых рубежах, создав прочную, глубоко эшелонированную оборону.

С апреля на Волховском фронте установилось относительно затишье. Войска совершенствовали оборону, вели разведку, накапливали силы для новых наступательных операций. В мае немцы предприняли попытку атаковать позиции Волховского фронта на рубеже Гонтова Липка – Гайтолово. На этом рубеже закрепились 372-я стрелковая дивизия, которая в середине апреля из 54-й армии была переведена в боевой состав 8-й армии. 10 мая враг в течение полутора часов обрабатывал передний край обороны советских войск артиллерийским и минометным огнем. В 7 часов 45 минут немцы поднялись в атаку. По сигналу командующего артиллерией 372-й стрелковой дивизии советские батареи открыли огонь и прижали пехоту противника к земле. Там, где отдельным группам врага удалось приблизиться к траншеям переднего края, разгорались рукопашные схватки. В этот день вновь отличились воины 1240-го полка. Лейтенант Назаров, сержант Одриков, рядовые стрелки Шакир Сайтов, Хузей Габдулин и Самуил Насибулин. Немцы несколько раз предпринимали атаки с целью прорвать оборону переднего края советских войск, но все их попытки закончились неудачей.

Во втором сражении южнее Ладожского озера пролились реки крови. Торфяное болото в Синявино, леса у Колпино и Красного Бора являли собой жуткое поле брани, усеянное десятками тысяч павших с обеих сторон. Потери советских войск в ходе операции «Искра» в штабе армий «Север» оценивали в 270 тысяч человек³⁸. Они близки к истине. По советским источникам только за 19 суток сражения – с 12 по 30 января – потери Ленинградского и Волховского фронтов составили 11 5082 человека, а среднесуточные – 6067³⁹. Но в январе сражение не закончилось. Оно продолжалось в феврале

и даже марте, и, как мы знаем, бои в этот период были не менее кровопролитными.

Не успев залечить раны, войска Волховского фронта начали подготовку к новой наступательной операции. Скоро болота и леса южнее Ладожского озера вновь станут ареной ожесточенных боев.

Ссылки к главе 7

- ¹ ЦАМО РФ, ф. 364, оп. 6278, д. 60, л. 86, 87.
- ² ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 201174, д. 8, л. 36.
- ³ История второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М., 1975. Т. 4. С. 120.
- ⁴ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 22151, д. 3. л. 45–47.
- ⁵ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 185.
- ⁶ На Волховском фронте 1941–1944 гг. М.: Наука, 1982. С. 43–44.
- ⁷ Там же. С. 45.
- ⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 22151, д. 3, л. 45–47.
- ⁹ На Волховском фронте 1941–1944 гг. С. 49.
- ¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 125, д. 171, л. 70–75.
- ¹¹ ЦАМО РФ, ф. 364, оп. 6278, д. 60, л. 96–100.
- ¹² ЦАМО РФ, ф. 227, оп. 268, д. 21, л. 4490451.
- ¹³ *Зубаков В.Е.* Героический Ленинград. М., 1972. С. 128.
- ¹⁴ *Карель П.* Восточный фронт. М.: ЭКСМО, 2003. С. 178.
- ¹⁵ Там же. С. 141.
- ¹⁶ *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1988. С. 311.
- ¹⁷ *Перлов К.* Удар двух фронтов // Волховские огни. 1983. 27 января.
- ¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 364, оп. 6278, д. 14, л. 84.
- ¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 309, оп. 4073, д. 171, л. 83.
- ²⁰ *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 312.
- ²¹ Журнал боевых действий 18-й немецкой армии: Пер. с нем. АО ГШ.
- ²² На Волховском фронте 1941–1944 гг. С. 53.
- ²³ Гриф секретности снят. С. 185.
- ²⁴ Битва за Ленинград. М., 1964. С. 226, 227.
- ²⁵ ЦАМО РФ, ф. 132а, оп. 2642, д. 33, л. 24, 25.
- ²⁶ *Егоров П.Я.* Операции советских войск под Ленинградом в 1943 году // Военно-исторический журнал. 1972. № 2. С. 11–21.
- ²⁷ *Карель П.* Указ. соч. С. 187.
- ²⁸ *Анодин С., Комлев И., Полятков А., Айрапетян Г.* // На берегах Волхова. Л., 1967. С. 77.
- ²⁹ Битва за Ленинград. С. 227.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Карель П.* Указ. соч. С. 186.
- ³² На Волховском фронте 1941–1944 гг. С. 55.
- ³³ Битва за Ленинград. С. 278.
- ³⁴ ЦАМО РФ, ф. 132а, оп. 2642, д. 33, л. 134, 135.
- ³⁵ Мировая война 1939–1945 гг. С. 283.
- ³⁶ *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 328.
- ³⁷ Там же. С. 328.
- ³⁸ Журнал боевых действий 18-й армии.
- ³⁹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 184–185.

МГИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

К началу июля 1943 г. противник завершил подготовку наступления на Курской дуге, которое, по мнению немецких стратегов, должно было привести к поражению советских войск и стать поворотным в войне с Советским Союзом. Группа армий «Север» тоже готовилась взять реванш за поражение зимой южнее Ладожского озера, отбросить советские войска на прежние позиции и восстановить блокаду Ленинграда¹. На 1 июля 1943 г. группа армий «Север» имела в составе 32 пехотные дивизии, 3 егерские и 3 охранные дивизии, 5-ю горнострелковую дивизию, 18-ю моторизованную и 250-ю испанскую дивизию, а также 2-ю пехотную бригаду СС «Латвия» и 4-ю моторизованную бригаду СС. Кроме того, в состав группы армий также входили 6 авиаполевых дивизий и 388-я учебно-полевая². Группировка с тыловыми и территориальными подразделениями насчитывала более 700 тысяч человек. К середине июля в группе армий «Север» оставалось лишь 49 танков и одна моторизованная дивизия. Все другие подвижные соединения были переброшены на юг, в ту пору самый слабый участок Восточного фронта³. Вместо них на север были направлены авиаполевые дивизии, которые Гитлер приказал забрать у Геринга и отправить на фронт. Только по фронту от Ораниенбаума до Синявина немцы сконцентрировали 19 дивизий. Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Георг фон Кюхлер намеревался атаковать русские позиции и восстановить блокаду Ленинграда. Командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков на этот раз заранее был извещен разведкой о подготовке наступления немцев. О намерении противника была поставлена в известность Ставка ВГК. Ареной предстоящих боев вновь должен стать участок фронта в районе Мги. «Каковы шансы на успех?» – спросил меня Сталин. Позднее я узнал, что тот же вопрос он задал также Говорову и получил от него ответ, сходный

с моим: если будет создан необходимый перевес в силах, операция закончится успешно. Но для создания такого перевеса Ставка не могла дать войска из резервов, подготовленных для развития прорыва в центре советско-германского фронта. И Верховный Главнокомандующий в разговоре со мной подчеркнул на прощание еще раз: “Главное для вас – не захват территории, а уничтожение немецких дивизий!”»⁴ – вспоминал К.А. Мерецков о разговоре в Ставке. По журналу посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете К.А. Мерецков вместе с Л.А. Говоровым были на приеме у Верховного Главнокомандующего 22 мая 1943 г.⁵ Вместе с ними присутствовали члены ГКО и военачальники – всего пятнадцать человек. Поэтому о какой-то индивидуальной беседе И.В. Сталина с К.А. Мерецковым не могло быть и речи. На встрече обсуждались общие вопросы ситуации под Ленинградом и взаимодействие двух фронтов в предстоящей боевой операции, на подготовку к которой давалось два месяца. Она планировалась со всей серьезностью и должна была способствовать значительному улучшению ситуации в районе южнее Ладожского озера.

Для срыва готовящегося наступления противника и сковывания его сил Волховский и Ленинградский фронты должны были провести наступательные операции в направлении Мги. В основу замысла было положено, как это было в предыдущих боях, нанесение фронтальных ударов по флангам мгинско-синявинской группировки противника с целью ее окружения и уничтожения. Для выполнения этой задачи Волховский фронт привлекал 8-ю армию, перед которой оборонялись 290, 1, 5-я егерская горнострелковая, 69-я и 212-я пехотные дивизии. В резерве в районе Мги противник имел 58-ю пехотную дивизию, которая принимала активное участие в сражении под Любанью весной и летом 1942 г.

Главный удар наносила 8-я армия Волховского фронта из района Воронова на Славянку, поселок Михайловский и далее на Мгу – навстречу удару, наносимому с севера 67-й и 55-й армиями Ленинградского фронта. Вспомогательный удар планировалось нанести в направлении Карбусель, Турышкино с целью обеспечения левого фланга ударной группировки армии⁶.

Ближайшая задача армии заключалась в том, чтобы разгромить противника, обороняющегося в районе Тортолово, поселке Михайловский, поселке 1-й Эстонский, и выйти на рубеж Тортолово, Михайловский, река Мойка, Стасово, Карбусель. В дальнейшем армия должна была развивать наступление на

Мгу, а частью сил – не менее двух дивизий и танковой бригады – на Синявино, навстречу наступающим с запада войскам 67-й армии Ленинградского фронта. В связи с необходимостью прорыва глубокой вражеской обороны войска 8-й армии тоже были построены в два эшелона. В первом – четыре стрелковые дивизии: 184, 378, 256 и 364-я. Каждая из них усиливалась танковым полком. Во втором эшелоне должны были наступать также четыре дивизии: 379, 239, 165 и 374-я и две танковые бригады. В резерв выделялись 286-я стрелковая дивизия и 58-я стрелковая бригада. Прорыв подготавливался на участке шириной почти в 14 км.

Наши войска превосходили противника в живой силе в 2,3 раза, в минометах – в 5,1 раза, в орудиях калибра 76 мм и выше – в 1,5 раза и в танках – в 3,4 раза⁷. Для прорыва обороны противника и решения стратегической задачи по разгрому мгинско-синявинской группировки сил было достаточно при условии, что дивизии отойдут от традиционных фронтальных атак и будут атаковать позиции противника штурмовыми группами с четко определенными задачами. Но, как показали последующие бои, этого не произошло.

На Ленинградском фронте подготовка к наступлению началась 11 июля. В этот день командующий фронтом Л.А. Говоров собрал руководящий состав штаба фронта. По указанию Ставки войскам надлежало в ближайшие дни начать активные боевые действия от 8-й ГЭС до Синявино включительно. Задача ставилась, по существу, тактическая: прорваться из болот через систему укрепленных позиций противника, занятых им на командных высотах у селений Мустолово, Келколово, Синявино, и выйти на линию Мгинского железнодорожного узла. Говоров возложил руководство операцией на командующего 67-й армией генерала М.П. Духанова. В свое подчинение тот принял от 2-й ударной армии 43-й стрелковый корпус генерал-майора А.И. Андреева, занявшего позиции на левом фланге участка наступления, а на правом – от берега Невы – вводился из резерва фронта 30-й гвардейский корпус генерал-майора Н.П. Симоняка.

У немцев на этом участке фронта находились три пехотные дивизии. И ближайший на этом направлении резерв противника насчитывал не менее пяти пехотных дивизий.

Сходящийся удар двух советских фронтов был нацелен на Мгу. Л.А. Говоров готовился ввести в бой весь свой накопленный за весну резерв. «Это были дивизии, сформированные в мае из стрелковых бригад, участвовавших в прорыве блокады

и красноборских боях: 120-я дивизия полковника А.В. Батлукова, созданная из 11-й и 142-й стрелковых бригад, 124-я дивизия полковника М.Д. Панченко, в которую вошли части 56-й и 123-й бригад, и 196-я дивизия полковника Ратова»⁸, – вспоминал начальник инженерного управления Ленинградского фронта генерал Б.В. Бычевский.

При подготовке операции штабы фронта и армий уделяли особое внимание планированию артиллерийского наступления. Для этого принимались все меры к дополнительной разведке огневых средств врага, его дзотов и других сооружений не только на переднем крае, но и в глубине. Решено было с 17 июля начать разрушение дзотов и укреплений, то есть за пять дней до начала наступления. Чтобы пехоте меньше бежать под огнем противника, инженерными частями и пехотинцами были вырыты ходы сообщения и траншеи на расстоянии от 200 до 300 метров от переднего края противника.

22 июля в 6 часов 35 минут после сильной артиллерийской подготовки войска 8-й армии Волховского фронта перешли в наступление⁹. Воины дивизий первого эшелона, наступая в лоб на огневые позиции противника, ценой больших потерь в первые часы боя ворвались в траншеи противника. Но враг сразу начал контратаковать. Оказалось, что многие огневые точки врага не подавлены, резервы не уничтожены. Начались упорные бои. Часть советских танков и орудий сопровождения застряли в болотах и стали легкой мишенью для вражеской артиллерии. Многие из них были подбиты или утонули. Просчеты в подготовке операции сказались и на авиационном прикрытии наступающих дивизий. 29 июля над вражескими тылами появились самолеты дальнего действия. Они были в достатке снабжены бензином и бомбами. Удары с воздуха были нанесены на коммуникации противника, начиная с Мги и Ульяновки и кончая Лугой, Нарвой, Псковом. В течение пятнадцати дней летчики дальней авиации бомбили тылы противника, но это не повлияло на исход дела. Немецкая авиация опять господствовала в воздухе на переднем крае, активно действуя на участках прорыва. В наступающих советских частях с переборами работала связь, командиры полков и батальонов боялись проявить самостоятельность и действовали с оглядкой на вышестоящих командиров. Все это связывало инициативу, приводило к неоправданным потерям, мешало решать тактические задачи в ходе боя. Потом всей неразберихе и неуспеху наступления была придумана оправдательная фраза: цель действий советских войск – перемалывание живой

силы противника. Но перемалывалась и живая сила наступающих дивизий. На Волховском и Ленинградском фронтах ситуация была похожей: советские полки топтались перед передним краем обороны противника и не могли сделать ни шага вперед. «На двенадцатикилометровом участке наступления среди торфяных топей, вокруг высот, занятых немцами, батальоны и полки одной дивизии заменялись другими по нескольку раз; ходили в атаки, отражали контратаки и ... практически все на одном месте. Ни Синявинская гряда в целом, ни Мустоловские и Келколовские высоты, ни Мгинский железнодорожный узел так и не были тогда взяты. Силы сторон постоянно уравнивались, а местность и укрепленные позиции давали преимущество врагу»¹⁰, – так оценивал сражение генерал Б.В. Бычевский. Командующий Ленинградским фронтом Л.А. Говоров часто менял дивизии на участках наступления, чтобы сохранить их боеспособность в этих безрезультатных боях. Командиры дивизий, как отмечал в мемуарах Б.В. Бычевский, между собой называли это «поурочной системой Говорова»¹¹. Любой отход от сложившейся системы приносил успех. Командир 106-го инженерного батальона майор И.И. Соломахин предложил атаковать ключевую высоту обороны немцев, отмеченную на картах как высота 43,3, силами трех рот ночью. Для этого потребовалось специальное одобрение командующего фронтом Л.А. Говорова. В результате боя, который произошел ночью 12 августа 1943 г., враг был выбит с высоты с минимальными потерями для наступающих. Было взято больше 100 пленных. Батальон понес потери во время контратаки немцев, когда полк 128-й стрелковой дивизии, который должен был поддержать инженерный батальон, не пришел в назначенное время. Уже на следующий день Военный совет Ленинградского фронта наградил командира 106-го инженерного батальона майора И.И. Соломахина орденом Суворова III степени № 49, всех командиров рот – орденами Красного Знамени. Там, где оборону противника не могли взломать дивизии, успех дела решил один инженерный батальон с инициативным командиром. «И.И. Соломахин – ленинградский инженер, в 30-е годы получил военную подготовку. В финскую войну он был призван в армию младшим лейтенантом, контужен в боях. В феврале 1940 г. снова призван в армию. В первые месяцы Великой Отечественной войны отличился при минировании дорог отступления от Луги до Пулкова–Дачного. Батальон саперов был переформирован, в сентябре 1941 г. стал моторизованным и отлично работал на

всех участках Ленинградского фронта под командованием И.И. Соломахина. При освобождении Ленинградской области батальон стал «Кингисеппским» и краснознаменным. Подполковник Соломахин в 1944 г. возглавил инженерную бригаду, которая отличилась при штурме Выборга. Полковник И.И. Соломахин до 1958 г. вел минное дело для студентов Ленинградского инженерно-строительного института, затем преподавал по специальности»¹², – писал о геройском командире его товарищ А.М. Пасков.

В конце июля командующий Волховским фронтом ввел в сражение 379-ю и 165-ю стрелковые дивизии, сменившие на позициях 18-ю и 256-ю. Но и после этого наступление развивалось медленно. Каждый клочок земли приходилось брать с боем. За каждый уничтоженный дзот и взятую траншею наступающие войска платили большой кровью. В начале августа выяснилось слабое место в обороне противника в районе Поречья. После перегруппировки сюда были брошены основные силы 8-й армии. В ночь на 11 августа были введены в бой отдохнувшие и пополненные 256-я и 374-я стрелковые дивизии. С утра 12 августа советские войска при сильной артиллерийско-минометной поддержке начали обходить Поречье с севера и юга. Особенно умело действовали части 256-й стрелковой дивизии. К исходу дня вражеское сопротивление было сломлено и сильный узел обороны противника в Поречье занят советскими войсками. Но развить успех дальше не удалось, хотя командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков ввел в сражение из резерва 311-ю стрелковую дивизию. Противник тоже снял из-под Ленинграда две пехотные дивизии, 132-ю и 254-ю, и бросил их в бой в направлении Поречья¹³.

Начиная с 17 августа напряженность в ведении боевых действий начала убывать. Чувствовалась усталость войск, недостаток снарядов. Еще 12 августа прекратила вылеты авиация дальнего действия. Все говорило о том, что дальнейшее развитие операции без усиления главных группировок становится невозможным. Войска Ленинградского и Волховского фронтов в соответствии с директивой Ставки прекратили наступление и 22 августа перешли к жесткой обороне.

В процессе операции советские войска постоянно испытывали недостаток в боеприпасах, понесли большие потери, штурмуя хорошо укрепленные позиции врага без помощи танков и штурмовых орудий, без активной поддержки авиации. Все это истощило силы наступающих дивизий, и они остановились, не выполнив поставленную задачу. Однако войска

фронтов привлекли на себя значительные оперативные резервы противника, нанесли ему тяжелые потери. 17 августа артиллерия Волховского фронта, участвующая в сражении, исчерпала запас снарядов, отпущенных на операцию. Учитывая то, что войска устали и уже физически не могли наступать, фронтам пришлось прекратить наступление и перейти к обороне. В целом наступательные операции в феврале–марте и июле–августе, хотя и не достигли своей цели, все же решили главную задачу – не дали врагу осуществить планы по созданию нового кольца блокады Ленинграда. Противник не смог использовать силы группы армий «Север» на других направлениях. Как отмечалось на заседании Военного совета Волховского фронта, многие проблемы, связанные с необходимостью повышения эффективности применения артиллерии, танков, самоходно-артиллерийских установок, авиации и других средств, не были решены в должной мере, чем в значительной степени и объясняется затяжной характер наступательной операции¹⁴.

В ходе Мгинской операции, которая продолжалась с 22 июля по 22 августа 1943 г., безвозвратные потери Ленинградского и Волховского фронтов составили 20 890 человек, санитарные – 59 047 человек¹⁵. По среднесуточным потерям (2498 человек) она была одной из самых кровопролитных в истории битвы за Ленинград.

Главным результатом операции, безусловно, явился срыв задуманного немцами плана восстановления блокады Ленинграда. Кстати говоря, это был последний план. После Мгинской операции они уже не помышляли о блокаде, а тем более о штурме Ленинграда.

Вторым не менее важным результатом августовских боев северо-восточнее Мги явилось общее ослабление сил противника под Ленинградом. Более 10 пехотных дивизий, многие артиллерийские полки и дивизионы, а также различные подразделения, принимавшие участие в боях, понесли большие потери. В конце августа враг вынужден был отвести в тыл на переформирование 23, 11, 121, 132-ю пехотные дивизии и другие части.

В период проведения Мгинской наступательной операции войска Волховского и Ленинградского фронтов, по оценке Ставки, привлекли на себя значительные оперативные резервы противника, нанесли его войскам тяжелые потери. Воспользовавшись этим, 30-й гвардейский стрелковый корпус 67-й армии с 15 по 18 сентября выбил немцев из Синявина

и закрепил за собой Синявинские высоты. Своими действиями летом и осенью 1943 г. войска Волховского и Ленинградского фронтов сковали все резервы группы армий «Север». Немецкое командование не могло выделять силы для других направлений, оно было вынуждено снимать силы с пассивных участков фронта и перебрасывать их в район Мги, чтобы как-то сдерживать наступление советских войск.

В поисках свободных войск немецкое командование пошло на крайнюю меру – частичное сокращение линии фронта. Они решили пожертвовать Киришским плацдармом, который с таким упорством удерживали в течение двух лет, и вывести оттуда часть сил – около трех пехотных дивизий.

В ночь на 4 октября 1943 г. разведгруппа 311-й стрелковой дивизии 54-й армии, ведя поиск юго-восточнее Киришей, заметила переправу транспорта и артиллерийских полков на западный берег реки Волхов. Взятые в эту ночь пленные утверждали, что начался отвод войск с Киришского плацдарма на заранее подготовленные рубежи по реке Тигоде. На плацдарме остались отдельные части охранных батальонов. Командование фронта ждало этого момента. Поэтому, когда командующий 4-й армией генерал Н.И. Гусев, а затем и командующий 54-й армией генерал С.В. Рогинский доложили К.А. Мерецкову по телефону о движении войск противника на плацдарме, он приказал перейти к преследованию. В 5 часов утра усиленные передовые батальоны 311-й стрелковой дивизии без артиллерийской подготовки поднялись в атаку. Противник был захвачен врасплох. Передовая линия обороны немцев, которую советские войска не могли преодолеть в течение длительного времени, на этот раз была прорвана почти сразу. В прорыв были введены все силы 311-й стрелковой дивизии. Подразделения капитанов Ф.П. Евтушенко, С.И. Цветкова, А.Ф. Царева и Н.А. Свиридова, вырвавшись вперед, стремились обойти с фланга отходивших немцев. К исходу первого дня наступления 311-я стрелковая дивизия освободила населенные пункты Новые Кириши, Большое и Малое Мерятино, Осташкино, Дуброво. Части дивизии вплотную подошли к Ларионову Острову. На следующий день советские части освободили от противника Посадников Остров, Ирсу, станции Посадниково и Ирсу. 6 октября дивизия, преодолевая упорное сопротивление врага, освободила населенные пункты Драчево и Мягры и под сильным огнем противника подошла к деревням Жар и Березовик. Здесь немцы оборудовали хорошо укрепленную линию обороны с дзотами, окопами полного профиля,

проволочными заграждениями в 5–6 кольев. Вся полоса перед передним краем противника была заминирована, оборудована ловушками и другими инженерными средствами защиты. Начались упорные позиционные бои.

В ночь на 4 октября 1943 г. противник полностью покинул плацдарм, произвел дополнительные разрушения киришского железнодорожного моста, начал отход к реке Тигоде перед фронтом 44-й стрелковой дивизии 4-й армии. Немцы отходили с Киришского выступа до 8 октября. В течение этого времени наши войска, организовав подвижные отряды, преследовали их. Фронтальная авиация наносила по врагу бомбовые удары.

В течение пяти дней, используя службу заграждения и прикрываясь сильными арьергардами, немцы выбирались с плацдарма. Оттеснив врага к реке Тигоде, советские войска освободили 20 населенных пунктов, в том числе районный центр Новые Кириши и три железнодорожные станции. Конечно, отвод немецких войск с киришского плацдарма явился следствием всего хода событий на советско-германском фронте в 1943 году. Но толчком к нему, безусловно, послужила Мгинская наступательная операция.

Ссылки к главе 8

¹ Битва за Ленинград. Л., 1964. С. 280.

² *Мюллер-Гиллербранд Б.* Сухопутная армия Германии 1939–1945: Справочник. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003, С. 659.

³ *Митчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1999. С. 361.

⁴ *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1988. С. 331.

⁵ *Горков Ю.* Государственный Комитет Обороны постановляет. 1941–1945. Цифры. Документы. М., 2002. С. 376.

⁶ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5554, д. 737, л. 10.

⁷ На Волховском фронте 1941–1944 гг. М.: Наука, 1982. С. 59.

⁸ *Бычевский Б.В.* Город-фронт. Л., 1967. С. 287.

⁹ Битва за Ленинград. С. 280.

¹⁰ *Бычевский Б.В.* Указ. соч. С. 289.

¹¹ Там же.

¹² Архив музея истории города Волхова. Ф. 43, д. 2, л. 1–2.

¹³ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 35554, д. 737, л. 34; д. 675, л. 23.

¹⁴ ЦАМО РФ. Оп. 35554, д. 737, л. 34; д. 675, л. 23.

¹⁵ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 186.

ПОБЕДА ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Курской дуге в 1943 г. оказал прямое влияние на обстановку под Ленинградом. Командование группы армий «Север», испытывая острый недостаток в резервах, много внимания уделяло совершенствованию системы укреплений на северо-западном направлении, получившей название «Северный вал». С начала 1943 г. инженерные части вермахта начали быстрыми темпами создавать новую линию обороны в тылу своих войск под кодовым названием «Пантера», которая проходила по левому берегу реки Нарва, западным берегам Чудского и Псковского озер, а также через Псков, Остров, Идрицу, Осташков и далее на Белоруссию. Цель ее – не допустить наступления советских войск в сторону Прибалтики, откуда открывался прямой путь в Восточную Пруссию. Перед Волховским и Ленинградским фронтами противник подготовил две полосы обороны в тактической зоне и несколько промежуточных оборонительных рубежей в оперативной глубине. В целом инженерными подразделениями вермахта была создана мощная оборона глубиной до 230–250 км. Ее основу составляли опорные пункты и узлы сопротивления, насыщенные большим количеством артиллерийских и пулеметных железобетонных, броневых и деревянно-земляных укреплений для огневых точек. Они оборудовались во всех населенных пунктах, на господствующих высотах, перекрестках дорог, в рощах и имели разветвленную систему ходов сообщения, минных полей и проволочных заграждений. Наиболее сильно вражеская оборона была развита перед 59-й армией Волховского фронта и 42-й армией Ленинградского фронта, которым предстояло сыграть решающую роль в разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом¹.

Войска группы армий «Север» к началу января 1944 г. имели в своем составе 40 дивизий и 3 бригады, в которых

было 741 тыс. солдат и офицеров, свыше 10 тыс. орудий и минометов (без учета минометов калибра 51 мм, зенитных орудий и реактивных установок), 385 танков и штурмовых орудий и 370 боевых самолетов. В 18-й армии, оборонявшейся непосредственно под Ленинградом, находилось 19 дивизий и 2 бригады, которые насчитывали около 168 тыс. солдат и офицеров, 4,5 тыс. орудий и минометов и до 200 танков и штурмовых орудий². 16-я армия, которая действовала против 2-го Прибалтийского фронта, имела в своем составе 21 дивизию и 1 бригаду³.

Командование группы армий осуществляло ряд мероприятий по подготовке организованного отхода с занимаемых позиций в связи с неблагоприятно складывающейся обстановкой на советско-германском фронте. Был разработан план последовательного отвода войск на заранее подготовленные промежуточные и тыловые рубежи, эвакуированы в тыл вспомогательные части и учреждения, склады и базы⁴. «1944 год начался для Северного фронта тяжелыми заботами. Уже в первые недели января пришлось передать другим фронтам испытанные волховские 1-ю и 96-ю пехотные дивизии, сражавшиеся в этом районе с лета 1941 г., а также 254-ю дивизию, которая находилась здесь с перерывами, начиная с осени 1941 г. Угрожающее положение на юге, где русские прорвали фронт между группами армий «Юг» и «Центр», ожесточенные бои в полосе 16-й армии южнее озера Ильмень, натиск противника в Италии, партизанская война на Балканах и ожидание вторжения во Францию – все эти факторы говорили командованию 18-й армии, что на сколько-нибудь значительные резервы из других районов рассчитывать более не приходится.

Ясно было лишь то, что советские войска начнут наступать в обычное время – в середине января, и так же ясно было, что армия, ослабленная систематическим сокращением числа ее дивизий, не сможет противостоять этому наступлению. Ясно было и то, что Гитлер не дал согласия на своевременный планомерный отвод войск. Много «ясностей», но, к сожалению, одно лишь негативного свойства!

Следовательно, нужно было ориентироваться на то, чтобы в тяжелых боях пробить себе путь назад в условиях навязанных противником, и при этом попытаться хотя бы до некоторой степени контролировать темп отхода».

«С начала Восточного похода трагедия группы армий «Север» (а следовательно, и 18-й армии) состояла в том, что перед ней была поставлена задача большой политической важности

без сил, достаточных для ее выполнения», – говорится в «Дневнике военных действий» этой группы армий. Но разве это, в сущности, не было трагедией и вермахта великого германского рейха?

Двадцать одна (лишь условно боеспособная) дивизия теперь должна была выполнять задачу обороны, которую вплоть до осени 1943 г. при крайнем напряжении сил выполняла тридцать одна дивизия. Это далеко превосходило пределы возможного. Однако перед лицом иллюзий и упрямства Гитлера и вытекающих из них требований военное командование даже в высших инстанциях было бессильно.

Соединения здесь в последний раз стояли в порядке, хотя бы до некоторой степени соответствующем штатам военного времени», – писал Х. Польшман о ситуации немецкой армии под Ленинградом накануне наступления советских войск.

Сразу после неудачной Мгинской наступательной операции Военный совет Ленинградского фронта направил в Ставку предложения по дальнейшему ведению боевых действий. В частности, намечалось разгромить 18-ю армию как основу северного крыла восточного фронта и «не только окончательно освободить Ленинград, но и овладеть всем лужским плацдармом с выходом на рубеж р. Луга от устья до г. Луга, как предпосылки дальнейших действий на Прибалтику»⁵.

Военный совет Волховского фронта представил свои соображения в Ставку 14 сентября. В них предусматривалось смещение центра тяжести боев с мгинского направления в район Новгорода. Предлагалось нанести удар севернее Новгорода в направлении города Луги с целью расколоть группу армий «Север» на стыке 16-й и 18-й немецких армий, не допустить отхода основных сил 18-й армии на рубеж реки Луга и далее на линию Нарва, Порхов⁶.

В основе замысла командования Волховского и Ленинградского фронтов лежала идея нанесения согласованных ударов с севера и юго-востока в общем направлении на Лугу с целью окружения и решительного разгрома 18-й армии.

В составе Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, который принял полосу обороны вместо расформированного 20 ноября 1943 г. Северо-Западного фронта, имелось 1252 тыс. человек сухопутных войск, 20 183 орудия и миномета (без учета 50-мм минометов, зенитных орудий и реактивных установок), 1580 танков и самоходных артиллерийских установок и 1380 боевых самолетов (с учетом авиации дальнего действия и Ленинградской армии ПВО)⁷.

На направлении главного удара против 18-й армии действовали войска Ленинградского (без 23-й армии) и Волховского фронтов, где сосредотачивались основные силы и средства, выделяемые для разгрома группы армий «Север». Эти фронты насчитывали 716 тыс. солдат и офицеров, 12 165 орудий и минометов, 1132 танка и самоходно-артиллерийские установки и превосходили 18-ю армию более чем в четыре раза по численности личного состава, более чем в три раза по артиллерии и в шесть раз по танкам и САУ⁸.

В соответствии с замыслом Ставки ВГК командующий Ленинградским фронтом генерал-полковник Л.А. Говоров решил нанести по врагу два удара по сходящимся направлениям в общей нацеленности на Ропшу: с ораниенбаумского плацдарма силами 2-й ударной армии, которую скрытно перебросили на этот участок, и из района Ленинграда – с Пулковских высот силами 42-й армии. Соединившись в районе Ропши, они должны были развивать наступление в двух направлениях: Кингисепп – Нарва и Красногвардейск (Гатчина) – Луга.

67-я армия получила задачу активными действиями сковать силы врага на мгинском направлении и одновременно готовить удар в направлении Мга, Ульяновка, Красногвардейск (Гатчина), чтобы во взаимодействии с 8-й армией Волховского фронта окружить и уничтожить действовавшие в этом районе вражеские войска. 13-я воздушная армия, часть сил ВВС Краснознаменного Балтийского флота, авиации Ленинградской армии ПВО и дальнего действия имели задачу прикрывать наступление 2-й ударной и 42-й армий⁹.

Командующий Волховским фронтом принял решение нанести силами 59-й армии два удара в обход Новгорода: главный – с плацдарма на западном берегу Волхова, вспомогательный – из района юго-восточнее Новгорода через озеро Ильмень в общем направлении на Люболяды, разезд Нащи, чтобы окружить и уничтожить новгородскую группировку противника. В последующем эта армия должна была развивать наступление в западном и юго-западном направлениях, перерезать пути отхода войск 18-й армии на юг и юго-запад и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта завершить разгром ее сил. На войска 8-й и 54-й армий были возложены задачи активными действиями воспрепятствовать переброске сил противника из-под Тосно, Любани, Чудова на ленинградское и новгородское направления, в дальнейшем освободить Октябрьскую железную дорогу на участке Тосно – Чудово и наступать в направлении Любань, Луга. 14-я воздушная армия

Волховского фронта должна была основными силами поддержать 59-ю армию, наносившую главный удар.

Командование Ленинградского и Волховского фронтов планировало задействовать в предстоящей операции силы тринадцати партизанских бригад – около 35 тыс. человек, которые вели вооруженную борьбу против оккупантов на временно захваченной врагом территории Ленинградской области.

Такая была расстановка сил на северо-западном направлении накануне решающих сражений.

К началу января 1944 г. в составе Волховского фронта было 3 общевойсковые армии (8, 54, 59-я), 22 дивизии, 6 стрелковых бригад, два укрепрайона, 14 танковых бригад, 14 танковых и самоходно-артиллерийских полков и батальонов, одна артиллерийская дивизия, 5 артиллерийских и минометных бригад, 19 артиллерийских и минометных полков, две зенитные артиллерийские дивизии, 12 зенитных артиллерийских дивизионов и полков, 3 авиационные дивизии, необходимые инженерные силы и средства. Фронт имел 3633 орудия и миномета калибра 76 мм и выше, около 340 танков и САУ и 257 боевых самолетов (с учетом 73 истребителей и штурмовиков, прибывших в первые дни операции)¹⁰.

Наибольшее усиление получила 59-я армия. В ее состав были включены 9 стрелковых дивизий, одна стрелковая бригада, один укрепрайон и более 80 процентов средств усиления. Состав армии насчитывал 135 тыс. человек, более 2 тыс. орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 626 реактивных установок, в том числе 539 тяжелых М-130, 310 танков и САУ, среди которых было 44 тяжелых и 179 средних, а также 120 зенитных орудий 76 и 85 мм¹¹.

Войска армии прорывали вражескую оборону на участке 12,5 км – одна дивизия приходилась на 1,4 км. На одном километре было до 110 орудий и минометов, 20 танков и 1,5 саперной роты. В группу, наносившую вспомогательный удар через озеро Ильмень, были включены стрелковая бригада, стрелковый полк, лыжный батальон и два батальона аэросаней¹².

Разработка плана наступательной операции в полосе 59-й армии началась еще в сентябре¹³. В октябре в качестве основной цели наступательной операции, согласно директиве Волховского фронта, впервые был указан город Луга¹⁴. До этого цели предстоящей операции были более ограниченными. В документе, подписанном командующим Волховским фронтом К.А. Мерецковым, членом Военного совета Т.В. Штыковым и за начальника штаба генералом В.Я. Семеновым, говорилось,

что, по данным агентурной разведки и партизан, противник закончил в основном экономическую эвакуацию района к западу от реки Волхов до линии рек Нарва и Великая, то есть до оборонительной линии «Пантера». Во второй половине сентября и первой половине октября противник вел усиленные оборонительные работы на рубежах по рекам Луга, Нарва, Великая. В результате перегруппировки сил число немецких дивизий первой линии перед Волховским фронтом сократилось с шестнадцати до четырнадцати. В директиве фронта также указывалось, что внезапным ударом частей 4-й и 54-й армий противник отброшен из ряда районов Ленинградской области и что в ближайшее время следует ожидать последовательного вывода им своих войск и перед Волховским фронтом. Поэтому командующему 59-й армией приказывалось при первых же признаках ослабления противником своей обороны или начала отхода его войск быть в готовности перейти в решительное наступление и нанести главный удар с рубежа Любцы, Пахотная Горка в общем направлении на Подберезье, Люболяды и Новгород и далее через Батецкую на Лугу¹⁵. На направлении главного удара рекомендовалось использовать два стрелковых корпуса. На основании этого документа и была разработана директива командующего армией генерал-лейтенанта И.Т. Корвникова от 18 октября 1943 г., в которой сформулирована задача армии – развивать наступление в направлении на Лугу¹⁶. По предварительным указаниям штаба фронта 59-я армия должна была начать наступление в первых числах ноября, чтобы к празднику Великой Октябрьской социалистической революции – 7 ноября освободить Новгород. «Но наступление пришлось отложить. И вот почему. Противник по каким-то каналам узнал о готовящемся наступлении и однажды через свои радиоустановки передал об этом. Словом, мы утратили такой важный фактор, как внезапность. А это могло привести к напрасным потерям в людях и боевой технике и в конечном счете – к неудаче»¹⁷, – вспоминал бывший работник штаба 59-й армии И.С. Катышкин. Начало наступления было отложено.

31 декабря в 59-ю армию поступила новая директива Волховского фронта. В ней говорилось, что все прежние директивы фронта по подготовке наступления отменяются, и 59-й армии ставились более конкретные задачи в предстоящей операции¹⁸. Отмена прежних директив объяснялась тем, что на Волховском фронте изменилась обстановка. Противник, имевший в первой линии еще в августе 22 дивизии, в октябре –

14, к концу декабря оставил перед фронтом 11 дивизий. В директиве Волховского фронта от 31 декабря указывалось, что 59-я армия в составе ударной группировки войск фронта должна будет прорвать оборону противника на участке Любцы, Котовицы, разгромить на этом направлении немецкие войска и, овладев районом Батецкий, Шимск и Новгород, выйти на рубеж Луга, Клабуницы, Малый Уторгош. Главный удар силой четырех стрелковых дивизий из первого эшелона армии предлагалось нанести с фронта Любцы, Муравьи в общем направлении на Подберезье, Люболяды и далее через Батецкую на Лугу, обходя этот город с юго-запада. Вспомогательный удар планировалось нанести одной стрелковой дивизией с фронта через реку Волхов в общем направлении на Новгород. 2 января штаб 59-й армии разработал и разослал свою армейскую директиву в 6, 14 и 112-й стрелковые корпуса, а также во 2-ю стрелковую дивизию и 24-ю стрелковую бригаду¹⁹.

На заключительном этапе наступательной операции 59-я армия во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта должна была завершить полное окружение и разгром основных сил 18-й армии.

Войска Волховского фронта тщательно готовились к предстоящему наступлению. В дивизиях были сформированы маневренные штурмовые группы, в которые включили пехоту, танки, саперов. Им ставилась цель первыми преодолеть опорные пункты противника, преследовать отступающего врага, не давая закрепиться на промежуточных рубежах.

В последние дни перед наступлением заметно спали морозы, началась оттепель. Как вспоминал бывший командующий 59-й армией И.Т. Коровников, на рассвете 14 января начался снегопад, покрывший белой пеленой все вокруг. Ни о какой дополнительной пристрелке перед артподготовкой и применении орудий для стрельбы прямой наводкой по огневым средствам противника на переднем крае не могло быть и речи. Но к операции надо было приступать. Все войска фронта были в полной готовности и заняли исходное положение для наступления. Проведенная еще 13 января разведка боем в 59-й армии одной группой на чудовском направлении и тремя группами на участке планируемого прорыва севернее Новгорода убедила в достоверности данных о противнике²⁰.

Ровно в 9 часов 14 января началась артиллерийская подготовка, во время которой саперы делали проходы в заграждениях противника. За 50 минут до начала атаки на исходные позиции стали выдвигаться штурмовые группы и отряды

с танками. Начало сражения показало, что артподготовка была малоэффективной, а использование орудий для стрельбы прямой наводкой было невозможно из-за плохой видимости. Однако немцы восприняли ее несколько иначе. «Артподготовка русских, – рассказывал пленный офицер 561-го отдельного штрафного батальона, – была ужасающей и страшной. Вся наша оборона была поднята на воздух. Русская пехота очень быстро ворвалась в наши укрепления. В 3-й роте из 110 солдат и офицеров после артиллерийского огня и атаки русских было убито 40, ранено 29 и взято в плен 10 наших солдат и офицеров»²¹. В период артиллерийской подготовки было замечено, что немцы убегают с переднего края в глубь своей обороны. Поэтому отдельные подразделения поднялись за 15 минут до окончания артподготовки. За ними поднялся весь полк. Примеру бойцов последовал соседний 1254-й полк. Вместе с пехотой двинулись вперед и расчеты орудий, которые должны были вести огонь прямой наводкой. В результате части 378-й стрелковой дивизии почти без потерь захватили две линии вражеских траншей.

Однако далеко не все хорошо укрытые огневые точки противника во время артподготовки были подавлены. Они ожили, как только пехота поднялась в атаку, поэтому ее встретил хорошо организованный огонь обороняющихся, н атакующие части несли большие потери. Некоторые части задержались с атакой и не смогли ворваться в траншею противника вслед за огненным валом артиллерийского огня. Многие танки застряли в незамерзших или оттаявших болотах еще при подходе на исходные позиции и в атаке на позиции врага участия не принимали. Все это привело к тому, что к исходу дня соединения 6-го стрелкового корпуса, наносившие главный удар, за счет серьезных потерь смогли овладеть только первой траншеей противника и продвинуться вперед на один километр. «Войска 59-й армии с первых минут наступления натолкнулись на довольно организованное сопротивление противника, что не позволило нам добиться большего успеха»²², – вспоминал И.С. Катышкин. Стойкости, организованности и дисциплине немецких солдат советские воины противопоставили мужество, героизм и веру в победу. К исходу дня части первого эшелона 310-й стрелковой дивизии с боем вышли на восточный берег реки Питьба. Между тем на другом участке танки сопровождения 239-й дивизии были остановлены огнем неприятеля у незамерзающей топи на пологих берегах этой реки. И все-таки полк этой дивизии вышел на реку и захватил

плацдарм на ее противоположном берегу, что имело важное значение для развития прорыва на главном направлении. Воины наступающих частей дрались с большим упорством и храбростью. Старший лейтенант 38-го стрелкового полка с группой бойцов отбил три контратаки. Он лично уничтожил восемь солдат противника. Раненный в грудь офицер не покинул поле боя, а поддерживал бойцов до тех пор, пока не пал, сраженный пулей. На правом фланге 1082-го стрелкового полка, контратакованного противником, отличились семь бойцов во главе с командиром взвода М. Костиным. Немцы вплотную подошли к позиции, которую они защищали. Схватка шла отчаянная. У красноармейца Субакиева от перегрева ствола отказала винтовка. Тогда он бросил во врага гранаты и стал помогать пулеметчику Галиеву. Фашисты отступили, оставив на поле боя 30 убитых.

В ночь на 15 января саперы построили на реке Питьба переправу и обеспечили переброску на западный берег танков и артиллерии. Во время атаки отличились бойцы 1258-го полка 378-й стрелковой дивизии 14-го корпуса.

Особенно успешно действовала левофланговая группа 59-й армии под командованием генерала Т.А. Свиклина в составе 58-й отдельной стрелковой бригады, 299-го полка 255-й стрелковой дивизии, отдельного лыжного батальона и аэросанных батальонов, наступающая в обход Новгорода с юга. В ночь на 14 января она совершила марш по неокрепшему льду озера Ильмень и внезапно, без артиллерийской подготовки нанесла удар по врагу. Разгромив до двух батальонов противника, ударные части генерала Т.А. Свиклина прорвали оборону немцев на берегу озера и захватили ряд населенных пунктов. Немцы не ожидали удара через озеро Ильмень и вначале растерялись. Затем противник предпринял контратаки против прорвавшихся советских частей.

Вражеское командование, опасаясь удара в тыл своей новгородской группировки, перехвата войсками 59-й армии железной и шоссейной дорог Новгород – Шимск, начало переброску в район Новгорода резервов и частей с других участков фронта. Уже к вечеру 14 января против группы генерала Свиклина немцы бросили часть сил 24-й пехотной дивизии, оборонявшейся перед фронтом 67-й армии Ленинградского фронта. К Новгороду подтягивались части 290-й пехотной дивизии и кавалерийский полк СС «Норд».

Советское командование тоже усиливало южную группировку, которой командовал генерал-майор Т.А. Свиклин, 372-я

стрелковая дивизия получила приказ: совершить форсированный марш и в ночь на 16 января вступить в бой, развивая успех, достигнутый на участке южной группы. В невероятно трудных условиях автомобилисты, используя трофейные машины, перебросили авангард дивизии – 1240-й полк из района сосредоточения к озеру Ильмень. В сильную пургу в ночь на 16 января полк форсировал озеро Ильмень. К 11 часам утра 1-й и 2-й батальоны, составляющие первый эшелон, с ходу развернулись в боевой порядок. С криком «Ура!» воины дивизии пошли в атаку, но под сильным огнем противника вынуждены были залечь. Однако бойцы капитана Ф. Озерного бросились на штурм позиций немцев. Батальон броском преодолел открытое поле и выбил врага с занимаемого рубежа. Вечером 17 января подошли 1236-й и 1238-й полки, двигавшиеся пешим порядком. Одновременно с этими полками начал действовать и лыжный батальон. Ему было поручено атаковать Старую Мельницу с запада и совместно с подразделениями 1238-го полка захватить этот опорный пункт.

18 января части первого эшелона 372-й дивизии, перерезав дорогу Новгород – Шимск, закрепили достигнутый успех. В этот же день южнее Самокражи немецкие кавалеристы перешли в контрнаступление. Выйдя на озеро, они по льду вдоль берега стали заходить во фланг советским войскам. Свободных резервов у генерала Свиклина не было, а принимать меры к отражению атаки надо было немедленно. По существу, немецкие кавалеристы наступали по тылам советских войск, которые вели напряженные бои на плацдарме южнее Новгорода. Спасти положение помогли аэросанные батальоны. Один батальон нанес огневой удар по наступающим с тыла, другой – с фланга. Аэросани имели авиационные двигатели, как на самолетах У-2. Кавалеристы, услышав шум моторов, приготовились к отражению ударов с воздуха, думая, что их атакует советская авиация. В это время бронированные аэросани с пулеметами, используя встречный ветер и небольшой снегопад, приблизились к противнику на досягаемость пулеметного огня и дружно атаковали. Кавалеристы были рассеяны по озеру, многие провалились под неокрепший лед и погибли в водах озера. На берегу сражение принимало непредсказуемый характер. Подтягивая резервы, немцы непрерывно контратаковали. Населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Противнику удалось потеснить советские части за дорогу Новгород – Шимск. Однако к исходу 18 января после

отражения девяти контратак противника дивизия оседлала железную дорогу и шоссе Новгород – Шимск.

Стремясь использовать достигнутый южнее Новгорода успех, командующий 59-й армией И.Т. Коровников 15 января ввел в сражение на этом направлении одну дивизию второго эшелона, а также батальон броневых автомобилей, переданных из резерва фронта. Одновременно для развития успеха наметившегося прорыва севернее Новгорода в полосе наступления 239-й стрелковой дивизии в бой вступила 16-я танковая бригада с самоходно-артиллерийским полком, а затем и 65-я стрелковая дивизия. Наступающие войска поддержала авиация фронта.

В период разработки операции по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом штаб Ленинградского фронта учитывал силы и возможности партизанских соединений, которые действовали в тылу врага. Это была большая сила. К завершению партизанской войны на территории Ленинградской области в январе–феврале 1944 г. действовало 13 партизанских бригад, которые насчитывали в строю 24 449 бойцов. Они были костяком 35-тысячной армии народных мстителей, которые сражались с врагом на временно оккупированной территории. 23 декабря 1943 г. штаб Ленинградского фронта поставил перед Ленинградским штабом партизанского движения задачу активизировать действия партизанских соединений в тылу врага. 12 января 1944 г. за подписью начальника штаба Ленинградского фронта генерал-лейтенанта Гусева и начальника оперативного отдела генерал-майора Гвоздкова начальнику Ленинградского штаба партизанского движения М.Н. Никитину была направлена директива о развертывании боевых действий партизан на период наступления Красной Армии под Ленинградом. В ней ставились следующие задачи:

1. Воспретить оперативные перевозки противника по железной дороге Луга–Красногвардейск, Красногвардейск – Нарва, Гдов – Кингисепп.
2. Прервать проводимую работу связи противника путем систематической порчи проводов, подрыва телеграфных столбов вдоль железных и шоссейных дорог Нарва – Волосово, Гдов – Веймарн, Луга – Сиверская, Оредеж – Вырица, Кипень – Бегуницы – Кингисепп.

Оценивая огромный вклад партизан в разгром врага, 2 апреля 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР четырнадцати партизанам Ленинградской области за образцовое выполнение заданий командования в борьбе с немецко-

фашистскими захватчиками в тылу противника и проявленные при этом отвагу и геройство и за особые заслуги в организации партизанского движения было присвоено звание Героя Советского Союза. Более шести тысяч партизан были награждены орденами и медалями СССР.

Несмотря на сложные метеоусловия, не осталась на аэродромах и авиация Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота. В ночь перед наступлением 109 бомбардировщиков нанесли удар по позициям врага в районе Красного Села и поселка Беззаботный. Утром тишину Ораниенбаумского плацдарма нарушил грохот орудий и минометов. За 65 минут артиллерийской подготовки батареи фронта, береговой и корабельной артиллерии Краснознаменного Балтийского флота обрушили на врага более 100 тыс. снарядов и мин²³. Атака частей 2-й ударной армии генерал-лейтенанта И.И.Федюнинского началась в 10 часов 40 минут при поддержке морской авиации генерала М.И. Самохина.

«На заре 14 января, когда над землей, покрытой тонким слоем снега, еще лежала предутренняя дымка, с востока и с севера снаряды всех калибров с ревом и воем обрушились на фронт вокруг Ораниенбаумского плацдарма и изрыли воронками всю немецкую передовую. Ураганный огонь вели все батареи 2-й ударной армии, тяжелые береговые орудия Краснознаменного Балтийского флота, орудия линкора «Октябрьская революция», полузатопленного линкора «Марат» (переименованного в «Петропавловск») и стоящего на приколе недостроенного бывшего немецкого крейсера «Лютцов» (переименованного в «Полтаву»). Линкор «Марат» обстреливал позиции перед восточным фронтом Ораниенбаумского плацдарма, линкор «Октябрьская революция» вел огонь по передовой линии на южной окраине Ленинграда, а крейсер «Лютцов» обрушил огонь своих батарей на фронтовую линию в районе Синявина и Мги. Этот адский обстрел длился 65 минут. На окопы, позиции, блиндажи и другие укрытия обеих стоявших дивизий СС и обеих авиаполевых дивизий было сброшено 104 тыс. тонн снарядов.

После этого 2-я ударная армия перешла в наступление. В атаку двинулось пять ее стрелковых дивизий. Направление главного удара пришлось на стык 9-й и 10-й авиаполевых дивизий на шоссе Петергоф – Волосово. Когда был прорван фронт юго-западнее Коровина, за советской пехотой с целью расширить образовавшийся прорыв последовала 152-я танковая бригада. Сильно потрепанные ураганным огнем батальоны

обеих авиаполевых дивизий, разбившись на боевые группы, пытались обороняться, как могли. Однако у них уже не было окопов для защиты от осколков, не было блиндажей и артиллерийской поддержки. Речь могла идти лишь о том, чтобы как можно дороже продать свою жизнь. Дивизии были оттеснены друг от друга. К вечеру этого дня в немецком фронте образовалась брешь шириной до 14 километров.

Немецкие солдаты, находившиеся в разрушенных окопах и убежищах, противостояли превосходящему противнику со своими последними оставшимися в целости пулеметами и противотанковыми орудиями. Однако они не могли помешать советским дивизиям, и те к вечеру осуществили прорыв на глубину до 4 км.

Солдаты немецких дивизий, стоявших под Ленинградом, до глубокой ночи наблюдали огонь на фронте под Ораниенбаумом. Но на следующее утро геенна огненная разверзлась и над ними»²⁴, – писал о событиях под Ленинградом бывший солдат вермахта, а впоследствии военный историк В. Хаупт.

Командование 3-го танкового корпуса СС, оборонявшегося в полосе наступления 2-й ударной армии, преодолев замешательство, сумело наладить управление войсками и организовать сопротивление. Из неподавленных огневых точек противник обрушил шквал огня, предпринял несколько контратак силами подошедших резервов. Завязались ожесточенные бои. Лишь на третий день ценной большой крови, при активной поддержке авиации советским войскам удалось завершить прорыв главной полосы вражеской обороны и расширить его до 23 километров по фронту. Овладев ключевыми узлами дорог в районе Гостилицы, Дятлицы, стрелковые соединения первого эшелона пробивались на глубину 8–10 км и устремились к Ропше.

«15 января в 7 часов 20 минут утра ураганный огонь тысяч русских орудий и минометов обрушился на немецкие позиции и тылы непосредственно под Ленинградом. Час спустя началась массированная атака советских стрелковых дивизий 42-й армии при поддержке танков. Штурмовики и бомбардировщики, ныряя в облака дыма, сбрасывали бомбы и вели огонь из бортового оружия. Тяжелые батареи и корабельная артиллерия обстреливали глубокий тыл»²⁵, – так более сдержанно описывал начало сражения другой участник событий, командир немецкого полка Х. Польман.

В истории 170-й пехотной дивизии, ставшей знаменитой в германской армии после штурма Севастополя, события под

Ленинградом описаны так: «Разрывы мин и артиллерийских снарядов невозможно было различить в грохоте бомб, вое сталинских оръянов («катюш») и стрелявших из Кронштадта корабельных орудий. Около 8.20 утра огонь был перенесен в тыл, и советские роты и батальоны двинулись на разрушенные огнем окопы. В бою за передовую линию погибли командиры двух батальонов 391-го полка. Немногие еще сохранившие боеспособность солдаты, оставшиеся на передовой, имея в своем распоряжении только пулеметы и личное стрелковое оружие, сделали все, что могли. Они снова и снова отбивали накатывавшиеся на них волны наступавшего противника, хотя огонь тяжелых дивизионных батарей уже давно бил по их же собственной передовой и расположенному за ней противотанковому рву. ... Хотя остатки гренадерских рот уже получили приказ пробиваться, они частично повернули назад только тогда, когда противник находился уже перед первой отсечной позицией на линии полковых командных пунктов»²⁶.

За время артиллерийской подготовки по позициям врага было выпущено 220 тыс. снарядов и мин. Соединения 42-й армии генерала И.И. Масленникова при первой же атаке ворвались в окопы обороняющихся. Шли кровопролитные бои за командные пункты, деревни и перекрестки дорог. Жестокий бой длился весь день. Лишь вечером 30-му армейскому корпусу генерал-майора Симоняка удалось прорвать оборону на глубину до 2,6 км. Враг везде оказывал ожесточенное сопротивление, контратаковал, пытался вернуть утраченные позиции. 16 января немцы с трудом еще держались. Для них окончательно проявилось направление атак советских войск. В район Ропши и Красного Села немецкое командование бросило боевые группы. Сражение развивалось так стремительно, что уже вечером второго дня наступления Ропша и Красное Село оказались в зоне огня. Саперные подразделения 18-й немецкой армии открыли шлюзы в районе Дудергофа, и воды Дубового ручья разлились по открытой местности. Но советских воинов это не остановило. 42-я армия силами стрелковых дивизий атаковала противника вдоль железной дороги на юго-запад.

Прибывшая в район Красного Села 4-я добровольческая танково-гренадерская бригада СС «Нидерланды» вынуждена была отчаянно драться за свою жизнь. К исходу 17 января ленинградцы прорвали главную полосу вражеской обороны, продвинулись на 10 км и вклинились во вторую полосу. Появилась

возможность развивать наступление в направлении Ропши. В этот день германское командование, предвидя окружение своих войск, действовавших в районе Красного Села, Ропши и Урицка, начало отвод в южном направлении²⁷.

В этот же день, 17 января, войска 59-й армии завершили прорыв главной полосы вражеской обороны на фронте до 20 км и продвинулись вперед на 8 км²⁸. К этому времени части генерала Т.А. Свиклина прорвали оборону противника южнее Новгорода. Судьба новгородской группировки 18-й армии практически была решена.

Чтобы ликвидировать прорыв, немецкое командование начало переброску дополнительных сил под Новгород: из районов Мги и Чудова выдвигались части 21, 24-й пехотных дивизий, из-под Сольцев – 290-й пехотной дивизии, из района южнее Старой Руссы – батальоны 8-й легкопехотной дивизии. 17 января южнее Новгорода начала боевые действия 129-я пехотная дивизия, переброшенная на опасный участок фронта из района Тосно. Наступление советских войск развивалось медленно, что позволяло немецкому командованию умело маневрировать силами и средствами, собирая отдельные части на наиболее опасных участках и бросая их в контратаки.

Чтобы быстрее сломить сопротивление врага, 18 января в сражение были введены 112-й стрелковый корпус и 122-я танковая бригада. Они входили во второй эшелон 59-й армии²⁹. Им поставили задачу нанести удар в направлении Долгово, Финев Луг и совместно с войсками 54-й армии, вновь начавшей наступление на любанском направлении двумя днями раньше, разгромить любанско-чудовскую группировку врага. Этим ударом командующий 59-й армии хотел обезопасить правый фланг от возможных контрударов противника со стороны Финева Луга³⁰.

Почувствовав, что фронт не удастся удержать, немецкое командование дало приказ на отход новгородской группировки на Люболяды и Батецкую. К этому времени дорога, по которой могли отходить немецкие войска, уже находилась под огнем артиллерии 59-й армии. 18 января войска южной группы перехватили железную и шоссейную дороги на линии Новгород – Шимск.

В тот же день, 18 января, события под Ленинградом стали решающими в сражении. Советские стрелковые и танковые соединения утром захватили населенный пункт Константиновка, находившийся на стыке 126-й и 170-й пехотных дивизий. Вскоре противнику пришлось оставить бывшие казармы

царской гвардии в Кауппилово. 170-я пехотная дивизия была на грани разгрома. Несмотря на огромные потери, советские танки и пехота прорывались вперед. К концу дня они уже были на Дудергофских высотах. От сражающейся здесь 170-й пехотной дивизии осталась лишь маленькая кучка смертельно уставших, в большинстве своем раненых солдат. Но, надо отдать должное мужеству и стойкости противника, который не пал духом и продолжал сражаться. Полковник Гризбах собрал вокруг себя остатки 399-го гренадерского полка, 240-го истребительно-противотанкового дивизиона и штурмового отряда и пробился с ними в Красногвардейск (Гатчину). К ним присоединились части 2-го гренадерского полка 11-й пехотной дивизии. Эти боевые группы заняли круговую оборону в развалинах Красногвардейска (Гатчины) и удерживали позицию шесть дней. Именно эта группа обеспечила безопасный выход остатков 170-й пехотной дивизии из-под Ленинграда, других немецких частей и соединений из-под Синявина и Волхова. «Советские войска снова и снова пытались проникнуть в Красногвардейск, но гренадеры из Восточной Пруссии и Северной Германии не сдались даже тогда, когда на них натравили собак минно-розыскной службы. Боевая группа Гризбаха вырвалась из Красногвардейска только 26 января», – писал о тех событиях В. Хаупт.

К исходу 19 января соединения 6-го стрелкового корпуса Волховского фронта овладели разездом Нащи, перерезали железную дорогу, идущую из Новгорода на Батецкую. Вечером этого же дня из Красного Села по дорогам на Ропшу и Кингисепп двигались две колонны советских танков. Кингисеппское шоссе, казалось, было свободно от противника, и командир бригады полковник В.Л. Проценко вел танки вперед на хорошей скорости. Но у деревни Телези, на дороге, ведущей из Петергофа на Гатчину, танкисты заметили отходящую колонну немецкой пехоты с автомашинами и артиллерией. Бригада с ходу атаковала противника. Внезапный удар танкистов был ошеломляющим для ничего не подозревающих захватчиков. Страх парализовал их. Колонна была разгромлена без потерь для танкистов. А через некоторое время бригада полковника В.Л. Проценко в селе Русско-Высоцком соединилась с войсками 2-й ударной армии, наступающей с Ораниенбаумского плацдарма. Петергофско-стрельнинская группировка противника была окружена и уничтожена. В ее разгроме участвовали танкисты танковых бригад: 1-й – полковника В.И. Волкова,

30-й гвардейской – полковника В.В. Хрустицкого, 152-й – полковника А.З. Оскотского, 220-й полковника В.Л. Проценко.

Петергоф в день освобождения был в руинах. Советским воинам предстала удручающая картина разорения. Город, созданный трудом и талантом русских людей, украшенный произведениями лучших в мире скульпторов Леблана, Растрелли, Козловского, Прокофьева, Воронихина, был превращен немцами в руины. Летний дворец был разрушен, развален Большой грот и Львиный каскад. Захватчики похитили знаменитые статуи Самсона и Нептуна, для строительства блиндажей были вырублены вековые деревья, взорваны мостики. Советские воины покидали эти руины с чувством лютой ненависти к врагу. В схватках на поле боя они пленных не брали. Немцы это знали и сражались с отчаянием обреченных.

В ночь на 19 января командование 18-й немецкой армии приказало 50-му и 54-му армейским корпусам отходить. 9-я авиаполевая и 126-я пехотная дивизии были окружены севернее Красного Села. Передовая линия 170-й пехотной дивизии была прорвана, и ее части увлекли за собой стоявшую справа от нее 215-ю пехотную дивизию. Вызванные на этот участок фронта части 11-й и 61-й пехотных дивизий вообще не смогли развернуться в боевые порядки.

В истории 126-й пехотной дивизии говорится: «Около 20.00 из Кезелово было замечено, что временно утихший бой вдоль шоссе Красное Село – Кипень разгорелся с новой силой. Множество танков с грохотом и сильным огнем катилось на запад. Трассирующие снаряды показывали их путь от восточного острия наступательного клина к западному, и стало ясно, что кольцо вокруг дивизии замкнулось. Ее командир полковник Фишер без колебаний решил как можно скорее перегруппировать и прорвать кольцо окружения. Ночью в лихорадочной спешке заканчивались приготовления к маршу... Многие из того, что не требовалось непосредственно в бою, пришлось оставить. Чтобы преждевременно не вызывать подозрений противника, ничего не сжигали. Даже подрыв осадной артиллерии (к сожалению, раньше удалось вывести лишь ее часть) был ограничен минимумом...

Ровно в полночь южнее Кезелово все было готово к прорыву на Телези. В голове дивизии теперь находился 424-й гренадерский полк. Наступательный клин противника с обеих сторон поддерживали штурмовые орудия... Поле боя освещали трассирующие снаряды и горящие дома деревни Телези. Тот, кто пережил эти часы, никогда их не забудет, ибо на карту

было поставлено все». Большая часть 126-й пехотной и 9-й авиаполевой дивизий, а также 503-й дивизион береговой артиллерии прорвались. Тяжелое оружие, стационарные орудия, почти всех лошадей и все имущество пришлось оставить. Прорыв немецких частей в направлении Телези удался. Те, кто не мог уйти вместе со всеми, попали в плен. 19 января кольцо вокруг последних опорных пунктов района Петергоф – Урицк окончательно замкнулось. Встреча и соединение 2-й ударной и 42-й армий состоялись в районе Русско-Высоцкое. Этот момент был зафиксирован специальным актом непосредственно на поле боя. 48-я стрелковая дивизия 2-й ударной армии и 189-я дивизия 42-й армии создали единый фронт северо-восточнее Ропши. В плен было взято более 1000 солдат и офицеров противника, захвачено 265 орудий, в том числе 65 тяжелых. Первая цель советского наступления была достигнута – левый фланг 18-й немецкой армии разбит.

В 9 часов 30 минут 20 января части 191-й и 225-й дивизий 14-го стрелкового корпуса и 382-й дивизии 7-го стрелкового корпуса Волховского фронта в результате ночного боя освободили старинный русский город Новгород. Старший сержант Иван Калачев, сержант Михаил Карпушов и солдат Григорий Скулатов первыми оказались на площади перед кремлем. У постаментов разрушенного захватчиками памятника Ленину они развернули полевую рацию и передали сообщение: «Новгород наш!». Страшная картина предстала взору освободителей. В городе не оказалось ни одного жителя. Обойдя заминированные улицы и не найдя ни одного дома, где можно было бы разместиться, бойцы разбили палатки на месте вырубленного оккупантами Летнего сада. Этим же утром 6-й стрелковый корпус в районе Горынево соединился с войсками южной группы. Это привело к окружению, а затем и к уничтожению разрозненных групп из состава 28-й легкопехотной и 1-й авиаполевой дивизий, 24-й, 290-й, 121-й пехотных дивизий, 2-й бригады СС, 639-го учебно-полевого полка, кавалерийского полка СС «Норд», 561-го штрафного батальона и ряда специальных подразделений. С начала операции по день освобождения Новгорода наши войска захватили 182 орудия различных калибров, 120 минометов, 635 пулеметов, 263 автомашины и много другой техники. Кроме того, 178 орудий, 20 самоходок, 16 танков, 110 минометов, 365 пулеметов, 350 автомашин были брошены гитлеровцами в исправном состоянии³¹.

В освобожденном Новгороде работали саперы и специальные команды, которые очищали город от вражеских мин.

Только одно саперное подразделение майора Клемана за два дня после изгнания захватчиков сняло и обезвредило более 1000 мин и фугасов. Неразорвавшиеся снаряды, авиабомбы, фугасы, желтые бруски тола грузили на машины, увозили за город и там уничтожали. Похоронные команды убирали многочисленные трупы. Только из подвалов Грановитой палаты кремля минеры извлекли 70 тонн взрывчатки. Здание XV века уцелело чудом. Отступая, немецкие захватчики пытались уничтожить Грановитую палату. Когда советские бойцы ворвались в подвал, они услышали шипение – горели бикфордовы шнуры. Несколько секунд промедления могли оказаться роковыми: от здания Новгородского кремля осталась бы только груда развалин. Боец Помилуйко обрубил горящие шнуры и спас замечательный памятник древнего русского зодчества.

В итоге семидневных наступательных боев войска 59-й армии осуществили прорыв сильной обороны противника и продвинулись вперед на 20 км по фронту и до 50 км в глубину, создав хорошие предпосылки для развития дальнейшего наступления в западном и юго-западном направлениях. Было уничтожено более 15 тысяч солдат и офицеров вермахта, взято в плен 3 тысячи человек, 21 тягач, 26 складов с военным имуществом, много стрелкового оружия³².

Успехов добились войска 8-й и 54-й армий. Взломав вражескую оборону, они своими действиями сковали крупные силы противника. Соединения 8-й армии при содействии 18-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта 21 января освободили Мгу. К исходу дня, пройдя с боями 12 км, войска 8-й армии завязали бои на оборонительном рубеже немцев на левом берегу реки Мга и преодолели его. К исходу января они вышли на подступы к Тосно и Ушаки.

Дивизии 54-й армии овладели Любанью и к 29 января полностью очистили железную дорогу, связывающую Ленинград с Москвой. После потери Любани, Тосно и Чудова немецкое командование, опасаясь окружения своей группировки, действовавшей против 54-й армии, стало быстро отводить ее в направлении Луги. В связи с этим войска 54-й армии под командованием генерал-майора С.В. Рогинского перешли к преследованию противника по всей полосе наступления. Значительно выдвинувшись на юго-запад, к исходу 30 января они перерезали железные дороги Новгород–Ленинград и Чудово–Кингисепп.

После освобождения Новгорода 372-я стрелковая дивизия была передана в состав 7-го стрелкового корпуса 8-й армии.

Совершив тяжелый 25-километровый марш по труднопроходимому болоту, полки к 28 января вышли в район станции Передольская и с ходу включились в бой за Великое Село, Городец, Клабутицы.

Партизаны на всех направления наступления вели «рельсовую войну», атаковали вражеские гарнизоны, уничтожали линии связи противника. Военный совет Волховского фронта поставил перед ними задачу захватить станцию Передольская и удерживать ее до подхода частей Красной Армии. 27 января полки пятой партизанской бригады главными силами атаковали станцию и захватили ее, сломав ожесточенное сопротивление сильного гарнизона. Тотчас же партизаны радиовали в штаб Волховского фронта об успехе и просили поддержки. На помощь партизанам была брошена 7-я гвардейская танковая бригада. Немцы тоже не могли смириться с потерей станции и направили к Передольской с севера бронепоезд с десантом и пытались вновь овладеть станцией. Партизаны приняли бой. Вскоре подошли танки 7-й гвардейской танковой бригады генерал-майора Б.И. Шнейдера. Партизанские полки Чебыкина, Егорова и Пучкова совместно с частями Красной Армии полностью блокировали все железнодорожные и шоссейные дороги в округе, разгромили несколько гарнизонов противника в райцентрах. 372-я стрелковая дивизия прочно закрепилась в Передольской, сменив танкистов, которые устремились вперед на Оклюжье, в обход Луги с юга. Навстречу им выходили партизанские отряды, которые атаковали противника с тыла, не давали ему закрепиться на новых позициях.

В ночь на 20 января 1-я Ленинградская партизанская бригада под командованием М.В. Степанова, которая насчитывала в своих рядах 1255 бойцов, пятью отрядами атаковала участок железной дороги Псков – Карамышево. Партизаны трижды поднимались в атаку на засевших в дотах немцев и после ожесточенной схватки прорвались к железнодорожному полотну и взорвали мост через реку Кебь, остановив движение поездов противника на восемь суток.

3-я Ленинградская партизанская бригада под командованием И.В. Крылова, имевшая в составе 3155 бойцов, в ночь с 20 на 21 января провела сложнейшую операцию по разгрому участка железной дороги Карамышево–Порхов и гарнизона противника на станции Карамышево, где было 25 мощных огневых точек обороны.

В период с 14 января по 1 марта 1944 г. 2-я Ленинградская партизанская бригада под командованием Н.И. Синельникова

уничтожила шесть эшелонов врага, взорвала пять железнодорожных мостов, убила 2500 вражеских солдат и офицеров.

В ночь на 16 января 6-я Ленинградская партизанская бригада под командованием В.П. Объедкова совершила налет на станцию Мшинская, где было взорвано два склада боеприпасов и убито 60 гитлеровцев.

27 января начальник Ленинградского штаба партизанского движения М.Н. Никитин направил в партизанские бригады оперативный план боевой деятельности ленинградских партизан во взаимодействии с наступающими войсками Ленинградского фронта, утвержденный командующим фронтом Л.А. Говоровым. Партизанам ставилась задача основные удары наносить по железным дорогам с целью полностью парализовать перевозки войск и техники противника, разрушать мосты, придорожную связь на большаках и шоссе, препятствовать строительству оборонительных сооружений и попыткам организации переправ немецких войск через реки Луга и Нарва, нападать на противника с целью уничтожения военных объектов, складов, казарм, баз горючего и оказывать помощь частям Красной Армии при подходе к этим пунктам.

Партизаны справились с этой задачей. Противник ничего не мог сделать с народными мстителями, которые сильно усложнили работу тыла группы армий «Север», которая под ударами советских войск отступала в Прибалтику.

Потерпев поражение на флангах, 18-я немецкая армия начала отходить в центре, перед позициями 67-й армии Ленинградского фронта, а также 8-й и 54-й армий Волховского фронта. Сдерживая натиск в центре, противник начал перебрасывать резервы на новгородское направление, чтобы ликвидировать опасный прорыв. Командование Волховского фронта приняло меры с целью устранить возникшую опасность со стороны противника. Был отдан приказ о переходе в решительное наступление по всему фронту, чтобы сковать силы немцев, не дать им маневрировать резервами. 8-я армия генерал-лейтенанта Ф.Н. Старикова и 67-я армия ленинградцев согласованными действиями преодолели сопротивление противника и штурмом взяли железнодорожный узел Мга, а несколько позднее – Тосно. 54-я армия генерал-лейтенанта С.В. Рогинского овладела селением Грузино, но затем ее продвижение застопорилось.

Немцы, отойдя до линии железной дороги Нарва – Тосно, дальше отступать не собирались. Крупный выступ их фронта

на востоке в районе Любань – Чудово – Финев Луг они намеревались отстоять до конца. Фланги выступа оборонялись на севере испанской дивизией, а на юге – 15-й дивизией СС. В центре у противника были сосредоточены закаленные в боях 12, 21-я стрелковые дивизии и 13-я авиаполевая дивизия, получившие приказ сражаться до последнего патрона.

В новых условиях была проведена серьезная перегруппировка войск Волховского фронта. С разрешения Ставки 25 января соединения 8-й армии были переподчинены 54-й армии, что сразу усилило ее мощь и позволило взломать любанско-чудовские узлы сопротивления. При этом весь Волховский фронт сдвинулся к югу, а его участок в направлении на Вырицу заняла 67-я армия Ленинградского фронта, который тоже сдвинулся к югу. Управление 8-й армии было переведено в район к западу от Новгорода. Из 59-й армии ему были переданы 7-й и 14-й стрелковые корпуса. Таким образом, 8-я армия в новом составе из крайне правой на Волховском фронте стала крайне левой и начала наступление на запад. 59-я армия сосредоточила свои усилия в направлении на Батецкую и Лугу. Перегруппировка позволила Волховскому фронту улучшить управление войсками, сконцентрировать силы и средства для дальнейшего развития наступления.

29 января гитлеровская ставка, пытаясь спасти положение на фронте группы армий «Север», заменила командующего генерал-фельдмаршала Кюхлера «специалистом по стратегической обороне» генерал-полковником Моделем. Крепкий и энергичный генерал-полковник, который находился в Пскове, изучив в штабе группы армий «Север» карту и оперативные сводки с фронта, одобрил распоряжения своего предшественника. Моделль приказал войскам отходить на Лужскую позицию. Он намеревался дать решительный отпор советским войскам на том рубеже, который они с такой яростью и отвагой отстаивали летом 1941 г., преграждая путь немецким танкам к Ленинграду.

Разбитые и распавшиеся дивизии 3-го корпуса СС с тяжелыми боями отходили к Нарве. Дивизии, стоявшие под Ленинградом, под ударами советских войск пятились к Пскову. Фронт 18-й армии под давлением наступающих войск находился в движении, навязанном ему противником. Обе его угловые опоры – Ораниенбаум и Новгород – рухнули. «Чтобы не погибнуть в водовороте, из которого никто не мог выбраться, армия не должна была останавливаться!» – писал В. Хаупт. Оба фланга 18-й армии обнажились. Советские дивизии,

хорошо оснащенные подвижными танковыми соединениями и лыжными частями, безостановочно наносили удары по отступающим, не давая им ни малейшей передышки.

Намерение командования группы армий «Север» удержать фронт в районе Луги оказалось невыполнимым. Главной группировке пришлось в тяжелых арьергардных боях пробиваться на позиции оборонительной линии «Пантера» южнее озера Пейпус.

Чтобы затормозить продвижение 8-й армии Волховского фронта к Уторгошу, фашисты создали на стыке своих 16-й и 18-й армий оперативную группу войск генерала Фриснера, подчинявшегося непосредственно Моделю. К началу февраля противник сосредоточил в районе Луги большие силы и нанес контрудары со стороны Луги через Великое Село силами 12-й танковой и 285-й охранной дивизий; со стороны Уторгоша и Турской Горки – силами 121-й пехотной дивизии. В результате 256-я стрелковая дивизия и 2-й батальон 1240-го полка со спецподразделениями, 1238-й полк и один батальон 372-й стрелковой дивизии оказались в окружении. Все они объединились под командованием командира 256-й стрелковой дивизии полковника А.Г. Козиева. Одиннадцать суток, с 5 по 16 февраля, продолжались бои в окружении. Все старания противника уничтожить советские части оказались напрасными. В ночь на 16 февраля, организуя взаимодействие с передовыми частями наступающего 99-го стрелкового корпуса, группа Козиева дерзким ударом прорвала кольцо.

В связи с тем, что наступающий слева от Волховского фронта 2-й Прибалтийский фронт отставал, немцы воспользовались благоприятной для себя ситуацией. Фриснер бросил против наступающих советских войск 121-ю пехотную, 12-ю танковую и 285-ю охранную дивизии и сумел отрезать от главных сил 7-й стрелковый корпус 8-й армии. В окружении оказались 256-я стрелковая дивизия А.Г. Козиева, часть 372-й стрелковой дивизии и полк партизан. Отважный, решительный полковник Козиев принял на себя командование стихийно возникшей группировкой. Фронтная авиация наладила снабжение окруженной группировки продовольствием и боеприпасами. В течение 12 дней немцы тщетно пытались ликвидировать взятые ими в кольцо советские части. Они не сумели даже рассечь группировку, хотя неоднократно предпринимали яростные атаки. А когда фронт пробил кольцо окружения, воины и партизаны под командованием Козиева тотчас включились

в общее наступление. За проявленные мужество и героизм в тяжелейшей ситуации полковник А.Г. Козиев был удостоен звания Героя Советского Союза.

«Достигнув линии Луга – Нарва, 18-я армия оставила Волховский район. 900 дней борьбы за Ленинград, начавшейся в августе 1941 г. с такими большими надеждами, окончились. Если начало этого периода ознаменовалось неожиданным отказом Гитлера от почти реально осуществимого захвата Ленинграда, то теперь его конец был отмечен тем, что фюрер наложил запрет на своевременное отступление, которого добивалась группа армий «Север».

Теперь этот отход навязали во много раз превосходящие силы противника. По плану советского командования, он должен был, в сущности, привести к уничтожению 18-й армии в котле среди болотистых лесов между Волховом, Ленинградом и Лугой. То, что эту катастрофу удалось предотвратить, было заслугой командиров всех рангов, которые, невзирая на лишения и опасности, выказали осмотрительность и мастерство в самых неожиданных условиях, а также заслугой солдат, которые достойными подражания стойкостью и упорством, боеготовностью и чувством товарищества, сделали невозможное возможным. Все они, пехотинцы и рядовые мотопехоты, саперы и артиллеристы, танкисты и истребители танков, связисты и санитары, шоферы и ездовые, зенитчики и летчики, солдаты частей СС и одетые в синюю форму железнодорожники; немцы из всех земель, испанцы, фламандцы, голландцы, датчане, латыши и эстонцы, а также добровольные помощники из числа местных жителей и военнопленных, отдали все свои силы и понесли тяжелые потери. Здесь, на севере, они боролись не против русских и русского народа, а против большевизма, который угрожал свободе Центральной и Восточной Европы.

Теперь они покинули район между Волховом, Ладожским озером и Кронштадтом, район, в котором они выиграли столько сражений, покинули, проиграв, хотя и не по своей вине, последнее сражение. Поэтому они нашли в себе силы еще 14 месяцев продолжать борьбу в Прибалтике. Позади остались бесчисленные могилы товарищей, которые скоро будут сровнены с землей; позади остались нетранспортабельные раненые под присмотром самоотверженных врачей и санитаров; и относительно небольшое число пленных, которым превосходящие силы противника отрезали путь назад; осталось, наконец,

и много непригодной военной техники, которую из-за плохих дорог и недостатка транспорта нельзя было увезти с собой. Позади осталась и часть их души, ибо каждый, кто сражался и терпел лишения здесь, на Волхове, никогда в жизни его не забудет, как бы ни проклинал он горечь поражения и тяготы войны», – писал в своей книге «Волхов. 900 дней боев за Ленинград 1941–1944» полковник вермахта Х. Польшман.

Этот солдат третьего рейха, написавший после войны одну из самых правдивых книг о боях на внешнем фронте блокады Ленинграда, так ничего и не понял. Освободители, которых никто не звал, не приходят в чужую страну с виселицами, расстрельными командами, специальными подразделениями, которые грабили музеи, разрушали уникальные памятники, забирали у населения продовольствие и материальные ценности на предприятиях. Немецкие войска вели себя на захваченных советских территориях, как грабители и насильники, которые пришли не «освободить», а уничтожить города и села, завоевывать «жизненное пространство». Испокон веку таких «освободителей» русский народ всегда встречал вилами. На борьбу с немецко-фашистскими захватчиками поднялась вся страна. И за Победу – одну для всех – заплатили дорогой ценой. Как бы тяжело не было, как бы не была велика горечь утрат, советский народ выстоял и победил. И в эту победу внесли достойный вклад воины Красной Армии, которые сражались за Ленинград на фронте от Ладоги до озера Ильмень. На завершающем этапе сражения по разгрому захватчиков под Ленинградом войска 59-й, 8-й, 54-й армий Волховского фронта вышли на рубеж южнее Луги, продвинувшись вперед правым крылом на лужском направлении на 100 км, а левым – до 50 км. В ходе операции полоса наступления Волховского фронта становилась все уже. На завершающем этапе она не превышала 80 километров. В этих условиях Ставка ВГК посчитала, что Волховский фронт выполнил свою задачу. 15 февраля 1944 г. он был расформирован. Части трех общевойсковых армий, а также 14-я воздушная армия передавались в состав Ленинградского фронта. И это тоже закономерно. В сражении за Ленинград «болотные солдаты» Волховского фронта всегда осознавали себя ленинградцами. Они гордились тем, что принимали самое активное участие в защите Ленинграда, не дали замкнуть второе кольцо блокады и участвовали в разгроме одной из сильнейших в немецкой армии боевых группировок – группы армий «Север».

Ссылки к главе 9

- ¹ История второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М., 1977. Т. 8. С. 115.
- ² Там же. С. 116.
- ³ Там же.
- ⁴ *Haapt W.* Heeresgruppe Nord 1941–1944. Bad Nauheim, 1966. S. 235–236.
- ⁵ Битва за Ленинград. 1941–1944. М., 1964. С. 300.
- ⁶ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 89, д. 2218, л. 1–5.
- ⁷ История второй мировой войны 1941–1945. Т. 8. С. 120.
- ⁸ Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. III. С. 64.
- ⁹ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 8. С. 117.
- ¹⁰ На Волховском фронте 1941–1944 гг. М., 1982. С. 64.
- ¹¹ ЦАМО РФ, ф. 416, оп. 10453, д. 8, л. 20.
- ¹² *Коровников И.Т.* На трех фронтах: боевой путь 59-й армии. М., 1974. С. 92.
- ¹³ ЦАМО РФ, ф. 416, оп. 10437, д. 395, л. 68.
- ¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 416, оп. 10437, д. 395, л. 111–114.
- ¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 416, оп. 10437, д. 395, л. 112.
- ¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 416, оп. 10437, д. 395, л. 117.
- ¹⁷ *Катышкин И.С.* Служили мы в штабе армейском. М.: Воениздат, 1979. С. 67.
- ¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 416, оп. 10437, д. 499, л. 1–6.
- ¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 416, оп. 10437, д. 512, л. 3–11.
- ²⁰ *Коровников И.Т.* Указ. соч. С. 95.
- ²¹ *Коровников И.* На направлении главного удара // На берегах Волхова. Л., 1967. С. 38.
- ²² *Катышкин И.С.* Указ. соч. С. 86.
- ²³ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1265, д. 1117, л. 15–19.
- ²⁴ Конец Ленинградской блокады глазами немцев // Звезда. 1994. № 1. С. 118.
- ²⁵ Там же. С. 119.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 8. С. 122.
- ²⁸ Битва за Ленинград. С. 345, 346.
- ²⁹ На Волховском фронте. М., 1982. С. 67.
- ³⁰ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 89, д. 2189, л. 176, 178.
- ³¹ *Коровников И.Т.* На направлении главного удара. С. 42.
- ³² ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 89, д. 2218, л. 30, 178.

Время все дальше отодвигает от нас события Великой Отечественной войны. Я стою у мемориала павшим героям на Синявинских высотах и вглядываюсь в лица людей, отдавших жизнь за Родину, которые добрыми глазами смотрят с фотографий, замурованных в стену скорби. Рядом в овраге печально журчит ручей. Говорят, что его питают слезы матерей, жен и детей, которые потеряли на войне своих близких. Высоко к небу поднялись березы. Своими кудрявыми ветвями оберегают они вечный сон героев. По Синявинским высотам проходила линия фронта. На этом небольшом клочке земли ожесточенные бои велись на протяжении почти трех лет. Здесь покоится прах десятков тысяч советских воинов, павших в битве за Ленинград. Сколько их, неизвестных до сих пор, лежит в болотах вокруг этих высот – никто не знает.

Наверное, много, потому что каждый год на мемориале, благодаря работе поисковых отрядов, появляются новые захоронения. Каждый год поисковые отряды выходят в поле, а вернее сказать, в залитые водой торфяники, чтобы вернуть из болота беспмятства павших за Родину бойцов Красной Армии. Они достойны того, чтобы быть погребенными со всеми воинскими почестями.

В лесах и болотах под Мясным Бором в Новгородской области, где сражалась и умирала 2-я ударная армия, уже пятнадцать лет работает поисковый отряд «Долина». Они подняли из забвения и по-человечески похоронили около 60 тысяч бойцов и командиров Красной Армии, которые предпочли смерть в бою вражескому плену. Как эти цифры разнятся с официальными данными потерь!

Не зря говорят, что у войны своя бухгалтерия. До сих пор никто не может назвать точную цифру погибших на Невском

«пяточке», во время первой и второй Синявинских операций, под Тихвином, Киришами и Волховом. Число потерь на протяжении всей войны сознательно занижалось, чтобы, не дай Бог, не дать повод кому-то усомниться в правильности мудрых решений «вождя народов» или полководческих талантах его генералов. Да, мы выиграли войну, добились победы над сильным и опасным врагом. За ценой, как поется в песне, не постояли. Но жизнь показывает, что российская армия не сделала выводов из суровых уроков Великой Отечественной ни в деле подготовки новобранцев, ни в оснащении современным оружием и техникой, ни в боевом совершенствовании командиров. Чечня это доказала.

Спустя шестьдесят лет после войны на полях былых сражений остаются десятки тысяч непогребенных солдат. В южном Приладожье их особенно много. Значит, война еще не окончена, рано ставить точку. Каждую весну земля обнажает останки павших в войну воинов, их выпахивают тракторами во время проведения весенне-полевых работ, находят в болотах и лесах. Государство в этом вопросе умыло руки, оставив заботу поиска и захоронения погибших в годы Великой Отечественной войны студентам и школьникам, молодым рабочим из числа добровольных поисковых отрядов. А если бы их не было? Трудно представить всю картину лицемерия и порочности облеченных властью государственных мужей, которые на словах выступают за военно-патриотическое воспитание молодежи, а на деле вольно или невольно способствуют насаждению беспамятства, равнодушия не только к мертвым героям, но и к живым участникам Великой Отечественной войны.

Как написал бывший солдат 54-й армии, участник боев за Ленинград Н.Н. Никулин: «Вопрос о солдатских могилах – лишь малая часть общей большой проблемы возрождения нравственных ценностей и человечности, утраченных в нашей стране за последние 70 лет. В отношении к погибшим выражаются жестокость, инертность и бездушие, охватившие наше общество. Либо мы преодолеем это, восстановим нравственные основы, либо перед нами возникает черная дыра одичания». Симптомы этого одичания проявляются в виде нашествий мародеров на поля былых сражений, черных следопытов, занимающихся поиском оружия и военной символики, «коллекционеров» черепов из разрытых захоронений.

К счастью, их не так много, чтобы говорить об устойчивом явлении. В большинстве своем российские семьи хранят добрую память о погибших на войне близких и далеких родственниках. Не зная точных мест захоронений своих близких, они каждый День Победы вместе с детьми и внуками идут на братские захоронения, чтобы поклониться всем павшим за Родину.

...В ветреную погоду на Сиявинских высотах шумят березы. Среди ветвей слышатся тихие звуки родных напевов, которые стелятся над бывшим полем брани. В них скорбь и радость, тоска и гордость...

Спите, герои. Мы помним о вас.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Вступ ление	11
<i>Глава первая.</i> Вторжение	23
<i>Глава вторая.</i> Приказано наступать	67
<i>Глава третья.</i> Напряжение сил	87
<i>Глава четвертая.</i> Первая победа	140
<i>Глава пятая.</i> Любанская трагедия	170
<i>Глава шестая.</i> Ладожское сражение	213
<i>Глава седьмая.</i> Операция «Искра»	236
<i>Глава восьмая.</i> Мгинская операция	263
<i>Глава девятая.</i> Победа под Ленинградом	272
З а к л ю ч е н и е	298

Сяков Ю.А.

С 99 **Неизвестные солдаты. Сражения на внешнем фронте блокады Ленинграда.** – СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004.– 302 с.
ISBN 5-7320-0784-9

(Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской обл.).
3000 экз.

Книга раскрывает роль и значение для осажденного Ленинграда сражений на внешнем фронте блокады.

В основе книги лежат архивные документы, воспоминания участников событий, мемуары, немецкие источники. Они позволяют с большой достоверностью показать драматическую картину малоизвестных до сих пор событий Великой Отечественной войны, которые разворачивались на востоке Ленинградской области от южного побережья Ладожского озера до Новгорода.

Некоторые авторские оценки событий и личностей не всегда совпадают с общепринятыми, по-новому раскрывают значение боев на внешнем фронте блокады в битве за Ленинград, что свидетельствует о новом подходе к исследованию истории Великой Отечественной войны.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3(2)+66.2

I SBN 5-7320-0784-9

9 785732 007848

СЯКОВ

Юрий Александрович

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Сражения на внешнем фронте блокады Ленинграда

Заведующая редакцией А. И. Сергеева
Редактор А. В. Доброва
Художник С. В. Алексеев
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор О. Л. Графинина
Компьютерная верстка М. П. Жуковой

ЛР № 030800 от 19.01.98

Подписано к печати 8.10.2004 г. Формат 60×88¹/₁₆. Гарнитура Petersburg.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0 + 2 тетради на мелов. бум.
Уч.-изд. л. 19,0+2,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 1177

Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей,
экономики и права

191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 42

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906»
195299, Санкт-Петербург, ул. Киришская, д. 2

